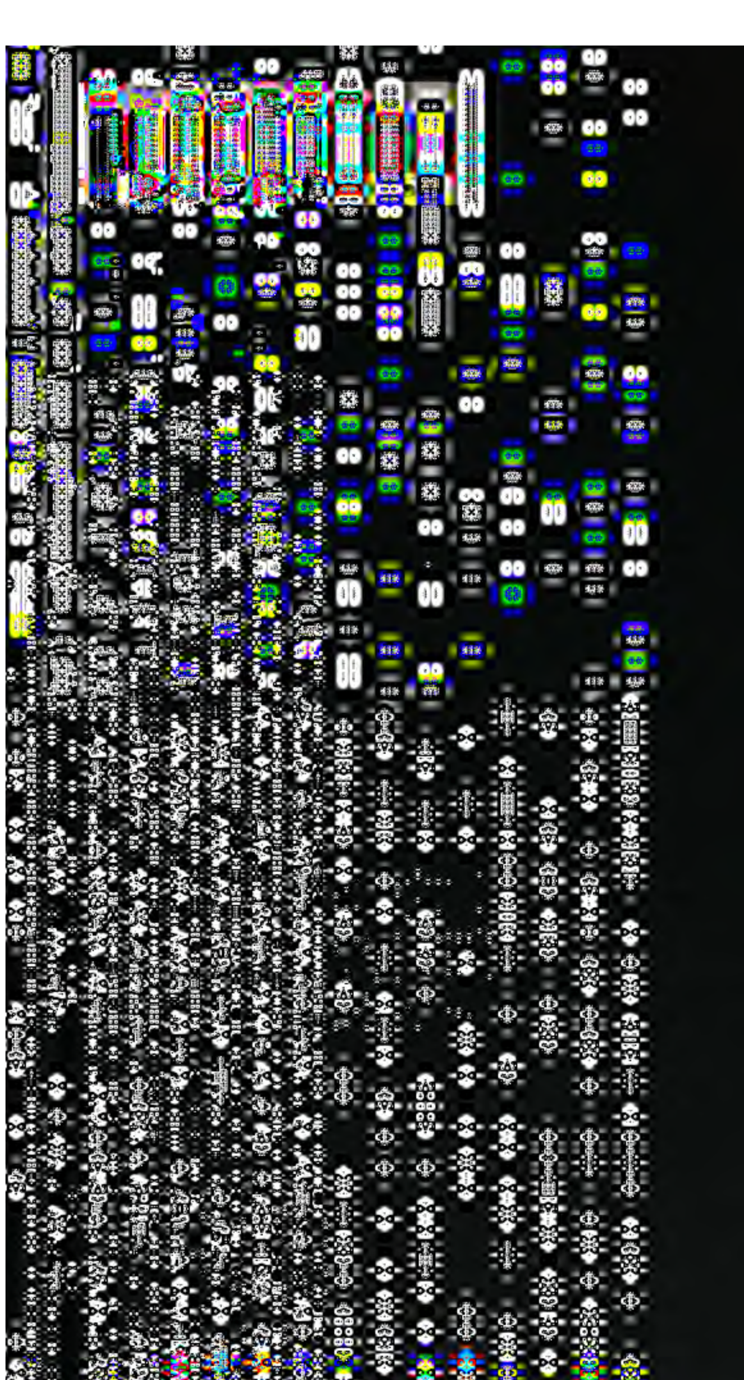
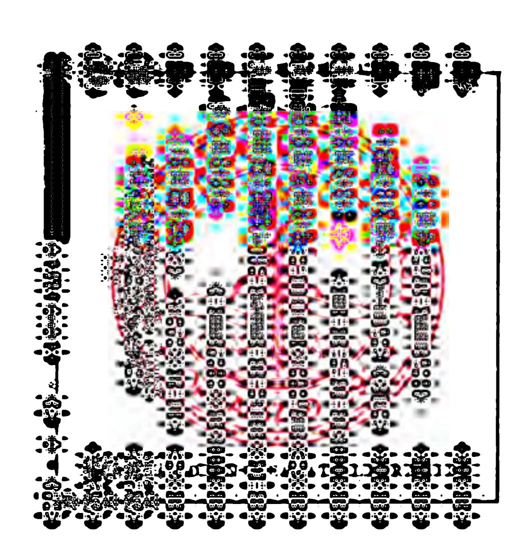
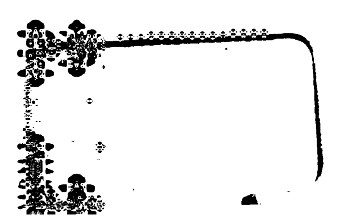

Л. Н. МАЙКОВЪ

ОЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XVII И XVIII СТОЛѢТІЙ

Симеонъ Полоцкій. — Одна изъ русскихъ повѣстей Петровскаго времени. — Къ характеристикѣ Ломоносова какъ ученаго. — В. И. Майковъ. — Литературныя мелочи Екатерининскаго времени. — Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе А. С. СУВОРИНА
1889.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XVII И XVIII СТОЛѢТІЙ

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2

ОТЪ АВТОРА.

Издаваемый сборникъ содержитъ въ себѣ нѣсколько монографическихъ очерковъ изъ исторіи русской литературы двухъ послѣднихъ столѣтій. Никакой непосредственной связи между отдѣльными статьями сборника нѣтъ, кромѣ той, что онѣ вышли изъ-подъ одного пера. Въ выборѣ содержанія для очерковъ я не руководствовался никакою особенною цѣлью, какъ, напримѣръ, тою, чтобъ изобразить главные моменты нашего литературнаго развитія въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ; тѣмъ не менѣе позволяю себѣ думать, что мнѣ удалось намѣтить, въ отдѣльныхъ примѣрахъ, нѣкоторыя существенныя черты этого развитія.

Статьи, вошедшія въ настоящій сборникъ, написаны въ разное время, въ теченіе двадцати лѣтъ, и были уже напечатаны въ разныхъ періодическихъ и другихъ изданіяхъ. Издавая ихъ вновь, я счелъ долгомъ переработать ихъ сообразно современному состоянію свѣдѣній о тѣхъ предметахъ, о которыхъ въ нихъ идетъ рѣчь. При этомъ, однако. слѣдуетъ сдѣлать кое-какія оговорки.

Самая обширная изъ статей настоящаго сборника — о Симеонѣ Полоцкомъ — была напечатана въ 1875 году въ журналѣ Древняя и Новая Россія. Послѣ того появились два новыя сочиненія объ этомъ писателѣ: 1) Симеонъ Полоцкій какъ проповѣдникъ. Изслѣдованіе В. Попова. Москва. 1886, и 2) Симеонъ Полоцкій (его жизнь и дѣятельность). Опытъ изслѣдованія изъ исторіи просвѣщенія и внутренней цер-

ковной жизни во вторую половину XVII вѣка. Іероѳея Татарскаго. Москва. 1886. Г. Попову, по видимому, осталась неизвѣстною статья, помѣщенная въ Древней и Новой Россіи; еслибъ онъ взялъ на себя трудъ ознакомиться съ нею, то, быть можетъ, не повторилъ бы въ своемъ любопытномъ изслѣдованіи нѣкоторыхъ неточныхъ извѣстій, встрѣчающихся въ старинныхъ біографіяхъ Симеона. Что касается г. Татарскаго, то онъ тщательно провѣрилъ содержаніе моей статьи по подлиннымъ рукописямъ Симеона, которыя хранятся въ Московской синодальной библіотекѣ, и съ которыми я, къ сожалѣнію, не былъ знакомъ, когда писалъ о Полоцкомъ въ 1875 году. Мнѣ очень пріятно заявить здѣсь, что эта провѣрка подтвердила точность фактовъ и вѣрность соображеній, изложенныхъ въ моей статьѣ, такъ что г. Татарскій могъ воспользоваться ею, какъ руководящимъ пособіемъ, въ своей магистерской диссертаціи; такое вниманіе къ моему труду было для меня тѣмъ неожиданнѣе, что г. Татарскій вовсе не упоминаетъ о моей статьѣ въ своей книгѣ. Охотно признаю, что „опытомъ" г. Татарскаго пополненъ запасъ свѣдѣній о Симеонѣ Полоцкомъ; но, какъ видно изъ сказаннаго выше, мнѣ уже не приходилось брать какія-либо дополненія изъ этого „опыта". За то въ нынѣшнемъ своемъ видѣ статья моя о Симеонѣ Полоцкомъ снабжена новыми данными изъ рукописныхъ источниковъ, съ которыми мнѣ удалось познакомиться послѣ 1875 года.

Статья о повѣсти Петровскаго времени вызвала, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, важныя замѣчанія со стороны А. Н. Пыпина. Въ первомъ приложеніи къ настоящей перепечаткѣ этой статьи я представляю свое объясненіе по вопросу, возбужденному моимъ почтеннымъ оппонентомъ.

Статья „Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики" написана по поводу извѣстнаго труда А. Н. Неустроева о нашихъ періодическихъ изданіяхъ XVIII вѣка. Въ настоящее время она можетъ имѣть значеніе не какъ разборъ этой въ высшей степени полезной книги, а какъ дополненіе къ ней; поэтому въ статью эту я ввелъ указанія и на такія изслѣдованія, которыя появились послѣ труда г. Неустроева.

Считаю нужнымъ упомянуть, что цитаты, приводимыя мною изъ рукописей, всѣ вновь провѣрены по подлинникамъ и потому являются теперь въ болѣе исправномъ видѣ, чѣмъ были напечатаны первоначально.

Въ заключеніе позволяю себѣ указать, въ какихъ изданіяхъ были помѣщены впервые статьи, вошедшія въ настоящій сборникъ:

„Симеонъ Полоцкій", „Театральная публика во времена Сумарокова" и „Замѣтки француза о Москвѣ въ 1774 году" появились въ „Древней и Новой Россіи" 1875 года: „Русская повѣсть Петровскаго времени" и статья о журналистикѣ XVIII вѣка—въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, первая въ 1880 году, а вторая въ 1876; „Любовное посланіе XVII вѣка", „Сонъ Ѳ. А. Эмина" и „В. А. Чупятовъ" — въ Русскомъ Архивѣ, первая въ 1881 году, а обѣ остальныя въ 1873; „Къ характеристикѣ Ломоносова какъ ученаго"—въ Зарѣ 1870 года; „В. И. Майковъ" — при собраніи сочиненій и переводовъ этого писателя, изданномъ П. И. Глазуновымъ подъ редакціей П. А. Ефремова въ 1867 году.

Л. М.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СИМЕОНЪ ПОЛОЦКІЙ.[1]

I.

Симеонъ Емельяновичъ Петровскій-Ситніановичъ родился въ апрѣлѣ 1629 года, въ Бѣлоруссіи, быть можетъ, въ томъ самомъ городѣ, по которому дали ему впослѣдствіи прозваніе въ Москвѣ. Не извѣстно, какъ звали его въ мірѣ: Симеонъ было его монашескимъ именемъ; не извѣстно и то, изъ какой среды онъ вышелъ, кто былъ его отецъ, и гдѣ Симеонъ получилъ первоначальное образованіе. Знаемъ только, что, по общему обычаю своего времени, Ситніановичъ по седьмому году сѣлъ за букварь, а отъ него перешелъ къ Часослову и Псалтырю, и что затѣмъ ученіе его продолжалось четырнадцать лѣтъ—до 1650 года[2]). О томъ, гдѣ Симеонъ довершилъ

[1]) Считаю долгомъ сказать, что при составленіи этого очерка нѣкоторыми данными изъ не изданныхъ сочиненій Симеона Полоцкаго, хранящихся въ Московской синодальной библіотекѣ, я могъ пользоваться только по сообщеніямъ Н. П. Барсукова и покойнаго А. Е. Викторова.

[2]) Въ предисловіи къ своему „Рифмологіону“ (рукопись Моск. синод. библіотеки по старому каталогу № 287, л. 5) С. Полоцкій слѣдующимъ образомъ говоритъ о своемъ ученіи и о пользѣ полученнаго имъ образованія:

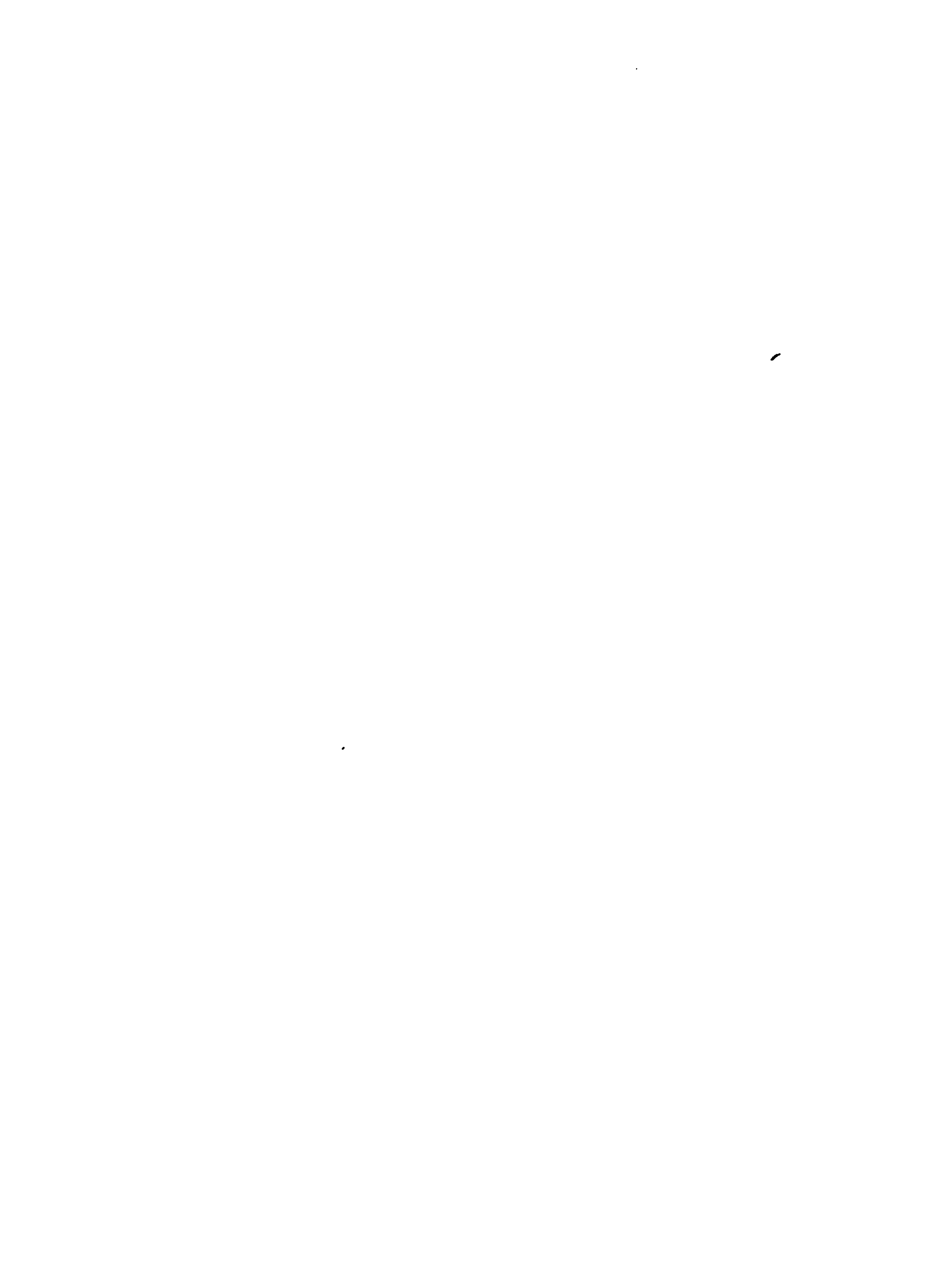
Сію ми пользу дадеся познати
По щедрой Бога жива благодати

свое образованіе, случайное извѣстіе оставилъ знаменитый его современникъ Лазарь Барановичъ; въ одномъ письмѣ своемъ къ царю Алексѣю Михайловичу, отъ 1669 года, Лазарь, въ то время епископъ Новгородъ-Сѣверскій, называетъ Ситніановича своимъ ученикомъ [1]); въ сороковыхъ годахъ XVII вѣка Лазарь былъ наставникомъ и префектомъ Кіево-Могилянской коллегіи: стало быть, Ситніановичъ былъ питомцемъ знаменитаго Кіевскаго училища.

Въ то время схоластическая система образованія уже вполнѣ господствовала въ Кіевской коллегіи: ученіе, школьная дисциплина, весь строй училищной жизни были тамъ заведены по образцу іезуитскихъ академій, такъ какъ Петръ Могила поставилъ цѣлью коллегіи — образовать въ русскомъ обществѣ оберегателей православія столь же просвѣщенныхъ, каковы были питомцы католическихъ училищъ. Какъ въ іезуитскихъ школахъ, такъ и въ Кіевской коллегіи, заботились, преимущественно, объ образованіи формальномъ: пріучали воспитанниковъ развивать свои мысли въ строго логической связи и послѣдовательности и сообщать ихъ изложенію ту условную стройность, которая требовалась правилами господствовавшей тогда литературной теоріи. Для строго консервативной задачи коллегіи вовсе не предполагались необходимыми ни широта образованія, ни свобода научнаго

Въ юности верстѣ. Егда отрекохся
Міра и въ ризы черны облекохся,
Тѣмъ же, что писахъ, тщахся то хранити,
    Зная, яко впредь можетъ въ пользу быти.
Быхъ же азъ инокъ въ четвертой седьмицы
    Лѣтъ моихъ, токмо кромѣ единицы.
Неглиже двѣ ихъ языкомъ учихся,
Даже дидаскалъ быти сподобихся.

[1]) Рукопись Моск. синод. библіотеки, по старому каталогу № 130, л. 156. Цитату см. въ книгѣ: Святый Димитрій Ростовскій. М. 1850, стр. 23, прим. ш.

изслѣдованія. Соотвѣтственно тому не только кругъ учебныхъ предметовъ былъ очень ограниченъ, но и фактическое содержаніе преподаваемыхъ знаній крайне скудно и почерпалось изъ источниковъ, большею частью уже устарѣлыхъ. Въ основаніи учебнаго курса лежалъ, лишь съ небольшими измѣненіями, все тотъ же кругъ знаній, который существовалъ и въ училищахъ средневѣковой Европы, и въ русскихъ братскихъ школахъ: изученіе такъ-называемыхъ „семи свободныхъ художествъ" [1]). Грамматика изучалась славянская, латинская и греческая; особенное вниманіе было обращаемо на языкъ латинскій, и притомъ до такой степени, что онъ служилъ даже разговорнымъ въ среднихъ и высшихъ классахъ коллегіи; на немъ же читались въ нихъ едва ли не всѣ учебные предметы. Польскій языкъ хотя и не преподавался, но былъ знакомъ всѣмъ ученикамъ, какъ общераспространенный въ Кіевѣ: и наставники, и питомцы коллегіи говорили и писали на немъ охотнѣе и, можетъ быть, даже свободнѣе, чѣмъ по русски. Алфавитъ латино-польскій употреблялся на письмѣ даже въ русской рѣчи. Курсы піитики и риторики сопровождались обычными практическими упражненіями въ сочиненіи виршъ и орацій на славянскомъ и латинскомъ языкахъ: церковныя и школьныя празднества, именины покровителей, начальниковъ и наставниковъ коллегіи и другія подобныя торжества доставляли ученикамъ частые случаи выступать съ такими сочиненіями за предѣлы своего класса, при чемъ напыщенный, согласно правиламъ школьной піитики, хвалебный

---

[1]) Въ предисловіи къ грамматикѣ, изданной въ 1591 году учениками Львовской братской школы, слѣдующимъ образомъ опредѣленъ этотъ кругъ знаній: „сія (то-есть, грамматика) есть первая, ключъ отверзаяй умъ разумѣти Писанія; отъ неяже, яко по степенехъ, всю лѣствицу по чину ученій трудолюбивіи достизаютъ діалектики, риторики, мусики, аріѳметики, геометріи и астрономіи, и сими же седми, яко же нѣкіимъ сосудомъ разсужденія, почерпаемъ источникъ философіи; разумѣвающе же и врачевства, ко благоискусству превосходимъ всесовершеннаго богословія".

тонъ этихъ произведеній не находилъ себѣ узды въ здраво развитомъ нравственномъ чувствѣ. Кромѣ того, воспитанники разыгрывали драматическія произведенія религіознаго и нравственно-аллегорическаго содержанія, сочиненныя наставниками коллегіи. Курсъ философіи заключалъ въ себѣ логику съ діалектикой, физику, психологію и метафизику. Особенное вниманіе обращалось на первую часть этого курса, и чтобы развить мыслительную способность учениковъ, наставники постоянно упражняли ихъ въ диспутахъ по философскимъ вопросамъ. Богословіе, послѣ предварительнаго изученія въ младшихъ классахъ, преподавалось въ высшемъ по системѣ Ѳомы Аквинскаго, знаменитѣйшаго изъ схоластическихъ богослововъ католицизма; курсъ этотъ состоялъ не столько въ изложеніи христіанскихъ догматовъ на точномъ основаніи Священнаго Писанія и отеческихъ толкованій, сколько въ доказательствѣ ихъ путемъ отвлеченной діалектики; лекціи богословскія также сопровождались диспутами. Такимъ образомъ, весь учебный планъ Кіевской академіи былъ приноровленъ къ тому, чтобы сдѣлать учениковъ изысканно-рѣчистыми говорунами, искусными въ развитіи извѣстныхъ религіозныхъ положеній и находчивыми въ діалектической ихъ защитѣ. И при всемъ томъ, схоластическое образованіе оказывало могущественное вліяніе на своихъ питомцевъ и приносило имъ не малую пользу: умы крѣпли и изощрялись, пробуждалось уваженіе къ интересамъ мысли, смягчались нравы и формы людского обращенія.

Съ такимъ характеромъ образованія кіевскіе школяры легко занимали видное положеніе въ современномъ обществѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, упитанные школьною премудростью, они пріучались самодовольно, свысока относиться къ необразованной массѣ народа. А такъ какъ нравственное воспитаніе учениковъ было основано на суровой дисциплинѣ и даже на взаимномъ надзорѣ другъ

за другомъ, то понятно, Кіевская коллегія выработывала людей съ огромнымъ самомнѣніемъ, съ жаждою господства и вмѣстѣ съ тѣмъ съ большимъ самообладаніемъ, съ умѣньемъ почтительно подчиняться предъ авторитетомъ предержащей власти, но въ то же время ловко поддерживать другъ друга.

Таковъ былъ строй ученія и воспитанія въ той школѣ, которую прошелъ Ситніановичъ. Сопоставляя учебный курсъ Кіевской коллегіи съ тѣмъ кругомъ знаній, который обнаружилъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ, и съ его литературными и педагогическими пріемами, мы легко можемъ замѣтить, что именно здѣсь пріобрѣлъ онъ эти знанія и пріемы. Точно также и въ нравственномъ его характерѣ узнаются типическія черты среды, его воспитавшей.

Изъ Кіевской коллегіи, безъ сомнѣнія, Ситніановичъ вынесъ и первыя свои общественныя связи. Мы уже знаемъ, что Лазарь Барановичъ зналъ его на школьной скамьѣ; тамъ же, вѣроятно, Ситніановичъ познакомился съ двумя другими извѣстными дѣятелями южно-русской образованности—Иннокентіемъ Гизелемъ, который былъ ректоромъ Кіевской коллегіи въ то время, какъ Барановичъ былъ тамъ префектомъ, и Іоанникіемъ Галятовскимъ, также питомцемъ и впослѣдствіи наставникомъ той же коллегіи. Быть можетъ, къ тому же времени пребыванія Ситніановича въ Кіевскомъ училищѣ должно отнести и знакомство его съ извѣстнымъ Нѣжинскимъ протопопомъ Максимомъ Филимоновичемъ, впослѣдствіи епископомъ Мстиславскимъ и Оршанскимъ Меѳодіемъ [1]).

По окончаніи ученія Ситніановичъ оставилъ Кіевъ, двадцати-семи лѣтъ отъ роду принялъ монашество — и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имя Симеона—въ Полоцкомъ Богоявлен-

[1]) О знакомствѣ Ситніановича съ Гизелемъ см. Описаніе рукописей Моск. синод. библіотеки, II, 3, стр. 509; — съ Галятовскимъ см. Письма Лазаря Барановича, изд. 2-е, стр. 51 и 83;—съ Меѳодіемъ см. Описаніе рукописей Моск. синод. библіотеки, II, 2, стр. 100—101.

скомъ братскомъ монастырѣ, а затѣмъ сдѣлался дидаскаломъ (учителемъ) въ тамошнемъ братскомъ училищѣ [1].

Въ одной изъ рукописей Симеона, писанной около этого времени [2]), сохранилось нѣсколько строкъ, содержаніе которыхъ относится къ педагогической практикѣ Ситніановича въ братской школѣ. Вотъ эти строки:

Symeon starci Sitnianowicz.	Hawrilowicz.
Вопросъ.	Отвѣтъ.
Что Псалтырь?	разумъ.
„ гусли?	мысли.
„ струны?	персты.
„ органъ?	гортань.
„ кимвалъ?	вѣра добра.
„ трубный гласъ?	пѣніе къ Богу.

Псалтырь былъ столь же общеупотребительною учебною книгою въ древней Руси, какъ Иліада въ древней Греціи, и толкованіе темныхъ, непонятныхъ и метафорическихъ рѣченій его, въ родѣ вышеприведеннаго, входило въ кругъ элементарнаго преподаванія въ братскихъ школахъ и помѣщалось даже въ букварп и грамматики, изданные для этихъ училищъ. Объясненіе, которое изложено выше въ формѣ вопросовъ Симеона и отвѣтовъ его ученика, встрѣчается, подъ названіемъ притчника, и въ древне-русскихъ азбуковникахъ, которые, какъ извѣстно,

[1]) Въ „Остнѣ“ (Казань. 1865, стр. 75 и 130; ср. Описаніе рукописей Моск. синод. библіотеки, II, 3, стр. 434) Ситніановичъ называется ученикомъ іезуитовъ; хотя не рѣдко бывали случаи, что питомцы Кіевской коллегіи довершали свое образованіе въ католическихъ училищахъ, но то свидѣтельство, которое мы имѣемъ въ виду относительно Ситніановича, не можетъ быть сочтено за достовѣрное, такъ какъ оно идетъ изъ источника слишкомъ къ нему враждебнаго.—О принятіи Симеономъ монашества въ Полоцкѣ см. Словарь писателей духовн. чина, митроп. Евгенія, изд. 2-е, II, стр. 210. Рейтенфельсъ, въ своемъ сочиненіи „De Rebus Moscoviticis“, называетъ Симеона уніатомъ-базиліаниномъ; но едва ли уніатъ могъ бы быть терпимъ въ Полоцкомъ братскомъ училищѣ.

[2]) Рукопись Моск. синод. библіотеки, № 877 по стар. каталогу, на внутренней сторонѣ ея кожанаго переплета.

также служили въ старину учебными книгами [1]). Изъ этого можно заключить, что первоначальная педагогическая практика Ситніановича вращалась въ кругу элементарнаго преподаванія, а также и то, что система и методъ обученія въ Полоцкой школѣ, въ эпоху поступленія туда Симеона дидаскаломъ, еще не подверглись подавляющему вліянію іезуитской системы образованія. Вѣрный, однако, преданіямъ своей almae matris, Симеонъ поспѣшилъ примѣнить здѣсь тѣ педагогическіе и частью литературные пріемы, которые усвоилъ себѣ въ Кіевской коллегіи. Въ 1656 году царь Алексѣй Михайловичъ, ѣдучи къ русскому войску, стоявшему подъ Ригою, посѣтилъ Полоцкъ и прожилъ здѣсь десять дней (съ 5-го по 15-е іюля), а потомъ, возвращаясь изъ-подъ Риги, вторично прибылъ въ Полоцкъ 12-го октября и снова провелъ здѣсь нѣсколько времени. Въ одно изъ этихъ посѣщеній, ознаменованныхъ разными милостями въ отношеніи жителей Полоцка и особенно Богоявленской братіи, молодой учитель Богоявленской школы успѣлъ сдѣлаться лично извѣстнымъ царю, поднеся ему своего сочиненія „Метры на пришествіе великаго государя царя Алексѣя Михайловича всея Россіи въ градѣ Полоцкѣ въ 164 году“ [2]). При

---

[1]) Н. Н. Баталинъ Древне-русскіе азбуковники, стр. 7; ср. ст. Д. Л. Мордовцева: „О русскихъ школьныхъ книгахъ въ XVII столѣтіи“, въ Чтеніяхъ Московск. Общ. ист. и древн. 1862 г. и отдѣльно.

[2]) Русскій Архивъ 1864 г., приложеніе: „Описаніе Патріаршей библіотеки, 1718 года“, ст. 42, № описи 708. О пребываніи Алексѣя Михайловича въ Полоцкѣ см. Др. Р. Вивліоѳику, изд. 2-е, т. III, стр. 309—318. Вышеуказанная опись съ № 1-го по 477-й включительно содержитъ въ себѣ описаніе патріаршихъ рукописей и книгъ въ алфавитномъ порядкѣ; начиная съ № 478, въ нее внесены списки книгъ, поступавшихъ отъ разныхъ лицъ и учрежденій, по мѣрѣ включенія ихъ въ Патріаршую библіотеку. Между ними, въ числѣ книгъ, поступившихъ въ библіотеку послѣ мая мѣсяца 1700 года, подъ №№ 697—735, видимъ группу книгъ, означенную въ описи: „книги въ сундукѣ“; въ числѣ этихъ книгъ показаны, между прочимъ, и рукописи сочиненій Симеона собственноручныя черновыя; поэтому мы полагаемъ, что всѣ вообще книги и рукописи, означенныя въ описи какъ „книги въ сундукѣ“, происходятъ изъ келліи Си-

посѣщеніи вновь отвоеванныхъ литовскихъ городовъ, образъ жизни въ нихъ—не тотъ, что̀ на Москвѣ,—постоянно поражалъ своими особенностями молодого царя; въ числѣ другихъ не виданныхъ имъ обычаевъ произнесеніе привѣтственныхъ виршъ должно было произвести на него пріятное впечатлѣніе: искусно и складно сказанная похвала побѣдителю, какимъ являлся Алексѣй Михайловичъ, льстила его молодому самолюбію, и личность ловкаго виршеслагателя, безъ сомнѣнія, съ тѣхъ поръ запечатлѣлась въ памяти его ровесника-государя. Покидая Полоцкъ, Алексѣй Михайловичъ взялъ съ собою изъ Богоявленскаго монастыря чудотворную икону Божіей Матери и только въ 1659 году прислалъ ее туда обратно въ новомъ богатомъ украшеніи: срѣтеніе чудотворнаго образа, послѣдовавшее 1-го апрѣля, было для Симеона поводомъ къ сочиненію восьми привѣтственныхъ виршъ; соотвѣтственно обычаю іезуитскихъ училищъ и Кіевской академіи, стихи эти, подъ руководствомъ Симеона, были произнесены восемью отроками, учениками Богоявленской школы, „предъ великою градскою брамою, нареченною Витебскою". Содержаніе этихъ стиховъ краесогласныхъ (риомованныхъ) составляетъ выраженіе радостныхъ чувствъ по случаю возвращенія иконы, изъявленіе надежды на ся покровительство въ войнѣ съ врагами православія, молитвенное обращеніе къ ней о дарованіи побѣды надъ ними и о здравіи и благоденствіи православнаго царя и его семейства. Вотъ нѣсколько строкъ изъ восьмаго стихотворенія:

меона и составляли его библіотеку. Передача этихъ книгъ въ Патріаршую библіотеку послѣдовала не ранѣе 1715 года, что̀ видно изъ слѣдующей статьи описи: „726, Книга Грамматика славенская, Мелетия Смотрицкаго, печатная, выходу 1619 году, въ доскахъ, і того 97 лѣтъ". Ниже будетъ приведено свидѣтельство Симеона, что трудъ Смотрицкаго былъ ему извѣстенъ именно въ этомъ изданіи. Въ „Указателѣ" преосв. Саввы „Метры" 1656 года не означены.

Дай многа лѣта царю царствовати,
Твою и Сына хвалу разширяти;
Дай абы врази были побѣжденны,
Предъ масстатомъ его покоренны!
Сокруши пожныхъ людей выя роги,
Гордыя враги наклони подъ ноги,
Утверди скипетръ, благослови царство,
Всюду огради миромъ государство!
Дай многа лѣта Россійской царицѣ,
Которая тебе за патронку мастъ,
Твоимъ именемъ себе украшастъ!
Дай Алексію Алексіевичю,
Богохранниму Россіи царевичю,
Много лѣтъ—просимъ, о Божія Мати,
На своихъ рукахъ изволь пѣстовати...
Дай и царевнамъ многа лѣта жити,
Изволь своею ласкою хранити!
Пресвятѣйшему патріарсѣ лѣта
Умножи—нехай церквамъ Божіимъ свѣта
Придасть, яко свѣтильникъ избранный
И яко всему міру свѣтъ поданный!
Сохрани сея пастыря ограды
Во многа лѣта овецъ Божіихъ ради —
Нехай ихъ словомъ Господнимъ пытастъ,
Да православну церковь умножастъ!
Буди милосерда княземъ и болярамъ
И православнымъ повсюду владаромъ!
Дай воемъ крѣпость враговъ побѣждати,
Дай христіаномъ въ мирѣ пребывати!
Покрый покровомъ градъ сей православный,
Гды обрѣтастъ тебе скрабъ твой давный;
Нощь иновѣрци была утаила,
Днесь православныхъ свѣтлость освятила;
Наконецъ, и насъ изволь соблюдати,
Чистая Дѣво, въ Твоей благодати! [1])

Недолго, однако, могли въ Полоцкѣ свободно высказываться симпатіи къ московской власти: въ 1661 году

[1]) Рукопись Моск. синод. библіотеки, по стар. каталогу № 877; всѣ восемь стихотвореній занимають въ ней лл. 4—8; ср. „Указатель" преосв. Саввы, стр. 247, а также Др. Р. Вивліоѳику, т. II, стр. 353. Въ той же рукописи синодальной библіотеки, на внутренней сторонѣ задней доски ея кожанаго переплета, помѣщено записанное Симеономъ наставленіе какъ дѣлать чернила, напечатанное въ Русскомъ Архивѣ 1863 г., изд. 2-е стр. 91.

городъ былъ занятъ поляками, и положеніе полоцкихъ жителей, приверженныхъ къ русскому правительству, сдѣлалось не безопаснымъ. Впрочемъ, въ 1663 году Симеонъ находился еще въ Полоцкѣ [1]) и лишь въ концѣ этого года или въ началѣ слѣдующаго покинулъ Богоявленскую школу и самый городъ, въ которомъ она находилась.

Отвѣдавшій уже царской милости, Симеонъ рѣшился искать спасенія въ Москвѣ, гдѣ то же высокое расположеніе могло обезпечить ему счастливую будущность. Послѣ того какъ Богданъ Хмѣльницкій, со всѣмъ народомъ малороссійскимъ, принялъ подданство царю Алексѣю Михайловичу, и какъ русскія войска заняли Бѣлую Русь и значительную часть Литвы, вѣсы давняго спора между Москвой и Рѣчью Посполитою сильно наклонились на сторону первой: пользуясь тѣмъ, не мало разнаго промышленнаго народа потянулось изъ-за литовскаго рубежа въ царскую столицу. Въ Россіи не могли не цѣнить знанія и искусства этихъ людей, въ которыхъ нуждались, но въ то же время подозрительно смотрѣли на правовѣріе и особый складъ образованности бѣлоруссовъ и кіевлянъ. Все это, безъ сомнѣнія, было извѣстно Ситніановичу, а избранный имъ промыселъ — школьное ученіе — обязывалъ его къ особливой осторожности. Онъ не могъ не знать, между прочимъ, и того, что самый языкъ, которымъ онъ писалъ, то-есть, та литературная рѣчь, которую употребляли бѣлорусскіе и кіевскіе ученые, и которая составляла нескладную смѣсь словъ, формъ и оборотовъ церковно-славянскихъ, западно-русскихъ, польскихъ и даже латинскихъ, что этотъ языкъ долженъ

---

[1]) Это видно изъ помѣщеннаго въ „Вертоградѣ Многоцвѣтномъ“ стихотворенія Симеонова: „Молитва плачевная ко Пресвятѣй Богородицѣ, сложенная въ лѣто 7171, егда образъ Пресвятѣй Богородицы изъ града Полотска изъ соборныя церкве Софіи Святыя взяся въ царствующій градъ Москву преподобнымъ господиномъ отцемъ Іосифомъ архимандритомъ Смоленскимъ обители Авраміевскія“.

былъ быть чуждъ московскимъ книжникамъ. Поэтому онъ рѣшился выработать свой литературный языкъ и возвести его до чистоты языка древнихъ церковныхъ книгъ:

Писахъ въ началѣ по языку тому,
Иже свойственный бѣ моему дому.
Таже увидѣвъ многу пользу быти
 Славенску ся чистому учити.
Взяхъ грамматику, прилѣжахъ читати;
 Богъ же удобно даде ю ми знати...
Тако славенскимъ рѣчемъ приложихся;
 Елико далъ Богъ, знати научихся;
Сочиненіе возмогохъ познати
 И образная въ славенскомъ держати [1]).

Грамматика, чтеніе которой было столь полезно Симеону, была „Славянская Грамматика", составленная учителемъ Виленской братской школы Мелетіемъ Смотрицкимъ и изданная въ Евю (близъ Вильны) въ 1619 году [2]). Это учебное руководство, вызванное потребностями одного изъ значительнѣйшихъ братскихъ училищъ, составляетъ важную эпоху въ исторіи церковно-славянскаго языка. Языкъ священныхъ книгъ и богослуженія, онъ долгое время былъ, впрочемъ не исключительно, и литературною рѣчью въ Россіи, хотя самъ, въ свою очередь, не оставался свободенъ отъ вліянія народнаго языка русскаго. Не смотря, однако, на это послѣднее обстоятельство, книжный славянскій языкъ, съ теченіемъ времени, все менѣе и менѣе сталъ удовлетворять своему культурному значенію; разница между нимъ и разбившимся на нарѣчія и говоры языкомъ народнымъ становилась все ярче и осязательнѣе, и послѣдній, какъ въ западной, такъ и въ восточной Россіи, сталъ заявлять свои притязанія на полное господство въ литературѣ. Въ это-то время и

---

[1]) Изъ предисловія къ „Рифмологіону" по рукописи Моск. синод. библіотеки, № 287 по стар. каталогу, л. 5.

[2]) Какъ видно по одному изъ предшествующихъ примѣчаній, книга эта упоминается въ библіотекѣ Полоцкаго вмѣстѣ съ его рукописями. См. Русскій Архивъ 1864 г., приложеніе, ст. 43.

появилась „Грамматика“ Смотрицкаго, стремившаяся установить правила книжнаго славянскаго языка въ отличіе отъ рѣчи народной и какъ бы въ огражденіе отъ ея вліянія. Въ западной Россіи книга Смотрицкаго, однако, не успѣла пріобрѣсти себѣ такого регулирующаго авторитета; тамошніе писатели не захотѣли ужъ отказаться отъ того пестраго языка, которымъ писали, хотя и не въ состояніи были создать что-либо лучшее. Напротивъ того, въ Москвѣ, гдѣ въ 1648 году эта грамматика была издана вторично, она дѣйствительно привела къ сознанію рѣзкихъ различій, существовавшихъ между народнымъ русскимъ языкомъ и славянскою книжною рѣчью; московскіе книжники получили возможность искусственно возвратиться къ той чистой славянской рѣчи, отъ которой ихъ удалялъ вседневный обычай; вслѣдствіе того, такъ-называемая „славянщизна“, не смотря на всю свою недостаточность въ образовательномъ отношеніи, сознаваемую отчасти даже въ то время, снова укрѣпилась въ письменной и печатной словесности русской и оставалась въ ней господствующею до первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка. „У русскихъ“, говоритъ филологъ Генрихъ Лудольфъ, бывшій въ Россіи въ концѣ XVII столѣтія и знавшій по русски,—„не только Священное Писаніе и богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ, но безъ его пособія нельзя ни писать, ни разсуждать о предметахъ учености и познаній. Поэтому, чѣмъ ученѣе кто желаетъ прослыть передъ другими, тѣмъ болѣе наполняетъ свою рѣчь и писанія славянизмами, хотя иные и посмѣиваются надъ злоупотребляющими славянскою рѣчью въ обыкновенномъ разговорѣ“ [1]). Эти слова очень вѣрно изображаютъ состояніе русской литературной рѣчи въ исходѣ XVII вѣка; описанные Лудольфомъ поклонники славянщизны „сло-

---

[1]) H. W. Ludolfi Grammatica Russica (Oxonii, MDCXCVI), praefatio (страницы не нумерованы).

венскіе рѣчеточцы", какъ ихъ тогда называли, существовали у насъ и позже, въ Петровское время, когда новые успѣхи образованія указали уже на настоятельную необходимость чисто-русской литературной рѣчи.

Въ книгѣ Смотрицкаго и Ситніановичъ искалъ пособія, чтобъ освободиться отъ варваризмовъ литературнаго языка западной Руси и отъ провинціализмовъ своего родного края; такимъ образомъ, еще не вступая въ кругъ московскихъ книжниковъ, онъ предчувствовалъ и даже пережилъ то движеніе въ пользу усовершенствованія литературнаго языка, которое происходило и въ ихъ средѣ; подобно имъ, онъ видѣлъ это усовершенствованіе только въ возвращеніи къ старинѣ, къ языку древней славянской Библіи. И усилія Симеона не были напрасными: въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя имъ написаны въ Москвѣ, мы дѣйствительно находимъ довольно чистый церковно-славянскій языкъ, почти свободный отъ польскихъ и западно-русскихъ формъ, словъ и оборотовъ, которые встрѣчаются въ приведенныхъ выше стихахъ на возвращеніе иконы Божіей Матери въ Полоцкъ.

Итакъ, Симеонъ стремился въ Москву въ надеждѣ, что тамъ его способности и знанія найдутъ себѣ полезное примѣненіе. Хотя и извѣстный царю и нѣкоторымъ изъ его приближенныхъ, онъ счелъ не лишнимъ запастись еще хорошими рекомендаціями. 26-го апрѣля 1664 года епископъ Лазарь Барановичъ писалъ къ находившемуся тогда въ Москвѣ митрополиту Газскому Паисію Лигариду о томъ, чтобы послѣдній, пользуясь особенною милостію царскою, доставилъ случай воспользоваться ею и посылаемымъ братіямъ. Мы не сомнѣваемся, что въ числѣ упоминаемыхъ здѣсь чернецовъ находился и Симеонъ; хотя имя его и не названо въ письмѣ Лазаря, но самое письмо нашлось въ рукописяхъ Симеона, а онъ имѣлъ обычай заносить въ свои записныя тетради не только собственныя черновыя письма, но и чужія, до него

касавшіяся, хотя бы не къ нему писанныя [1]). Въ августѣ 1664 года Симеонъ уже навѣрное былъ въ Москвѣ; Лазарь снова писалъ тогда (16-го августа) Паисію и, посылая ему вновь вышедшую книгу іезуита Боймы объ исхожденіи Святаго Духа и о первенствѣ папы, приглашалъ митрополита сочинить на нее опроверженіе, а самую книгу показать Симеону: „Прошу сообщить книгу достопочтенному отцу Симеону Ситніановичу Петровскому, знаменитому брату моему, извѣстному ученостью своею: пусть испытаетъ на ней силу ума своего и окажетъ услугу святой церкви, пользуясь помощью твоей святыни" [2]). Такой отзывъ о Симеонѣ, хотя и вскользь сказанный однимъ изъ достойнѣйшихъ представителей южно-русской іерархіи, долженъ былъ, несомнѣнно, содѣйствовать упроченію положенія Симеонова въ незнакомой ему столицѣ Московскаго государства.

II.

Въ то время, когда Симеонъ прибылъ въ Москву, главный общественный интересъ составляло тамъ дѣло патріарха Никона. Шестой уже годъ истекалъ съ тѣхъ поръ, какъ умный, гордый и своеобычный архипастырь оставилъ свою каѳедру; церковныя дѣла, которыя онъ столь энергически приводилъ въ порядокъ, снова пришли въ нестроеніе; прекратились заботы о книжномъ просвѣщеніи, и враги исправленія книжнаго снова возвысили свой голосъ. Царь, нѣкогда называвшій Никона своимъ собиннымъ другомъ, не только охладѣлъ къ нему теперь, но и распалялся все болѣе и болѣе, склоня свой слухъ къ навѣтамъ враждебныхъ патріарху бояръ. Домашніе спо-

[1]) Описаніе рукописей Моск. синод. библіотеки, II, 2, стр. 100.
[2]) Письма Лазаря Барановича, стр. 15—16.

собы покончить распрю оказались безсильными, а между тѣмъ разладъ достигъ высшаго напряженія; дошло, наконецъ, до того, что особый посланецъ былъ отправленъ къ восточнымъ патріархамъ звать ихъ на соборъ — судить патріарха Московскаго. Такой способъ прекратить великую смуту Русской церкви былъ предложенъ тѣмъ самымъ Паисіемъ Газскимъ, которому рекомендованъ былъ Симеонъ. Паисій прибылъ въ Россію за два года передъ тѣмъ: этотъ хитрый и льстивый грекъ, питомецъ коллегіи, основанной папою Григоріемъ XIII для обращенія грековъ въ латинство, не разъ, въ теченіе своей жизни, колебавшійся между православіемъ и католичествомъ, смотря по тому, что̀ было для него выгоднѣе въ данную минуту[1]), прибывъ въ Москву, примкнулъ къ враждебной Никону партіи и занялъ при дворѣ, какъ іерархъ православнаго востока, ученый знатокъ церковныхъ правилъ, прочное положеніе, которое не могли поколебать никакія разоблаченія на счетъ его прошлой жизни: по словамъ Никона, царь и бояре слушали Паисія какъ пророка Божія. Понятно, что такой покровитель былъ очень кстати для Симеона, да и самъ Паисій, ученикъ латинской, іезуитской школы, притомъ не знавшій русскаго языка, безъ сомнѣнія, былъ радъ пріобрѣсти въ лицѣ Ситніановича новаго знакомца, болѣе сроднаго себѣ по характеру образованія, чѣмъ самые начитанные московскіе книжники. Мы увидимъ вскорѣ литературныя связи, возникшія между этими двумя пришельцами съ запада въ православную Москву.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по пріѣздѣ въ русскую столицу, Симеонъ занесъ въ одну изъ своихъ записныхъ тетрадей слѣдующую замѣтку: „Лѣта 1664, декабря 18-го, въ день воскресный, предъ Рождествомъ Христовымъ па-

---

[1]) См. въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ святыхъ отцовъ за 1862 г. статью А. В. Горскаго о П. Лигаридѣ до прибытія его въ Россію.

тріархъ Московскій Никонъ, который оставилъ престолъ свой, пріѣхалъ ночью въ Москву, взошелъ на престолъ, и какъ его не приняли, то взявъ посохъ святого Петра митрополита, уѣхалъ. Тогда былъ я позванъ въ присутствіе его царскаго величества для перевода латыни славнѣйшаго отца Паисія, митрополита Газскаго. Посылано къ патріарху за посохомъ: отдалъ его" [1]). Эти многознаменательныя слова несомнѣнно свидѣтельствуютъ о томъ сильномъ впечатлѣніи, которое было произведено на московское общество внезапнымъ возвращеніемъ Никона на патріаршій престолъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ фактъ, что событіе было отмѣчено Симеономъ (который, впрочемъ, не велъ записокъ), при чемъ онъ упомянулъ о своемъ хотя и не самостоятельномъ участіи въ происходившихъ затѣмъ совѣщаніяхъ, даетъ намъ право предполагать, что этотъ случай имѣлъ прямое отношеніе къ личной судьбѣ Ситніановича. Если нельзя думать, что въ моментъ суматохи, произведенной явленіемъ Никона въ Успенскомъ соборѣ, когда собранные во дворецъ бояре, по словамъ Паисія, кричали громкимъ голосомъ, а духовныя власти, покачивая головами, призывали на себя имя Божіе,—если нельзя думать, что въ это именно время Симеонъ, внезапно потребованный „на верхъ", въ первый разъ по прибытіи своемъ въ Москву удостоился видѣть свѣтлыя царскія очи, — то все же появленіе его въ царскихъ палатахъ въ этотъ смутный часъ наглядно показало, чѣмъ и какъ можетъ онъ быть полезенъ при Московскомъ дворѣ. Съ своей стороны, и Симеонъ, конечно, съумѣлъ воспользоваться представившимся случаемъ.

Вскорѣ затѣмъ онъ снова постарался напомнить о себѣ,

---

[1]) Рукопись Моск. синод. библіотеки, по старому каталогу № 48, по новому № 121, л. 6; ср. Описаніе рукописей Моск. синод. библіотеки, II, 2, стр. 101 — 102, также: The Patriarch and the Tzar. Vol. III. History of the condamnation of the patriarch Nicon, written by Paisius Ligarides of Scio, translated by W. Palmer. L. 1873, стр. 85—89.

знаній преобладалъ и въ другихъ московскихъ школахъ; но въ характерѣ преподаванія онѣ представляли, повидимому, нѣкоторыя отличія одна отъ другой.

Можно не сомнѣваться, что еще при самомъ основаніи Спасскаго училища Симеонъ внесъ въ него нѣкоторые порядки и направленіе Кіевской коллегіи. Латынь, изучаемая при пособіи темнаго, многословнаго руководства Альвареца, очевидно, была здѣсь главнымъ предметомъ преподаванія; напротивъ того, греческій языкъ едва ли былъ преподаваемъ, такъ какъ самъ Симеонъ, по свидѣтельству современниковъ, „греческаго писанія ничто же знаше“ [1]). Это составляло главное отличіе Спасской школы отъ Чудовской (и поглощенной ею Андреевской), гдѣ преимущественно учили по гречески, и притомъ не столько по учебнику, сколько практически, чрезъ вникаціе въ смыслъ текстовъ и переводы. За то, несомнѣнно, ученики Спасской школы обучались піитикѣ и риторикѣ и упражнялись въ сочиненіи виршъ и орацій: мы уже знаемъ, что Симеонъ еще своимъ полоцкимъ ученикамъ давалъ такого рода занятія. Напротивъ того, питомцы Чудовской школы не усвоивали себѣ этого обычая школы Кіевской и не выходили искусными стилистами. Можно сказать, что общій характеръ ученія въ Спасской школѣ былъ преимущественно гражданскій, свѣтскій, хотя въ ней преподавалось и богословіе, какъ необходимая основа всѣхъ наукъ.

Вообще, однако, опытъ учрежденія училища Симеономъ былъ сдѣланъ въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ: учениковъ было собрано немного, и Полоцкій былъ у нихъ единственнымъ учителемъ. Для завѣдыванія школьнымъ хозяйствомъ избирался или, вѣрнѣе, назначался

---

[1]) Остенъ, стр. 130; Описаніе рукописей Моск. синод. библіотеки, II, 3, стр. 428; Словарь писателей духовн. чина, митроп. Евгенія, изд. 2, т. I, стр. 180—181.

староста изъ школьниковъ; съ 1665 года по 1668 старостою былъ одинъ изъ молодыхъ подъячихъ тайнаго приказа Семенъ Медвѣдевъ, впослѣдствіи принявшій монашество подъименемъ Сильвестра. Этотъ даровитый и любимый ученикъ Полоцкаго и жилъ вмѣстѣ съ нимъ при школѣ. Изъ позднѣйшей дѣятельности Медвѣдева, его сочиненій и мнѣній можно видѣть, какое сильное вліяніе имѣлъ на него учитель, и какъ рѣзко проявились въ этомъ вліяніи характеристическія черты его латинскаго образованія. Мы не знаемъ, понималъ ли верховный покровитель Спасскаго училища, царь Алексѣй Михаиловичъ, что здѣсь, въ этой маленькой школѣ, были положены первыя сѣмена новаго направленія въ дѣлѣ образованія Московской Руси, и тѣмъ менѣе можемъ судить, сочувствовалъ ли онъ этому направленію; но достовѣрно, что личное расположеніе царя къ Симеону распространялось и на заведенное имъ училище: лѣтомъ 1665 года на суммы тайнаго приказа построено было для школы особое „хоромное строеніе", въ которомъ поселился и самъ учитель [1]).

Для благочестиваго царя, безъ сомнѣнія, очень важно было утвердить свое расположеніе къ дѣлу, затѣянному Симеономъ, не только на своемъ личномъ разумѣніи, но и на столь чтимомъ имъ авторитетѣ духовной власти; а съ другой стороны, и осторожный Симеонъ не могъ не желать себѣ поддержки со стороны церковной іерархіи. Но по удаленіи Никона, въ средѣ русскихъ духовныхъ властей не было человѣка, который горячо принималъ бы къ сердцу интересы просвѣщенія; и только милостивецъ царскій, Паисій Газскій, подавая царю Алексѣю свое сочиненіе противъ возникшаго въ Русской церкви раскола, счелъ умѣстнымъ высказаться о значеніи училищъ, какъ лучшаго средства къ уврачеванію этого недуга.

---

[1]) Опыты Забѣлина, т. I, стр. 196.

„Какъ нѣкогда прехрабрый воевода Алкивіадъ“, писалъ Паисій,—„говорилъ аѳинянамъ, что для успѣха въ войнѣ нужны три вещи: золото, золото и золото, — такъ и я, будучи спрошенъ: гдѣ столпы и ограда сану церковному и гражданскому, скажу: для того нужны училища, училища и училища. Въ училищахъ письмена благочестія пишутся на гладкихъ скрижаляхъ естества человѣческаго; въ училищахъ суть образотворцы (риторы) искусные, кои написуютъ человѣка во образѣ Бога Преблажайшаго и Величайшаго; въ училищахъ исполинское укрощается дерзновеніе, циклопская смягчается жестокость, и исправляется эпикурское житіе! Ты убо, о пресвѣтлый царю, подражай Ѳеодосіямъ, Юстиніанамъ и созижди здѣсь училище остроумнымъ младенцамъ для изученія трехъ коренныхъ языковъ—греческаго, латинскаго и славянскаго. Подъ твоею прекрѣпкою рукою, о благочестивѣйшій царю, столько богатыхъ митрополій, изобильныхъ архіепископій и монастырей великихъ: молю, да повелишь, чтобы каждый изъ этихъ начальниковъ по мѣрѣ своихъ приходовъ имѣлъ питомцевъ и воспитывалъ бы клириковъ для обученія симъ тремъ языкамъ!“ [1]) Эти убѣжденія царь Алексѣй Михайловичъ могъ прочесть еще въ началѣ 1666 года, а въ исходѣ его онъ услышалъ увѣщанія въ томъ же смыслѣ, еще болѣе достойныя уваженія. 2-го ноября прибыли въ Москву восточные патріархи—Паисій Александрійскій и Макарій Антіохійскій, и встрѣчены были здѣсь съ великими почестями. Въ исходѣ того же мѣсяца Симеонъ Полоцкій явился къ святителямъ на поклонъ и привѣтствовалъ ихъ рѣчью на латинскомъ языкѣ, которая была тутъ же переведена Лигаридомъ [2]). Послѣд-

---

[1]) Творенія свят. отцовъ, 1845 г., кн. 2-я, стр. 160 — 162. Выписка сообщена въ переложеніи на современный языкъ, какъ многія другія выписки ниже изъ сочиненій С. Полоцкаго и другихъ источниковъ.

[2]) W. Palmer. The Patriarch and the Tzar, vol. II, p. 130—131.

ній, по всей вѣроятности, объяснилъ патріархамъ и то, ради какого дѣла Симеонъ нуждался въ ихъ покровительствѣ. И дѣйствительно, патріархи поручили Симеону произнести отъ лица ихъ слово въ день Рождества Христова, и Полоцкій воспользовался случаемъ высказать въ этой „ораціи" давно лелѣемыя мысли: именемъ патріарховъ убѣждалъ онъ царя и народъ русскій „взыскати премудрости"; соотвѣтственно обстоятельствамъ, указывалъ на оскудѣніе въ Россіи — „лѣности ради" — греческаго языка, который между тѣмъ употребляется отчасти въ богослуженіи православныхъ грузинъ, сербовъ, болгаръ, мультянъ и волоховъ и заботливо изучается даже западными, не православными народами; наконецъ, подобно Лигариду, призывалъ царя — „училища такъ греческая, яко славянская и иныяназидати, спудеовъ милостію си и благодатію умножати, учители благоискусныя взыскати, всѣхъ же честьми на трудолюбіе поощряти"; тотъ же совѣтъ былъ обращенъ и къ пастырямъ Русской церкви, вмѣстѣ съ указаніями на примѣръ константинопольскихъ грековъ, которые не задолго передъ тѣмъ рѣшились учредить школы „въ самомъ центрѣ своего мучительства" [1]).

Всѣ эти настоянія восточныхъ іерарховъ хотя и не привели къ заведенію многихъ училищъ, но все же, очевидно, не остались безъ вліянія на отношенія царя къ Симеоновой школѣ: царь позаботился дать ей матеріальное обезпеченіе, и такъ какъ въ ней обучались подъячіе тайнаго приказа, то изъ суммъ послѣдняго въ теченіе трехъ лѣтъ, съ 1666 по 1668 годъ, производился расходъ на отопленіе и освѣщеніе школьнаго дома [2]).

---

[1]) Творенія свят. отцовъ, 1845 г., кн. 2, стр. 163—167. Рѣчь эта находится въ рукописи Моск. духовн. академіи, № 68, писанная рукою Полоцкаго, а въ сокращеніи помѣщена въ сборникѣ его поученій: Вечеря Духовная, въ приложеніи, лл. 150 на об. и слѣд.

[2]) Опыты Забѣлина, т. I, стр. 197.

III.

Между тѣмъ какъ создавалась небольшая латинская школа въ Спасскомъ монастырѣ, развитіе тяжелаго, указаннаго Паисіемъ Лигаридомъ, недуга, то-есть, распространеніе раскола, дѣйствительно, заботило царя; онъ вполнѣ сознавалъ необходимость принять противъ него рѣшительныя мѣры. Но если онъ и постигъ возможность уврачевать этотъ недугъ медленнымъ дѣйствіемъ просвѣщенія, то вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ себя обязаннымъ дѣйствовать противъ него и другими способами, болѣе скорыми. Соотвѣтственно тому, церковный соборъ, на который онъ приглашалъ восточныхъ патріарховъ, имѣлъ цѣлью не только разсудить его личную распрю съ Никономъ, но и разсмотрѣть разные безпорядки и неправыя мнѣнія, упрочившіяся въ Русской церкви. Въ то время недовольство московскихъ книжниковъ, нашедши себѣ предлогъ въ изданіи новоисправленныхъ богослужебныхъ книгъ, начинало слагаться въ цѣльное ученіе, готовое упорно отстаивать всѣ мѣстныя русскія уклоненія отъ древней обрядности восточнаго православія. Защитники этихъ мнѣній открыто выступали въ борьбу съ господствующею церковью; суздальскій попъ Никита и романовскій Лазарь въ началѣ 1666 года подали царю челобитныя съ обличеніемъ на нововведенія Никона въ церковные обряды, и главнымъ образомъ, на изданную имъ въ 1656 году книгу „Скрижаль“, которая содержала въ себѣ обширное толкованіе на чинъ богослуженія и была переведена съ греческаго сочиненія Іоанна Наѳанаила, присланнаго Никону патріархомъ Константинопольскимъ Паисіемъ. Въ исправленіяхъ, сдѣланныхъ по почину Никона, челобитчики видѣли то „древнихъ еретиковъ остатки богохульныя“, то-есть, воспроизведеніе древнихъ еретическихъ мнѣній, уже давно осужденныхъ православною

Восточною церковью, то ложныя ученія латинъ, уніатовъ, армянъ и евреевъ.

Еще задолго до пріѣзда восточныхъ патріарховъ, въ февралѣ 1666 года, архіереи Русской церкви собрались въ патріаршей крестовой палатѣ для разсужденія о дѣлахъ церковныхъ, и этому-то собранію царь передалъ на разсмотрѣніе представленныя ему челобитныя. Соборъ не только осудилъ злохульныя писанія, но и нашелъ нужнымъ составить опроверженіе противъ этихъ первыхъ сводовъ раскольничьихъ требованій. Трудное дѣло это, по волѣ царя и собора, было поручено Паисію Лигариду, предъ ученостью котораго преклонялись и русскія духовныя власти, и самъ государь. Быть можетъ, самая мысль о сочиненіи опроверженія была подана Газскимъ митрополитомъ, еще въ молодости своей искусившимся въ богословской полемикѣ. Какъ бы то ни было, ученый грекъ написалъ подробное возраженіе на обѣ челобитныя; но такъ какъ онъ не владѣлъ ни славянскимъ, ни русскимъ языкомъ, то сочиненіе его должно было быть переведено другимъ лицомъ: эта почетная обязанность выпала на долю Полоцкаго [1]). Затѣмъ признано было полезнымъ сдѣлать опроверженіе челобитенъ гласнымъ, и вслѣдствіе того, 7-го мая 1666 года, освященный соборъ „соорудилъ", то-есть, опредѣлилъ изготовить для изданія въ свѣтъ особую книгу на лживыя писанія Никиты и Лазаря, „въ нейже вся подробну ихъ клеветы и обличеніе возобличаются" [2]). Сочиненіе этой книги также было возложено на Симеона, который и писалъ ее съ 18-го мая по 13-е

[1]) Сочиненные Паисіемъ „отвѣты обличительные на церковныхъ противниковъ", въ переводѣ (автографомъ) Симеона Полоцкаго, находятся въ рукописи Моск. дух. академіи, № 18. Такъ какъ Паисій не зналъ по славянски, а Симеонъ по гречески, то остается думать, что подлинникъ Паисіева сочиненія былъ написанъ по латыни. Симеонъ долженъ былъ помогать Паисію и въ уразумѣніи подлиннаго текста челобитенъ.

[2]) Книга „Жезлъ", заглавный листъ; ср. Соборное дѣяніе 1666 года въ Дополненіяхъ къ актамъ историч., т. IV.

іюля, обильно пользуясь притомъ прежде составленнымъ трудомъ Лигарида [1]). Книга эта, подъ названіемъ „Жезлъ", удостоилась одобренія собора, который опредѣлилъ и напечатать ее отъ своего имени.

Между тѣмъ осужденіе, положенное на попа Никиту, пробудило въ немъ раскаяніе; онъ принесъ покаяніе и получилъ прощеніе собора. Такъ было и еще съ нѣкоторыми коноводами раскола; но другіе оставались упорными въ своихъ мнѣніяхъ. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ, въ концѣ 1666 года, возобновились засѣданія собора, уже при участіи восточныхъ патріарховъ: совершился судъ надъ Никономъ, послѣдовало избраніе новаго патріарха, и 3-го мая 1667 года соборъ одобрилъ всѣ книги, исправленныя и напечатанныя Никономъ, и повторилъ осужденіе всѣхъ противныхъ мнѣній, соборнѣ осужденныхъ еще въ предшествовавшемъ году. Прежде отправленія въ ссылку, къ которой были приговорены главные вожди раскола, сдѣланы были еще попытки ихъ увѣщанія. Для убѣжденія энергическаго и горячаго протопопа Аввакума царь дважды (22-го и 25-го августа) присылалъ къ нему краснорѣчиваго любимца своего Симеона: съ этимъ философомъ, разсказываетъ своимъ живописнымъ языкомъ Аввакумъ,—„зѣло было стязаніе много: разошлися яко пьяни; не могъ и поѣсть послѣ крику". Характеристичны слова, которыми, по свидѣтельству Ав-

---

[1]) Черновая рукопись „Жезла", автографъ Симеона, находится въ упомянутой выше рукописи Моск. дух. академіи, № 18; въ началѣ „Жезла" стоитъ слѣдующая, сдѣланная Симеономъ, помѣта: „Naczach 1666 Maii 18", а въ концѣ другая, его же: „finivi 1666 Julii 13" (изъ замѣтокъ В. М. Ундольскаго, Моск. публ. музей, рукопись № 1411). На отношеніе „Жезла" къ труду Паисія указалъ Н. И. Субботинъ въ своей статьѣ: „Какъ издаются у насъ книжки о расколѣ" (Русскій Вѣстникъ 1862 г., № 12, стр. 808, прим.; ср. также изданные редакціей Братскаго Слова Матеріалы для исторіи раскола, т. II, стр. 49, прим.). Самъ Паисій говоритъ, что Симеонъ составилъ извлеченіе изъ его книги, которое и было напечатано (Palmer, 109).

вакума, заключался этотъ споръ: „Старецъ (то-есть, Симеонъ) мнѣ говорилъ: „Острота, острота тѣлеснаго ума, да лихо упрямство; а се не имѣетъ науки!“ И я въ то время плюнулъ, глаголя: „Сердитъ я есмь на діавола, воюющаго въ васъ, понеже со діаволомъ исповѣдуеши едину вѣру и глаголеши, яко Христосъ царствуетъ несовершенно; равно и со діаволомъ и со еллины исповѣдуеши въ своей вѣрѣ“ [1]). Симеонъ по своему развитію дѣйствительно былъ способенъ оцѣнить свѣтлый умъ Аввакума и отдѣлить его природныя способности отъ недостатковъ его образованія. Напротивъ того, антагонистъ его, человѣкъ слишкомъ цѣльный и непосредственный, могъ относиться къ своему увѣщателю только съ полнымъ ожесточеніемъ и отвращеніемъ: борящіяся силы оказывались слишкомъ разнородными, и разумѣется, Аввакумъ остался вполнѣ глухъ къ увѣщаніямъ Симеона.

Въ концѣ 1667 года или въ началѣ 1668 была отпечатана и вышла въ свѣтъ полемическая книга Симеонова; она составила довольно большой фоліантъ, съ посвященіемъ тишайшему и благочестивѣйшему царю. Имени автора на книгѣ не было: она являлась отъ лица самого собора подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

> Жезлъ правленія на правителство мысленнаго стада православно-россійскія церкве,—утверженія во утверженіе колеблющихся во вѣрѣ, — наказанія въ наказаніе непокоривыхъ овецъ, — казненія на пораженіе жестоковыйныхъ и хищныхъ волковъ, на стадо

---

[1]) О напаствованіи протопопа Аввакума, статья, имъ самимъ писанная, см. Лѣтописи русской литературы, т. V, отд. III, стр. 116—117; ср. Матеріалы для исторіи раскола, т. V, стр. 118. Еретическое мнѣніе, въ слѣдованіи которому упрекалъ Симеона Аввакумъ, отмѣчено и въ челобитной попа Лазаря, какъ высказанное будто бы въ „Скрижали“: „Напечатано въ Скрижалѣ, яко Христосъ надъ языки несовершенно царствуетъ. Златоустый же на посланіе Павла апостола глаголетъ: яко всѣми царствуетъ вѣрными и противными“ (Жезлъ, л. 104).

со стороны раскольниковъ, и наконецъ, заключается общимъ увѣщаніемъ къ православнымъ россійскимъ людямъ: „Если не желаете быть сокрушены жезломъ казни духовной, пріимите съ радостью и любовью сей мысленный жезлъ правленія, утвержденія, наказанія и казненія; шествуйте путемъ разумѣнія писаній божественныхъ, кои вамъ укажетъ жезлъ сей, и убѣгайте безумнаго ученія новыхъ не богословцевъ, а буесловцевъ: бѣгите далече отъ лестнаго ихъ толкованія, что̀ жезломъ нашимъ явно творится".

Такимъ образомъ, въ предисловіи къ „Жезлу" Симеонъ касался вопросовъ высшей церковной политики: онъ свидѣтельствовалъ о заботѣ собора относительно возстановленія поколебленнаго авторитета церковной власти; въ то же время, снисходя къ заблужденію, онъ указывалъ суемудрствующимъ на возможность возвращенія ихъ въ лоно оскорбленной ими церкви. Говоря такъ, Симеонъ стоялъ на высотѣ истинно-христіанскаго нравственнаго воззрѣнія. Но рьяный схоластикъ XVII вѣка измѣнилъ бы существенному свойству своего образованія, еслибъ удержался на этомъ уровнѣ понятій и не проявилъ бы желанія принизить своихъ противниковъ и поразить ихъ хитрою оборотливостью своей діалектики и изысканною выработанностью своего краснорѣчія. Обращеніе къ благочестивому читателю, которымъ заключается предисловіе, отмѣчено уже инымъ характеромъ — сухой безпощадности и холоднаго высокомѣрія въ отношеніи къ отступникамъ православія. Происхожденіе раскола объясняется здѣсь злобою „ангелоестественнаго демона", который отъ самаго Адама „не переставалъ ковотворить то самъ собою, то растлѣнными членами церкви Божіей: древле — Аріемъ, Несторіемъ, Савеліемъ, Македоніемъ и прочими богомерзкими еретиками, нынѣ же — новыми отступниками: Никитою, Аввакумомъ, Лазаремъ, Ѳеодоромъ, Ѳеоктистомъ, Спиридономъ, со суемудрыми пустынниками

и прочими отторгшимися отъ единства церкви, составляющими свои богопенавидимыя пустословія и отверзающими уста для хуленія на Бога во святыхъ его, на селеніе его (иже есть церковь) и на живущихъ на небеси угодниковъ Божіихъ". Презрѣніе къ противникамъ уже замѣтно обнаруживается въ этихъ словахъ полемиста; а нѣсколько строкъ далѣе онъ прямо осыпаетъ ихъ рѣзкою бранью и, сравнивая съ филистимлянами, уподобляетъ попа Никиту Голіаѳу, а соборъ или, точнѣе, самого себя, ратующаго отъ лица собора,—Давиду, который выходитъ на бой съ прегордымъ великаномъ. „На сіе позорище духовной брани" —такъ заключаетъ предисловіе искусный риторъ-схоластикъ — „молимъ, да изыдетъ всякъ православный мысленными, благоразумными очами, и узритъ—уповаемъ на Господа Саваоѳа— сего жезла побѣду надъ Голіаѳомъ и надъ всѣмъ его полкомъ. Вопервыхъ, подобаетъ обезглавити Голіаѳа и уды его, и вся тѣлеса полчища его птицамъ и звѣрямъ отдати"...

Симеону не трудно было совершить это истязаніе надъ обоими челобитчиками. Оба ихъ посланія написаны были въ то горячее время, когда ожидалось соборное низложеніе Никона, и когда всѣ его противники громко возвышали свой негодующій голосъ, какъ бы надѣясь, что съ паденіемъ самого патріарха погибнетъ и великое, имъ предпринятое дѣло. Никита и Лазарь, въ своихъ челобитьяхъ, выставили цѣлую сотню обличеній противъ „Скрижали" и новоисправленныхъ книгъ; но эти обличенія были придирчивы, мелочны и, можно сказать, наивны; нападая на Никоновы книги, челобитчики не различали въ нихъ существеннаго отъ несущественнаго, содержанія отъ формы, догматическихъ положеній отъ обрядовыхъ частностей и даже отъ оборотовъ языка. Въ малѣйшихъ перемѣнахъ, которыя были введены въ Никоновыхъ книгахъ, челобитчики видѣли всевозможныя

ереси, хотя и не приводили достаточныхъ на то доказательствъ. Не смотря, однако, на такой характеръ обѣихъ челобитенъ, Симеонъ ведетъ полемику со своими противниками очень обстоятельно и на каждое обличеніе Никиты и Лазаря предлагаетъ свое отдѣльное вообличеніе.

Въ отношеніи критики полемика „Жезла" представляетъ несомнѣнное преимущество предъ челобитными: въ ней искусно сравниваются факты, сопоставляются извѣстія и отличается важное отъ менѣе важнаго, достовѣрное отъ недостовѣрнаго. Въ отношеніи эрудиціи или, по крайней мѣрѣ, начитанности научной вообще и въ частности богословской, „Жезлъ" также выше опровергаемыхъ имъ сочиненій. Въ немъ встрѣчаются многочисленныя и обширныя ссылки на отцовъ церкви, преимущественно восточныхъ [1]), и авторъ понимаетъ, какъ важно для его цѣлей основать свою защиту на руководящемъ авторитетѣ отцовъ: возражая попу Никитѣ въ его мнимой ссылкѣ на Максима Грека, Симеонъ замѣчаетъ, что хотя бы мнѣніе „высокоученаго" Максима было и таково, оно не можетъ быть принято, не будучи подтверждено ни древнѣйшимъ обычаемъ и преданіемъ церкви, ни свидѣтельствами апостоловъ и отцовъ. Рядомъ съ ссылками на отеческія писанія и въ связи съ богословскими разсужденіями приводятся нѣкоторыя данныя изъ круга знаній свѣтскихъ: такъ, авторъ нерѣдко прибѣгаетъ къ объясненіямъ филологическимъ и ссылается иногда на древнія, такъ-называемыя „харатейныя" рукописи Московскаго патріаршаго книгохранилища, гдѣ

---

[1]) Въ „Жезлѣ" находимъ ссылки на Діонисія Ареопагита, Аѳанасія Александрійскаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Григорія Нисскаго, Іоанна Златоуста, Епифанія Кипрскаго, Августина Блаженнаго, Кирилла Александрійскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Григорія Синаита, Іоанна Дамаскина, Ѳеодора Студита, Ѳеофилакта Блаженнаго, также на Никона Черногорца и др.

онъ разыскивалъ такихъ богослужебныхъ книгъ, которыя съ древностью письма соединяли бы правильность текста. Изрѣдка встрѣчаются упоминанія объ историческихъ событіяхъ, а по поводу вопроса о безгрѣшномъ зачатіи Спасителя сообщается даже нѣсколько свѣдѣній, которыя несомнѣнно казались автору научными, изъ области физіологіи; они заимствованы изъ извѣстнаго сочиненія Альберта Великаго „De secretis mulierum“ (XIII вѣка) [1]).

Но если образованность Симеона и его критическій навыкъ ставили его гораздо выше расколоучителей, то въ самомъ способѣ его аргументаціи, а частію въ характерѣ его познаній и воззрѣній, были особенности, которыя препятствовали дѣйствію „Жезла“ на тѣхъ, противъ кого онъ былъ направленъ. Въ сухомъ внѣшнемъ однообразіи Симеоновыхъ возобличеній было много отталкивающаго; каждый параграфъ его полемическихъ отвѣтовъ имѣетъ строго-опредѣленную риторическую постройку: обыкновенно онъ начинается съ какой-нибудь общей, нерѣдко безсодержательной сентенціи, смыслъ которой примѣняется затѣмъ къ данному случаю; далѣе предлагаются самыя возраженія противъ мнѣній противника, состоящія изъ разныхъ логическихъ доводовъ, поясненныхъ уподобленіями или противоположеніями, и скрѣпляемыхъ, согласно правиламъ школьной реторики, авторитетными свидѣтельствами; наконецъ, изъ всего предыдущаго выводится заключеніе, конечно, въ пользу опровергающаго, и къ нему присоединяется убѣдительное обращеніе къ опровергаемому или увѣщательное — къ его послѣдователямъ, или къ православнымъ россій-

[1]) Быть можетъ, не безъ вліянія Симеона Полоцкаго сдѣланъ былъ въ Москвѣ, въ 1670 году, переводъ на славянскій языкъ этого Альбертова сочиненія подъ заглавіемъ: „О таинствахъ женскихъ, еже есть о силахъ травъ, камени, звери, птицъ и рыбъ“ (Буслаевъ. Истор. христоматія ст. 1350).

скимъ людямъ—да не соблазнятся ложными толкованіями расколоучителей. Авторъ, очевидно, приписывалъ не малую силу убѣдительности своему искусству изложенія и щеголялъ своимъ краснорѣчіемъ; но все это имѣло мало цѣны въ глазахъ упрямыхъ защитниковъ старины. Притомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ Симеонъ несомнѣнно злоупотреблялъ изворотливостью своей діалектики. Такъ, напримѣръ, по поводу замѣчанія Лазаря, что въ Никоновомъ Требникѣ помѣщена „молитва святаго Трифона заклинательная всякихъ гадовъ, червей и мшицъ... невѣдомо какая волшебная", Симеонъ доказывалъ, что Лазарь вообще не вѣритъ чудесамъ, совершаемымъ во имя Божіе; но это обвиненіе въ раціоналистическихъ стремленіяхъ было не болѣе какъ хитрою уловкою со стороны Полоцкаго, такъ какъ Лазарь выражалъ сомнѣніе отнюдь не въ силѣ заклинательной молитвы вообще, а лишь въ содержаніи той, которая приписана святому Трифону.

Далѣе, не смотря на обиліе цитатъ изъ отцовъ церкви, нельзя сказать, чтобы Симеонова книга по своему направленію вполнѣ отвѣчала какъ высокому нравственному, такъ и догматическому ученію древнихъ православныхъ отцовъ. Хотя въ предисловіи и затѣмъ въ разборѣ перваго обличенія Лазарева Симеонъ обѣщаетъ своимъ противникамъ кроткое увѣщаніе, на самомъ дѣлѣ онъ не слѣдуетъ примѣру древней церкви въ ея отношеніяхъ къ еретикамъ и, обращаясь къ раскольникамъ, оставляетъ въ сторонѣ всякую терпимость. Точно также и догматика, выработанная восточными отцами, соблюдена въ „Жезлѣ" не вполнѣ безукоризненно: высказанныя въ немъ мнѣнія о сопричастіи Пресвятой Дѣвы первородному грѣху и о времени пресуществленія святыхъ даровъ въ тѣло и кровь Христову совпадаютъ съ латинскими: естественное слѣдствіе того, что Симеонъ изучалъ богословіе въ Могилянской коллегіи по учебникамъ, со-

ставленнымъ на основаніи католическихъ системъ теологіи. Есть поводъ думать, что даже Библіей Симеонъ пользовался при обработкѣ своего сочиненія не въ славянскомъ, а въ латинскомъ переводѣ: и въ этомъ случаѣ онъ слѣдовалъ обычаю западно-русскихъ ученыхъ [1]). Такія уклоненія на сторону латинства не могли встрѣтить сочувствія со стороны великорусскихъ книжниковъ.

Содержаніе раскольничьей полемики заставило Симеона познакомиться съ нѣкоторыми произведеніями старинной собственно великорусской литературы. Такъ, онъ прочелъ нѣкоторыя сочиненія Максима Грека и его ученика Зиновія Отенскаго и написанное клирикомъ Василіемъ житіе Евфросина Псковскаго, а также ознакомился съ постановленіями Стоглаваго собора. Но вообще онъ недовѣрчиво и подозрительно относится къ явленіямъ великорусской образованности. Онъ постоянно противополагаетъ чистоту и правильность вѣроученія и обрядности на греческомъ востокѣ тому невѣжеству въ сферѣ религіозной, которое, по его мнѣнію, издавна упрочилось въ Москвѣ. Этимъ невѣжествомъ, этимъ отчужденіемъ отъ греческаго источника православія онъ не только объясняетъ тѣ невѣрности, которыя вѣками накопились въ русскихъ церковныхъ книгахъ, но признаетъ за уступку ему и тѣ выраженія въ словѣ, приписываемомъ Максиму Греку, которыя толковались раскольниками, какъ свидѣтельство въ пользу двуперстія (л. 62); точно также, отвергая двукратное возглашеніе аллилуіа, Симеонъ осуждаетъ указываемое по этому поводу старовѣрами свидѣтельство Евфросинова житія и называетъ это свидѣтельство „ложнаго и суесловнаго списателя буйствомъ“

---

[1]) См. „Жезлъ“, лл. 16, 41 об. и 47; ср. Описаніе рукописей Моск. синод. библіотеки, II, 3, стр. 414, 443 и 480. Вообще о книгѣ „Жезлъ“ см. статью проф. Нильскаго въ Христіанскомъ чтеніи 1860 г., ч. II.

(л. 86 об.). Никоновы изданія богослужебныхъ книгъ потому и одобряются Симеономъ, что введенныя въ нихъ исправленія открыто обличаютъ невѣжество прежнихъ московскихъ издателей. За то, въ противоположность этимъ книгамъ, свидѣтельствующимъ о низкомъ уровнѣ просвѣщенія въ Москвѣ, Симеонъ съ одобреніемъ указываетъ на произведенія кіевской печати (л. 131 об.) и вообще выражаетъ сочувствіе и уваженіе къ явленіямъ западно-русской образованности: онъ цитуетъ извѣстный „Лексиконъ славено-россійскій", изданный Памвою Берындою въ Кіевѣ въ 1627 году (л. 70 об.), и грамматику Мелетія Смотрицкаго, какъ непререкаемо-авторитетные источники по части филологическихъ знаній.

Предубѣжденнымъ взглядомъ Симеона на московское просвѣщеніе объясняется и то презрѣніе, которое онъ обнаруживаетъ въ отношеніи къ авторамъ челобитенъ. Величаясь своимъ школьнымъ образованіемъ, Симеонъ хотя и увѣренъ въ своемъ непобѣдимомъ превосходствѣ, но не хочетъ снизойдти до спора съ этими самоучками, какъ равный съ равными; онъ обращается къ нимъ свысока — съ насмѣшками и ироническими совѣтами „поискать разума у искуснѣйшихъ"; онъ постоянно укоряетъ ихъ въ незнаніи греческаго языка, въ невѣдѣніи грамматики, которое ставитъ ихъ ниже даже „дѣтей грамматичествующихъ", въ незнакомствѣ съ риторикой, діалектикой и богословіемъ. По его словамъ, Никита — это свинья, попирающая бисеръ, это гнусный вепрь въ церковномъ вертоградѣ (л. 25), — всю жизнь свою слѣпотствовалъ въ ночи невѣжества, а когда дерзнулъ, какъ сова, возвести свои мрачныя очеса въ свѣтлыя лучи святой богословіи, то не только не исправилъ, а еще въ конецъ погубилъ свое зрѣніе (л. 26 об.). Таковъ же и Лазарь, со своимъ богомерзкимъ полчищемъ, стремившійся невѣсту Жениха Небеснаго—церковь—уязвить хульными клеветами, какъ стрѣлами, напоенными аспидовымъ ядомъ

(л. 89). Никиту Симеонъ порицаетъ, преимущественно, за его невѣжество въ богословіи, а Лазаря — за неискусство въ грамматикѣ, за хулы на санъ архіерейскій и особенно за опасный намекъ, будто въ новыхъ книгахъ есть поруганіе царскому имени и боярской чести. Обоимъ челобитчикамъ высказываются угрозы не только отлученія отъ церкви и проклятія, но и ввержены въ огнь вѣчный и въ руки діавола.

Таковъ общій, далеко не примирительный характеръ полемики, господствующій въ тѣхъ обширнѣйшихъ отдѣлахъ Симеоновой книги, гдѣ авторъ относится непосредственно къ своимъ противникамъ. Хотя Никита и Лазарь, подобно Аввакуму, неспособны были понять его витіеватую рѣчь и столь же мало убѣждались его утонченными доводами, но разумѣется, они не могли не принять горячо къ сердцу укоры, насмѣшки и брань Симеона, тѣмъ болѣе, что она возглашалась отъ лица самого освященнаго собора; особенно должно было оскорблять ихъ явное презрѣніе Симеона къ тому складу образованія, который господствовалъ въ Москвѣ, и который они считали единственно православнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ челобитчики находили, что „Жезлъ" не представляетъ достаточно полнаго возраженія на ихъ обличенія: попъ Никита, который, по своему увлекающемуся характеру, не разъ отказывался отъ своихъ еретическихъ мнѣній и потомъ снова къ нимъ возвращался, на соборѣ 1682 года, предъ лицомъ патріарха Іоакима и царевны Софіи, открыто заявилъ, что въ книгѣ „Жезлъ" нѣтъ и пятой части отвѣту противъ его челобитной [1]). И дѣйствительно, въ обвиненіи этомъ есть доля справедливости: изъ сличенія „Жезла" съ соборнымъ дѣяніемъ 1666 года оказывается, что въ послѣднемъ разсмотрѣно и осуждено нѣсколько

---

[1]) Исторія о вѣрѣ—Саввы Романова, въ Лѣтописяхъ русск. литературы, т. V, отд. 2-й, стр. 138.

такихъ пунктовъ Никитиной челобитной, о которыхъ въ „Жезлѣ“ вовсе не упоминается [1]). Такимъ образомъ, полемическая книга Симеона, не смотря на всю свою пространность, не представила полной, спокойной и здравой критики челобитенъ и нисколько не способствовала къ прекращенію церковнаго разлада, но еще сама сдѣлалась впослѣдствіи предметомъ нападеній со стороны раскольниковъ. Жесткій тонъ „Жезла“ былъ въ соотвѣтствіи съ тѣми строгими мѣрами, которыми поразилъ раскольниковъ соборъ 1667 года, и какъ бы оправдывалъ ихъ.

Ставъ на крайнюю отрицательную точку зрѣнія въ отношеніи къ старой московской образованности, „Жезлъ“ не могъ заслужить общаго одобренія въ средѣ и православныхъ великоруссовъ. Мы уже знаемъ, что въ то время въ Москвѣ было нѣсколько образованныхъ духовныхъ лицъ, которыя мыслили съ Симеономъ розно по предметамъ религіознаго просвѣщенія: то были ученые старцы Чудова монастыря, гдѣ существовала своя, греческая, школа, и гдѣ заботливо изучались отцы восточной церкви. Здѣсь не прошло не замѣченнымъ, что Симеонъ, обличая невѣжество московскихъ книжниковъ, впадаетъ въ другую крайность и, вслѣдъ за своими кіевскими учителями-схоластиками, усвоиваетъ и предлагаетъ читателямъ догматическія толкованія въ духѣ латинства. Не даромъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ современниковъ Полоцкаго, ученый и трудолюбивый чудовскій монахъ Евѳимій, писалъ въ послѣдствіи: „Книги „Жезла“ списатель написа о зачатіи Пресвятыя Богородицы (и о тропарѣ: Поемъ Твое рождество, чтимъ и безсѣменное Твое зачатіе) противно мысли святыя восточныя церкви, не четъ греческихъ книгъ (не бо знаше что греческаго писанія), но четъ латинскія токмо книги и оттуду таковую мысль написа“ [2]).

---

[1]) Описаніе нѣкот. рукописей, относ. до раскола, соч. Ал. Б., II, стр. 73.

[2]) Описаніе рукописей Моск. синод. библіотеки, II, 3, стр. 480.

Впрочемъ, въ эпоху освященнаго собора критика эта еще не высказалась гласно, а торжественное одобреніе „Жезла" на соборѣ, напротивъ того, знаменательно свидѣтельствовало, что въ средѣ высшаго русскаго духовенства были и такіе люди, которые раздѣляли отрицательныя воззрѣнія Полоцкаго на старое московское образованіе. Воззрѣнія эти соотвѣтствовали вообще той склонности къ самообличенію, которая проявилась тогда въ нѣкоторой части русскаго общества. Въ соборномъ дѣяніи 1666 года мы видимъ то же строгое осужденіе русскаго невѣжества, которое замѣтили въ „Жезлѣ" [1]). Протопопъ Аввакумъ утверждаетъ, что на самомъ соборѣ, въ спорѣ о двуперстіи, нѣкоторые древніе представители русскаго православія были осуждаемы за свою необразованность [2]). Понимаемыя съ извѣстнымъ ограниченіемъ, осужденія эти выражаютъ ходячую мысль тогдашнихъ прогрессистовъ— сознаніе застарѣлаго общественнаго невѣжества, противъ котораго, однако, не умѣли еще принять необходимыя мѣры. Если взять въ разсчетъ, что главными обличителями раскола на соборѣ были митрополитъ Сарскій и Подонскій Павелъ, епископъ Рязанскій Иларіонъ и Паисій Лигаридъ [3]), а также то, что присутствовалъ на соборѣ

---

[1]) Впрочемъ, соборное дѣяніе 1666 года также составлено Симеономъ. Въ той самой рукописи Моск. дух. академіи, № 18, въ которой помѣщенъ черновой текстъ „Жезла", находится и черновой текстъ соборнаго дѣянія 1666 года, писанный рукою Полоцкаго (Матеріалы для исторіи раскола, т. II, стр. 49, прим.). Вотъ что̀ говоритъ объ этомъ текстѣ дѣянія В. М. Ундольскій: „Достойны замѣчанія замѣтки о соборѣ 1666 года: такую-то рѣчь выписать оттуда-то и, должно быть, изъ книги Типогр. библіотеки..., такую-то рѣчь попросить у государя и, если дастъ, вписать здѣсь. Много неизвѣстныхъ подробностей объ участи тогдашнихъ еретиковъ" (Моск. публ. музей, собраніе Ундольскаго, № 1411).

[2]) Автобіографія Аввакума въ Лѣтописяхъ русск. литературы, т. III, отд. 2-й, стр. 157.

[3]) Паисій самъ, въ своей исторіи о Никонѣ, свидѣтельствуетъ объ особенной ревности этихъ лицъ противъ раскола; см. Palmer, II, стр. 108—110. То же говоритъ о Павлѣ и Полоцкій; см. Описаніе рукописей Моск. синод. библіотеки, II, 3, стр. 217.

Лазарь Барановичъ, давній покровитель Полоцкаго и самъ видный представитель кіевской учености, съ большими похвалами отзывавшійся о „Жезлѣ“ въ письмахъ къ своимъ кіевскимъ знакомымъ [1]),—то можно съ увѣренностью сказать, что эти-то дѣятельнѣйшіе члены собора и образовали среди его группу единомысленную съ Симеономъ и доставили книгѣ Полоцкаго соборное одобреніе, въ которомъ „Жезлъ“ признавался „изъ чистаго серебра слова Божія и отъ священныхъ писаній и правильныхъ виннословій сложеннымъ“ [2]).

Такимъ образомъ, въ лицѣ Симеона Полоцкаго кіевская схоластическая ученость, перенесенная въ Москву и направленная противъ раскола, возникшаго на великорусской церковной почвѣ, вступила съ нимъ въ борьбу и хотя не съумѣла одолѣть его, но за то сама успѣла упрочиться и пустить крѣпкіе корни въ новомъ полѣ.

IV.

Симеонъ былъ человѣкъ твердаго закала, но вмѣстѣ съ тѣмъ обладалъ гибкимъ нравомъ; даже его ожесточенные враги не могли не назвать его добронравнымъ; этотъ отзывъ слѣдуетъ понимать, кажется, въ томъ именно смыслѣ, что Полоцкій отличался мягкостью обращенія, умѣлъ ладить съ людьми и владѣть собою, примѣняться къ обстоятельствамъ и пріобрѣтать расположеніе даже такихъ лицъ, которыя, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не сочувствовали его образу мыслей. Онъ прибылъ въ Москву со смѣлою мыслью добыть себѣ кусокъ хлѣба умственнымъ трудомъ, и счастливое для него стеченіе обстоятельствъ, по маломъ времени, дало ему возможность

---

[1]) См. Письма Лазаря Барановича, стр. 32, 43 и 46.

[2]) Дополненія къ акт. истор., IV, стр. 456.

написать такое сочиненіе, которое — худо ли, хорошо ли—удовлетворяло настоятельнымъ требованіямъ минуты. Ужь одинъ выборъ Симеона для того, чтобы составить опровержепіе на челобитныя Никиты и Лазаря, достаточно свидѣтельствуетъ, что ученость его была высоко оцѣнена царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и его близкими. По обнародованіи этого труда и по окончаніи великаго собора Симеону предстояло главнымъ образомъ сохранить за собою тотъ авторитетъ, который ему удалось пріобрѣсти такъ быстро.

У него продолжала оставаться въ завѣдываніи Спасская школа; но во второй половинѣ 1667 года мы видимъ его призваннымъ еще къ новой дѣятельности—въ должности учителя старшаго царскаго сына, царевича Алексѣя Алексѣевича: по праву и обязанности этого званія онъ присутствовалъ, 7-го сентября этого года, за торжественнымъ столомъ, который происходилъ въ царскихъ палатахъ по случаю объявленія царевича Алексѣя наслѣдникомъ престола, и произнесъ здѣсь поздравительную рѣчь, а потомъ сочинилъ для своего питомца рядъ привѣтствій въ стихахъ, которыя царевичъ долженъ былъ говорить наизусть царю, царицѣ и одной изъ царевенъ, сестрѣ государя [1]). Когда, въ 1669 году, скончался царевичъ Алексѣй, Симеонъ перешелъ, въ качествѣ наставника къ брату его Θеодору: 29-го іюня 1672 года, на торжественномъ столѣ по случаю крестинъ царевича Петра, въ числѣ другихъ офиціальныхъ лицъ снова присутствовалъ іеромонахъ-учитель Симеонъ, произнесшій по этому случаю стихотворное поздравленіе царю Алексѣю Михайловичу [2]). Подъ Симеоновымъ же вліяніемъ образова-

---

[1]) Забѣлинъ. Опыты, I, 199—200; упомянутыя стихотворенія см. въ Симеоновомъ сборникѣ „Риθмологіонъ" или „Стихословъ", въ рукописи Моск. синод. библіотеки по стар. каталогу № 287, лл. 26 и слѣд., 55 и слѣд. и 84—87; ср. Историч. христоматію Буслаева, ст. 1197—1199.

[2]) Привѣтствіе это сохранилось въ одной рукописи, принадлежащей

лась умная царевна Софія. При этомъ, однако, на Полоцкаго не былъ возлагаемъ трудъ обученія первоначальнаго; грамоту и письмо преподавали царевичамъ другіе учителя, менѣе высокаго образованія, чѣмъ Симеонъ; и напротивъ того, когда впослѣдствіи, въ 1679 году, пришло время обучать царевича Петра, то взятый къ нему учитель, Никита Зотовъ, самъ былъ порученъ надзору Полоцкаго, и подъ наблюденіемъ Симеона изданъ былъ тогда же новый букварь, въ которомъ помѣщены, между прочимъ, „привѣтства къ родителю и благодѣтелю" на разные церковные праздники, въ родѣ сочиненныхъ прежде Симеономъ для царевича Алексѣя. Предметы, которымъ искусный дидаскалъ обучалъ царскихъ дѣтей, были тѣ же, что̀ преподавались въ Спасской школѣ: латинскій языкъ, піитика съ риторикой и богословіе; царевичъ Алексѣй въ особенности отличался въ латыни, а царевичъ Ѳеодоръ обнаружилъ успѣхи преимущественно въ русскомъ стихотворствѣ; онъ даже перевелъ стихами, подъ руководствомъ Симеона, два псалма: 132-й и 145-й[1]). Такимъ образомъ Полоцкій сталъ главнымъ наставникомъ и руководителемъ образованія въ царской семьѣ. Можно догадываться, что именно это обстоятельство было главною причиною тому, что закрылась основанная имъ Спасская школа; по крайней мѣрѣ, съ 1668 года прекращаются свѣдѣнія о ней въ дѣлахъ тайнаго приказа. За то постоянною учебною дѣятельностью Симеона въ царской

архимандриту Леониду; см. замѣтку его Древней и Новой Россіи, 1876 г., т. IV, стр. 398.

[1]) См. отрывокъ изъ записки В. Н. Татищева о царствованіи Ѳеодора Алексѣевича, въ Исторіи Россіи С. М. Соловьева, XIII, примѣч. 181; Лѣтопись о зачатіи и рожденіи Петра Великаго въ Отеч. Запискахъ 1848 г., № 8, стр. 168; Забѣлинъ. Дом. бытъ русск. царей, ст. V, въ Отеч. Запискахъ 1854 г., стр. 14—15.—Московскій букварь 1679 года напечатанъ въ верхней типографіи, находившейся въ завѣдываніи Полоцкаго, и ужъ одно это обстоятельство, помимо содержанія книги, указываетъ на участіе Полоцкаго въ ея составленіи.

семьѣ объясняется происхожденіе нѣкоторыхъ его сочиненій, приноровленныхъ для учебныхъ цѣлей, а также—что еще важнѣе—постоянство его вліянія на верху, то-есть, въ царскихъ палатахъ.

Другимъ способомъ поддержанія близкихъ связей со дворомъ была для Симеона его дѣятельность какъ проповѣдника и стихотворца. Соборъ 1667 года указалъ на необходимость для народа живой проповѣди, которую уже давно замѣнилъ въ московскихъ церквахъ обычай читать поученія древнихъ отцовъ церкви. Воспитанный на риторикѣ, Симеонъ является усерднымъ исполнителемъ соборнаго опредѣленія. Какъ въ юго-западной Руси возникла, въ XVI—XVII вѣкахъ, при соборахъ, монастыряхъ и братствахъ особая должность проповѣдниковъ, которую занимали духовныя лица, получившія высшее образованіе, какъ еще ранѣе того при польскомъ дворѣ существовали особые придворные проповѣдники,—такъ и Симеонъ становится постояннымъ и какъ бы офиціальнымъ церковнымъ ораторомъ при дворѣ Московскомъ: изъ множества его поученій одни были произнесены въ присутствіи царя, другія сказаны въ дни, особливо памятные въ царской семьѣ, третьи, наконецъ, сочинены по распоряженію лицъ, близкихъ ко двору, каковы были царскій духовникъ Андрей Савиновъ и митрополитъ Сарскій и Подонскій Павелъ; эти послѣднія проповѣди, быть можетъ, даже и говорены были самими заказчиками, а не Симеономъ [1]). Точно также Полоцкій не упускалъ случая воспѣвать въ стихахъ разныя знаменательныя событія въ царской семьѣ, какъ напримѣръ, кончину царицы Маріи Ильиничны, бракъ Алексѣя Михайловича съ Наталіей Кирилловною, переселеніе царя въ новоотстроенный Коломенскій дворецъ, смерть царя Алексѣя, вѣнчаніе

[1]) Описаніе рукописей Моск. синод. библіотеки, II, 3, стр. 210—220 и 835—841.

Θеодора на царство и проч. Даже такія вирши его сочиненія, которыя, казалось бы, не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ событіямъ времени, и тѣ приспособлены къ интересамъ царскаго семейства; такъ, подъ названіемъ „Вертограда Многоцвѣтнаго“, онъ составилъ особый обширный сборникъ стихотвореній на весьма разнообразныя темы, какъ, напримѣръ, опредѣленіе религіозныхъ и нравственныхъ понятій, описаніе человѣческихъ свойствъ, нравоучительныя притчи и т. п., и всѣ эти піесы расположилъ въ алфавитномъ порядкѣ заглавій, такъ что любая изъ нихъ могла быть легко пріискана для чтенія въ честнóй бесѣдѣ, въ присутствіи царя и его дѣтей. Когда, въ 1672 году, въ царскихъ палатахъ возникли театральныя зрѣлища, Симеонъ, уже знакомый съ драматическимъ искусствомъ по Кіевской коллегіи, явился однимъ изъ первыхъ авторовъ, писавшихъ для московской придворной сцены. Такимъ образомъ, съ обязанностями офиціальнаго проповѣдника онъ соединилъ званіе придворнаго стихотворца и драматурга.

Поставивъ себя столь выгодно въ глазахъ государя, привлекая къ себѣ занимательностью своей бесѣды и пріятностью своего обращенія и сдѣлавшись необходимымъ человѣкомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ придворной жизни, гдѣ требовалась помощь словеснаго искусства, Симеонъ съумѣлъ пріобрѣсти себѣ и щедрыя царскія милости; почти съ самаго прибытія въ Москву онъ, какъ мы знаемъ, жилъ на дворцовомъ содержаніи; келлія его въ Спасскомъ монастырѣ, въ которомъ онъ былъ „строителемъ“, считалась богатѣйшею; онъ имѣлъ нѣсколько человѣкъ прислуги и лошадей, а если по временамъ оскудѣвали средства его существованія, или за какую-либо новую, съ его стороны, услугу ему не назначали награды, то онъ прибѣгалъ къ своему эпистолярному искусству и подавалъ царю челобитья: то просилъ онъ о возобновленіи погоднаго жалованья: „мнѣ-де, твоему богомольцу, пищи

и питія и прочихъ нужныхъ, кромѣ твоего царскаго милосердія, взяти негдѣ"; то билъ челомъ о дачѣ корму его лошадямъ съ царскихъ луговъ и съ житнаго двора или о присылкѣ дровъ изъ царскаго запаса, такъ какъ прежде данныя „изошли, а хладъ и мразъ наступаютъ"; то ходатайствовалъ о настилкѣ новой крыши на храмъ Всемилостивѣйшаго Спаса (при монастырѣ, въ которомъ жилъ) и о сооруженіи желѣзныхъ дверей къ его, Симеонову, погребу; то хлопоталъ о дачѣ жалованья своему брату, иноку Іоанну; то наконецъ, прямо заявлялъ просьбу о награжденіи за литературные труды: „Въ прошломъ, государь, во 177 году, егда изволилъ Господь Богъ блаженныя памяти государыню царицу и великую княгиню Марію Ильичну отъ временныя жизни пересeлити во вѣчную, написалъ я, твой государевъ холопъ, во похвалу святаго ея государыни житія и во воспоминаніе вѣчное добродѣтелей ея, вѣчныя памяти достойныхъ, книжицу хитростію піитическаго ученія и вручилъ тебѣ, великому государю, ради утоленія печали сердца твоего, и за тотъ мой прилежный трудъ отъ тебе, великаго государя, ничимъ я не пожалованъ. Да и въ настоящемъ, государь, въ 179 году, егда Господь Богъ изволилъ тебе, великаго государя, милосердымъ своимъ призрѣти окомъ и даровати тебѣ супружницу, благовѣрную государыню царицу и великую княгиню Наталію Кириловну, жаловалъ ты, великій государь, всякихъ чиновъ людей прещедрымъ, духовныхъ и мірскихъ, твоимъ царскимъ даяніемъ; а я, твой государевъ богомолецъ, и въ то время ничимъ не пожалованъ, а живу теперь въ большой скудости всѣхъ нуждныхъ, тако самъ, яко и люди мои. А не имѣю ни отвуду пособія нищетѣ моей, кромѣ твоего царскаго милосердія, и того ради молю твое царское благоутробіе: Милосердый государь царь и великій князь Алексій Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ! Пожалуй мене, богомольца своего,

за тыя моея книжицы художное написаніе и ради всемірныя радости, отъ твоего царскаго, Богомъ сочетаннаго супружества во всѣхъ православныхъ сердца изливаемыя, во воспоможеніе моея скудости, что тебѣ Господь Богъ извѣститъ о мнѣ. Царь государь, смилуйся пожалуй!"[1]) Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ такія просьбы щедрою рукою удовлетворялись со стороны государя; такъ напримѣръ, по свидѣтельству современныхъ записей, послѣ упомянутаго выше торжества объявленія царевича Алексѣя наслѣдникомъ престола въ 1667 году Симеону было дано: „10 аршинъ отласу зеленаго по двадцати шести алтынъ по 4 деньги аршинъ: да ему жь велѣно дать исподъ соболей въ 60 рублевъ, и ему данъ сорокъ соболей въ 60 рублевъ" [2]); въ другой разъ, на крестинномъ столѣ 1672 года, ему подали: четыре головы сахару вѣсомъ по три фунта каждая, два блюда сахаровъ узорочныхъ по полуфунту, сахаровъ-леденцовъ и конфектовъ два блюда по полуфунту, сахаровъ зеренчатыхъ блюдо, ягодъ винныхъ, финиковъ фунтъ на блюдѣ, трубочку корички, всего восемь блюдъ, да съ Сытнаго дворца полосу арбузную да другую дынную. Кстати замѣтить, мѣра угощенія ставила Симеона на ряду съ архимандритами важнѣйшихъ московскихъ монастырей, не смотря на его скромное званіе іеромонаха[3]).

О степени вліянія Симеона при Московскомъ дворѣ всего лучше могутъ свидѣтельствовать тѣ отношенія, которыя установились теперь между царскимъ любимцемъ и южно-русскими духовными лицами, нѣкогда наставниками его въ Кіевской коллегіи. Питомцы Кіевской школы скоро поняли значеніе, которымъ пользовался Симеонъ,

---

[1]) Вѣстникъ Европы 1828 г., № 7, стр. 37—47. См. еще Древн. Росс. Вивліоѳика, изд. 2-е, т. III, стр. 429.

[2]) Забѣлинъ. Опыты, I, 200.

[3]) Забѣлинъ. Домашн. бытъ русск. царей, ст. V—Отеч. Записки 1854 года, № 1, стр. 14—15.

и выгоды, которыя могутъ быть изъ того извлечены. „Посматриваемъ только", писалъ къ нему Лазарь Барановичъ въ горячую пору малороссійскихъ смутъ,—„на спокойное житье твоей пречестности близъ солнца — близъ его величества царя, и на всегдашнюю свѣтлую тишину; а мы подъ безпрерывнымъ находимся дождемъ: у насъ по угламъ стоятъ палки, — оттого-то и дождь не перестаетъ" [1]). Симеонъ вскорѣ дѣлается посредникомъ между южно-русскими духовными и московскою властью. Въ 1668 году, при его посредствѣ, одобряется Московскимъ патріархомъ Іоасафомъ сочиненіе Иннокентія Гизеля: „Миръ съ Богомъ", не смотря на то, что въ книгѣ этой высказаны нѣкоторыя догматическія положенія, считавшіяся въ Москвѣ неправильными [2]). Въ 1669 году Лазарь Барановичъ посылаетъ къ Симеону рукопись своего сочиненія „Трубы словесъ", съ просьбой устроить ея печатаніе въ Москвѣ, съ разрѣшенія царя и патріарха и подъ его, Симеона, надзоромъ. „Душевно радуюсь", присовокупляетъ Лазарь по случаю назначенія Симеона наставникомъ царевича,—„что и твоя пречестность поставленъ на высокую степень наставничества къ совершенію дѣла Божія. Да дастъ же тебѣ и силы Тотъ, кто благоволилъ о тебѣ тако, а ты, яко воинъ Христовъ, приклони ухо къ трубамъ". Подобныя просьбы и пожеланія сопровождались иногда и маленькими подарками: „Посылаю вамъ", говоритъ Лазарь въ томъ же письмѣ, — „майской, а слѣдовательно, здоровой полынной водки, приготовленія стараго нашего братскаго аптекаря, благочестиваго іерея; думаю, что понравится. Извольте, ваша пречестность, на здоровье кушать, а трубъ моихъ охотно слушать!" [3]) На этотъ разъ, однако, Симеонъ не могъ,

---

[1]) Письма Лазаря Барановича, стр. 51.
[2]) Описаніе рукописей Моск. синод. библіотеки, II, 3, стр. 508—509.
[3]) Письма Лазаря Барановича, стр. 87—88.

а можетъ быть, и не хотѣлъ удовлетворить желанію своего бывшаго учителя, и „Трубы“ не были напечатаны въ Москвѣ. Не по однимъ, впрочемъ, литературнымъ дѣламъ южно-русскіе духовные нуждались въ посредничествѣ Симеона: Лазарь сообщалъ ему и политическія новости, высказывалъ жалобы на московское управленіе и излагалъ свои мнѣнія о томъ, какъ лучше ладить съ казаками. „Князь Константинъ Осиповичъ Щербатовъ“, писалъ Лазарь осенью 1669 года,—„такъ насъ ущербилъ, что трехъ въ монастырѣ и между домашними не досчитаемся; похваляется еще на меня: пускай, говоритъ, сосетъ лапы. Слышать это мнѣ, истинному богомольцу и вездѣ ревностнѣйшему защитнику достоинства его царскаго пресвѣтлаго величества, нестерпимо. Если гдѣ пречестности твоей прійдется кстати при дворѣ, не оставь, ради дружбы, разсказать о нашей обидѣ“.—„Не разъ казаки дали себя знать ляхамъ“, пишетъ Лазарь въ слѣдующемъ письмѣ, — „и доказали на самомъ дѣлѣ, что горе вразумляетъ; потерявши, полякъ умудряется и разными способами приманиваетъ ихъ къ себѣ; но когда они сами добровольно стремятся къ его царскому величеству, то ихъ не должно отталкивать, потому что для самого же покумившагося и побратавшагося съ волкомъ сосѣда они стали бы опасными. Переговорите объ этомъ, ваша пречестность, на единѣ съ его милостію господиномъ Θеодоромъ Иртищемъ (Ртищевымъ), какъ съ мужемъ разсудительнымъ. Воеводъ отнюдь не хотятъ; для козака воевода— великая невзгода“ [1]). Не извѣстно, въ какой мѣрѣ осторожный Симеонъ считалъ удобнымъ принимать на себя ходатайство за интересы малороссіянъ; но неоднократныя обращенія къ нему Лазаря по этому поводу заставляютъ думать, что онъ не былъ глухъ къ просьбамъ Новгородъ-Сѣверскаго архіерея.

---

[1]) Письма Лазаря Барановича, стр. 50—53; ср. 64—65.

Пользуясь расположеніемъ царя Алексѣя Михайловича и дорожа его милостями, Симеонъ не искалъ однако никакого повышенія въ церковной іерархіи: онъ хорошо понималъ, что его благосостояніе и вліяніе зависитъ отъ близости его къ солнцу, какъ выражался Барановичъ. Даже въ обществѣ московскомъ Симеонъ, повидимому, не имѣлъ тѣсныхъ связей и, быть можетъ, чаще встрѣчалъ холодность, чѣмъ благосклонность. Изъ свѣтскихъ лицъ явно благоволили къ нему только Б. М. Хитрово да Ѳ. М. Ртищевъ. Изъ духовныхъ лицъ расположенъ былъ къ нему патріархъ Іоасафъ, поставленный на соборѣ 1666 года и довѣрившій ему составленіе соборнаго дѣянія; но онъ былъ дряхлый больной старикъ, черезъ силу несшій бремя своего высокаго сана и вскорѣ скончавшійся; патріархъ Питиримъ, недолго занимавшій престолъ, ничѣмъ особенно не обнаружилъ своей милости къ Полоцкому, а преемникъ Питирима Іоакимъ даже, напротивъ того, не скрывалъ своего нерасположенія къ нему, хотя и не вредилъ ему изъ уваженія къ благосклонности, которою пользовался Симеонъ отъ царя[1]). Изъ другихъ архіереевъ, кромѣ Паисія Лигарида, авторитетъ котораго, по окончаніи Никонова дѣла, значительно умалился въ Москвѣ, Симеонъ былъ близокъ особенно къ митрополиту Сарскому и Подонскому Павлу, который своимъ образованіемъ и, между прочимъ, знаніемъ греческаго языка самъ значительно выдѣлялся изъ среды тогдашняго московскаго духовенства. „Онъ былъ“, говорилъ Симеонъ въ своемъ надгробномъ словѣ Павлу (1675 года),—„что звѣзда утренняя среди облакъ, что луна въ полнолуніи, что солнце, сіяющее въ церкви Вышняго... Нѣтъ у меня силъ изъяснить всѣ доказательства его ревности къ Богу; вспомню только труды его, подъятые въ

[1]) Объ отношеніяхъ Іоасафа къ Симеону см. Описаніе рукописей Моск. синод. библіотеки, II, 3, стр. 509; тутъ же и отзывъ патріарха Іоакима о Полоцкомъ.

борьбѣ съ нечестивыми раскольниками. Противъ нихъ онъ стоялъ, какъ Петръ противъ Симона волхва, какъ Павелъ противъ Элима и греческихъ суемудрецовъ, какъ Николай Чудотворецъ противъ Арія. Книжнымъ людямъ онъ былъ отецъ, домъ его—пристанище, трепеза—обильное пропитаніе не только тѣлесное, но и духовное, ибо они столько же насыщали души словомъ Божіимъ, сколько тѣло брашнами" [1]). Изъ этихъ словъ ясно видно, что сближеніе Симеона съ Павломъ основано было на сочувствіи послѣдняго къ просвѣщенію и на одинаковости ихъ воззрѣній на раскольниковъ, въ которыхъ оба видѣли только представителей застарѣлаго невѣжества.

Въ ряду людей менѣе значительныхъ, по крайней мѣрѣ въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, Симеонъ упрочилъ свою дружескую связь съ бывшимъ своимъ ученикомъ въ Спасской школѣ, подъячимъ Семеномъ Медвѣдевымъ. Этотъ даровитый молодой человѣкъ вскорѣ усвоилъ себѣ весь тотъ складъ образованія, представителемъ котораго явился въ Москву Полоцкій. Полюбивъ науки, онъ пожелалъ, по собственному его выраженію, „устранитися міра и его молвы" и въ 1672 году удалился, еще бѣльцомъ, въ Молченскую Путивльскую пустынь. „Богу поспѣшествующу ми", писалъ онъ отсюда къ Симеону,— „(ничтоже усумнѣнія имѣя глаголю) за твоимъ мнѣ къ нему предстательствомъ, купно съ пречестнымъ отцемъ Софроніемъ и прочіею братіею до предпріятаго пути достигохомъ въ цѣлости бывшаго моего тѣлеснаго здравія, марта 14 дня, и обрѣтохъ братію явившихся и являющихся мнѣ благопріятыхъ, мѣсто—красотою, уединеніемъ и изобиліемъ надъ иныя сицевыя мѣста богато; аще бы единъ изъятъ былъ страхъ военный, то со трудностію бы ко благоутишію покоя кому обрѣсти таковое мѣсто; за еже все Бога, благихъ подателя, нами присно промыш-

[1]) Описаніе рукописей Моск. синод. библіотеки, II, 3, стр. 216—217.

ляющаго, благодаря, и тебе, мнѣ отъ Него во изневѣжествованіе и храненіе даннаго, любезнѣйшаго, милостиваго отца и благотворителя, молю ради того божественнаго Промысла, иже мене твоей святости вручи и преискреннюю во твоемъ сердцѣ ко мнѣ отеческую твою любовь огнемъ благодати Своея возже, не опусти мя... изъ любви твоея... яко же въ неразстояніи мѣста созерцая мя имѣлъ еси"... Уже самое письмо, изъ котораго мы привели отрывокъ, изысканнымъ и цвѣтистымъ слогомъ своимъ доказываетъ, что Медвѣдевъ былъ достойнымъ ученикомъ Полоцкаго; весьма вѣроятно, что предпочтеніе иноческаго житія мірской жизни, которое Симеонъ нерѣдко высказывалъ въ своихъ проповѣдяхъ и другихъ сочиненіяхъ, какъ неизбѣжный—казалось ему—логическій выводъ изъ евангельскаго ученія о нравственности, произвело сильное впечатлѣніе на Медвѣдева: около 1674 года послѣдній принялъ монашество тѣмъ охотнѣе, что условія монашеской жизни особенно благопріятствовали его ученымъ наклонностямъ. Продолжая жить въ Путивльскомъ монастырѣ, Медвѣдевъ велъ съ Симеономъ переписку, и его восторженныя, хотя и исполненныя риторическихъ хитростей письма, свидѣтельствуютъ о той преданности, которую онъ питалъ къ своему образователю. Впослѣдствіи Медвѣдевъ возвратился на жительство въ Москву, и Симеонъ доказалъ свое расположеніе къ нему тѣмъ, что поручилъ ему приготовлять къ изданію свои произведенія[1]). Симеонъ могъ по истинѣ гордиться

---

[1]) Свѣдѣнія объ этихъ сношеніяхъ Полоцкаго съ Медвѣдевымъ находятся въ письмахъ послѣдняго, черновое собраніе которыхъ найдено покойнымъ В. М. Ундольскимъ въ одной рукописи М. П. Погодина. Копіи съ этихъ писемъ, снятыя Ундольскимъ, хранятся въ собраніи его рукописей въ Моск. публ. музеѣ (№ 793), гдѣ мы ими и пользовались. См. также статью Ундольскаго о С. Медвѣдевѣ въ Чтеніяхъ Моск. Общества исторіи и древностей 1846 г., № 3. Редакціонныя работы Медвѣдева надъ сочиненіями Полоцкаго видны изъ рукописей послѣдняго, хранящихся въ Моск. синод. библіотекѣ; см. ея Описаніе, II, 3.

этимъ ученикомъ своимъ, который являлся усерднымъ хранителемъ и дѣятельнымъ продолжателемъ его направленія.

Гораздо менѣе искреннія отношенія существовали между Симеономъ и другимъ свѣтиломъ учености, съ которымъ судьба столкнула его въ Москвѣ: то былъ іеромонахъ Епифаній Славинецкій. Эта натянутость отношеній происходила оттого, что въ образѣ ихъ мыслей было слишкомъ много различія, но, съ другой стороны, оба они были люди осторожные, оба дорожили выгодами своего положенія и потому не обратили своего разномыслія въ личный разладъ. Во всякомъ случаѣ исторія этихъ отношеній заслуживаетъ особеннаго вниманія и проливаетъ свѣтъ на личность Полоцкаго.

Выше было сказано, что съ начала второй половины XVII вѣка, въ Москвѣ существовалъ особый ученый кружокъ, руководившій греческою школою, которая находилась въ Чудовомъ монастырѣ. Еще въ 1649 году, по вызову царя, прибылъ въ Москву изъ Кіева іеромонахъ Епифаній Славинецкій, съ нѣсколькими товарищами. Мудрѣйшій инокъ Епифаній, какъ называли его современники, былъ, подобно Полоцкому, питомцемъ Кіевской братской школы, но находился въ ней еще до преобразованія ея Петромъ Могилою, когда въ ней тщательно изучался не только латинскій, но и греческій языкъ, и схоластика еще не пустила тамъ глубокихъ корней, какъ въ училищахъ католическихъ. Это глубокое знаніе греческаго языка Епифаній и положилъ въ основу своего образованія; онъ былъ весьма начитанъ въ Священномъ Писаніи, славянскій переводъ котораго свѣрялъ съ греческимъ текстомъ, также въ греческихъ отцахъ церкви и въ церковныхъ канонахъ; практически выработанное сознаніе пользы „греческаго ученія" онъ принесъ и въ Москву и открыто высказывалъ его здѣсь вопреки сложившемуся у московскихъ книжниковъ мнѣнію, что пра-

вославіе на греческомъ востокѣ повредилось съ тѣхъ поръ, какъ Константинополь взятъ турками, и какъ греческія книги стали печататься на западѣ. „О, сколь великое благо“, писалъ онъ,—„ясный лучъ греческаго ученія, разрушающій тьму мрачнаго невѣдѣнія, озаряющій востокъ и западъ, просвѣщающій сѣверъ и югъ и обливающій блескомъ всю вселенную! А ненавистный человѣкъ Маркъ Катонъ, ослѣпленный тьмою ненависти, такъ возненавидѣлъ ясный лучъ греческаго ученія, что воспретилъ сыну своему озарить имъ свой разумъ. Не слѣпъ ли былъ сей ненавистникъ, не видѣвшій благополезнаго блага? И въ нынѣшнее время вездѣ обрѣтаются ослѣпленные мракомъ невѣдѣнія, которые ненавидятъ ясные лучи ученія и усиливаются разсѣять ихъ темнымъ облакомъ лести, коварства, противленія и лицемѣрія“ [1]). Въ Москвѣ учено-литературная дѣятельность Епифанія состояла главнымъ образомъ въ исправленіи богослужебныхъ книгъ и въ переводѣ цѣлаго ряда отеческихъ твореній, систематически подобранныхъ по разнымъ отраслямъ богословія; въ трудахъ этихъ онъ прилагалъ величайшее стараніе къ точнѣйшему уразумѣнію и передачѣ подлинниковъ: поэтому и составленный имъ „Филологическій лексиконъ“ или сводъ изъ разныхъ мѣстъ отцовъ церкви, объясняющихъ смыслъ словъ и выраженій Священнаго Писанія, характеристически опредѣляетъ отличительное свойство его ученыхъ трудовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ и объ обширности его познаній. Вообще, Епифаній былъ богословъ по преимуществу, и притомъ представитель такъназываемаго положительнаго богословія, то-есть, такого, которое основываетъ свои положенія исключительно и непосредственно на Священномъ Писаніи и толкованіяхъ святыхъ отцовъ.

---

[1]) Описаніе рукописей Моск. синод. библіотеки, II, 3, стр. 202—203; отрывокъ приведенъ въ сокращеніи.

въ богословіи и заявилъ, что онъ желаетъ остаться исключительно на почвѣ отеческаго преданія, пренебреженнаго католическими теологами. Въ этомъ и выразилось его существенное разномысліе съ Полоцкимъ, который, по примѣру своихъ кіевскихъ учителей, обильно пользовался богословами-схоластиками.

Впрочемъ, описанное преніе не имѣло въ то время никакихъ важныхъ послѣдствій для обличеннаго Симеона; по кроткому ли характеру Епифанія, по сдержанности ли Симеона, но личныя ихъ отношенія остались, какъ мы уже сказали, не нарушенными до самой смерти Славинецкаго. Правда, когда, въ 1674 году, Епифаній задумалъ приступить къ новому переводу Священнаго Писанія, онъ не пожелалъ принять въ число своихъ сотрудниковъ Симеона, какъ не знакомаго съ греческимъ языкомъ; но умирая, въ томъ же году, онъ не забылъ Полоцкаго въ своемъ завѣщаніи, а Полоцкій почтилъ его нѣсколькими эпитафіями, въ которыхъ называлъ его извѣстнымъ учителемъ, искуснымъ богословомъ и изслѣдникомъ правыхъ Священныхъ Писаній во многихъ языцѣхъ, мужемъ исполненнымъ мудрости, кроткимъ и честнымъ [1]).

Смерть Славинецкаго была, конечно, тяжелымъ ударомъ для сторонниковъ „греческаго ученія", но впрочемъ не разстроила этого кружка окончательно: инокъ Евфимій, пользуясь покровительствомъ патріарха Іоакима, бывшаго прежде Чудовскимъ архимандритомъ, заботливо поддерживалъ въ Чудовомъ монастырѣ преданіе, завѣщанное учителемъ, и по мѣрѣ силъ охранялъ чистоту православнаго ученія въ русскомъ обществѣ отъ наплыва латинскихъ мудрованій. Какъ человѣкъ умный и про-

---

[1]) Словарь пис. духовн. чина, митроп. Евгенія, изд. 2-е, I, стр. 180—181; Русск. истор. альбомъ, М. П. Погодина, л. 17; эпитафіи помѣщены въ Симеоновомъ „Вертоградѣ Многоцвѣтномъ".

священный, Евѳимій не могъ отвергать, что Симеонъ обладалъ значительными познаніями; случалось даже, что онъ совѣтовался съ Полоцкимъ по предмету своихъ богословскихъ трудовъ[1]); но въ то же время онъ зорко слѣдилъ за каждымъ шагомъ учено-литературной дѣятельности Симеона, отмѣчалъ разныя латинскія новшества въ его сочиненіяхъ и сильно возмущался постоянно возроставшимъ авторитетомъ его. Самимъ Евѳиміемъ или, по крайней мѣрѣ, изъ его кружка пущенъ былъ слухъ, что Симеонъ—воспитанникъ іезуитовъ[2]); по всей вѣроятности, это извѣстіе, не имѣющее никакихъ прочныхъ основаній, есть только удобное объясненіе латинскихъ мудрованій Полоцкаго; но въ свое время такая молва могла грозить большою бѣдою царскому учителю и придворному проповѣднику. Сохранилось одно, написанное Евѳиміемъ, сатирическое „слово", въ которомъ онъ пытается изобразить хитреца, соблазняющаго другихъ людей льстивыми рѣчами для того, чтобъ оклеветать и погубить ихъ: такой де человѣкъ „смиренномъ челомъ бьетъ и кланяется до земли—дабы каменіе собралъ и на главу твою металъ, и нѣкогда сказуетъ: виноватъ, а за дверьми наготовилъ на тебя семь лопатъ" и т. д. Зная, о чемъ болѣло сердце Евѳимія, и о чемъ такъ горячо заботился онъ всю свою жизнь, можно догадаться, что эта неумѣло написанная притча была направлена противъ Симеона Полоцкаго[3]). Но стрѣлы сатиры, надъ со-

---

[1]) Описаніе рукописей Моск. синод. библіотеки, II, 2, стр. 67—68.

[2]) Объ этомъ упоминается неоднократно въ „Остенѣ", напримѣръ, стр. 75, 130—131, также въ „Щитѣ вѣры"; см. Описаніе рукописей Моск. синод. библіотеки, II, 3, стр. 514 и др.

[3]) „Слово" Евѳимія напечатано г. Тихонравовымъ въ Лѣтописяхъ русск. литературы, т. III, отд. 3, стр. 17—19, по рукописи Моск. синод. библіотеки, по стар. каталогу № 577. Въ подлинномъ заглавіи слова прямо сказано, что оно написано при жизни царя Алексѣя. По смыслу своему слово могло бы быть направлено сколько противъ С. Полоцкаго, столько же и противъ С. Медвѣдева; но до 1676 года послѣдній былъ еще незначительнымъ человѣкомъ.

чпненіемъ которой отводилъ душу въ своей келліи этотъ фанатикъ „греческаго ученія“, уже не достигали царскаго милостивца, и царь Алексѣй Михайловичъ до конца своей жизни не измѣнялъ своему любимцу, который умѣлъ внушить уваженіе не только къ божественной, но и къ мірской мудрости и къ словесному художеству въ царскихъ палатахъ.

V.

По изданіи въ свѣтъ „Жезла“ литературная дѣятельность Симеона Полоцкаго развилась въ широкихъ размѣрахъ; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ произноситъ болѣе двухсотъ проповѣдей, пишетъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе обширныхъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ и, кромѣ того, переводитъ нѣсколько книгъ съ латинскаго языка. Если припомнить, что въ то же время Симеонъ былъ наставникомъ царскихъ дѣтей, то нельзя не признать за нимъ и замѣчательнаго трудолюбія, и способности работать легко и скоро.

Нѣсколько сочиненій написано Симеономъ съ цѣлью, какъ кажется, служить пособіями при его учебныхъ занятіяхъ въ царскихъ палатахъ. Таковы именно: „Житіе и ученіе Христа Господа и Бога нашего“, „Вѣнецъ вѣры каѳолическія“ и „Книга краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ катехизическихъ“. Сочиненія эти, взятыя въ совокупности, составляютъ курсъ христіанскаго ученія, какъ разумѣлъ его Симеонъ.

Содержаніе перваго изъ названныхъ трудовъ вполнѣ опредѣляется его подробнымъ заглавіемъ: „Житіе и ученіе Христа Господа и Бога нашего, отъ божественныхъ Евангелій расположенное, съ показаніемъ свидѣтелствъ святыхъ евангелистовъ, о чесомъ вси 4, или 3, или 2, или точію единъ, и въ коей главѣ пишетъ“. Это согла-

шеніе или сводъ сказаній евангелистовъ, составленный съ цѣлью удобнѣйшаго обозрѣнія всей евангельской исторіи. Не смотря на несложность своей задачи, произведеніе это обработано Симеономъ не самостоятельно, а на основаніи подобнаго же свода, составленнаго извѣстнымъ нѣмецкимъ ученымъ Герардомъ Меркаторомъ (1512—1594 гг.) и пополнено, въ главѣ о страстяхъ Господнихъ, изъ труда англійскаго богослова Генриха Мора (1614 — 1687 гг.). Поэтому, „Житіе“ не представляетъ самостоятельнаго интереса и любопытно только въ томъ отношеніи, что Симеонъ положилъ въ основу его католическія сочиненія [1]).

Несравненно болѣе значенія имѣетъ „Вѣнецъ вѣры“. Это сочиненіе, написанное въ 1670 году, принадлежитъ къ числу наиболѣе замѣчательныхъ и характеристическихъ произведеній Полоцкаго; направленіе автора, образъ его мыслей и характеръ его образованія выразились здѣсь едва ли не сильнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ изъ его писаній.

Предметъ „Вѣнца вѣры“ есть изложеніе основныхъ истинъ христіанской религіи. На заглавномъ листѣ книги, какъ и въ „Жезлѣ“, находится символическій рисунокъ, соотвѣтствующій ея содержанію и объясняющій ея заглавіе; рисунокъ изображаетъ гирлянду цвѣтовъ, и на четырехъ ея сторонахъ извнѣ помѣщены херувимы; внутри гирлянды выведенъ кругъ, усѣянный звѣздами, а въ срединѣ круга начертанъ треугольникъ, на углахъ котораго, въ кружкахъ съ сіяніемъ, вписаны слова — въ одномъ:

---

[1]) Описаніе рукописей Моск. синод. библіотеки, II, 3, стр. 236—237. Здѣсь сочиненіе „Житія“ на основаніи собственноручной отмѣтки Симеона на синодальной рукописи, отнесено къ 1676 г. Но въ библіотекѣ Моск. дух. академіи, подъ № 68, есть другой списокъ этого же сочиненія, тоже руки Симеона, въ которомъ оно помѣщено рядомъ съ сочиненіями его 1666—1670 гг. (см. замѣтки В. М. Ундольскаго въ Моск. публ. музеѣ, № 1411); поэтому можно думать, что „Житіе“ написано ранѣе 1676 г., и что помѣта синодальной рукописи означаетъ время не сочиненія, а переписки этого труда.

ѻ҃цъ, въ другомъ: с҃нъ, въ третьемъ: д҃ухъ с҃тый; четвертый кружокъ въ срединѣ содержитъ въ себѣ надпись: б҃гъ; въ линіяхъ треугольника, соединяющихъ между собою три первые кружка, повторяется слово нѣсть, и выходитъ: Отецъ нѣсть Сынъ,—нѣсть Духъ Святый, и обратно; на линіяхъ же, соединяющихъ три первые кружка со срединнымъ, написано: єсть, и читается: Отецъ, Сынъ и Духъ Святый есть Богъ. Такимъ образомъ, рисунокъ этотъ знаменуетъ, что „Вѣнецъ вѣры" содержитъ въ себѣ ученіе о Богѣ единомъ въ трехъ лицахъ [1]). Симеонъ объясняетъ въ предисловіи, что онъ потщился „отъ различныхъ нивъ различныя цвѣты собрати и отъ нихъ... вѣнецъ соплести прекрасный и увяденія непричастный". Вѣнецъ сплетенъ „изъ различныхъ цвѣтовъ богословскихъ и прочіихъ" и сооруженъ „душамъ вѣрныхъ, яко дѣвамъ Жениха Небеснаго, во украшеніе и во воню благоуханія духовнаго". Эти слова указываютъ, между прочимъ, на компилятивный характеръ Симеоновой книги; примѣняясь къ ограниченнымъ условіямъ развитія старпннаго русскаго читателя, авторъ старается излагать свой предметъ какъ можно проще и общедоступнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, придать своему сочиненію наибольшій интересъ, даже въ чисто внѣшнемъ литературномъ смыслѣ.

„Вѣнецъ" сплетенъ „яко на златой обручьцѣ, на основаніи символа, отъ святыхъ апостолъ составленнаго". Символъ же этотъ, поясняетъ Симеонъ,—сложенъ апостолами въ день сошествія Святаго Духа, когда они хотѣли идти на вселенскую проповѣдь — „да во всѣхъ концехъ земли едино всѣхъ вѣрныхъ исповѣданіе будетъ"; каждому изъ апостоловъ принадлежитъ по одному изъ членовъ сим-

---

[1]) Описанный рисунокъ находится въ рукописи „Вѣнца вѣры", принадлежащей Моск. синод. библіотекѣ, № 252 по новому каталогу; но онъ повторяется и въ нѣкоторыхъ другихъ спискахъ этого сочиненія. Для приводимыхъ далѣе выписокъ и извлеченій изъ „Вѣнца вѣры" мы пользовались рукописью Имп. Публ. Библіотеки F. I. 187.

вола. Древность апостольскаго символа авторъ подтверждаетъ разными свидѣтельствами изъ твореній Августина Блаженнаго, Іеронима, Кипріана, Іоанна Златоуста, Климента; на этомъ основаніи Симеонъ и отдаетъ ему преимущество предъ другими тремя, извѣстными ему, древними символами (Никейскимъ, Константинопольскимъ и Аѳанасія Великаго), тѣмъ болѣе, что, по его мнѣнію, всѣ они „единъ отъ другаго пространствомъ точію различующіи, а не вещей несогласіемъ". Установивъ это основаніе, авторъ переходитъ къ подробному разсмотрѣнію членовъ символа и каждому изъ нихъ посвящаетъ по нѣскольку главъ. Порядокъ изложенія догматовъ въ символѣ даетъ Симеону возможность представить читателю полное обозрѣніе христіанскаго вѣроученія. При этомъ по каждому отдѣльному пункту авторъ сперва предлагаетъ разсужденіе отъ своего лица, подтверждая его, гдѣ нужно, свидѣтельствами и мнѣніями церковныхъ авторитетовъ, а затѣмъ дополняетъ его особымъ разъясненіемъ подробностей и опроверженіемъ возможныхъ возраженій — по схоластической методѣ — въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Развитіе мыслей у Симеона обильно; но обиліе это служитъ не къ тому, чтобы полнѣе доказать выставленное положеніе, а къ тому, чтобъ освѣтить предметъ возможно разностороннѣе, возбудить возможно большее количество вопросовъ и дать на нихъ отвѣты. Иногда авторъ довольствуется, для подтвержденія своего мнѣнія, однимъ или двумя свидѣтельствами, даже сомнительными, иногда совершенно оставляетъ въ сторонѣ обычныя доказательства на извѣстное догматическое положеніе, иногда приводитъ по одному и тому же предмету нѣсколько мнѣній разногласныхъ, не присоединяя къ нимъ своего собственнаго разсужденія и, какъ бы опасаясь наскучить читателю продолжительностью своей рѣчи, спѣшитъ перейдти къ новымъ вопросамъ. Эта неустанная пытливость его ума нерѣдко увлекаетъ

его за предѣлы точнаго познанія и положительныхъ догматовъ, и тогда авторъ пускается въ предположенія и гаданія болѣе или менѣе фантастическія. Въ особенности это замѣтно въ той части его изложенія, которой дана катехизическая форма; здѣсь не знаешь, чему болѣе удивляться—изобрѣтательности ли вопросовъ, или изворотливости отвѣтовъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ разсужденіи о созданіи человѣка Симеонъ, сказавъ, что люди, еслибы не согрѣшили, жили бы въ раю, предлагаетъ вопросъ: какъ могло бы тамъ вмѣститься все человѣчество,—и отвѣчаетъ: одни бы изъ людей нарождались, а другіе умирали бы, и умирающіе были бы уносимы на небо. Далѣе опять вопросъ: были бы люди, въ такомъ случаѣ, наги,—и отвѣтъ: да, но безъ стыденія и срама. Въ разсужденіи о благовѣстіи встрѣчаемъ такой вопросъ: къ какому чину ангельскому принадлежалъ Гавріилъ? На него отвѣтъ таковъ: многіе считаютъ Гавріила во второмъ чинѣ, архангельскомъ, ибо служеніе архангеловъ въ томъ и состоитъ, чтобы благовѣстить людямъ; но вѣроятнѣе, что благовѣстникъ былъ изъ начальныхъ ангеловъ, такъ какъ и соблазнитель Евы былъ того же чина. Въ разсужденіи „о имущихъ судитися" на страшномъ судѣ Симеонъ спрашиваетъ: будутъ ли у судимыхъ заступники и отглагольники (то-есть, адвокаты)? Отвѣтъ: будутъ; каждому человѣку — совѣсть его. Въ разсужденіи „о возстаніи тѣлесъ" авторъ задаетъ себѣ еще болѣе странный вопросъ: въ комъ возстанетъ ребро Адамово, въ немъ ли самомъ, или въ Евѣ? Отвѣтъ дается въ такой формѣ: „Ребро во Адамѣ не бяше ради совершенства лица его, но ради размноженія вида,—того ради не возстанетъ въ немъ, но въ Евѣ, яко и сѣмя не возстанетъ въ отцѣ, но въ чадѣ, отъ сѣмене зачатомъ во образѣ плоти". Въ томъ же разсужденіи объясняется, что при возстаніи мертвыхъ человѣкъ воскреснетъ „со всѣми уды своими": даже и кишки „воскреснутъ, но не гноемъ смраднымъ напол-

нены, но преизрядными влагами", и власы, и ногти возстанутъ и т. д.

Въ подобныхъ вопросахъ и отвѣтахъ особенно ярко обнаруживается мнимо-ученое схоластическое направленіе, вынесенное Симеономъ изъ Могилянской коллегіи. Точно также вліяніе школы замѣтно въ значительной степени и въ литературныхъ пріемахъ, которые употребляетъ авторъ „Вѣнца". Въ его изложеніи нерѣдко замѣчается параллелизмъ, игра словами и т. п. Такъ, напримѣръ, въ упомянутомъ уже разсужденіи о благовѣстіи находимъ слѣдующее сопоставленіе: „Отъ бесѣды Евы съ аггеломъ лукавымъ паденіе міра начася; отъ бесѣды вторыя Евы, преблагословенныя Дѣвы Маріи, со благимъ ангеломъ и исправленіе міра пріять си начало. И тако, тѣмъ же путемъ, имже паде человѣкъ ко смерти, въ животъ возвратися". Впрочемъ, подобное сопоставленіе между Дѣвою Маріей и прародительницею рода человѣческаго издревле встрѣчается неоднократно въ памятникахъ христіанской литературы, а вслѣдствіе того, и въ нашей старинной письменности [1]). Въ разсужденіи „о Рождествѣ Христовѣ" говорится, что Спаситель родился въ Виѳлеемѣ, маломъ городѣ, — „да отразитъ хвалу людей суетную, юже себѣ созидаютъ, яко во славныхъ и велицѣхъ родишася домѣхъ или мѣстехъ: не долженъ бо человѣкъ похвалятися мѣстомъ, но мѣсто человѣкомъ". Такъ, и народная пословица нашла себѣ мѣсто въ богословскомъ разсужденіи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ считаетъ нужнымъ, соотвѣтственно предмету рѣчи, возвышаться до паѳоса и вслѣдствіе того измѣняетъ свой обычный тонъ спокойнаго разсужденія на настроенный по правиламъ школьной риторики тонъ ораторской рѣчи. Какъ образецъ подобнаго изложенія можно привести слѣдующія слова изъ разсужденія „о смерти Хри-

[1]) См., напримѣръ, въ Памятникахъ старинной русской литературы, т. III, стр. 76, статью изъ Торжественника XV вѣка.

стовой“: „О, смерти, коль горка память твоя! Горка — яко ты сладость нашу Іисуса умертвила еси! И горкою желчію прежде напоила еси паче водъ мерры, чесо ради мерзска еси всякому человѣку; но и самому Богочеловѣку зловкусна показалася еси. Ибо не хотяше твоея пити чаши и моли Отца Небеснаго да мимо идетъ... Но, о Христе, воля есть Отца Небеснаго, да испіеши ю совершенно, и да не горка ти будетъ. Се яко Моисей осладп воды мерры древомъ, тако и чаша смерти ослаждаетъ ти ся крестнымъ древомъ. Пилъ убо Іисусъ пресладкій горкую смертную чашу; пилъ же благохотно и жадно, даже возгласити ему жажду“.

Весьма замѣчательна мысль Симеона основать свою догматику на такъ-называемомъ апостольскомъ символѣ вѣры. Преданіе, записанное въ концѣ IV вѣка, приписываетъ первоначальное изложеніе догматовъ христіанской вѣры совокупному труду апостоловъ, — что и слѣдуетъ считать несомнѣннымъ; но точно также не подлежитъ сомнѣнію и то, что ни въ какой формѣ символъ не былъ изложенъ самими апостолами письменно, что онъ читался въ разныхъ мѣстныхъ церквахъ востока и запада неодинаково и получалъ различныя добавленія по мѣрѣ надобности, пока наконецъ церковь не утвердила его настоящей формы: это было дѣломъ первыхъ двухъ вселенскихъ соборовъ — въ Никеѣ и Константинополѣ. Одна изъ древнихъ формъ апостольскаго символа существовала въ до-никейское время въ мѣстной церкви Римской, и между тѣмъ какъ въ теченіе IV вѣка мѣстныя восточныя церкви внесли въ свои апостольскіе символы не только никейское вѣроисповѣданіе, но и другія прибавленія разнаго рода, мѣстная Римская церковь оставила тогда свою форму символа безъ измѣненія; также поступили и другія такъ-называемыя латинскія церкви. Съ теченіемъ времени всѣ онѣ однако приняли форму апостольскаго символа Римской церкви, который, съ развитіемъ догматики на

западѣ, также подвергся измѣненіямъ; окончательная форма его установлена тамъ только на Тридентскомъ соборѣ 1545 — 1563 годовъ и въ такомъ видѣ употребляется у католиковъ нынѣ [1]). Симеонъ Полоцкій, разумѣется, не могъ основать свое изложеніе христіанскихъ догматовъ на этой позднѣйшей формѣ римскаго символа; но онъ имѣетъ въ виду ту форму его, которая находится у блаженнаго Августина, въ поученіи, произнесенномъ имъ по принятіи пресвитерскаго сана въ 391 году (de Symbolo sermo ad catechumenos). Въ этомъ видѣ апостольскій символъ, говоритъ Симеонъ, — „аще и не тако полнъ, яко протчіи, видится, обаче вся согласна вѣрѣ имѣетъ". Именно этотъ символъ, по убѣжденію Симеона, хотя и мало вѣдомъ восточнымъ христіанамъ, употреблялся „отъ времене святыхъ апостолъ даже до перваго вселенскаго собора, а въ западнѣй церкви и нынѣ всякому возрасту" извѣстенъ. Говоря такъ, Симеонъ основывается на авторитетѣ „Церковныхъ Лѣтописей" кардинала Баронія, считавшихся въ его время между католиками за классическую книгу по церковной исторіи. Такимъ образомъ, Полоцкій, полагая въ основу своего сочиненія апостольскій символъ въ формѣ его, сообщенной блаженнымъ Августиномъ, становится вполнѣ на западную или, говоря болѣе соотвѣтственно его источникамъ, на католическую точку зрѣнія и существенно уклоняется отъ воззрѣнія православнаго. До какой, однако, степени упорно онъ отстаиваетъ правильность такого взгляда, видно изъ того, что не признающихъ подлин-

---

[1]) Чельцовъ. Древнія формы символа вѣры православной церкви или такъ-называемые апостольскіе символы. С.-Пб. 1869, стр. 30, 97, 104, 136, 137. Изъ сохранившихся донынѣ формъ апостольскаго символа древнѣйшая принадлежитъ Іерусалимской церкви; греческій текстъ ея, помѣщенный въ „Огласительныхъ Поученіяхъ" Кирилла Іерусалимскаго, признается старше символовъ Никейскаго и Константинопольскаго; см. Чельцова, стр. 30 — 41, и ср. А. Гезена Исторія славянскаго перевода символовъ вѣры. С.-Пб. 1884, стр. 3.

ность апостольскаго символа онъ прямо приравниваетъ къ еретикамъ[1]).

Какъ въ основной мысли Симеоновой книги проявляется вліяніе католической теологіи и латинскаго образованія, такъ продолжаетъ оно постоянно обнаруживаться и во всемъ развитіи его труда. Вмѣсто славянской или греческой Библіи онъ пользуется иногда латинскою Вульгатою; цитуя, въ числѣ церковныхъ авторитетовъ, отцовъ древней церкви восточныхъ и западныхъ, онъ однако чаще всего ссылается на Іеронима и Августина[2]), а рядомъ съ ними онъ не затрудняется пользоваться и позднѣйшими католическими богословами и вообще церковными писателями; такъ, въ „Вѣнцѣ вѣры" встрѣчаются ссылки на архіепископа Маинцскаго Рабана Мавра (776—856 гг.), архіепископа Кентерберійскаго Ансельма (1033 — 1109 гг.), „доктора евангелическаго и христіаннѣйшаго" Жерсона (1363—1429 гг.), архіепископа Экскаго Женебрара (1537—1597 гг.), кардиналовъ Палеотти (1522—1597 гг.) и Баронія (1557—1607 гг.) и особенно на іезуита Беллярмина (1542—1609 гг.), который считался въ свое время первымъ свѣтиломъ богословія въ католическомъ мірѣ. Притомъ, приводя мнѣнія и фактическія данныя изъ богослововъ латинской церкви, Симеонъ не относится къ нимъ критически и весьма рѣдко про-

---

[1]) Это видно изъ предисловія къ „Вѣнцу вѣры". Сказавъ здѣсь, что апостольскій символъ былъ неводомъ, которымъ рыбари-апостолы привлекали людей къ Богу, Симеонъ продолжаетъ: „Влечаше убо сей неводъ благія рыбы и злыя, злыя бяху, еже терзаху святую сію мрежу, аки острыми зубы, языки своими, яко мечь изостренными и ядомъ ересей напоенными, терзаху, — но не преторжеся сія мрежа, ибо Обѣщавый церкви, яко врата адовы не одолѣютъ ей, не даде одолѣнія служителемъ адскимъ на сію мрежу пресвятую, даде же церкви теплыя поборники отцы святыя, иже не точію цѣлость сея мрежи сохраниша, но злыя рыбы вонъ извергше и мечемъ анаѳемы посѣкше, паче распространиша ю и весма укрѣпиша"...

[2]) Описаніе рукописей Моск. синод. библіотеки, II, 3, стр. 220—227.

тивопоставляетъ имъ какія-либо возраженія; даже въ столь важномъ пунктѣ разногласія между восточною и западною церквами, какъ вопросъ о чистилищѣ, Симеонъ, сдѣлавъ въ разсужденіи „о Христовомъ въ адъ сошествіи“ подробное описаніе ада и положенія грѣшниковъ въ трехъ его отдѣлахъ, ограничивается слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Вѣдати подобаетъ, яко западная церковь исповѣдаетъ и четвертое мѣсто во адѣ, еже именуется чистецъ, въ немже глаголютъ быти казнь и тщеты и чювства до времени... Сіе мѣсто западніи учителіе глаголютъ быти едини во второмъ, иніи во третіемъ мѣстѣ чиномъ отъ низу“. Въ разсужденіи „о исхожденіи Святаго Духа“ также нѣтъ не только полемики противъ западнаго ученія, но и положительнаго указанія на то, въ какую форму сложился окончательно этотъ догматъ у католиковъ. Симеонъ ограничивается тѣмъ, что сперва приводитъ рядъ отеческихъ свидѣтельствъ отъ I вѣка до Іоанна Дамаскина въ пользу исхожденія Святаго Духа только отъ Бога Отца, а затѣмъ сообщаетъ извѣстіе Баронія о томъ, какъ папа Левъ III, „егда начаша латини во Франціи во символъ святый оное рѣченіе и отъ Сына прилагати,... вознегодова о семъ... и возбрани тому въ мірѣ быти“ и велѣлъ сдѣлать двѣ доски серебряныя, написать на нихъ символъ Цареградскій, кромѣ рѣченія и отъ Сына, и поставить эти доски у дверей храма; такимъ образомъ, въ изложеніи Симеона вовсе умолчано объ общемъ признаніи латинскою церковью исхожденія Святаго Духа отъ Отца и Сына.

Если къ этимъ важнѣйшимъ пунктамъ догматическаго отличія западной церкви отъ восточной Полоцкій относится снисходительно, то къ легендарной сторонѣ католичества онъ выражаетъ ужь полное довѣріе; такъ, онъ охотно сообщаетъ извѣстія о разныхъ святыняхъ, хранящихся въ городахъ западной Европы, и о чудесахъ, которыя отъ нихъ происходили; напротивъ того, о по-

добныхъ же святыняхъ на востокѣ Симеонъ вовсе не упоминаетъ.

Въ „Вѣнцѣ вѣры" встрѣчаются нерѣдко разсказы, заимствованные изъ области апокрифической литературы. Какъ извѣстно, древнѣйшіе апокрифы, относящіеся къ лицамъ, о коихъ повѣствуется въ каноническихъ книгахъ Ветхаго и Новаго Завѣта, возникли изъ потребности древне-христіанскихъ читателей пополнить запасъ своихъ свѣдѣній о тѣхъ событіяхъ и случаяхъ въ жизни этихъ лицъ, которыя въ каноническихъ книгахъ разсказаны слишкомъ кратко. Такъ, встрѣча царя Соломона съ царицею Савскою, описанная въ нѣсколькихъ строкахъ III-й книги Царствъ, вызвала составленіе цѣлаго ряда притчъ, которыя будто бы царица эта предлагала мудрѣйшему изъ царей. Такъ, краткія повѣствованія Евангелій о рождествѣ и дѣтствѣ Спасителя, а также о сошествіи его во адъ, породили цѣлый рядъ апокрифическихъ сказаній объ этихъ событіяхъ и, между прочимъ, такъ-называемыя Протоевангеліе Іакова и Евангеліе Никодимово. При указанномъ уже нами стремленіи автора „Вѣнца вѣры" расширять область богословскихъ знаній постановкою новыхъ вопросовъ, требовавшихъ отвѣта или, по крайней мѣрѣ, разъясненія, онъ не могъ не обратить вниманія на апокрифическую литературу, какъ на одно изъ важнѣйшихъ для него пособій въ этомъ отношеніи; онъ и воспользовался этимъ матеріаломъ, какъ однимъ изъ лучшихъ цвѣтовъ для своего „Вѣнца". Правда, приводя одно изъ апокрифическихъ сказаній, онъ оговаривается: „вѣдѣнія ради, а не вѣренія предлагаю читателямъ"; но эта оговорка имѣетъ лишь частное значеніе, тогда какъ преданія апокрифическія приводятся имъ неоднократно безъ всякихъ оговорокъ. Но и при пользованіи матеріаломъ апокрифовъ повторяется то же явленіе, которое было уже нами отмѣчено: апокрифы Симеонъ извлекаетъ по большей части изъ источниковъ като-

лическихъ, а не изъ русской или славянской письменности, не смотря на то, что и въ ней они имѣли широкое распространеніе.

Апокрифическія преданія сосредоточены въ „Вѣнцѣ вѣры" главнымъ образомъ въ разсужденіяхъ „о рождествѣ Христовѣ" и „о крестѣ Господнемъ". Такъ, въ первомъ говорится, что Спаситель, родившись въ Виѳлеемѣ, явился въ міръ промежду двухъ животныхъ въ исполненіе Исаіина пророчества: „Позна волъ стяжавшаго, и оселъ ясли Господа своего"; это преданіе, встрѣчающееся въ одномъ изъ апокрифическихъ сказаній о рождествѣ Спасителя, упоминается также Іеронимомъ и приводится Бароніемъ; имъ издревле пользовалась и христіанская иконографія, особливо на западѣ. Въ томъ же разсужденіи повѣствуется о чудесахъ, коими сопровождалось пришествіе въ міръ Спасителя: подобный разсказъ занесенъ и въ Протоевангеліе Іакова; но къ чудесамъ, описаннымъ въ этомъ апокрифѣ, Симеонъ присоединяетъ еще одно—очевидно западнаго происхожденія, именно: „источникъ елея искипѣ въ Римѣ". Далѣе въ томъ же разсужденіи Симеонъ повѣствуетъ о присутствіи бабы при рождествѣ Спасителя и въ подтвержденіе своего разсказа ссылается на Прологъ, подъ 31-мъ декабря; разсказъ этотъ также происходитъ изъ апокрифическихъ евангелій. Въ разсужденіи „о крестѣ Господнемъ" Симеонъ сообщаетъ цѣлый рядъ сказаній о древѣ, на которомъ распятъ былъ Христосъ, и которое будто бы существовало отъ древнѣйшихъ временъ міра. Преданія эти Симеонъ заимствовалъ изъ первой части Никодимова Евангелія, которое онъ зналъ, по собственнымъ его словамъ, „въ польскомъ и латинскомъ языкахъ" въ печатныхъ изданіяхъ, „изъ нѣкоей исторіи греческой" и, наконецъ, изъ одного сказанія, которое „въ нашихъ славянскихъ рукописныхъ обрѣтается" [1]). Знаменитый бѣглецъ въ

[1]) Симеонъ указываетъ еще варіантъ къ приведенному имъ сказанію

Литву, князь Курбскій, оставилъ намъ любопытное извѣстіе, что въ его время апокрифическія писанія были чрезвычайно распространены какъ на Руси, такъ и въ Литовской землѣ, и даже предпочитались твореніямъ отеческимъ, и что самъ онъ читалъ Никодимово Евангеліе въ переводѣ на польскій языкъ [1]); обиліе сохранившихся рукописей со статьями апокрифическаго содержанія подтверждаетъ это извѣстіе; очевидно, Симеонъ желалъ удовлетворить современному литературному вкусу, когда вносилъ подобныя сказанія въ свое богословское сочиненіе.

Остается упомянуть еще объ одной особенности, отличающей произведеніе Полоцкаго: изъясняя христіанскіе догматы, онъ считаетъ нужнымъ вводить въ свои толкованія различныя побочныя свѣдѣнія, заимствуя ихъ изъ разныхъ областей знанія, болѣе или менѣе далекихъ отъ богословія. Такъ, напримѣръ, въ главѣ 4-й, говоря о единствѣ Божества, онъ вооружается противъ многобожія и при этомъ случаѣ сообщаетъ извѣстіе, что Гезіодъ насчитывалъ 30,000 боговъ. Въ главѣ 8-й, по поводу рождества Христова, онъ упоминаетъ о двѣнадцати языческихъ Сивиллахъ, которыя будто бы пророчествовали о пришествіи въ міръ Спасителя. Русская старина издавна памятовала этихъ мудрыхъ женъ: новгородскіе мастера еще въ XV вѣкѣ писали ихъ изображенія на стѣнахъ храмовъ,

---

Никодимова Евангелія, но безъ обозначенія, откуда онъ заимствованъ. Преданіе, взятое Симеономъ изъ „нѣкоей исторіи греческой", ближе всего подходитъ къ апокрифической статьѣ, напечатанной Н. С. Тихонравовымъ въ его „Памятникахъ отреченной литературы", т. I, стр. 17—18, подъ заглавіемъ: „О содѣаніи святыя троица". Преданіе, извлеченное изъ славянскихъ рукописей, соотвѣтствуетъ сказанію о древѣ, на коемъ былъ распятъ разбойникъ вѣрный; издано тамъ же, т. I, стр. 305—306 и 309. Подробности объ этихъ легендахъ см. въ статьѣ академика Ал. Н. Веселовскаго „Розысканія въ области русскаго духовнаго стиха" (гл. X).

[1]) Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, соч. И. Порфирьева, стр. 133; ср. Правосл. Собесѣдникъ 1863 г., ч. II, стр. 555 и слѣд..

а составители иконописныхъ подлинниковъ въ XVII вѣкѣ вносили въ свои руководства наставленія о томъ, какъ Сивиллы должны быть изображаемы. Ученый кіевлянинъ Іоанникій Голятовскій, авторъ книги: „Небо новое, з новыми звѣздами сотворенное, то есть Преблагословенная Дѣва Марія Богородица з чудами своими“, изданной въ 1665 году во Львовѣ, помѣстилъ въ этомъ сборникѣ прорицанія Сивиллъ о Спасителѣ въ виршахъ. Слѣдуя этимъ примѣрамъ, и Симеонъ далъ прорицаніямъ Сивиллъ мѣсто на страницахъ своего сочиненія. Быть можетъ, интересъ, возбужденный повѣствованіемъ Симеона объ этихъ вѣщихъ женахъ, былъ причиною того, что въ 1672 году царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ ученому дьяку посольскаго приказа Николаю Спафарію сочинить особую „Книгу о Сивиллахъ“; царскій указъ былъ вскорѣ исполненъ, и въ томъ же году Спафарій подалъ государю заказанную книгу, украшенную отличными миніатюрами въ италіанскомъ стилѣ [1]).

Очень характерный образецъ побочныхъ свѣдѣній, приводимыхъ Симеономъ Полоцкимъ въ „Вѣнцѣ вѣры“, находится въ разсужденіи „о небеси и землѣ“. Здѣсь Симеонъ призналъ нужнымъ изложить свои понятія объ устройствѣ видимаго міра. По его объясненію, видимый міръ состоитъ изъ естества небесъ и естества стихійнаго. Небеса—троякія: сперва—небо эмпирейское, самое высшее и неподвижное, престолъ всемогущаго Бога, пространствомъ въ 10,314 темъ или 85,710 миль (пятиверстныхъ); затѣмъ—небо кристальное, одинъ изъ поясовъ котораго движется съ неизрѣченною скоростью и движетъ прочія небеса съ востока на западъ; третій слой небесъ—твердь, на которой водружены звѣзды и планеты. Небо есть вообще „тѣло чистое, естествомъ простѣйшее и тончайшее,

---

[1]) Истор. очерки русск. нар. словесности, Ѳ. И. Буслаева, т. I, стр. 362 и 364.

по естеству тлѣнно, благодатію Божіею не истлѣвающее"; по качеству свѣтло, прозрачно и безцвѣтно, и если кажется сапфировиднымъ, то лишь по дѣйствію солнечныхъ лучей. Звѣзды движутся вмѣстѣ съ твердью; веществомъ онѣ чисты, образомъ круглы, по количеству многочисленны, по виду кажутся малы, производятъ вёдро и ненастье. Нижайшія изъ звѣздъ — планеты, сирѣчь блудящія, ибо онѣ ходятъ то по одному пути со звѣздами, то по противоположному. Малѣйшая изъ звѣздъ въ 80 разъ, а солнце въ 166 разъ болѣе земли, луна же въ 30 менѣе ея. Всякій часъ солнце проходитъ 7,160 миль. Земля ниже всѣхъ другихъ стихій и окружена ими, „черна, тяжка, кругла,... мати плодовъ, питателница звѣрей, зданій основаніе, мертвыхъ пріятелище, всего міра кентръ"; внутри себя содержитъ адъ и терзается трусомъ, то-есть, землетрясеніями, отъ замкнутыхъ въ ней духовъ. Центръ земли имѣетъ въ себѣ естественную силу, отъ Вседѣтеля данную для того, чтобъ она, по тяготѣ своей, пребывала недвижимою во вѣки. Излагая подобныя свѣдѣнія, Симеонъ руководствовался примѣромъ Іоанна Дамаскина, который въ своемъ Богословіи также говорилъ объ устройствѣ міра. Симеонъ самъ свидѣтельствуетъ, что онъ пользовался данными этого источника, но присоединялъ къ нимъ и другія свѣдѣнія, какія могъ собрать, изъ средневѣковыхъ астрологическихъ писаній.

Такимъ образомъ, въ цѣломъ своемъ составѣ „Вѣнецъ вѣры" представляетъ значительное разнообразіе и даже пестроту содержанія. Богословскою системою, въ строгомъ смыслѣ этого слова, онъ не могъ быть названъ; въ немъ не были достаточно стройно распредѣлены и уравновѣшены составныя части излагаемаго предмета; за то „Вѣнецъ" являлся общедоступнымъ, популярнымъ изложеніемъ догматовъ христіанскаго ученія и по своей занимательности долженъ былъ привлекать многихъ читателей.

Третье богословское сочиненіе Симеона Полоцкаго— краткій катехизисъ, написанный въ 1671 году, состоитъ въ ближайшей связи съ „Вѣнцомъ вѣры“ и служитъ какъ бы его дополненіемъ. Здѣсь пространныя разсужденія „Вѣнца“ сводятся къ краткимъ вопросамъ и отвѣтамъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, преимущественно въ вопросахъ такъ-называемаго нравственнаго богословія, Симеонъ входитъ въ бо̀льшія подробности и дѣлаетъ нѣкоторыя дополненія къ тому, что̀ говорится въ „Вѣнцѣ“. Разсматривая нравственный бытъ человѣка, катехизисъ Полоцкаго предлагаетъ нѣсколько любопытныхъ указаній на черты современныхъ нравовъ, какъ, напримѣръ, на суевѣріе въ разныхъ видахъ, на грубое обращеніе мужей съ женами и господъ съ рабами, на неприличный обычай посѣщенія бань мужчинами и женщинами вмѣстѣ и т. п. Но установляемая Полоцкимъ классификація грѣховъ отличается такою мелочностью, которая напоминаетъ казуистику іезуитской морали; такъ, напримѣръ, распространяясь подробно о прегрѣшеніяхъ противъ седьмой заповѣди, онъ входитъ въ анализъ самыхъ чувственныхъ ласкъ между мужчиной и женщиной, и если эти ласки происходятъ между супругами, то признаетъ ихъ грѣхомъ простимымъ, если же между не-супругами, считаетъ такія ласки грѣхомъ смертнымъ, и т. п.

Богословскія сочиненія Симеона Полоцкаго, и въ особенности важнѣйшее изъ нихъ — „Вѣнецъ вѣры“, такъ рѣзко отличались изложеніемъ и содержаніемъ отъ тѣхъ произведеній религіозной письменности, которыя служили обычными книгами для чтенія въ древней Россіи, что хотя они и не были при жизни автора изданы въ свѣтъ, но не остались неизвѣстными современникамъ Полоцкаго. Они въ скоромъ времени разошлись по рукамъ въ значительномъ количествѣ списковъ, и какъ ни туго слагаются въ обществахъ малообразованныхъ сужденія о произведеніяхъ умственной дѣятельно-

сти, — о богословскихъ сочиненіяхъ Симеона вскорѣ составились въ Москвѣ различныя мнѣнія. Почитатели Полоцкаго, разумѣется, цѣнили ихъ очень высоко. „И подаждь Боже праведный, заслугъ Мздовоздатель", писалъ къ Симеону Медвѣдевъ въ 1676 году, — „тако великому около хвалы его тщанію житіемъ и словесемъ пречестности твоей на небеси за „Вѣнецъ вѣры" пріяти вѣнецъ живота, яко же вѣнчающій милостію и щедротами рече во Апокалипсіи: „Буди вѣренъ до смерти, и дамъ ти вѣнецъ живота" [1]. Симеонъ отчасти самъ указалъ своимъ почитателямъ на ту точку зрѣнія, съ которой они должны смотрѣть на „Вѣнецъ вѣры". Въ стихотвореніи, при которомъ онъ поднесъ рукопись „Вѣнца" царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, онъ писалъ о своемъ сочиненіи слѣдующее:

Во истинну же имать мудрость превелику,
Довольну въ спасеніи всяку человѣку:
Съ богословскихъ училищъ сія изведенна,
Ученія святаго словесъ исполненна;
Вопросы и отвѣты зѣло исполнися;
Съ разсужденіемъ дѣло тако устроися,
Да мудро вопрошенный мудро отвѣчаетъ —
Кто либо сія книги прилежно читаетъ.
Сокращенно писася, да можетъ пояти
Удобнѣ умъ и память предолго держати;
Ибо краткое слово удобно держится
И тщащимся пояти годнѣе творится.
Туже разрѣшеніе много положенна
Съ трудностію судимыхъ, да суть не смущенна
Пользы ради духовныхъ, да судъ грѣховъ знаютъ,
Кающыяся добрѣ отъ грѣхъ разрѣшаютъ.
Суть и ина здѣ многа, яже оглавляетъ
Изъявленіе тому, кто оно читаетъ [2].

---

[1]) Рукопись В. М. Ундольскаго въ Моск. публ. музеѣ, № 793; ср. въ Чтеніяхъ Моск. общества исторіи и древностей 1846 г., № 2, отд. IV, статью Ундольскаго о Медвѣдевѣ.

[2]) Изъ стихотворенія „Врученіе „Вѣнца вѣры" благовѣрной царевнѣ и великой княгинѣ Софіи Алексѣевнѣ", помѣщеннаго въ „Риѳмологіонѣ", рукопись Моск. Синод. библіотеки, № 287 по стар. каталогу, л. 395 и сл.; издано въ Лѣтописяхъ русск. литературы, III, 3, стр. 86—89.

Насъ не должно удивлять это откровенное самовосхваленіе со стороны Полоцкаго. Въ такомъ обществѣ, гдѣ умственный трудъ нелегко находитъ себѣ оцѣнку, авторъ самъ становится въ необходимость дать ему цѣну, по крайней мѣрѣ въ глазахъ тѣхъ лицъ, вниманіе которыхъ ему особенно важно. Такъ поступилъ Полоцкій и достигъ своей цѣли: царевна читала „Вѣнецъ вѣры" еще въ черновомъ видѣ, „и, познавши (эту книгу) полезну въ духовности быти", велѣла нà чисто переписать ее для себя и затѣмъ милостиво приняла переплетенный экземпляръ.

Симеонъ тѣмъ болѣе чувствовалъ необходимость написать апологію своего сочиненія, что ожидалъ горячихъ нападеній на него со стороны противниковъ своего направленія, представителей „греческаго ученія". И дѣйствительно, въ средѣ ученыхъ чудовскихъ иноковъ высказано было много критическихъ замѣчаній противъ богословскихъ трудовъ Симеона Полоцкаго. Правда, самъ Епифаній, по обыкновенію, не оставилъ никакихъ указаній на этотъ счетъ; но въ сохранившихся рукописяхъ монаха Евѳимія находится немало подобныхъ замѣтокъ, которыя обнаруживаютъ, какое сужденіе о „Вѣнцѣ" сложилось у учениковъ Епифанія. Въ этихъ замѣткахъ Евѳимій, подобно учителю своему, вооружается, противъ „силлогизмовъ латинскихъ", которые въ изобиліи встрѣчаются какъ въ „Вѣнцѣ вѣры", такъ и въ другихъ сочиненіяхъ Полоцкаго. Книга „Вѣнецъ вѣры", говоритъ онъ,—„сплетена не изъ прекрасныхъ цвѣтовъ, не изъ словесъ богоносныхъ отцевъ, а изъ бодливаго тернія, возросшаго на западѣ новшества, изъ вымышленій Скотовыхъ, Аквиновыхъ, Ансельмовыхъ и тому подобныхъ еретическихъ пустословій". Далѣе Евѳимій осуждаетъ помѣщеніе, на заглавномъ листѣ „Вѣнца", геометрической фигуры треугольника, которою латиняне и по слѣдамъ ихъ Симеонъ объясняли тайну Святой Троицы, а также порицаетъ принятіе апостольскаго символа въ основаніе догматическаго

ученія; осуждаетъ онъ и двусмысленныя выраженія по вопросу объ исхожденіи Святаго Духа и видитъ въ нихъ сокровенное признаніе латинскаго догмата; обличаетъ вообще разныя „ереси латинскія и лутерскія“ и, наконецъ, не упускаетъ упомянуть о неумѣстности, въ богословскомъ сочиненіи, тѣхъ астрономическихъ гаданій, которыя Симеонъ помѣстилъ въ „Вѣнцѣ“. „Есть въ томъ „Вѣнцѣ“, говоритъ Евѳимій,—„баснаповѣданія о количествѣ и качествѣ круговъ небесныхъ и о мѣрахъ разстоянія между ними... Но, повѣдая сіи мѣры и числа“, прибавляетъ критикъ не безъ ироніи,—„не сказалъ сочинитель, сколько лѣтъ сатана, низверженный съ небеси, летѣлъ въ бездну; знающему тѣ небесныя мѣры и разстоянія, слѣдовало бы знать и повѣдать и о семъ“ [1]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ кружкѣ сторонниковъ „греческаго ученія“ не прошла не замѣченною ни одна почти изъ тѣхъ особенностей въ содержаніи „Вѣнца“, которыя внесъ въ него авторъ подъ вліяніемъ своего латино-схоластическаго образованія. А потому позволительно допустить догадку, что столь яркое обнаруженіе односторонности въ направленіи Симеона и помѣшало изданію въ свѣтъ его богословскихъ сочиненій въ свое время.

VI.

Если „Вѣнецъ вѣры“ знакомитъ насъ преимущественно съ богословскою эрудиціей Симеона Полоцкаго, то для характеристики его литературнаго образованія могутъ служить въ особенности его проповѣди и стихотво-

---

[1]) „Остенъ“, стр. 131—136; Описаніе рукописей Моск. синод. библіотеки, II, 3, стр. 415—419; замѣчанія Евѳимія противъ Симеона, находящіяся въ рукописяхъ Моск. синод. библіотеки и извѣстныя намъ только по извлеченіямъ въ Описаніи А. В. Горскаго и К. И. Невоструева, мы старались пополнить изъ отзыва о „Вѣнцѣ“, находящагося въ „Остнѣ“, такъ какъ сей послѣдній весьма вѣроятно приписывается тому же Евѳимію.

ренія: въ этихъ произведеніяхъ наиболѣе выражается тотъ запасъ знаній и литературнаго умѣнья, которыя были усвоены имъ въ Кіевской коллегіи, въ классахъ піитики и риторики.

Полоцкій началъ проповѣдывать въ Москвѣ въ концѣ 1666 года, но бо́льшая часть его поученій, какъ видно по отмѣткамъ на сохранившихся черновыхъ рукописяхъ, относится къ шестилѣтнему періоду съ 1668 по 1674 годъ: въ это время имъ составлено множество проповѣдей—на всѣ дни воскресные, на главные годовые праздники, на дни памятованія святыхъ, имена которыхъ носили члены царскаго семейства, наконецъ, на нѣкоторыя особенныя событія того же времени. Къ 1676 году Симеоновы проповѣди были уже соединены въ два обширные сборника, названные одинъ—„Обѣдомъ Душевнымъ", а другой—„Вечерею Душевною". Изъ тѣхъ же отмѣтокъ на рукописяхъ можно видѣть, какъ легко и скоро Полоцкій приготовлялъ свои поученія: на сочиненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ употребилъ не болѣе одного дня [1]).

Извѣстно, что церковное краснорѣчіе усердно разрабатывалось риторами-схоластиками; католическіе писатели этого направленія сочиняли во множествѣ не только проповѣди, но и пособія къ ихъ составленію. То же было и въ юго-западной Руси. Въ 1659 году, въ періодъ еще

---

[1]) Описаніе рукописей Моск. синод. библіотеки, II, 3, стр. 212—213, 215 и 218—219. Что „Обѣдъ" и „Вечеря" были составлены до 1676 года, видно изъ письма С. Медвѣдева къ Полоцкому, отъ 27-го сентября этого года (рукопись Ундольскаго въ Моск. публ. музеѣ, № 793; ср. его же статью о Медвѣдевѣ въ Чтеніяхъ Моск. общества исторіи и древностей 1846 г., № 2, стр. IV). Митрополитъ Евгеній говоритъ, что обѣ книги и отпечатаны были при жизни сочинителя („Обѣдъ" именно въ 1676 году) и только въ свѣтъ выпущены ужь послѣ его смерти, въ 1681—1683 гг. Но въ нѣкоторыхъ изъ проповѣдей „Обѣда" (лл. 666 и 669 об.) упоминается Өеодоръ Алексѣевичъ уже царемъ; стало быть, эти поученія написаны или, по крайней мѣрѣ, исправлены авторомъ позже 1676 года. Есть и другія причины предполагать, что оба сборника пополнялись и были напечатаны позже этого года.

крайней бѣдности западно-русской ученой и учебной литературы, появился уже въ Кіевѣ опытъ подобнаго руководства, подъ заглавіемъ: „Наука короткая албо способъ зложеня казаня". Трудъ этотъ былъ составленъ архимандритомъ Іоанникіемъ Галятовскимъ, однимъ изъ первыхъ питомцевъ Могилянской коллегіи, впослѣдствіи (едва ли не въ то время, какъ тамъ учился Полоцкій) наставникомъ въ ней и знаменитымъ проповѣдникомъ, и приложенъ къ сборнику поученій того же автора: „Ключь разумѣнія". Въ послѣдующихъ изданіяхъ книги Галятовскаго (Львовъ, 1663 и 1665 гг.) этотъ опытъ является уже въ значительно расширенномъ видѣ. Въ руководствѣ Галятовскаго очень характеристично опредѣляются понятія кіевскихъ риторовъ-схоластиковъ о церковномъ краснорѣчіи и о составленіи поученій. „Кто хочетъ сочинить казанье", пишетъ Галятовскій,—„долженъ прежде всего положить изъ Святаго Писанія ѳему, которая есть фундаментъ всего казанья"... Въ казаньи должны быть три части: „экзордіумъ, початокъ, въ коемъ казнодѣй чинитъ приступъ къ самой рѣчи, которую хочетъ сказывать, и гдѣ онъ представляетъ людямъ пропозицію, то-есть, излагаетъ что̀ онъ думаетъ говорить въ казаньи,... и проситъ Бога или Пречистую Дѣву о помощи, а людей—о вниманіи. Другая часть есть наррація, повѣствованіе, ибо въ этой части казнодѣй ужъ излагаетъ людямъ то, что̀ онъ обѣщалъ повѣдать; эта часть есть наибольшая, ибо въ ней содержится все казанье, и къ ней сводятся всѣ прочія части. Третья часть есть конклюзія, заключеніе; тутъ казнодѣй припоминаетъ изложенное въ нарраціи и увѣщеваетъ людей, чтобъ они любили то доброе, о чемъ онъ имъ говорилъ, или бы хоронились отъ дурного, если онъ велъ рѣчь о злѣ. Всѣ эти части должны согласоваться съ ѳемой, ибо какъ изъ малаго истока выходитъ великая рѣка, а вода въ ней все такая же, что̀ и въ истокѣ,—такъ и изъ малой ѳемы слагается великое ка-

занье... Можетъ быть", продолжаетъ Галятовскій,—„кто-либо спроситъ: гдѣ взять матерію, изъ которой можно учинить казанье? Отвѣчаю: нужно читать Библію, житія святыхъ, нужно читать учителей церковныхъ — Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Аѳанасія, Ѳеодорита, Іоанна Дамаскина, Ефрема и другихъ учителей церковныхъ, которые толкуютъ Святое Писаніе; нужно читать гисторіи и кроники о различныхъ государствахъ и странахъ, о томъ, что̀ въ нихъ происходило и теперь происходитъ; нужно читать книги о звѣряхъ, птицахъ, гадахъ, рыбахъ, деревахъ, травахъ, камняхъ, о разныхъ водахъ, которыя въ моряхъ, рѣкахъ, колодцахъ и иныхъ мѣстахъ находятся, узнавать ихъ натуру, свойства и отличія и то себѣ отмѣчать и примѣнять къ той рѣчи, которую хочешь сказывать. Читай и различныя казанья казнодѣевъ нынѣшнаго времени и слѣдуй имъ; найдешь въ нихъ достаточную матерію, изъ которой можешь сложить казанье на хвалу Божію, на отпоръ еретикамъ, на возбужденіе вѣрныхъ и на спасеніе души своей" [1]).

---

[1]) „Ключь разумѣнія". Львовъ. 1663, лл. 237 и слѣд. Въ „Наукѣ", находящейся въ первомъ изданіи „Ключа разумѣнія", 1659 года, еще не помѣщено тѣхъ общихъ замѣчаній о составленіи проповѣдей, которыя встрѣчаются въ обоихъ Львовскихъ изданіяхъ этого сборника. Въ изданіи 1659 года „Наука" состоитъ исключительно изъ краткаго разбора поученій, помѣщенныхъ въ самомъ „Ключѣ", при чемъ указывается, какая въ каждомъ изъ нихъ ѳема, что̀ составляетъ экзордіумъ, что̀ — наррацію, что̀ — конклюзію, и затѣмъ предлагается ограничить весь трудъ составленія проповѣди небольшою передѣлкой поученій „Ключа" чрезъ примѣненіе ихъ къ тѣмъ обстоятельствамъ, въ коихъ предстоитъ проповѣдывать передѣлывателю: „казаня, на день святого великомученика Георгія написании", говоритъ Галятовскій (л. 125),—„можешь, мало отмѣнивши, и въ день иншого мученика якого повѣдати... нехай будетъ таяжъ ѳема, тоежъ экзордіумъ, таяжъ наррація, таяжъ и конклюзія, тылко въ тымъ нехай будетъ отмѣна, гдѣ я припоминаю святого великомученика Георгія, тамъ ты припоминай святого Дімитрія, албо святого Прокопія, албо святого Евстафія, албо иншого мученика, котораго выхваляешъ". Подобнымъ образомъ предлагается передѣлывать всѣ проповѣди „Ключа". При изданіи своихъ проповѣдей Галятовскій озаботился всюду означить типографскими знаками, гдѣ начи-

Такимъ образомъ, по понятіямъ риторовъ-схоластиковъ, для произнесенія проповѣди вовсе не требовалось того внутренняго сосредоточенія или самоуглубленія, того возвышеннаго настроенія, которое сообщаетъ духовному оратору силу нравственнаго убѣжденія; проповѣдь падала до степени школьнаго риторическаго упражненія и могла быть составлена совершенно механически. Галятовскій прямо перечисляетъ рядъ вопросовъ, отвѣты на которые могутъ служить матеріаломъ для развитія проповѣди: кто что̀ дѣлалъ? на какомъ мѣстѣ? съ кѣмъ? для чего? какимъ образомъ? въ какое время? „Изъ каждаго слова", объясняетъ учитель, — „можешь себѣ извлечь широкую матерію для казанья и сочинить много концептовъ. Напримѣръ: Кто?—Христосъ, король надъ королями, папъ надъ папами... Что̀ дѣлалъ? — Терпѣлъ муки и смерть отъ человѣка... Въ какомъ мѣстѣ? — Въ Іерусалимѣ,

---

настся и гдѣ кончается тотъ или другой отдѣлъ (экзордіумъ, наррація, конклюзія) каждой проповѣди; въ „Наукѣ" же, для облегченія пользующихся „Ключемъ", обращено вниманіе на эти знаки. Общимъ характеромъ отличаются, въ этомъ первомъ изданіи „Науки", только два замѣчанія: первое—о томъ, что наррацію проповѣди можно „аплѣфѣковати" чрезъ „приклады, подобенства, сентенціи, фѣгуры", и другое—что не слѣдуетъ запугивать слушателей слишкомъ грозною картиной наказанія ихъ за грѣхи.

Извѣстно, что къ такому до-нельзя упрощенному способу составленія церковныхъ словъ, который предлагается здѣсь Галятовскимъ, нерѣдко прибѣгали наши проповѣдники XVII и XVIII вѣковъ. Вотъ кстати забавный примѣръ, указанный Тредіаковскимъ въ „Разговорѣ о правописаніи" (Сочиненія, С.-Пб., 1849, т. III, стр. 184—185): „Сказывали мнѣ про нѣкотораго у насъ оратора, которому надлежало говорить слово на погребеніи нѣкоего простаго сотника, что онъ началъ оное тѣми самыми словами, которыми возопилъ покойный архіепископъ Новогородскій Ѳеофанъ при погребеніи государя блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Петра Великаго. Сей архіепископъ съ превеликимъ разсужденіемъ свою и всего общества горесть изъявилъ, начиная: „Что̀ сіе! Что̀ мы видимъ! Что̀ дѣлаемъ! Петра Великаго погребаемъ". Но тотъ ораторъ, послѣ „что̀ сіе! что̀ мы видимъ! что̀ дѣлаемъ!" съ крайнимъ безуміемъ столь жалосно и плачевно заключилъ: „Ахъ, господина сотника погребаемъ". Съ Петромъ Великимъ вся Россія, такъ сказать, была погребаема. Но господъ сотниковъ сколько ни умерло, Россіи отъ того ни на волосъ не сдѣлалось убытка".

столичномъ городѣ жидовскомъ“ [1])... Дѣйствительно, сочиненіе подобныхъ проповѣдей, при нѣкоторомъ навыкѣ и начитанности, становилось дѣломъ не особенно труднымъ, а потому понятны обиліе ихъ и та легкость, съ которою ихъ сочиняли опытные проповѣдники.

Проповѣди Симеона Полоцкаго вполнѣ подходятъ къ этому типу церковнаго краснорѣчія. Построеніе ихъ однообразно, и въ каждой изъ нихъ, согласно правиламъ школьной риторики, отчетливо выдѣляются три составныя части; въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ авторъ удерживаетъ даже форму вопросовъ и отвѣтовъ, которая даетъ ему возможность распространять развитіе основной мысли. Въ выборѣ и примѣненіи темы риторы-схоластики обыкновенно позволяли себѣ большую свободу: всякое выраженіе Священнаго Писанія, особливо Евангелія, какъ бы ни было оно малозначительно само по себѣ, казалось имъ годнымъ для того, чтобы служить темою проповѣди. Вслѣдствіе того и примѣненіе темы въ развитіи проповѣди дѣлалось нерѣдко натянутое, изысканное. Это видимъ мы и у Симеона Полоцкаго. Онъ заимствуетъ темы обыкновенно изъ Евангелія, иногда изъ Псалтыри и еще рѣже изъ церковныхъ пѣсенъ; но нѣкоторыя изъ избранныхъ имъ темъ съ трудомъ вяжутся съ содержаніемъ поученія; такъ напримѣръ, на тему: Господи, отрокъ мой лежитъ въ дому ослабленъ, лютѣ стражда (Матѳ., VIII, 25) онъ предлагаетъ поученіе „о смиреніи, вѣрѣ, мудрости и благости, и что долженствуетъ рабъ господину, и взаимъ господинъ рабу своему“ („Обѣдъ Душевный“, л. 147 об.), на тему: Симонъ и Андрей, абіе оставиша мрежа, по немъ идоста (Матѳ., IV, 9) говоритъ „о пользѣ послушанія и о вредѣ непослушанія“ („Обѣдъ“, л. 127 об.). Но есть у него и такія проповѣди, въ которыхъ темою служитъ не отдѣльная фраза

---

[1]) „Ключь разумѣнія“. Львовъ. 1663, лл. 247 и слѣд.

библейскаго текста, а цѣлое повѣствованіе, цѣлый евангельскій эпизодъ; въ нѣкоторыхъ поученіяхъ хотя и положена въ основу краткая тема, содержаніе ихъ распространяется гораздо шире этого „фундамента" проповѣди.

Мы видѣли, что главною частью проповѣди Галятовскій считаетъ второй ея отдѣлъ или наррацію. Также разумѣетъ дѣло и Симеонъ. Приступъ въ его проповѣдяхъ обыкновенно коротокъ: онъ содержитъ въ себѣ указаніе темы и почти всегда заключается приглашеніемъ къ слушателямъ быть внимательными и прилежными. Затѣмъ въ наррацін проповѣдникъ предлагаетъ разъясненіе избранной темы и, чтобы представить содержаніе ея какъ можно подробнѣе и разностороннѣе, разбиваетъ тему по частямъ и говоритъ отдѣльно о каждой части; такъ, напримѣръ, въ поученіи на день сошествія Святаго Духа („Обѣдъ", л. 96 об.) на тему: духъ Твой благій наставитъ мя на землю праву (Псалтырь, 143), послѣ краткаго приступа, Симеонъ отдѣльно говоритъ о наименованіи Святаго Духа благимъ, затѣмъ изъясняетъ— въ чемъ заключается наставленіе Святаго Духа, и наконецъ, что̀ должно разумѣть подъ выраженіемъ: на землю праву; заключеніе проповѣди, опять краткое, составляетъ молитвенное обращеніе къ Духу Святому. Подобно тому, всякое поученіе Симеона представляетъ по возможности строго-логическое развитіе основной темы.

Изложеніе Симеоновыхъ проповѣдей обогащено всѣми родами риторическихъ украшеній. Каждая мысль объясняется у него сравненіями и оттѣняется противоположеніями. Нерѣдко простое сравненіе разростается до аллегорическаго или символическаго образа, или обратно, проповѣдникъ отыскиваетъ символическій смыслъ въ явленіяхъ, которыя, собственно говоря, весьма трудно примѣнить къ развиваемой имъ идеѣ. Иногда сравненія и аллегоріи цѣлымъ рядомъ нанизываются на одну и ту же, большею частью весьма простую мысль. Символическіе

образы и толкованія у Полоцкаго вообще грубы и нескладны: литературная школа, къ которой онъ принадлежалъ, не умѣла различать между классическими образцами церковной проповѣди въ произведеніяхъ Іоанна Златоуста или Григорія Богослова и позднѣйшими проповѣдниками; а у самого Симеона не было ни способности къ поэтическому творчеству, ни сколько-нибудь развитаго чувства изящнаго.

Щедрою рукою черпаетъ Симеонъ въ тѣхъ источникахъ, которые указаны Галятовскимъ; онъ безпрестанно приводитъ цитаты изъ Библіи, указываетъ на разныя событія, въ ней описанныя, и сближаетъ въ нихъ черты, которыя кажутся ему однородными. Точно также много матеріала даютъ ему житія святыхъ, и особенно отцы церкви; изъ послѣднихъ онъ приводитъ преимущественно разныя толкованія на слова Священнаго Писанія. Кромѣ отцевъ, поименованныхъ Галятовскимъ, Симеонъ ссылается на такъ-называемаго Діонисія Ареопагита, Климента и Кирилла Александрійскихъ, папъ Григорія Двоеслова и Льва Великаго, Епифанія, Евсевія, Тертулліана, Иринея, Амвросія, Августина, Іеронима, Германа Константинопольскаго и др. [1]). Но онъ не ограничивается этими основными источниками христіанской мудрости. Рядомъ съ отцами церкви онъ ссылается иногда на писателей языческихъ: приводитъ изреченія и мнѣнія Платона, Аристотеля, Демосѳена, Діодора Сицилійскаго, упоминаетъ о Діогенѣ, о Гераклитѣ и Демокритѣ. Изъ этого не слѣдуетъ впрочемъ, чтобъ онъ самъ читалъ всѣхъ цитуемыхъ имъ авторовъ: у риторовъ-схоластиковъ всегда были подъ рукою сборники сентенцій и достопамятныхъ изрѣченій разныхъ знаменитыхъ людей, служившіе „аппаратами“ для

[1]) Нѣкоторыми греческими отцами Симеонъ пользовался въ латинскихъ переводахъ; см. Описаніе рукописей Моск. синод. библіотеки, II, 3, стр. 838—839.

прикрасы и подтвержденія ихъ собственныхъ разсужденій. Кромѣ того, Симеонъ сообщаетъ въ своихъ проповѣдяхъ повѣствованія „исторіографовъ"—о Периклѣ, Александрѣ Македонскомъ, разныхъ римскихъ императорахъ, о губительномъ дѣйствіи „злыхъ" водъ Мертваго моря; но вообще запасъ его историческихъ свѣдѣній очень ограниченъ, и самыя извѣстія нерѣдко имѣютъ вполнѣ сказочный характеръ. Далѣе, мы встрѣчаемъ въ Симеоновыхъ проповѣдяхъ миѳологическія сказанія и „вымыслы піитовъ"—о Сиренахъ, Фаэтонѣ, царѣ Мидасѣ, Эродіи птичищѣ, также нравоучительныя притчи изъ прологовъ и другихъ подобныхъ сборниковъ повѣствовательнаго содержанія и, наконецъ, разсказы „естествословцевъ"—о львѣ, конѣ, пиѳикѣ и хамелеонѣ, объ орлѣ, кокоши и фениксѣ, о камняхъ, магнитѣ, кораллѣ и адамантѣ, разсказы, еще болѣе фантастическіе, чѣмъ вышеупомянутыя историческія повѣствованія. Черновыя рукописи Симеона объясняютъ намъ, что въ числѣ этихъ „естествословцевъ", не поименованныхъ въ самыхъ проповѣдяхъ, онъ разумѣлъ между прочимъ знаменитаго богослова, натуралиста и алхимика среднихъ вѣковъ, Альберта Великаго, котораго образованные современники прозвали „универсальнымъ докторомъ" (doctor universalis), а невѣжды считали чернокнижникомъ; Симеонъ, въ свою очередь, называетъ его „премудрымъ мужемъ" и утверждаетъ, что онъ „тайны естества премудро знаше". Мы уже говорили, что тѣмъ же источникомъ Симеонъ пользовался въ своемъ „Жезлѣ"[1]).

Соблюдая такимъ образомъ наставленія Галятовскаго

[1]) Описаніе рукописей Моск. синод. библіотеки, II, 3, стр. 218; сл. „Вечерю", лл. 140 и 196 об. Что Симеонъ считалъ цитуемыхъ имъ „естествословцевъ" учеными авторитетами, видно изъ слѣдующихъ его словъ въ одномъ изъ поученій „Обѣда Душевнаго": „Повѣсть обносится въ людехъ, яко аще бы постну человѣку плюнути на змія, тогда змій той конечно издыхаетъ: истинно ли сіе есть слово, оставляю естествословцемъ разсуждати".

о снабженіи проповѣдей разнообразными „эрудиціями“, Симеонъ не пренебрегъ совѣтомъ кіевскаго ритора и о пользѣ чтенія современныхъ ему проповѣдниковъ. Тутъ, безъ сомнѣнія, разумѣлись главнымъ образомъ проповѣдники католическіе, и дѣйствительно, Симеонъ изучалъ ихъ произведенія и пользовался ими для своихъ церковныхъ словъ. Слѣды этого изученія остались въ черновыхъ его рукописяхъ, въ которыхъ встрѣчаются ссылки на сборники католическихъ проповѣдей, изданные подъ заглавіемъ „Hortus pastorum“, „Tuba sacerdotalis“, и на другія богословскія сочиненія разныхъ католическихъ писателей XV, XVI и XVII вѣковъ, также на латинскомъ языкѣ; въ числѣ этихъ авторовъ находимъ между прочимъ: мейссенскаго проповѣдника Меффрета (XV вѣка); Вѣнскаго епископа Іоанна Фабера, который за свои обличенія на первыхъ послѣдователей Лютера прозванъ былъ malleus haereticorum (1479 — 1531 гг.); Іоанна Картагену, испанскаго богослова, автора поученій о таинствахъ христіанской вѣры († 1617 г.); Петра Бесса, сорбонискаго доктора, котораго проповѣди, говоренныя по французски, были переведены на латинскій языкъ и изданы въ началѣ XVII вѣка; Альфонса Сальмерона, одного изъ ближайшихъ учениковъ Игнатія Лойолы, написавшаго обширныя толкованія на Новый Завѣтъ (1515—1558 гг.; Іоанна Пинеду, также испанскаго іезуита (1557—1637 гг.), изъ многочисленныхъ сочиненій котораго особенно извѣстно изданное въ 1609 году: „Salomo proevius sive de rebus Salomonis regis libri octo“. Въ черновой рукописи „Вечери Душевной“, надъ словомъ „на погребеніе честныя жены“ прямо указано, что его расположеніе (dispositio) взято у Фабера. Всѣ названные западные писатели принадлежали къ тому же риторосхоластическому направленію, котораго представителемъ былъ у насъ Симеонъ; поэтому и заимствованія изъ нихъ у Полоцкаго совершенно соотвѣтствовали общему харак-

теру его проповѣдей. Зная, какъ обильно пользовался Симеонъ католическими источниками въ „Вѣнцѣ вѣры", мы безъ удивленія встрѣчаемъ въ проповѣдяхъ его ссылки на „премудраго" Ансельма Кентерберійскаго, на Руперта Линкольнскаго (Rupertus Capito), богослова и ученаго XIII вѣка, и на іезуита Беллярмина, а также на латинскій и польскій переводы Священнаго Писанія [1]).

[1]) Описаніе рукописей Моск. синод. библіотеки, II, 3, стр. 211, 212, 218, 837—839; сл. „Обѣдъ", л. 241, и „Вечеря", л. 260 об.

Изъ числа названныхъ именъ два — француза Бесса и нѣмца Меффрета—должны быть занесены въ исторію русской проповѣди еще раньше Полоцкаго. Мелетій Смотрицкій, незадолго до своей смерти, возражая Антонію Мужиловскому, писалъ въ своемъ „Exęthesis abo expostulatia, to iest rosprawa miedzy Apologią y Antidotem" (Lwow. 1629), л. 6 об., слѣдующее: „То-то мудрые твои (то-есть, русскіе православные) проповѣдники наплодили тебѣ еретическихъ заблужденій! Еслибы не римскія поученія, то не спѣшилъ бы на каѳедру ораторъ и не имѣлъ бы чѣмъ разудивить всѣхъ софистъ. Цѣлуй Бессея, который научаетъ тебя произносить съ каѳедры: хорошо мнѣ извѣстно, что безъ него скрипѣли бы твои колесы, какъ у возницы безъ мазницы, а ты все-таки мудрецъ, да и всѣ твои". Что касается Меффрета, то о немъ упоминаетъ одинъ актъ 1652 г., изъ котораго видно, что царь Алексѣй Михаиловичъ указалъ кіевскому старцу Арсенію (Сатановскому) „книгу латинскую на словенскій языкъ перевести, а имя той книгѣ — „Оградъ Царицы" или поученія нѣкоего учителя, имянемъ Мефрета; собрана отъ 220 творцевъ греческихъ и латинскихъ, какъ внѣшнихъ философовъ, стихотворцевъ и историковъ, врачевъ, такожъ и духовныхъ богословцевъ и сказателей Писанія Божественнаго. А писано въ той книгѣ нарицаемомъ „Оградѣ Царскомъ" имяна и свойства, или естественныя природы различныхъ многихъ звѣрей четвероногихъ, птицъ, рыбъ, удивительныхъ морскихъ зміевъ и всякихъ пресмыкающихся, каменей драгихъ, бисеръ, древесъ всякихъ, моря, рѣкъ, источниковъ, лѣсовъ, четырехъ стихій: воды, земли, воздуха, огня. Обрѣтаютъ же ся еще повѣсти на всякую вещь: философовъ, царей, врачеванія на многовидныя болѣзни, обычаи различныхъ языковъ, положенія странъ, высирь горъ, различныя сѣмена, злаки травныя, притчи и иная многая собранная и во едино мѣсто совокупленная. А сложено де то все разумомъ и прикладомъ къ Богу въ Троицѣ Святой единому, ко ангеломъ, къ человѣку и его добродѣтелемъ и злобамъ, такожде и къ коварству домоновъ и къ похваленію святыхъ Божіихъ, къ хуленію жъ еретиковъ удивительнымъ приравняніемъ и свидѣтельствомъ Ветхаго и Новаго Завѣта, писаные истолкованіемъ учителей церкви приводятца. И таковыми приводы и чюднымъ остроуміемъ сочинены поученія на цѣлый годъ, на всѣ недѣли и на празники Господьскія и Богородичны и на святыхъ и на всю четыредесятницу по два и по три; всякое жъ

Теорія риторовъ-схоластиковъ подраздѣляла церковную проповѣдь на нѣсколько родовъ по содержанію, но между ними было два главныхъ, къ которымъ сводились и всѣ другіе. Эти два рода проповѣди были изъяснительная и совѣщательная. Изъяснительною или панегирическою проповѣдь называлась тогда, когда предметъ ея составляла похвала святому, церковному празднику или просто лицу, получающему почесть; совѣщательною, учительною или нравственною проповѣдь именовалась въ томъ случаѣ, когда въ ней говорилось о слѣдованіи какой-нибудь добродѣтели, о наградѣ за нее, о милости Божіей или о наказаніи за грѣхи и пороки. Нерѣдко, впрочемъ, въ проповѣди соединялись оба эти предмета, и изъ панегирика выводились правила христіанской нравственности [1]). Проповѣди Симеона подходятъ къ обоимъ названнымъ разрядамъ. Въ ряду поученій изъяснительныхъ есть у него между прочимъ такія, которыя пред-

---

поученіе таково есть пространно, что отъ всякого мочно два и три и четыре и пять поученій содѣлати" (Акты, относ. къ исторіи южн. и западн. Россіи, т. III, стр. 480). Послѣднія слова документа объясняютъ ту цѣль, для которой предполагалось перевести сборникъ Мефферта. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ имѣются слѣдующія изданія этого сборника: 1) Meffret, Verbi Dei praeconis quondam celeberrimi. Sermones de praecipuis sanctorum festivitatibus. Vulgo Hortulus Reginae apellati. Monachii. MDCXIV; 2) Hortulus Reginae, sive Sermones Meffreth, fidei catholicae in Misnia praeconis quondam celeberrimi. Pars hyemalis. Editio secunda. Monachii. MDCXIV; 3) Hortulus Reginae, sive Sermones Meffreth, fidei catholicae in Misnia praeconis quondam celeberrimi. Opus nunc denuo recognitum et multis locis a mendis repurgatum. Pars hyemalis. Coloniae Agrippinae. Anno MDCXXV. Самыя раннія изданія проповѣдей Мефферта восходятъ къ концу XV вѣка, а затѣмъ онъ былъ неоднократно перепечатываемъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Н. И. Петровъ (Труды Кіевск. дух. академіи 1866 г., № 4, стр. 90) предполагаетъ, что на основаніи сборника Мефферта Антоній Радивиловскій составилъ свои поученія, изданныя въ 1676 г. подъ заглавіемъ: „Огородокъ Маріи Богородицы". Едва ли это вѣрно, тѣмъ болѣе, что Regina въ заглавіи Мефферетова сборника означаетъ не Матерь Божію, а церковь.

[1]) Труды Кіевск. дух. академіи 1866 г., № 4, ст. Н. И. Петрова: „Изъ исторіи гомилетики въ старой Кіевской академіи", стр. 95—97.

ставляютъ истолкованіе какого-нибудь догмата христіанскаго ученія; мы уже знаемъ обычные пріемы Полоцкаго въ этомъ отношеніи: въ проповѣдяхъ его, посвященныхъ догматическимъ вопросамъ, нерѣдко встрѣчаются такія же схоластическія разсужденія, какія мы видѣли въ „Вѣнцѣ Вѣры", напримѣръ, „объ окрестностяхъ (то-есть, внѣшнихъ обстоятельствахъ) Господня на небеса восшествія", или о томъ, какъ въ день страшнаго суда умѣстятся всѣ люди въ Іосафатовой долинѣ. Подобное же разсужденіе о Іосафатовой долинѣ есть у одного португальскаго проповѣдника XVII вѣка Антонія Віейры[1]). Понятно поэтому, что и проповѣди Симеона, подобно другимъ писаніямъ его, своими „силлогизмами латинскими" вызвали противъ себя критическія замѣчанія инока Евфимія. Но, съ другой стороны, и Полоцкій, когда составлялъ изъ своихъ поученій сборники (то-есть, около 1676 года), уже хорошо зналъ направляемыя противъ него обличенія, а потому помѣстилъ въ предисловіи къ „Обѣду Душевному" слѣдующую любопытную оговорку: „Воля и хотѣніе мое выну есть, еже присно со отцы богоносными святыя соборныя апостольскія церкве согласну быти, и ни въ чемъ ни на единъ власъ отъ праваго пути православія уклонитися"[2]). Въ числѣ словъ собственно панегирическихъ есть у Симеона похвалы и русскимъ святымъ— Сергію Радонежскому, Саввѣ Звенигородскому, митрополитамъ Петру, Алексѣю, Іонѣ и Филиппу, также Антонію и Ѳеодосію Печерскимъ; въ проповѣдяхъ этихъ, по самому свойству предмета, можно было бы ожидать особеннаго развитія историческаго элемента или, по крайней мѣрѣ, правоучительнаго разсказа о жизни подвижниковъ; но нашъ ораторъ, по складу своего образованія, былъ совер-

---

[1]) Curiosités théologiques. Par un bibliophile. P. 1861, p. 151.

[2]) „Обѣдъ Душевный", лл. 77 и слѣд., лл. 540 и слѣд., л. 9 об.; Описаніе рукописей Моск. синод. библіотеки, II, 3, стр. 417.

шенно лишенъ чутья къ живымъ фактамъ прошлаго, и потому панегирики его оказываются лишь безцвѣтнымъ наборомъ громкихъ фразъ [1]). По той же причинѣ, столь же безсодержательны и совершенно лишены чертъ времени, мѣста и личности и тѣ надгробныя слова, которыя сказаны были Симеономъ на погребеніе нѣкоторыхъ болѣе или менѣе знаменитыхъ его современниковъ; весьма характерно то обстоятельство, что при печатаніи своихъ надгробныхъ словъ Симеонъ намѣренно исключилъ изъ нихъ все то, что̀ относилось къ личной характеристикѣ погребаемыхъ покойниковъ, и такимъ образомъ, слова, сказанныя на опредѣленные случаи, обращены были въ простыя риторическія упражненія [2]).

Совѣщательныхъ проповѣдей у Симеона не менѣе, чѣмъ изъяснительныхъ. Въ нихъ ораторъ предлагаетъ своимъ слушателямъ нравственныя наставленія, а иногда соединяетъ съ послѣдними изображеніе людскихъ пороковъ, противополагая ихъ тѣмъ началамъ нравственности, которыя онъ возглашаетъ. Нравственное ученіе Симеона имѣетъ аскетическій характеръ; онъ нерѣдко говоритъ о томъ, какъ трудно человѣку спастись въ мірѣ, превозноситъ иноческое, пустынное житіе и осуждаетъ родителей, которые удерживаютъ своихъ дѣтей отъ принятія монашескаго образа. Быть можетъ, такое воззрѣніе не вполнѣ соотвѣтствовало дѣйствительной жизни самого проповѣдника, который — какъ мы знаемъ — не очень-то любилъ удаляться отъ мірскихъ дѣлъ и свѣтскихъ отно-

---

[1]) Поученіе на день св. Ѳеодосія Печерскаго есть и въ „Ключѣ разумѣнія“ І. Галятовскаго, но оно составлено съ бо̀льшимъ вниманіемъ къ житію преподобнаго, чѣмъ поученіе Полоцкаго на тотъ же праздникъ.

[2]) Примѣръ такихъ сокращеній см. въ Описаніи рукописей Моск. синод. библіотеки, II, 3, стр. 216—218. Сокращенія этого рода наводятъ на мысль, что свои печатныя проповѣди Симеонъ хотѣлъ сдѣлать какъ бы образцами, которымъ другіе проповѣдники не только бы подражали, но которые они могли бы передѣлывать примѣнительно къ своимъ нуждамъ. Та же мысль, какъ сказано выше, была и у Галятовскаго.

шеній и не лишалъ себя житейскихъ удобствъ; но во всякомъ случаѣ его званіе обязывало его высказываться въ такомъ смыслѣ. Соотвѣтственно своей монашеской точкѣ зрѣнія, Симеонъ никогда не поучаетъ о нравственныхъ началахъ семейной жизни и о семейныхъ добродѣтеляхъ; изъ всѣхъ обязанностей людей, живущихъ въ бракѣ, онъ обращаетъ вниманіе лишь на одну—на обязанность родителей воспитывать и образовывать своихъ дѣтей; за то къ этой темѣ онъ возвращается неоднократно: онъ говоритъ и о необходимой строгости при воспитаніи, и о добрыхъ примѣрахъ, которые родители должны показывать своимъ дѣтямъ, и о тѣхъ наукахъ, которымъ должны обучать, и о порядкѣ обученія, и даже объ образовательномъ значеніи путешествій („Обѣдъ", лл. 178 и 540; „Вечеря", лл. 10, 94, 140, 225 и 239). Болѣе, чѣмъ семейная жизнь, доступны проповѣднику тѣ отношенія, которыя истекаютъ изъ неравенства состояній; онъ часто поучаетъ о правильномъ употребленіи богатства, о необходимости милостыни, о нестяжаніи; онъ разъясняетъ своимъ слушателямъ взаимныя обязанности, существующія между господами и ихъ слугами-рабами, говоритъ о повиновеніи передъ начальниками и о кроткомъ пользованіи властью. Изображеніе людскихъ пороковъ имѣетъ у Симеона по большей части отвлеченный характеръ; онъ самъ объясняетъ въ предисловіи къ „Обѣду" (л. 9), что, казня грѣхи и обличая злые нравы, онъ дѣлаетъ это „не въ лицо чіе либо, но обще". Но такъ какъ проповѣдникъ выбираетъ для описанія пороки, преимущественно свойственные современному ему обществу, то черты дѣйствительной жизни сами собою проникаютъ въ его проповѣди. Нѣкоторыя, впрочемъ, поученія Симеона написаны прямо въ обличительномъ духѣ и открыто порицаютъ разные роды нравственныхъ золъ современности.

Главнымъ порокомъ русскаго общества Симеонъ при-

знаетъ недостатокъ въ немъ христіанскаго просвѣщенія и, вслѣдствіе того, благочестія. Симеонъ видитъ это зло, съ одной стороны, въ томъ, что на Руси сохраняется еще много суевѣрій и обычаевъ, которые ведутъ свое происхожденіе изъ временъ язычества; такъ, проповѣдникъ порицаетъ своихъ слушателей за то, что они вѣрятъ въ силу наговоровъ, шептаній и наузовъ, прибѣгаютъ къ гаданіямъ, ворожбѣ и колдовству, соблюдаютъ „поганскіе" обычаи Купальской ночи, когда будто бы, по народному повѣрью, „играетъ солнце", что они считаютъ нужнымъ причитывать надъ покойниками, поютъ мірскія „бѣсовскія" пѣсни и качаются на качеляхъ („Обѣдъ", лл. 176 и 403 об.; „Вечеря", л. 130 об.; прибавленіе къ ней, лл. 15 об. — 23 об., 32 — 40). Съ другой стороны, проповѣдникъ указываетъ на то, что русскіе люди пренебрегаютъ благочестивыми христіанскими обычаями и постоянно нарушаютъ ихъ: предаются пьянству въ праздничные и воскресные дни, сквернословятъ, тяготятся соблюденіемъ постовъ, не знаютъ теченія божественной службы, а посѣщая храмы Божіи, вмѣсто молитвы ведутъ мірскія рѣчи, смѣхотворятъ и переглядываются съ женщинами, которыя, въ свою очередь, приманиваютъ чужихъ мужчинъ своими нарядами и румянами, разоряя между тѣмъ мужей своихъ расточительностью („Обѣдъ", лл. 188, 331 об., 562, 564, 588, 684 об., 685; прибавленіе къ „Вечери", лл. 8 — 15). Еще горшимъ зломъ проповѣдникъ признаетъ то, что необразованные люди берутся толковать Священное Писаніе, разсуждаютъ вкривь и вкось о предметахъ религіи и тѣмъ порождаютъ расколы (прибавленіе къ „Вечери", лл. 1 — 7). Наконецъ, причину такого упадка христіанскихъ нравовъ и благочестія проповѣдникъ объясняетъ тѣмъ, что міряне не слышатъ никакого поученія и наказанія отъ своихъ священниковъ, и строго осуждаетъ послѣднихъ: „Веліемъ, нерадѣніемъ священниковъ и всеконечнымъ ихъ небре-

женіемъ о чадахъ духовныхъ",... говоритъ онъ, — „премногіе несмысленные люди, какъ безсловесныя овцы, заблудилися отъ пути праваго житія и въ пропасть погибельной жизни уклонилисъ. Многіе нелѣпыми рѣчами и непристойными бесѣдами терзаютъ единство церкви... Многіе невѣжды, никогда и нигдѣ не учившіеся, дерзаютъ учителями называться... Не учители то, а мучители... Оттого умножилась въ людяхъ злоба, преуспѣло лукавство, волхвованіе, чародѣйство, разбой, татьба, убійства, пьянство, нелѣпыя игры, грабежи, хищенія и тому подобное, напослѣдокъ, возстаніе противъ властей. А виною тому всего болѣе отцевъ духовныхъ неискусство и нерадѣніе: не поучаютъ и не наставляютъ чадъ своихъ духовныхъ" (тамъ же, лл. 164 и слѣд.). Вообще можно сказать, что обличительная сторона Симеоновыхъ проповѣдей состоитъ въ связи съ опредѣленіями великаго Московскаго собора 1666—1667 годовъ и касается, главнымъ образомъ, тѣхъ недостатковъ народной жизни, на которые было обращено вниманіе на этомъ соборѣ.

Читателю нашего времени, быть можетъ, желалось бы встрѣтить въ поученіяхъ Полоцкаго болѣе бытовыхъ чертъ, чѣмъ даетъ ихъ проповѣдникъ. Есть основаніе думать, что ораторъ хоть и училъ въ духѣ соборныхъ опредѣленій 1666—1667 годовъ, но, нося скромное званіе іеромонаха, не былъ достаточно свободенъ въ своемъ словѣ и не могъ говорить со всею откровенностью о порокахъ своего вѣка. Тѣ изъ Симеоновыхъ поученій, которыя содержатъ въ себѣ наиболѣе рѣзкія и многочисленныя обличенія, обнародованы были не отъ лица проповѣдника, а отъ имени самого патріарха Іоасафа, какъ прямое выраженіе мнѣній, установившихся на соборѣ [1]). Напротивъ

[1]) Мы разумѣемъ поученія: „отъ іереевъ сущимъ подъ ними въ паствѣ ихъ о еже пребывати имъ во всякомъ благочестіи", и „о суевѣріи", обнародованныя около 1668 года.

того, позднѣйшія проповѣди Полоцкаго вообще гораздо сдержаннѣе въ указаніи общественныхъ пороковъ; въ предисловіи къ „Обѣду Душевному“ (въ которомъ, однако, не помѣщены вышеупомянутыя обличительныя поученія) Симеонъ счелъ даже нужнымъ заранѣе оправдаться отъ порицанія за свои обличенія: „Если кого“, писалъ онъ,— „горячесть моего Обѣда опаляетъ тайно, въ сырищѣ совѣсти, и кажется ему досадною, то пусть—молю—разсудитъ, что врачъ искусный и добрый долженъ дѣйствовать не въ угоду больному, а какъ полезно его здравію... Такъ и я обличаю не отъ дерзости, наставляю не въ укоръ... не въ досаду, но потому, что долгъ мой есть глаголати... Сія вѣдая, читателю благочестивый, прости мнѣ мое глаголаніе и пріими радостно любовное наказаніе“ (л. 9). Приготовляя поученіе на день митрополита Филиппа, знаменитаго своими обличеніями предъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ, Симеонъ написалъ было, что святой мужъ „не устрашился лица славныхъ и сильныхъ“ и безбоязненно говорилъ правду предъ грознымъ царемъ, но потомъ отчеркнулъ эту похвалу, которая могла показаться неумѣстною его высокимъ слушателямъ, и не помѣстилъ ея въ окончательной редакціи своей рѣчи, напечатанной въ „Вечери Душевной“ [1]). Какъ Симеонъ Полоцкій долженъ былъ остерегаться и сдерживать свою рѣчь, такъ и другой, современный ему церковный ораторъ, Лазарь Барановичъ, оставилъ намъ свидѣтельство, что онъ не могъ вполнѣ свободно говорить со своей каѳедры. „Въ сужденіяхъ своихъ“, писалъ Лазарь къ Симеону при посылкѣ въ Москву сборника своихъ проповѣдей,—„я былъ остороженъ, а особенно избѣгалъ строгихъ обличеній, которыя болѣе всего не нравятся“ [2]). Все это ясно доказы-

---

[1]) Описаніе рукописей Моск. синод. библіотеки, II, 3, стр. 214.

[2]) Письма Лазаря Барановича, стр. 88. Лазарь желалъ, чтобъ упомянутый имъ сборникъ „Трубы словесъ“ напечатанъ былъ въ Москвѣ.

ваетъ, что хотя соборъ 1666—1667 годовъ и требовалъ возстановленія живой проповѣди народу, однако свободное слово церковнаго учителя встрѣчало въ Москвѣ значительныя стѣсненія со стороны сильныхъ людей. Но кромѣ этого обстоятельства, должно имѣть въ виду и то, что рѣзкое указаніе на нравственныя язвы современной жизни было вообще не въ обычаѣ проповѣдниковъ риторо-схоластическаго направленія и осуждалось ихъ теоріей краснорѣчія. Когда нужно сдѣлать порицаніе, говоритъ одна изъ кіевскихъ риторикъ XVII вѣка,—„пусть проповѣдникъ нападаетъ на пороки, но осторожно и чисто, особенно въ матеріи не совсѣмъ честной, чтобы не оскорбить испорченнаго слуха; не долженъ онъ открыто нападать на тѣ пороки, въ которыхъ самъ замѣченъ, чтобы кто-нибудь не возразилъ ему: врачу, исцѣлися самъ!“ [1]) Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній Полоцкій, коснувшись нравственныхъ обязанностей проповѣдника, выразилъ ту же мысль, что онъ долженъ быть очень остороженъ и въ жизни своей, и въ словѣ, да не впадетъ самъ въ тѣ пороки, которые обличаетъ [2]).

Итакъ, и литературныя требованія, и еще болѣе житейскія и общественныя условія сдерживали рѣзкость Симеоновыхъ обличеній. Это ограниченіе однако не помѣшало ему часто высказывать въ своихъ поученіяхъ мысль о необходимости просвѣщенія, какъ лучшаго средства противъ общественныхъ пороковъ. Въ этомъ заключается несомнѣнная заслуга нашего оратора: постояннымъ заявленіемъ этой мысли проповѣдное слово Полоцкаго, не смотря на обиліе въ немъ риторическихъ украшеній и схоластическихъ разсужденій, не смотря на свою не-

---

[1]) Труды Кіевск. духовн. академіи, 1866 г., № 4, ст. Н. П. Петрова: „Изъ исторіи гомилетики въ старой Кіевской академіи“, стр. 94.

[2]) См. піесу „Проповѣдникъ“, въ стихотворномъ сборникѣ С. Полоцкаго „Вертоградъ Многоцвѣтный“.

понятность для большинства [1]), выражало одну изъ вопіющихъ потребностей своего времени и потому могло имѣть въ ту пору извѣстное практическое значеніе.

VII.

Симеонъ Полоцкій былъ большимъ любителемъ стихотворства. Самое раннее изъ извѣстныхъ его литературныхъ произведеній суть „Метры“ на прибытіе царя Алексѣя Михайловича въ Полоцкъ, а самое позднее, написанное за два дня до смерти,—стихотвореніе подъ заглавіемъ: „Философія“. Такимъ пристрастіемъ къ стихотворству Полоцкій обязанъ былъ той школѣ, гдѣ онъ учился. Въ стихотворныхъ упражненіяхъ своихъ ученые Кіевской коллегіи руководствовались образцами, которые доставляла имъ, вопервыхъ, польская литература, и вовторыхъ, латинская поэзія, но не временъ классической древности, а среднихъ вѣковъ и XV—XVII столѣтій, поэзія, которой подражали и въ значительной мѣрѣ служили сами польскіе писатели.

Латинская поэзія христіанскаго запада возникла въ тотъ періодъ среднихъ вѣковъ, когда народные языки западной Европы еще не успѣли развиться до степени языковъ литературныхъ, и затѣмъ до позднѣйшаго времени была разработываема преимущественно монашествующими и вообще духовными лицами. Но по большей части то была не поэзія въ истинномъ значеніи этого слова, а лишь стихотворство, изложеніе мыслей и чувствъ въ строкахъ

---

[1]) „Обѣдъ“ и „Вечерю“, люботруднаго и премудраго мужа отца Симеона Полоцкаго слогъ, и тая простѣйшимъ людемъ за высоту словесъ тяжка бысть слышати и грубымъ разумомъ не внимателна“. Такъ писалъ, въ 1680-хъ годахъ, священникъ города Орла, Пермской епархіи, самъ составившій сборникъ церковныхъ поученій отчасти по образцу С. Полоцкаго (Описаніе рукописей Румянц. музея, А. Востокова, стр. 633).

опредѣленнаго ритма. Содержаніе этихъ стихотвореній составляли обыкновенно благочестивыя размышленія, молитвенныя обращенія къ Богу, изложеніе христіанскихъ легендъ; лишь изрѣдка въ этихъ произведеніяхъ проявлялась восторженность лирическаго изліянія или наивная простота народнаго эпическаго сказанія. Кромѣ мотивовъ религіозныхъ, въ средневѣковой латинской поэзіи встрѣчались басни, притчи и, наконецъ, стихотворенія панегирическаго или интимнаго содержанія въ формѣ одъ, эпиграммъ, посланій и т. п. Въ періодъ Возрожденія многіе гуманисты, подъ вліяніемъ изученія римскихъ поэтовъ, довели искусство владѣть латинскимъ стихомъ до замѣчательной степени совершенства и умѣли искусно сочетать поклоненіе классическимъ образцамъ съ самою утонченною католическою набожностью; появились поэмы о рождествѣ Пресвятой Дѣвы, написанныя слогомъ достойнымъ Виргилія, изящные переводы Давидовыхъ псалмовъ и священные гимны, передѣланные изъ одъ Горація. Но при всемъ томъ новая латинская поэзія продолжала оставаться чѣмъ-то вполнѣ искусственнымъ, произведеніемъ кабинета ученаго или школы, а не свободнымъ созданіемъ творческой фантазіи художника. Когда іезуиты стали учреждать свои школы въ католическихъ странахъ, они ввели латинское стихотворство въ составъ обязательныхъ предметовъ обученія; въ этомъ видѣ учебнаго упражненія оно достигло и Кіевской коллегіи, и здѣсь произведенія новыхъ латинскихъ стихотворцевъ приняты были за высокіе образцы поэтическаго творчества. Кіевскіе піиты перелагали въ стихи церковныя пѣсни, переводили латинскіе религіозные гимны католическихъ авторовъ, передѣлывали польскіе духовные канты и сочиняли въ томъ же родѣ свои стихи на разные священные предметы; кромѣ того, они писали во множествѣ хвалебныя оды, элегіи, эпиграммы и другія стихотворенія „на случай“, нерѣдко въ видѣ акростиха или

такъ-называемаго „курьезнаго" стиха, расположивъ строки въ формѣ яйца, бокала, пирамиды и т. п.

Симеонъ ознакомился въ коллегіи со всѣми этими хитростями піитическаго искусства и съ теченіемъ времени сдѣлался усерднымъ виршеслагателемъ. Онъ самъ говоритъ, что всегда питалъ желаніе, „да риѳмотворное писаніе распространяется въ нашемъ славенстемъ книжномъ языцѣ", какъ процвѣтаетъ оно у другихъ народовъ и доставляетъ уваженіе тѣмъ, кто въ немъ упражняется [1]). Какъ и въ произведеніяхъ кіевскихъ піитовъ, въ его стихотворныхъ опытахъ встрѣчаются подражанія церковнымъ пѣснямъ; такъ напримѣръ, „стихи краесогласные на день успенія Пресвятой Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи" составляютъ какъ бы переложеніе акафиста Богоматери, а „стихи на Воскресеніе Христово ко Государю Царю" содержатъ въ себѣ, между прочимъ, историческое изображеніе этого событія, заимствованное большею частью изъ богослужебныхъ книгъ [2]), и т. д. Подобно польскому поэту Яну Кохановскому, переложившему Псалтырь въ польскіе стихи, и шотландскому гуманисту Георгу Бухапану, сдѣлавшему латинскій метрическій переводъ псалмовъ [3]), Полоцкій предпринялъ стихотвор-

---

[1]) Предисловіе къ „Вертограду Многоцвѣтному" Этимъ досслѣ не изданнымъ сборникомъ стихотвореній Симеона Полоцкаго мы пользовались въ рукописи Имп. Академіи Наукъ. Не лишено интереса замѣчаніе объ этой рукописи, сдѣланное Тредіаковскимъ (Соч., С.-Пб. 1849. т. I, стр. 775): „Превеликая рукописная книга, хранящался въ императорской академической библіотекѣ: написана она 1678 года. Сія книга писана толь чистымъ и препорядными письмомъ, что уже нынѣ такихъ рукъ у нашихъ писцовъ не видно". Изъ „Вертограда Многоцвѣтнаго" до сихъ поръ напечатано лишь нѣсколько стихотвореній въ „Исторической Христоматіи" Ѳ. И. Буслаева и въ „Исторіи Россіи" С. М. Соловьева, т. XIII. Ниже мы приводимъ еще нѣсколько піесъ по вышеупомянутой рукописи.

[2]) „Риѳмологіонъ" по рукописи Моск. синод. библіотеки, по старому каталогу № 287, л. 307—312 и 192—202.

[3]) Псалтырь Я. Кохановскаго (1532—1582 гг.) издана была въ первый разъ въ въ 1578 г. въ Краковѣ, а Псалтырь Г. Бухапана (1505 —

ное переложеніе Псалтыри на славянскій языкъ; въ предисловіи къ этому труду онъ откровенно объяснилъ, что былъ побужденъ къ тому примѣромъ иностранныхъ литературъ, а также тѣмъ обстоятельствомъ, что и въ Бѣлой, и въ Малой Россіи, и въ самой Москвѣ многіе полюбили „сладкое и согласное пѣніе полскія Псалтыри, стиховно преложенныя“, и поютъ польскіе псалмы, „мало или ничтоже знающе и точію отъ сладости пѣнія увеселяющеся духовнѣ“. Не смотря на оговорки переводчика, что его Псалтырь вовсе не назначается для чтенія въ церкви, и что онъ старался близко держаться славянскаго текста, „снисходя обычаю рода и страны“, стихотворный переводъ Полоцкаго, изданный въ Москвѣ въ 1680 году, подобно многимъ его произведеніямъ, не избѣгъ упрековъ со стороны его враговъ, которые намекали, что этотъ переводъ заключаетъ въ себѣ „многы прилоги и отъятія“ противъ древняго славянскаго текста [1]); это впрочемъ не помѣшало Симеоновой Псалтыри стать впослѣдствіи весьма популярною среди русскихъ людей: она между прочимъ была одною изъ первыхъ книгъ, прочитанныхъ Ломоносовымъ.

Какъ уже было сказано выше, Полоцкій написалъ множество стихотвореній на разные случаи изъ жизни царскаго семейства и другихъ почетнѣйшихъ лицъ — привѣтствій въ праздничные дни, поздравленій и хвалебныхъ одъ на разныя радостныя событія и жалостныхъ элегій на происшествія печальныя. Вирши эти почти сплошь состоятъ изъ безцвѣтныхъ общихъ мѣстъ, въ родѣ стиховъ на возвращеніе Полоцкой иконы Божіей Матери, приведенныхъ въ I-й главѣ настоящаго очерка. Піитика Кіев-

---

1582 гг.) — въ 1567 г. въ Антверпенѣ; затѣмъ оба перевода перепечатывались неоднократно.

[1]) „Остенъ“, стр. 137; намекъ высказанъ тѣмъ, что „Псалтырь“ Полоцкаго приравнивалась къ передѣланной „Псалтыри“ еретика IV вѣка Аполлинарія.

ской коллегіи требовала отъ хвалебной лирики такихъ выраженій восторга, которыя превышали всякую искренность чувства. Почти полвѣка позже Полоцкаго, умный Ѳеофанъ Прокоповичъ, будучи въ Кіевѣ учителемъ піитики, допускалъ, что восхваляемаго въ стихахъ героя можно сравнивать со всякимъ высокимъ предметомъ, даже съ самимъ Богомъ, при одномъ только ограниченіи: „если мы распространяемъ что-нибудь чрезъ сравненіе съ Богомъ, то не должны и не можемъ говорить, что предметъ нашъ больше, чѣмъ твореніе Божіе, или что онъ самъ Богъ; но достаточно сказать, что онъ или кажется подобнымъ Богу, или немного ниже его“ [1]). Если стихотворныя похвалы Полоцкаго не доходили до такихъ крайностей, то во всякомъ случаѣ онѣ отличались чрезвычайною напыщенностью. Изъ всѣхъ Симеоновыхъ стихотвореній разбираемаго разряда наибольшею извѣстностью пользовалась, въ свое время и позже, такъ-называемая драматическая элегія „Гласъ послѣдній царя Алексѣя Михаиловича“, на смерть этого государя. Въ этомъ стихотвореніи Полоцкій представляетъ умирающаго царя обращающимся къ Богу съ предсмертною молитвою, къ наслѣднику своему Ѳеодору Алексѣевичу — съ наставленіемъ какъ царствовать, и затѣмъ ко всѣмъ остальнымъ лицамъ царской семьи, къ патріарху, архіереямъ, боярамъ, властямъ, войску и ко всѣмъ вообще подданнымъ; послѣ того всѣ, къ кому говорилъ царь, въ цѣломъ рядѣ „плачей“ выражаютъ свою скорбь по его кончинѣ. Элегія очень длинна, но не смотря на нѣкоторую оригинальность своей постройки, очень бѣдна содержаніемъ. Діалогическое ея изложеніе, съ поименованіемъ всѣхъ членовъ царскаго рода, было однако

---

[1]) Труды Кіевск. духовн. академіи 1867 г. № 1, ст. Н. И. Петрова: „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской академіи“, стр. 92.

принято въ XVIII вѣкѣ за доказательство исторической достовѣрности ея содержанія, и потому значительная часть элегіи вошла въ извѣстное „Сказаніе“ о рожденіи Петра Великаго, очень распространенное въ рукописяхъ прошлаго столѣтія и нѣсколько разъ появлявшееся въ печати.

Всѣ написанныя Полоцкимъ стихотворенія „на случай“ были соединены въ одинъ обширный сборникъ, которому онъ далъ названіе „Риѳмологіона“. Другой сборникъ былъ составленъ Симеономъ изъ остальныхъ его произведеній, написанныхъ стихами, и получилъ названіе „Вертограда Многоцвѣтнаго“. По объясненію самого автора въ предисловіи къ „Вертограду“, въ этомъ, также весьма обширномъ сборникѣ есть піесы самаго разнообразнаго содержанія — подобія, образы (риторическія фигуры), присловія, толкованія, эпитафіи, повѣсти, лѣтописныя сказанія, подписи къ картинамъ, молитвы, увѣщанія и обличенія. Какъ „Вѣнецъ вѣры“ сплетенъ былъ Симеономъ изъ разныхъ цвѣтовъ богословскихъ, такъ въ „Вертоградѣ“ собраны цвѣты изъ разныхъ вертоградовъ чужеземныхъ, то-есть, изъ разныхъ иностранныхъ сочиненій поучительнаго и занимательнаго содержанія. Главный предметъ виршъ „Вертограда“ составляетъ разъясненіе религіозныхъ истинъ и духовно-нравственное наставленіе; то и другое авторъ постоянно сопровождаетъ обильными примѣрами изъ житій святыхъ и изъ Прологовъ, изъ исторіи древней и новой, а также разсказами о разныхъ житейскихъ случаяхъ, заимствованными изъ „Римскихъ Дѣяній“, „Великаго Зерцала“ и другихъ подобныхъ повѣствовательныхъ сборниковъ, составлявшихъ въ средніе вѣка любимое чтеніе во всей Европѣ; такъ, подъ заглавіемъ „Клевета“ подробно разсказывается преданіе о Женевьевѣ Брабантской, подъ заглавіемъ „Месть“ — исторія Розамунды, жены Лангобардскаго короля Албоина, подъ заглавіемъ „Блудъ съ сыномъ сотворшая мати“ — легенда о

Григоріѣ Великомъ (одинъ изъ варіантовъ сказанія о кровосмѣсителѣ, извѣстный между прочимъ по „Римскимъ Дѣяніямъ“), подъ заглавіемъ „Сладость небесная“ сообщается разсказъ „Великаго Зерцала“ о монахѣ Феликсѣ, прослушавшемъ триста лѣтъ пѣніе райской птицы, въ стихотвореніи „Глава мѣдная глаголавшая“ приводится преданіе объ Альбертѣ Великомъ и Ѳомѣ Аквинскомъ, въ піесѣ „Образъ“ повѣствуется о покровительствѣ короля Французскаго Франциска I просвѣщенію, въ стихотвореніи „Скаканіе“ сообщается извлеченный опять изъ „Великаго Зерцала“ разсказъ о неблагочестивыхъ людяхъ, плясавшихъ въ ночь Рождества Христова, и т. д. Одна изъ стихотворныхъ повѣстей Симеона напоминаетъ народные разсказы о такъ-называемыхъ хожденіяхъ Іисуса Христа по землѣ; она заслуживаетъ вниманія между прочимъ и по юмористическому характеру своего изложенія:

Богъ Всевидецъ.

Мужь страннолюбецъ въ сію злобу впаде,
Близка сосѣда свинію украде.
Посемъ Христосъ Богъ оному явися,
Въ нища власата, странна претворися.
Желая его умиленнымъ гласомъ,
Еже стриженнымъ быти себѣ власомъ.
Страннолюбецъ же въ любви и пріялъ есть,
Власы острищи самъ ножницы взялъ есть.
Начеиже стрищи ко заду главы пріиде
И ту двѣ оцѣ свѣтлѣ зѣло видѣ.
Страхомъ одержимъ, къ странну глаголаше:
„Каково чюдо сіе?“ вопрошаше.
Странный мужь къ нему милостивно рече:
„Знай мя ты быти Христа, человѣче,
„Иже отвсюду тайны созерцаю,
„Зрѣніемъ моимъ бездны проницаю:
„Тѣма очима азъ видѣхъ съ небеси,
„Егда свинію ты чюжду кралъ еси,
„И гдѣ заключи въ ямѣ устроеннѣй;
„Вся ми суть вѣстна во всей странѣ земнѣй“.
Сія извѣстивъ, не увидимъ бяше.
Страннопріимецъ о грѣсѣ ридаше.

Виждь, читателю, яко бдѣнно око
Божіе, видитъ и что есть глубоко.
Тѣмъ же и въ тайнѣ зла да не твориши,
Завѣтъ Господень выну да храниши.

Нѣкоторыя стихотворенія „Вертограда" опредѣляютъ понятія изъ гражданскаго быта, какъ напримѣръ, помѣщенныя подъ слѣдующими заглавіями: „Гражданство", „Начальникъ", „Правитель", „Гласъ народа", „Тріумфъ или торжество побѣдное", „Милость господская", „Врачъ", „Проповѣдникъ", „Живописаніе", „Жидъ"; въ этомъ послѣднемъ замѣтно сказывается уроженецъ западной Россіи, и въ то время уже наводненной и разоряемой евреями:

Жидъ.

Яже полза въ садъ дробныхъ рыбъ щуку пущати,
Та между христіаны жида водворяти:
Щука малыя рыбы несытно глощаетъ,
Жидъ люди убогія лихвами снѣдаетъ.

Еще другой разрядъ стихотвореній „Вертограда" описываетъ явленія природы—по видимому, по источникамъ въ родѣ тѣхъ естествословцевъ, коими пользовался Симеонъ въ своихъ проповѣдяхъ; таковы піесы: „Магнитъ", „Слонъ" „Соль"; какъ образчикъ подобныхъ піесъ можно привести слѣдующее четверостишіе, характеризующее астрологическія понятія Полоцкаго:

Звѣзда.

Звѣзды во человѣцѣхъ воли не враждаютъ,
Токмо страстми плоти нѣчто преклоняютъ.
Тѣмъ же на звѣзды вины нѣсть лѣть возлагати,
Егда кто зло нѣкое обыче дѣяти.

Наконецъ, иныя піесы не заключаютъ въ себѣ ничего, кромѣ остроты или шутки, нерѣдко грубой, иногда основанной на парадоксальномъ схоластическомъ умозаключеніи, но изрѣдка не лишенной и нѣкоторой замыслова-

тости. Приведемъ образцы и такихъ произведеній, тѣмъ болѣе любопытныхъ, что они вышли изъ-подъ пера монаха:

Воздержаніе.

Воздержаніе аще безмѣрно хранишн,
Множицею души ти вредъ велій творишн:
Плоти бо изнемогшей умъ не добръ бываетъ,—
Разсужденіе въ мѣру вся да устрояетъ.

Адамъ и Евва не воздержна быста —
Весь міръ единымъ яблокомъ вредиста.

Богатство.

Еллиномъ богатствъ богъ бѣ нареченный Плутонъ;
Азъ его именую: во истину плутъ онъ,—
Плутаетъ бо излиха и зѣло вплетаетъ
Въ сѣти діавольскія, яже уловляетъ, и т. д.

Такимъ образомъ, „Вертоградъ Многоцвѣтный" имѣетъ характеръ энциклопедическаго сборника, въ которомъ религіозное нравоученіе соединяется съ разрѣшеніемъ запросовъ научной любознательности и съ удовлетвореніемъ интересовъ собственно литературныхъ.

Благодаря такому составу, сборникъ этотъ полнѣе, чѣмъ всѣ другія, уже разсмотрѣнныя нами сочиненія Симеона, даетъ понятіе о начитанности автора внѣ предметовъ богословія. Но есть въ стихотвореніяхъ „Вертограда" еще одна сторона, именно—то, что̀ выражаетъ самостоятельную мысль Полоцкаго. Она проявляется въ тѣхъ піесахъ, которыя авторъ назвалъ увѣщаніями и обличеніями, и представляетъ отношенія Полоцкаго къ явленіямъ русской жизни. Какъ въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ своихъ онъ соединялъ религіозно-нравственное наставленіе русскому обществу съ указаніемъ на его пороки, такъ и въ „Вертоградѣ" на ряду съ нравоученіями являются картины семейной и общественной безнравственности русскаго народа. Но если въ проповѣдномъ словѣ Полоцкій считалъ

необходимымъ сдерживать свое обличительное настроеніе, то въ „Вертоградѣ“ онъ даетъ волю своему отрицательному воззрѣнію на жизнь русскаго общества.

Мы видѣли при обзорѣ проповѣдей, что Симеонъ, соотвѣтственно своему монашескому званію, высказывался въ пользу аскетическаго воззрѣнія на жизнь. Такъ и въ „Вертоградѣ“ онъ выражаетъ мысль о необходимости удаленія отъ міра, отъ соблазновъ его и, въ особенности, отъ сообщества женщинъ:

Женъ близость.

Хотяй чистоту свою сохранити
Долженъ есть съ поломъ противнымъ не жити, —
Сожитіе бо похоть возбуждаетъ,
Дѣвства лишаетъ.

Развивая далѣе свою мысль, Симеонъ посвящаетъ нѣсколько стихотвореній восхваленію дѣвства, описываетъ самыми безотрадными чертами пороки женщинъ и приводитъ многочисленные примѣры паденія мужской добродѣтели отъ женскихъ соблазновъ. Въ стихотвореніи: „Женитва“, замѣчательномъ по яркимъ краскамъ нравоописанія, при чемъ приводятся и нѣкоторыя черты русскаго быта, Симеонъ осуждаетъ супружескую жизнь. Человѣку ученому, „пріявшему мудрость отъ Бога“, говоритъ онъ,— не слѣдуетъ жениться,—

Ибо не будетъ мощно съ книгами сѣдѣти:
Удалитъ отъ нихъ жена, удалятъ и дѣти...

Женатый человѣкъ подвергается женскимъ прихотямъ, а каковы онѣ—всякій „оженивыйся совершенно знаетъ“. Прихотливая жена любитъ наряжаться и окружать себя многочисленною прислугою; требованіямъ ея нѣтъ предѣла:

. . . . утружденну мужу не даетъ обнощь спати,
Въ ложи обыче ему о нуждахъ стужати;
Ту жалостнѣ глаголетъ, мужа укоряетъ,
Аки о ней недобрѣ въ нуждахъ помышляетъ:

Инѣхъ мужей во образъ супруги приводитъ:
„Се она краснѣй мене одѣянна ходитъ,
„Ову же вси людіе зѣло почитаютъ,
„А мене, за тобою сущыя, не знаютъ“.
Къ симъ ревнивая жена обыче стужати:
„Что ты на ону жену любиши смотряти,
„И что со рабынею ты глаголалъ еси?
„Гдѣ былъ еси въ гостинѣ, то ми да повѣси“.
Изъ торжища грядуща гнѣвно вопрошаетъ:
„Что принеслъ еси?“ Аще ни, то лютѣ лаетъ.
Въ гости аще пустиши, то обыкнетъ пити;
Аще же не пустиши, то не хощетъ и жити:
„Увы ми“, возопіетъ,—„коль есмь не блаженна
„За злымъ мужемъ, отъ добрыхъ другинь отлученна“...

Далѣе авторъ разсуждаетъ о вліяніи матеріальнаго благосостоянія на счастіе супружеской жизни: кто женится на безприданницѣ, тому жить трудно, а кто возьметъ жену богатую, тотъ самъ подпадаетъ ея власти; такая жена

Хощетъ бо, да на ону выну свѣтло зриши,
Красоту лица ея и нравы хвалиши.
Аще на ину когда возрѣти случится,
То, аки презрѣнная, велми оскорбится.
Честнымъ именемъ выну хощетъ звана быти
И праздникъ именинный на всякъ годъ хранити,
Да о здравіи ея весело піеши
И наслѣдницу богатствъ ону содѣеши...
Хощетъ, да отца ея и рабыню чтиши,
А кормилицѣ ея и дары носиши;
Кого либо возлюбитъ, и ты да любиши,
По хотѣнію ея присно да ходиши.
Аще домъ ей вручиши—за носъ возметъ тебе,
Аще не вручиши—мнитъ презрѣну себе.
И тако къ ненависти тебе обратится,
Весь твой домъ возмутити свары устремится...

Эти нападки на женскій нравъ, какъ на причину семейныхъ несчастій, напоминаютъ слова древнихъ русскихъ книжниковъ о злобѣ женъ и о прелести женской, но и отличаются отъ нихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ: въ древнихъ писаніяхъ, сложившихся по византійскимъ образцамъ и источникамъ, слышенъ голосъ фана-

тика, который искренно вѣритъ, что жена злая есть сѣть діаволомъ сотворена, покоище змѣиное, гостинница жидовская; напротивъ того, Симеонъ ведетъ рѣчь исключительно въ шутливомъ тонѣ, охотно замедляетъ ее на соблазнительныхъ разсказахъ о женскихъ хитростяхъ и уловкахъ и потѣшается надъ безпокойствами и тревогами семейной жизни, какъ старый холостякъ, который дорожитъ независимостью своего одиночества.

Древняя русская словесность, устная и письменная, столь строгая вообще къ женщинѣ, издавна проявляла однако уваженіе къ честной матерой вдовѣ, къ тому изъ женскихъ типовъ, который и въ дѣйствительной жизни пользовался наибольшимъ почетомъ. Симеонъ, въ піесѣ „Вдовство", также очертилъ образъ „правой вдовы", которая хранитъ свое жилище „яко церковь" и свое вдовство „въ цѣлости"; но рядомъ съ такою всѣми почитаемою женщиною, авторъ нашъ описалъ и другую, которая, овдовѣвъ въ молодости, не можетъ помириться съ утратою мужа. Въ этомъ описаніи онъ говоритъ:

Законъ естества вдову поучаетъ,
	Да ся отъ сластей всякихъ удаляетъ.
А въ благодати мертва та зовется
	Вдовица, яже сластно питается,—
Сласть бо грѣхъ родитъ, иже умерщвляетъ
	Душу,—тако смерть душевна бываетъ.
Вредно есть вдовѣ много рабъ имѣти,
	Часто на тыя весело смотрѣти,
Найпаче иже красно устроени,
	Брадъ не имуще, власы утрефлени.
Лица ихъ стрѣлы во сердце пущаютъ,
	Неопаспую вдову уязвляютъ.
И дѣвы красны, яже живутъ съ нею,
	Духъ красотою лстятъ ея своею;
Елма бо оны жениховъ желаютъ,
	Между собою дерзостно играютъ,—
О тѣхъ ихъ пѣсни, о тѣхъ всяко слово,
	А вдовы сердце любити готово.
Срамъ возбраняетъ любве изъявляти,
	А въ перcѣхъ пламень, нужда есть страдати.

Аще дѣвицу въ супружество дастъ,
Сама во тайнѣ мѣстѣ воздыхаетъ —
Не реку: плачетъ,—тако бо явится
Слезами, еже во сердци таится.
Глаголетъ вдова: „Мужа не желаю,
„До смерти тако уже пребываю“.
Но не есть твердо сіе ея слово,
Сердце жениха любити готово;
Славится токмо, да во чести будетъ,
Но сей цвѣтъ славы недолго пребудетъ;
Егда бо женихъ лѣпый проявится,
Абіе ему въ область поручится,
Повержетъ вдовство, волитъ быти мати,
Неже едина въ ложи почивати.

Здѣсь опять, во всей односторонности, проявляется то аскетическое воззрѣніе на женщину, въ которомъ Симеонъ сходится съ нашими старинными книжниками; а потому понятно, что такую же характеристику молодой безразсудной вдовы мы находимъ и въ одной изъ проповѣдей его: „Злыя и демонскія вдовы суть“, говорится здѣсь,— „яже радуются о смерти мужевъ своихъ и веселятся, яко свободни суть, еже исполняти хотѣніе си безвозбранно; яже оставленная себѣ и дѣтемъ отъ мужей имѣнія и богатства на сладостныя и утѣшная, на піянства и безчинія расточаютъ и на угодіе плоти блудно изтрошаютъ“; и далѣе: „демонскія (вдовы суть), яже убо чистоту вдовства хранятъ, но во иныхъ грѣсѣхъ яко въ мори плаваютъ, гордость, ненависть, лакомство, зависть, лжу, клеветы, осужденія, баснословія, волшебства, шепты и иныя тымъ подобныя богомерзскія злобы, аки сладкаго чашу вина испиваютъ. Сицевыя вдовства чистота ползуетъ толико, елико сосудъ сребрянный блатомъ и каломъ исполненный напояетъ. Сицевыя вдовы гробомъ повапленнымъ подобны, внѣ убо краснымъ, но внутрь костей мертвыхъ и смрада полнымъ“ („Вечеря Душевная“, л. 46 об.—л. 47 об.). Можно думать, что въ этихъ описаніяхъ заключается не только общее обличеніе женскихъ пороковъ и слабостей, но и личный намекъ. Проповѣдь, въ

которой находятся приведенныя слова, была сказана въ день св. Софіи, въ день ангела честолюбивой царевны Софіи Алексѣевны. Не извѣстно, когда именно было произнесено это поученіе; но если оно относится уже къ царствованію Ѳеодора Алексѣевича, то возможно предположеніе, что слова проповѣдника заключаютъ въ себѣ намекъ на не старую еще въ то время вдову покойнаго царя Наталію Кирилловну: Симеонъ, пользуясь расположеніемъ царевны Софіи, враждовавшей со своею мачихой, которую она называла „медвѣдицей, забѣжавшею Богъ знаетъ откуда въ наше семейство" [1]), легко могъ позволить себѣ такой намекъ въ угожденіе своей покровительницѣ.

Между тѣмъ какъ въ проповѣдяхъ своихъ Симеонъ много говоритъ о воспитаніи дѣтей, въ „Вертоградѣ" онъ касается этого предмета сравнительно мало; но и здѣсь, какъ въ проповѣдяхъ, высказывается существенное правило стариннаго воспитанія:

Розга.

Плевелы отъ пшеницы жезлъ твердъ отбиваетъ,—
Розга буйство изъ сердецъ дѣтскихъ прогоняетъ.

Извѣстно, что на той же идеѣ строгости основываетъ свои педагогическія начала и „Домострой"; если Симеонъ расходился съ послѣднимъ — какъ мы знаемъ изъ „Катихизиса" — въ отношеніи суроваго обращенія мужа съ женою, то онъ остался вѣренъ старинному обычаю въ дѣлѣ обращенія съ дѣтьми.

Дорожа покровительствомъ сильныхъ, Полоцкій былъ очень остороженъ, когда ему приходилось въ проповѣдяхъ упоминать объ обязанностяхъ и порокахъ этихъ людей. Въ „Вертоградѣ" онъ выражается нѣсколько свобод-

---

[1]) Погодинъ. Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго. М. 1875, стр. 25.

ніе. Здѣсь между прочимъ находимъ поученія начальствующимъ въ стихотвореніяхъ подъ заглавіями: „Началникъ", „Правитель" и т. д. Приведемъ первое:

Началникъ.

Человѣче началный, нужда тебѣ знати,
Яко о подначалныхъ требѣ отвѣтъ дати.
Не рцы: „Доволно ми есть промыслъ сотворити,
„Еже бы душѣ моей въ спасеніи быти".
Не глаголи: „Что къ инымъ мнѣ! Азъ себе знаю,
„О моей токмо душѣ печаль полагаю".
Да не мыслиши того: „Бѣдства суть велика
„Спасеніе строити ина человѣка".
Да не речеши: „Нѣсмъ азъ книгамъ наученны
„И блага вѣщанія словомъ украшенны;
„Мало ми есть искуство, не хощу дерзати
„Еже согрѣшающихъ въ крѣпости держати".
Не глаголи сицевыхъ, но токмо молися
И подначалныя ти правити потщися.
Богъ лишеніе твое имать исполнити
И во нуждѣ спасеннѣй тебѣ пособити.
Койждо началникъ имать власть, еже учити;
Идѣже словомъ скуденъ, образъ лѣть явити.
Образъ же паче слова силенъ ползу дати:
Твори благо не могій словомъ поучати.
Обаче и малая слова суть велика
Тѣхъ, яже устроилетъ въ началство Владыка.
Долженъ убо епископъ церковь управляти,
Якоже пастырь стадо благовождствовати.
И человѣкъ убогій домъ да устроаетъ;
Родитель чадомъ своимъ благъ путь да являетъ;
Богатый, иже имать рабы многи зѣло,
Путемъ я божественнымъ да наставитъ цѣло.
Мужъ долженъ жену свою въ правости держати,
Да бы законъ Господень о нѣй соблюдати.
Судіи подобаетъ судимыхъ хранити,
Да бы взаемъ обиды онымъ не творити.
Царь, всеродный властитель, тогда соблюдаетъ,
Злоба да истребится, благость да сіяетъ.
Во всѣхъ же милость чинѣхъ буди сохраненна,
И казнь, яже достоитъ, не буди забвенна.
Ни единъ отъ правитель себе да прелщаетъ,
Неможеніемъ себе да не извиняетъ.
По елику можеши, по толику тщися,
Ползовати Божія люди не сумнися,

Аще многа знаеши, возглаголи многа,
За то мзда не малая будетъ ти отъ Бога.
Мало знаеши,—и то тщися глаголати,
Богъ ти мзду достойную имать за то дати.
Аще едина въ тебѣ доброта сіяетъ,
И та да не есть праздна, ползу да рождаетъ.
Аще многи имаши, многи назидати
Тщися, да бы ти многу мзду отъ Бога взяти.
Иначе, яко скрывый талантъ осудится,
Кто плода сотворити въ ближнихъ не потщится.

Вмѣстѣ съ этимъ наставленіемъ Симеонъ распространяется о томъ, какъ сильные люди злоупотребляютъ властью, какъ они своеобычны, и какъ потому непостоянна

Милость господская.

У господъ милость трудно есть стяжати,
Труднѣе того выну ону знати,—
Ибо воскорѣ та ся измѣняетъ
И множицею въ гнѣвъ ся прилагаетъ.

Въ другомъ стихотвореніи, подъ тѣмъ же заглавіемъ, Полоцкій еще полнѣе описываетъ, съ одной стороны, произволъ знатныхъ, а съ другой—положеніе милостивца предъ лицомъ ихъ:

Аще у мужъ вельможныхъ есть благодать тебѣ,
Употребляти ея всеопасно требѣ.
Яко со огнемъ, съ ними есть полезно жити,
Ниже ся удаляти, ни велми близъ быти:
Огня удаляйся озноблень бываетъ,
А близъ зѣло сущыя самъ огнь опаляетъ.
Тако иже о Господѣ себе удаляютъ,
Презрѣнни и безчестни у онѣхъ бываютъ.
Иже паки дерзаютъ ближитися зѣло,
Мало за дерзость свою до конца суть цѣло.
Средство убо въ житіи семъ хранити требѣ,
Иже хощетъ безбѣдства и дружбы ихъ себѣ.

Послѣднія строки, быть можетъ, приведутъ читателю на память молчалинскія добродѣтели — умѣренность и аккуратность, и дадутъ поводъ обвинить Полоцкаго въ проповѣди явнаго угодничества; но вспомнимъ,

что Симеонъ жилъ въ Москвѣ единственно „царскимъ милосердіемъ“, и тогда совѣтъ не отвращаться отъ господской милости, а быть только умѣреннымъ въ пользованіи ею, получитъ смыслъ не совсѣмъ унизительный для человѣческаго достоинства: въ старину многіе живали у богатыхъ людей на даровыхъ хлѣбахъ по бѣдности, по родству или знакомству; это была филантропія своего рода, и притомъ совершенно свободная отъ всякой казенщины. Чтобы понять житейское практическое значеніе Симеонова совѣта, нужно привести себѣ на память простой здравый смыслъ нравоученій стариннаго русскаго „Домостроя“: какъ здѣсь говорится объ умѣньи уживаться съ людьми и всѣмъ „уноровить“, такъ и Симеонъ рекомендуетъ держаться золотой середины въ отношеніяхъ съ знатными и богатыми.

Въ томъ же духѣ простой, здравомысленной, но нѣсколько эгоистической морали „Домостроя“, умѣющей примирить требованія совѣсти съ личною выгодою, высказывается Симеонъ и относительно дачи денегъ въ заемъ: осуждая лихоимство, онъ и вообще не совѣтуетъ оказывать временную денежную помощь знакомому человѣку:

Въ заимъ даяніе.

Домадъ рече: кто другу сребро взаимъ даетъ,
 Друга и сребро свое купно погубляетъ;
Се негли того ради яко гнѣвъ ся родитъ,
 Егда сребро си взяти давый къ нему ходитъ;
Паче же множицею зла вражда бываетъ.
 И во нашихъ временѣхъ сіе ся случаетъ.

Такъ съ понятіями объ утонченномъ обращеніи и со своимъ полуіезуитскимъ воспитаніемъ Симеонъ соединялъ нѣкоторыя житейскія правила, изстари усвоенныя русскимъ обществомъ.

Къ сожалѣнію, Полоцкій оставилъ въ своихъ стихахъ лишь немного замѣтокъ объ образѣ жизни знатныхъ и богатыхъ людей своего времени; но какъ въ его про-

повѣдяхъ многія обличенія направлены противъ суевѣрій, колдовства, пьянства и другихъ пороковъ, общихъ всѣмъ классамъ русскаго общества, такъ и въ стихотвореніяхъ „Вертограда“ онъ вооружается противъ разныхъ общественныхъ недостатковъ, не исключая въ своемъ порицаніи и высшаго сословія. Извѣстно, что къ первымъ годамъ царствованія Алексѣя Михайловича относится строгое гоненіе на разныя народныя потѣхи, на пѣніе мірскихъ пѣсенъ, пляски и игры, не говоря уже о ворожбѣ и чародѣйствѣ. Соборъ 1666—1667 годовъ возобновилъ осужденіе этихъ народныхъ забавъ и суевѣрій, и вотъ Полоцкій, какъ въ поученіяхъ своихъ, такъ и въ цѣломъ рядѣ стихотвореній, повторяетъ это осужденіе. Мы упоминали уже его стихотворную повѣсть о томъ, какъ пострадали плясавшіе въ ночь на Рождество Христово. Приведемъ теперь нѣсколько другихъ стихотвореній о пристрастіи народа къ разнымъ суевѣріямъ, забавамъ и потѣхамъ.

Волхвъ.

Волхвы къ немощнымъ иже призываетъ,
Врача небесна оныя лишаетъ.

Чародѣй.

Кто чародѣи въ домъ свой призываетъ,
Обругавъ Бога, бѣса почитаетъ.
Можетъ на малъ часъ демонъ послужити,
Но вѣчно будетъ за то онъ томити.

Богатыхъ обычай.

Богатымъ есть обычай щедро раздаяти
Сребро тымъ, иже вѣдятъ кощунства дѣяти,
И на суеты міра. А гдѣ подобаетъ
Въ ползу нуждную дати, богачь скупъ бываетъ.

Кощунъ.

Свѣтилникъ да свѣтитъ, огнемъ ся снѣдаетъ,—
Кощунникъ да тѣшитъ, самъ ся изнуряетъ.

Въ послѣднихъ двухъ стихотвореніяхъ подъ кощунствомъ разумѣется именно скоморошество[1]), и стихи эти любопытны, между прочимъ, какъ свидѣтельство, что древнія потѣхи скомороховъ, не смотря на постоянныя преслѣдованія со стороны церкви, продолжали существовать на Руси во второй половинѣ XVII вѣка. Современникъ и подражатель Полоцкаго, неизвѣстный по имени священникъ Пермской епархіи, составившій сборникъ поученій подъ названіемъ „Статиръ", также упоминаетъ о скоморошьихъ играхъ, называя ихъ „сатанинскими" [2]). Гораздо мягче отзывается о нихъ Полоцкій, порицающій не самую сущность забавы, какъ осуждаетъ онъ уцѣлѣвшія отъ эпохи язычества волхвованіе и чародѣйство, а лишь чрезмѣрное пристрастіе къ потѣхамъ. Въ этомъ сказывается уже извѣстный прогрессъ понятій; но, съ другой стороны, тутъ же, въ двустишіи „Кощунъ", мы опять встрѣчаемся съ понятіями старинной Руси: соболѣзнованіе Симеона о самоизнуреніи кощуна напоминаетъ разсужденія одного русскаго боярина, начала XVII вѣка, о танцахъ, записанныя его собесѣдникомъ-полякомъ: „Что за охота ходить по избѣ, искать ничего не потерявъ, притворяться сумасшедшимъ и скакать скоморохомъ! Человѣкъ честной долженъ сидѣть на своемъ мѣстѣ и только забавляться кривляніями шута, а не самъ быть шутомъ для забавы другого; это не годится" [3]). Мірскимъ пѣснямъ Симеонъ противополагаетъ псалмопѣніе, для котораго самъ далъ матеріалъ переводомъ Псалтыри, и въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ распространяется о пользѣ его.

---

[1]) Кощунникъ—сирѣчь скоморохъ, говорится въ переводѣ Езоповыхъ басенъ, принадлежащемъ XVII вѣку; см. Истор. Христоматію Ѳ. И. Буслаева, ст. 1409.

[2]) Труды Кіевск. духовн. академіи 1861 г., I, ст. П. И. Малышевскаго: „Русскій приходскій священникъ-проповѣдникъ XVII вѣка", стр. 449.

[3]) Сказанія о Дмитріѣ Самозванцѣ, II: Дневникъ Маскѣвича, стр. 52.

Предметомъ многочисленныхъ обличеній служитъ у Симеона пьянство. Наша древняя литература часто вооружалась противъ этого порока, но въ то же время обнаруживала къ нему и нѣкоторую снисходительность, оправдывая обильное употребленіе вина обычаемъ извѣстныхъ празднествъ и т. п. „Когда сядешь на пиру“, говорится въ одномъ старинномъ словѣ о пьянствѣ, — „то первую чашу воспіешь въ жажду, вторую въ сладость, третью во здравіе, четвертую въ веселіе, пятую въ пьянство, шестую въ бѣсовство, а послѣднюю въ горькую смерть“ [1]). По этому разсчету пьянство начинается только по полупирѣ, по выраженію нашихъ былинъ. Подобно тому, и у Симеона употребленіе вина осуждается лишь въ томъ случаѣ, когда оно чрезмѣрное. Въ повѣствовательныхъ примѣрахъ, которыми онъ сопровождаетъ свои наставленія о пьянствѣ, онъ чаще обращаетъ вниманіе на комическія, чѣмъ на вредныя и отвратительныя послѣдствія его; такъ напримѣръ, съ грубымъ, но несомнѣннымъ юморомъ разсказываетъ онъ о томъ, какъ одинъ пьяный мужъ, у котораго двоилось въ глазахъ, заподозрилъ свою жену въ распутствѣ, такъ какъ ему спьяну привидѣлось, что у него четыре сына вмѣсто двухъ, какіе у него были на самомъ дѣлѣ. Въ слѣдующемъ любопытномъ стихотвореніи Полоцкій излагаетъ правила о томъ, какъ строится честной пиръ, это необходимое и почти единственное проявленіе старинной общественности:

Пиръ.

Въ мірѣ живущымъ нѣсть лѣть пировъ кромѣ жити,
Но въ христіанѣхъ честнымъ тымъ достоитъ быти:
Да будутъ же честніи — сія подобаетъ
Тому хранити, иже пировникъ бываетъ.

---

[1]) Приведено изъ рукописи Пчелы, XVII в., въ Моск. синод. библіотекѣ, № 854 по стар. каталогу, въ Истор. очеркахъ русск. народн. словесности, Ѳ. И. Буслаева, I, стр. 561.

Вопервыхъ — въ славу Бога пиры да бываютъ,
        Отъ Его хваленія да ся начинаютъ.
Паки — въ пищахъ, въ питіи мѣрность да хранится,
        Да ни тѣло, ни душа тѣми тяготится.
Третье — всякъ пировникъ да внимаетъ себѣ,
        Что есть дѣяти или глаголати требѣ.
Четвертое — полезно сѣдѣти безлестно,
        Мирно, кротко, смиренно, весма благочестно.
Пятое — перва мѣста нѣсть требѣ желати,
        Но должни суть другъ друга взаимъ почитати.
Наконецъ — благодарство Богу возсылати
        Подобаетъ за Его на ны благодати.
Тако пиръ христіанскій благо совершится,
        Людемъ же и Господу онѣмъ угодится.

Очевидно, пиры и обильное употребленіе вина составляютъ, по понятію Симеона, явленія вполнѣ законныя, лишь бы все на пиру происходило по чину и обряду, начато во славу Божію и кончено беззазорно и никому не обидно. Такой взглядъ вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что высказывается о пирахъ во многихъ другихъ произведеніяхъ древней русской словестности, какъ, напримѣръ, въ „Домостроѣ“, въ запискахъ Котошихина и въ пѣснѣ о Горѣ-Злосчастіи.

Кромѣ общихъ обличеній на различные недостатки, свойственные всѣмъ классамъ русскаго народа, Симеонъ набрасываетъ передъ глазами читателя картину такихъ пороковъ, которые особливо принадлежатъ тому или другому разряду русскихъ людей. Такъ напримѣръ, онъ подробно изображаетъ злоупотребленія въ торговомъ промыслѣ, и это описаніе составляетъ очень живой очеркъ старинныхъ русскихъ торговыхъ обычаевъ и купеческихъ нравовъ:

Купецтво.

Чинъ купецкій безъ грѣха едва можетъ быти,
        На многи бо я злобы врагъ обыче льстити;
Изряднѣе лакомство въ купцѣхъ обитаетъ,
        Еже въ многія грѣхи оны убѣждаетъ.
Вопервыхъ, всякій купецъ усердно желаетъ,
        Малоцѣнно да купитъ, драго да продаетъ.

Грѣхъ же есть велій драгость велію творити,
Малый прибытокъ лѣть есть безъ грѣха строити.
Вторый грѣхъ въ купцѣхъ часто есть лживое слово,
Еже ближняго въ вещехъ прелстити готово.
Третій есть клятва во лжу, а та умноженна,
Паче песка на брезѣ морстемъ положенна.
Четвертый грѣхъ татбою излише бываетъ,
Таже въ мірѣ въ мѣрилѣхъ часто ся свершаетъ,—
Ибо они купуютъ во мѣру велику,
А внегда продаяти ставятъ не толику.
Иніи аще мѣру и праву имѣютъ,
Но неправо мѣрити вся вещы умѣютъ.
Иніи хитростію вещы отягчаютъ,
Мочаще я, нѣціи худыя мѣшаютъ.
А вся сія безъ грѣха немощна суть бити,
Яко Богъ возбраняетъ сихъ лукавствъ творити.
Пятый есть грѣхъ: нѣціи лихоимства дѣютъ,
Егда цѣну болшити за время умѣютъ:
Елма бо мзды чрезъ время нѣко ожидаютъ,
Тогда цѣну вящшую въ купляхъ поставляютъ.
Шестый грѣхъ, егда куплю являютъ благую,
Потомъ лестно ставляютъ ину вещь худую.
Седмый грѣхъ, яко порокъ вещы сокрываютъ,
Вещь худую за добру купующимъ даютъ.
Осмый — яко темныя тѣста устрояютъ,
Да худыми куплями ближнія прелщаютъ,
Да во темности порокъ купли не узрится,
И тако давый сребро въ купли да прелстится.
О, сынове тмы люты! Что сія творите?
Лстяще ближнія ваши, сами ся морите.
Въ тму кромешную за тму будете ввержени,
Отъ свѣта присносущна вѣчно отлучени!
Отложите дѣла тмы, во свѣтѣ ходите,
Да взидите на небо, небесно живите!

Это противоположеніе между христіанскимъ идеаломъ и торговыми плутнями не лишено наивности, но вмѣстѣ съ тѣмъ стихотвореніе Симеона свидѣтельствуетъ о замѣчательной наблюдательности автора, и справедливость его наблюденій могла бы быть легко подтверждена разсказами его современниковъ, особенно иностранцевъ, о пріемахъ русскихъ торговыхъ людей.

Еще короче зналъ Полоцкій бытъ того сословія, къ которому самъ принадлежалъ, и потому оставилъ

намъ очерки жизни духовенства, особенно монашествующаго, полныя чрезвычайно характерныхъ подробностей. Извѣстно, что соборъ 1666—1667 годовъ засталъ духовное сословіе въ крайней распущенности: бѣлое духовенство небрежно исправляло церковную службу; заботясь о прибыткѣ, священники, діаконы и причетники занимались разными посторонними промыслами, притомъ неприличными для пастырей церкви, какъ напримѣръ, курили вино, ворожили, гадали по книгамъ и т. п.; черное духовенство, монахи, также „пріобыкли жить по своей волѣ", пьянствовали, развратничали, жили съ монахинями какъ съ женами подъ одною кровлею, безчинствовали, промышляли ложными чудесами и юродствомъ, бродили по городамъ и селамъ и даже принимали участіе въ разбояхъ. Соборъ указалъ на всѣ эти безпорядки и опредѣлилъ нѣкоторыя мѣры къ исправленію духовнаго сословія. Соотвѣтственно этимъ мѣрамъ, Симеонъ высказалъ нѣсколько обличеній противъ духовенства въ своихъ проповѣдяхъ, но еще болѣе приберегъ онъ ихъ для стихотвореній своего „Вертограда". Всего полнѣе описаны Полоцкимъ пороки русской монашеской жизни въ слѣдующей замѣчательной піесѣ, составляющей—можно сказать—вѣнецъ его обличительныхъ произведеній:

Монахъ.

Монаху подобаетъ въ келіи сѣдѣти,
    Во постѣ молитися, нищету терпѣти,
Искушенія враговъ сильно побѣждати
    И похоти плотскія труды умерщвляти,—
Аще хощетъ въ небеси мзду вѣчную взяти,
    Неоскуднымъ богатствомъ пребиловати.
Пагубно же оному по градѣ ходити,
    Изъ едина въ другій домъ преходяще пити.
Но увы безчинія! Благъ чинъ погубися,
    Іночество въ безчинство въ многихъ преложися.
О честныхъ нѣсть здѣ слово: тыя почитаю,
    Безчинныя точію съ плачемъ обличаю.
Не толико міряне чреву работаютъ,
    Елико то монаси поятъ, насыщаютъ.

Постное избравшіи житіе водити
На то устремишася, да бы ясти, пити,—
Тоже не послику есть во славу Бога,
Но излише, даже скорбь рождается многа.
Скорбь чреву, болѣзнь главѣ, а умъ изчезаетъ,
Тако постникъ не знаетъ, еже содѣваетъ.
Множицею есть зрѣти по стогнамъ лежащихъ,
Изблевавшихъ питіе и на свѣтъ не зрящихъ,
Мнози колесницами возими бываютъ,
Полма мертвіи суще, народъ соблазняютъ.
Мнози отъ вина буи сквернословятъ зѣло,
Лаютъ, клевещутъ, срамятъ и честныя смѣло;
А за то во утрій день безъ казни бываютъ,
Яко безъ обителей въ градѣ ся скитаютъ.
Нѣцін постригшися посестры питаютъ
Неправымъ собраніемъ и съ нѣми бываютъ.
Иніи тайно отъ попъ въ струзѣхъ постриженн
Ходятъ, льстяще міръ, аки на то устроени.
Мнози не стриженіи монашеско ходятъ,
Безчинными дѣлесы соблазнь въ мірѣ родятъ.
Оле развращенія! ахъ, соблазнь велика!
Како стерпѣти можетъ небесе Владыка!
Въ одеждахъ овчихъ волци хищніи бываютъ,
Чреву работающе, духомъ погибаютъ.
Узриши еще въ ризы красны облеченны,
Иже во убожество полное стрижени.
Ни женихъ иный тако себе украшаетъ,
Яко інокъ несмысленный, за что погибаетъ,
Ибо мысль его часто — да отъ женъ любится;
Подъ красными ризами, увы! духъ сквернится,
Таковіи ко женамъ дерзаютъ ходити,
Дружество пріимати, ясти же и пити;
Сродство себѣ съ оными ложнѣ повѣдаютъ,
Или тетки, матери, сестры нарицаютъ;
Подъ ними же имены хотятъ мужи быти,
Безъ брачнаго союза золъ бракъ сотворити.
О, безчинія люта! оставльше сродныя,
Притворяютъ сродники себѣ неправыя;
Иже дѣломъ отъ Христа себе удаляютъ,
Суща жениха своихъ душъ пренебрегаютъ,
За что, яко блудници, будутъ отлучени,
Аще не обратятся, и вѣчно казнени.
Престаните, іноцы, сія зла творити,
Тщитеся древнимъ отцемъ святымъ точни быти,—
Да идѣже они суть въ вѣчной радости,
Будете имъ общници присныя сладости!

Эта злая характеристика старпннаго монашескаго быта силой и рѣзкостью своихъ обличеній напоминаетъ не менѣе безпощадную въ своемъ родѣ позднѣйшую сатиру Кантемира.

Въ „Жезлѣ Правленія" и въ проповѣдяхъ Симеонъ указывалъ коренную причину всѣхъ пороковъ и недостатковъ русскаго духовенства и затѣмъ остальнаго общества въ низкомъ уровнѣ его образованія, въ томъ, что народъ русскій погруженъ въ глубокое невѣжество даже относительно первыхъ основаній христіанской религіи; то же воззрѣніе находимъ мы и въ „Вертоградѣ Многоцвѣтномъ": и здѣсь Полоцкій говоритъ о слишкомъ внѣшнемъ характерѣ русской религіозности, о томъ, что русскіе люди хоть и любятъ читать Священное Писаніе, но не проникаются внутреннимъ смысломъ христіанскаго ученія, а вслѣдствіе того плодятся на Руси суемудрыя толкованія на Слово Божіе и расколы въ церкви: чтобы не пострадать отъ Бога съ еретиками, говоритъ Симеонъ (въ піесахъ: „Ересеначалницы", „Писаніе" и т. д.), — должно бѣгать отъ нихъ и не уклоняться отъ праваго ученія истинныхъ церковныхъ наставниковъ. Такимъ образомъ оказывается, что общее воззрѣніе Симеона на русскую жизнь сложилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ того великаго разлада, который происходилъ на его глазахъ въ Русской церкви, и противъ котораго ратовалъ великій Московскій соборъ 1666—1667 годовъ. А потому, какъ на этомъ соборѣ болѣе дѣятельное и болѣе образованное меньшинство успѣло осудить и отлучить отъ церковнаго общенія тѣхъ упрямыхъ людей, которые желали сохранить въ неприкосновенности всѣ преданія и, въ томъ числѣ, всѣ ошибочныя мнѣнія московской старины, такъ и Симеонъ вооружался противъ заблужденій толпы и противопоставлялъ имъ мнѣнія немногихъ мудрыхъ людей:

Гласъ народа.

Что̀ наипаче отъ правды далеко бываетъ,
Гласу народа мудрый мужъ то причитаетъ.
Яко что либо народъ обыче хвалити,
То конечно достойно есть хулимо быти,
И что̀ мыслитъ—суетно, а что̀ повѣдаетъ,
То никоея правды въ себѣ заключаетъ.
Еже гаждаетъ дѣло, то весма благое,
А еже ублажаетъ, бохма есть злое.
Вкратцѣ, что либо хвалитъ, то неправо въ чести.
Міръ сей непостоянный весь лежитъ въ прелести.
Не вѣруй убо гласу общему народа,
Ищи въ дѣлѣ правды человѣча рода:
Слово вѣтръ развѣваетъ, а кто тому вѣритъ
Безразсудно, срамоты мзду себѣ возмѣритъ.

Въ такомъ строгомъ отношеніи къ симпатіямъ народнаго большинства уже чувствуется предвѣстіе великаго приближающагося переворота: презрѣніе, съ которымъ Симеонъ говоритъ о гласѣ народа, есть уже одинъ изъ характерныхъ признаковъ той преобразовательной эпохи, которая наложила тяжелую руку на всѣ проявленія народной жизни, какъ за полвѣка передъ тѣмъ великій соборъ Русской церкви поразилъ упорныхъ защитниковъ старины и осудилъ безпорядки русскаго церковнаго быта.

Итакъ, Симеонъ имѣлъ крайне отрицательное воззрѣніе на русскую жизнь, и это воззрѣніе привело его къ „обличенію и увѣщанію", то-есть, къ сатирѣ. Но сатира, по свойству присущей ей насмѣшки, уже не совмѣстима съ тѣмъ исключительно религіознымъ міросозерцаніемъ, на основѣ котораго, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, утверждалась старинная русская культура. И дѣйствительно, въ Симеоновыхъ обличеніяхъ и увѣщаніяхъ есть уже нѣкоторое внутреннее противорѣчіе: то порицаетъ онъ пороки какъ строгій церковный проповѣдникъ, то осмѣиваетъ ихъ какъ остроумный и насмѣшливый разсказчикъ. Въ этомъ внутреннемъ разладѣ скрывается начало новаго важнаго литературнаго явленія: рядомъ со множествомъ

словесныхъ произведеній, проникнутыхъ религіозною идеей, нарождается литература свѣтская, независимая отъ интересовъ религіозныхъ. Правда, въ этомъ отношеніи „Вертоградъ Многоцвѣтный“ не составляетъ единичнаго, вполнѣ исключительнаго явленія въ свое время: тотъ же свѣтскій элементъ отличаетъ и многія переводныя повѣсти, и сочиненія научнаго содержанія, которыя проникаютъ въ XVII вѣкѣ въ русскую литературу; но въ ряду всѣхъ подобныхъ произведеній стихотвореніямъ „Вертограда“, его нравоученіямъ въ повѣствовательной формѣ, его увѣщаніямъ и обличеніямъ принадлежитъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Въ этомъ развитіи свѣтскаго элемента въ литературѣ и заключается главнымъ образомъ значеніе „Вертограда“.

VIII.

Имя Симеона Полоцкаго связывается съ начальною судьбою русскаго театра. Театръ возникъ при Московскомъ дворѣ въ исходѣ 1672 года, по указу царя Алексѣя Михайловича. Непосредственнымъ исполнителемъ царскаго повелѣнія былъ пасторъ Московской лютеранской церкви, магистръ Іоганнъ-Готфридъ Грегори, который, вѣроятно, еще въ Германіи, въ годы своего университетскаго ученія, ознакомился отчасти съ театральнымъ дѣломъ, и теперь, призванный къ царской услугѣ, организовалъ первыя театральныя представленія въ селѣ Преображенскомъ и въ Москвѣ, набравъ для нихъ труппу изъ дѣтей служилыхъ и торговыхъ иноземцевъ. Самъ числясь иноземцемъ, Грегори подлежалъ вѣдѣнію посольскаго приказа, и потому тогдашнему начальнику послѣдняго, просвѣщенному А. С. Матвѣеву, любимцу царя и покровителю его второй супруги, поручено было высшее наблюденіе за ходомъ всего комидійнаго дѣла; въ посольскомъ

же приказѣ переводились съ нѣмецкаго и піесы для придворной московской сцены [1]). Прежде чѣмъ дать свой указъ, царь обратился къ своему духовнику за совѣтомъ— можно ли нѣмцамъ играть во дворцѣ, и духовникъ, протопопъ Андрей Савиновъ, далъ разрѣшеніе, ссылаясь на примѣръ Византійскихъ императоровъ, учреждавшихъ театральныя зрѣлища въ своихъ палатахъ [2]). Но самъ ли царь возымѣлъ первую мысль объ устройствѣ этихъ зрѣлищъ, или кто другой изъ его близкихъ заронилъ ее въ его любознательный и воспріимчивый умъ — остается не извѣстнымъ. Возможныя догадки въ этомъ отношеніи наводятъ на два источника, которые оба, вѣроятно, оказали свое дѣйствіе въ настоящемъ случаѣ: съ одной стороны, свѣдѣнія посольскаго приказа, и именно донесенія русскихъ пословъ, ѣздившихъ въ западную Европу, знакомили царя съ тамошнею придворною жизнью, въ которой блестящія театральныя зрѣлища составляли одно изъ видныхъ украшеній, а съ другой—царь, безъ сомнѣнія, зналъ объ обычаѣ театральныхъ зрѣлищъ въ Кіево-Могилянской коллегіи, и это послѣднее свѣдѣніе могъ сообщить ему всего скорѣе Симеонъ Полоцкій. Пропитанный духомъ Кіевской школы, учитель царскихъ дѣтей желалъ перенести на московскую почву всѣ формы тамошней образованности; воспроизводя въ своей литературной дѣятельности всѣ пріемы, выработанные въ Могилянской коллегіи, онъ и въ жизнь московскаго общества вводилъ разные обычаи, имѣвшіе отношеніе къ за-

---

[1]) Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра. Рѣчь, произнесенная въ Имп. Моск. Университетѣ 12-го января 1873 года проф. Н. Тихонравовымъ, стр. 6—7. См. также статью того же автора „Репертуаръ русскаго театра въ первыя пятьдесятъ лѣтъ его существованія" въ т. I его „Русскихъ драматическихъ произведеній" и сверхъ того: Alexis Wesseloffsky. Deutsche Einflüsse auf das alte russische Theater von 1672—1756. Prag. 1876, и П. О. Морозовъ. Очерки изъ исторіи русской драмы. С.-Пб. 1888.

[2]) Наука и литература при Петрѣ Великомъ, П. Пекарскаго, I, стр. 392.

нятіямъ словесностію, какъ напримѣръ, пѣніе духовныхъ псалмовъ и кантовъ, произнесеніе стихотворныхъ привѣтствій разнымъ важнымъ особамъ, при чемъ иногда отдѣльныя строфы этихъ привѣтствій произносились разными лицами, и т. п. Поэтому, весьма вѣроятно, что Симеонъ могъ задумать перенести въ Москву и кіевскую школьную драму.

Въ числѣ торжественныхъ обрядовъ Русской церкви былъ одинъ, который въ особенности могъ послужить источникомъ для развитія религіозной драмы. Мы разумѣемъ такъ-называемое Пещное дѣйство, обрядъ, имѣвшій цѣлью наглядно напоминать описанное въ книгѣ пророка Даніила вверженіе трехъ отроковъ въ огненную пещь царемъ Навуходоносоромъ. Обрядъ стоялъ въ связи съ архіерейскимъ служеніемъ и потому соблюдался только въ тѣхъ городахъ, гдѣ были архіерейскія каѳедры. Происходилъ онъ на недѣлѣ, предшествующей дню Рождества Христова, въ субботу во время заутрени. Посреди церкви ставилась обширная пещь, нѣчто въ родѣ деревяннаго круглаго шкафа; изъ числа, вѣроятно, архіерейскихъ пѣвчихъ избирались три отрока и двое халдеевъ, которые должны были распалять пещь; отроки облачались въ стихари и вѣнцы, а халдеи надѣвали особое халдейское платье, именно юпы изъ краснаго сукна и деревянныя расписныя и золоченыя шапки, отороченныя мѣхомъ. По окончаніи пролога клиръ пѣлъ священныя пѣсни, которыхъ содержаніе соотвѣтствовало воспоминаемому событію, а потомъ отроковъ подводили къ пещи, и халдеи обращались къ нимъ съ такою рѣчью: „Дѣти царевы!“ возглашалъ одинъ. „Царевы!“ поддакивалъ другой. „Видите ли“, продолжалъ первый,—„сію пещь, огнемъ горящу и вельми распаляему?“—„А сія пещь уготовася вамъ на мученіе!“ досказывалъ другой. Затѣмъ произносилъ свой отвѣтъ отрокъ, изображавшій Ананію: „Видимъ мы пещь сію, но не ужасаемся ее“, и т. д. Два другіе отрока поочередно продол-

жали его рѣчь. Затѣмъ, по благословеніи отроковъ архіереемъ, ихъ ставили около пещи, и между халдеями опять возобновлялся разговоръ: „Товарыщъ!“—„Чево?“—„Это дѣти царевы?“—„Царевы!“—„Нашего царя повелѣнія не слушаютъ?“—„Не слушаютъ!“—„А златому тѣлу не поклоняются?“—„Не поклоняются!“—„И мы вкинемъ ихъ въ пещь?“—„И начнемъ ихъ жечь!“ Далѣе снова пѣлись священныя пѣсни, отроковъ вводили въ пещь, и наконецъ, халдеи зажигали подъ пещью плаунъ-траву, а сами становились по обѣ стороны пещи, держа пальмовыя вѣтки надъ главою. Но во время пѣнія стиха: „Яко духъ хладенъ и шумящъ“ въ пещь спускался съ громомъ ангелъ Господень въ видѣ деревяннаго рѣзнаго изображенія, халдеи падали ницъ, и діаконы опаляли ихъ „вмѣсто ангельскаго опаленія“. Когда отроки оканчивали свой стихъ, халдеи вставали и, сбросивъ свои шапки, начинали новый діалогъ, который изображалъ ужасъ, ихъ поразившій: „Товарыщъ!“ —„Чево?“—„Видиши ли?“ — „Вижу!“ — „Было три, а стало четыре; а четвертый грозенъ и страшенъ зѣло, образомъ уподобися Сыну Божію“.—„Какъ онъ прилетѣлъ, да и насъ побѣдилъ!“ Еще разъ возобновлялось пѣніе священныхъ пѣсенъ. Затѣмъ первый халдей, подойдя къ пещи, отворялъ ея двери и громогласно восклицалъ: „Ананія, гряди вонъ изъ пещи!“ Другой халдей также вставлялъ свое слово: „Чево сталъ? Поворачивайся! Не иметъ васъ ни огонь, ни солома, ни смола, ни сѣра!“ „Мы чаяли — васъ сожгли, а мы сами сгорѣли“, добавлялъ первый, и съ этими словами халдеи выпускали отроковъ изъ пещи, а церковная служба принимала обычное теченіе [1]).

Симеонъ несомнѣнно имѣлъ въ виду этотъ оригинальный обрядъ, когда писалъ первое изъ своихъ драмати-

---

[1]) Древн. росс. Вивліоѳика, изд. 2-е, ч. VI, стр. 363 — 390; Пекарскаго: Наука и литература при Петрѣ Великомъ, I, 390—391.

ческихъ произведеній, подъ заглавіемъ: „Комедія о Навходоносорѣ царѣ, о тѣлѣ златѣ и о тріехъ отроцѣхъ, въ пещи не сожженныхъ“. Всегда свысока относившійся къ московскимъ церковнымъ обычаямъ, онъ, очевидно, находилъ описанную постановку Пещнаго дѣйства слишкомъ грубою и неискусною и потому пожелалъ разработать эту тему въ піесѣ, написанной стихами, согласно правиламъ кіевской піитики, и вообще дать содержанію Пещнаго дѣйства литературную форму. Полоцкій справедливо призналъ необходимымъ, для болѣе стройнаго развитія сюжета, вывести въ піесу самого Навуходоносора, какъ виновника тѣхъ бѣдъ, которыя угрожаютъ тремъ отрокамъ; поэтому его комедія, послѣ предисловца, начинается рѣчью царя, въ которой онъ хвалится передъ вельможами своимъ всемірнымъ могуществомъ, называетъ себя богомъ боговъ, велитъ воздвигнуть свой образъ въ золотѣ и рядомъ съ нимъ соорудить пещь, чтобы сжигать тѣхъ, кто не захочетъ поклониться этому образу. Придворные спѣшатъ исполнить его приказаніе, о чемъ и докладываютъ царю; тогда Навуходоносоръ велитъ совершить торжественное поклоненіе золотому истукану, сопровождаемое музыкой. Появляются гудцы, „начнутъ трубити и пискати, народи же поклонятся, а тріе отроцы не поклонятся—что̀ видя Амиръ (одинъ изъ придворныхъ) велитъ ихъ поимати... Тогда ихъ поймутъ и приведутъ предъ царя“. Навуходоносоръ обращается къ нимъ съ гнѣвомъ и требуетъ отъ нихъ поклоненія своему изображенію; когда же отроки отказываются и одинъ за другимъ прославляютъ „живого Бога небеснаго“, царь велитъ ввергнуть ихъ въ пещь. Къ нимъ подходятъ воины, связываютъ имъ руки и въ то же время говорятъ:

Первый.

Благо вамъ бяше царя послушати,
Въ спицеву вѣру себе не врѣвати.

Вторый.

Золъ родъ еврейскій; крѣпко ихъ вяжите,
Непокоривыхъ ни мало щадите.

Третій.

Кто врага царска хощетъ пощадити,
Самъ есть достоинъ смертно казнимъ быти.

Четвертый.

Азъ и двѣ кожѣ готовъ есмь издрати
Съ едного хребта, а самъ не страдати.

Пятый.

Мнѣ Евреина столь сладко убити,
Яко же меда сладка чашу пити.

Шестый.

Вержите во пещь, мало глаголите;
Еже велятъ вамъ, скоро творите.

Эти воины соотвѣтствуютъ халдеямъ Пещнаго дѣйства и даже называются далѣе въ піесѣ этимъ именемъ; они являются представителями комическаго элемента, и Симеонъ, который—какъ мы уже знаемъ по „Вертограду Многоцвѣтному"—не жаловалъ жидовъ, не безъ умысла влагаетъ въ уста воиновъ выходки противъ евреевъ. Между тѣмъ, къ вверженнымъ въ пещь отрокамъ являетея ангелъ и говоритъ имъ увѣщаніе, а отроки поютъ пѣснь изъ 3-ей главы книги пророка Даніила. Огонь пещи опаляетъ одного изъ халдеевъ. Отроки продолжаютъ свою пѣснь; Навуходоносоръ самъ замѣчаетъ появленіе четвертаго лица въ пещи:

Что убо вижду, въ пламени огненни
Четыре мужи ходятъ разрѣшенни?
Вси суть безъ вреда, четвертый блистаетъ,
Яко Сынъ Божій. О! чюдо бываетъ.

Вслѣдъ затѣмъ царь освобождаетъ отроковъ, проситъ у нихъ прощенія и изъявляетъ готовность служить ихъ Богу. Піеса оканчивается славословіемъ Господу Израиля

со стороны какъ еврейскихъ отроковъ, такъ и Вавилонскаго царя[1]).

Піеса эта составляетъ, конечно, значительный шагъ въ отношеніи литературнаго искусства сравнительно съ Пещнымъ дѣйствомъ: библейское событіе изображается здѣсь въ большей наглядности и обставляется бо̀льшимъ числомъ лицъ; тѣмъ не менѣе связь комедіи съ обрядомъ еще даетъ себя чувствовать въ значительной мѣрѣ: и въ піесу Полоцкаго вводятся священныя пѣснопѣнія, а лицамъ воиновъ или халдеевъ приданъ тотъ же характеръ тупости, который усвоенъ имъ въ дѣйствѣ. Все это не оставляетъ мѣста сомнѣнію въ томъ, что, избирая для драматической обработки библейское сказаніе о трехъ отрокахъ, Симеонъ имѣлъ въ виду существовавшій на Руси обрядъ, которымъ прославлялось то же событіе. Съ другой однако стороны, изъ этого сближенія никакъ не должно заключать, что авторъ комедіи мечталъ замѣнить ею скудную обстановку обряда; слишкомъ смѣлымъ и не безопаснымъ для него нововведеніемъ было бы предлагать исполненіе такой піесы среди богослуженія. Точно также комедія Полоцкаго не была въ строгомъ смыслѣ и школьною, хотя составлена по образцу школьныхъ драмъ южнорусскихъ: въ Москвѣ не существовало такой школы, для которой она могла быть предназначена. Тѣмъ не менѣе, предисловецъ и эпилогъ піесы, съ обращеніемъ къ царю и другимъ зрителямъ отъ лица комедіантовъ, а также отмѣтки среди піесы о дѣйствіяхъ актеровъ и музыкантовъ, не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что она была поставлена на сцену въ свое время, и что эта сцена— придворный театръ московскій.

Болѣе обширно по объему и болѣе важно по своему

---

[1]) Древн. росс. Вивліоѳика, изд. 2-е, т. VIII, стр. 158—168; Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ. Н. С. Тихонравова, т. I, стр. 324—336.

значенію другое драматическое произведеніе Симеона Полоцкаго „Комедія притчи о Блуднѣмъ сынѣ“. Что піеса эта заслужила особенное вниманіе современниковъ—видно изъ того, что вскорѣ по смерти сочинителя, въ 1685 году, она была издана въ Москвѣ, съ многочисленными иллюстраціями [1]). Это же изданіе, и именно рисунки, его украшающіе, доказываютъ также, что комедія была играна тогда же въ Москвѣ: на нихъ представлена сцена театра, вдоль рампы освѣщенная плошками; передъ сценой сидятъ зрители, одни — въ русскихъ мѣховыхъ шапкахъ, другіе—въ нѣмецкихъ круглыхъ шляпахъ; это изображеніе служитъ какъ бы рамкою для всѣхъ картинъ, тогда какъ на самой сценѣ изображаются разные моменты содержанія піесы.

Симеонова комедія раздѣлена на шесть частей или дѣйствій, въ которыя авторъ и уложилъ ея содержаніе, заимствованное изъ извѣстной евангельской притчи. Въ антрактахъ между дѣйствіями играла музыка и исполнялись интермедіи, содержаніе которыхъ впрочемъ не извѣстно. Первое дѣйствіе комедіи, послѣ пролога, открывается монологомъ отца, который въ присутствіи многихъ слугъ, даетъ наставленіе своимъ двумъ сыновьямъ и дѣлитъ между ними свое имѣніе. Старикъ произноситъ хвалу Господу и тѣмъ, кто на Него уповаетъ:

Самъ искусихъ ся во всяцей потребѣ,
Егда уповахъ на живуща въ небѣ:
Онъ мою юность добрѣ есть управилъ,
На животъ честный въ мірѣ мя наставилъ;

---

[1]) Изданіе это, сплошь гравированное, подробно описано Д. А. **Ровинскимъ** въ его сочиненіи „Русскія народныя картинки“, т. III, стр. 8—38, и цѣликомъ воспроизведено въ атласѣ, приложенномъ къ этому труду; изъ дополненій въ т. IV того же сочиненія, стр. 520—522, видно, что гравюры исполнены русскими учениками голландца Петра Пикарта подъ его надзоромъ; прибытіе Пикарта въ Россію относятъ къ 1687 году. Впослѣдствіи піеса Полоцкаго издана въ Древн. росс. Вивліоѳикѣ, изд. 2-е, т. VIII, стр. 34—59, и въ „Русскихъ драматическихъ произведеніяхъ“ Н. С. **Тихонравова**, т. I, стр. 296—323.

Онъ ми науку далъ и разумъ благій;
Даде богатства Господь мой предрагій.

Эти-то богатства старикъ и передаетъ своимъ дѣтямъ, завѣщая притомъ хранить христіанскія добродѣтели и миръ другъ съ другомъ. На слова его старшій сынъ отвѣчаетъ выраженіями горячей любви и благодарности и, между прочимъ, говоритъ, что желаетъ быть безотлучно при отцѣ:

Всякіе труды готовъ подъимати,
Отчія воли прилежно слушати.
Весь азъ твой рабъ есмь, радъ выну служити,
Въ послушаніи животъ мой кончити.

Младшій сынъ также высказываетъ свою благодарность родителю, но выражаетъ желаніе иначе, чѣмъ братъ, воспользоваться своею долею въ наслѣдствѣ:

Братъ мой любезный избра въ дому жити,
Славу въ предѣлѣхъ малыхъ заключити.
Богъ ему въ помощъ при твоей старости
Изжити лѣта красныя юности!
Вящшая мой умъ въ пользу промышляетъ,
Славу ти въ міръ весь простерти желаетъ.
Идѣже востокъ и гдѣ западъ солнца,
Славенъ явлюся во вся міра конца.
Отъ мене дому разширится слава,
И радость приметъ отчая ти глава.
Точію изволь милость си явити,
Уму моему помощь сотворити.
Вся намъ даеши, нѣсть требѣ толико,
Часть мнѣ достойну отдаждь, мой владыко,
Еюже имамъ много пристяжати,
Всякая страна имать насъ познати.
Свѣщи подъ спудомъ не лѣпо стояти,
Съ солнцемъ азъ хощу тещи и сіяти.
Заключеніе видитъ ми ся быти,—
Въ отчинной странѣ юность погубити...
И ты мнѣ, отче, изволь волю дати
Разумну сущу, весь міръ посѣщати.

Отецъ возражаетъ было сыну, что онъ не имѣетъ житейской опытности и долженъ сперва пріобрѣсти ее,

а потомъ уже пускаться въ странствованія. Но сынъ настаиваетъ:

Что стяжу въ дому? Чему изучуся?
Лучше въ странствіи умомъ сбогачуся.
Юнъшихъ отъ мене отци посылаютъ
Въ чюждыя страны, потомъ ся не каютъ...

Убѣжденный такими доводами, отецъ соглашается наконецъ отпустить сына, надѣливъ его всѣмъ, что̀ назначилъ на его долю. Этимъ кончается первое дѣйствіе.

Во второй части младшій, то-есть, Блудный сынъ уже на волѣ. Въ монологѣ своемъ онъ выражаетъ радость, что освободился отъ строгаго родительскаго надзора:

Бѣхъ у отца моего, яко рабъ плѣненный,
Во предѣлѣхъ домовыхъ, якъ въ турмѣ замкненный.
Ничто бяше свободно по воли творити:
Ждахъ обѣда, вечери, хотяй ясти, пити;
Не свободно играти, въ гости не пущано,
А на красныя лица зрѣти запрещано.
Во всякомъ дѣлѣ указъ, безъ того ничто же,
Ахъ! колика неволя, о мой святый Боже!
Отецъ, яко мучитель, сына си томляше,
Ничесо же творити по воли даяше.
Нынѣ—слава Богови!—отъ узъ свободихся,
Егда въ чуждую страну едва отмолихся.

Затѣмъ Блудный начинаетъ себя тѣшить разными забавами: нанимаетъ себѣ множество слугъ, пьетъ съ ними вино, играетъ въ карты и шахматы, раздаетъ и проигрываетъ имъ множество денегъ и, наконецъ, утомленный и хмѣльной, удаляется спать.

Въ третьей части Блудный продолжаетъ расточать свое имѣніе: онъ является на сцену похмѣленъ, и предъ нимъ поютъ „сладкоигратели“. Расточитель велитъ дать имъ денегъ, но оказывается, что вся казна его уже растрачена. Блудный отдаетъ потѣшникамъ свою верхнюю одежду, надѣясь, что добрые друзья не откажутъ ссудить ему денегъ въ займы. Между тѣмъ слуги, видя, что ихъ господинъ пришелъ въ скудость, начинаютъ требовать

отъ него жалованья, отказываются далѣе служить ему и, наконецъ, рѣшаются присвоить себѣ послѣдніе остатки его имущества. Одинъ изъ слугъ съ насмѣшкой говоритъ, что они творятъ ему милость, оставляя его безумна въ живыхъ. Съ этими словами всѣ удаляются, и юноша въ отчаяніи заливается слезами.

Въ четвертой части Блудный, томимый голодомъ, продаетъ свою послѣднюю одежду, надѣваетъ рубище и нанимается къ нѣкоему господину пасти свиней; но голо́дъ заставляетъ его съѣсть пищу, приготовленную для животныхъ. Хозяйскій приказчикъ велитъ его сѣчь за то плетьми. Тогда, наконецъ, Блудный вспоминаетъ отцовскія наставленія и рѣшается возвратиться въ отчій домъ.

Въ пятой части дѣйствіе переносится опять въ домъ родителя; старикъ печалится, что не имѣетъ вѣстей о сынѣ; вдругъ ему возвѣщаютъ, что сынъ возвратился; обнищавшій бросается къ ногамъ отца, отецъ прощаетъ его и велитъ нарядить пиръ по случаю его прибытія; это, однако, кажется обиднымъ старшему брату, и онъ высказываетъ отцу упрекъ, но убѣжденный послѣднимъ, смиряется и уступаетъ.

Наконецъ, въ шестой части, состоящей изъ одного монолога, покаявшійся расточитель благодарить Бога за благополучный исходъ его бѣдствій и разсуждаетъ о своей судьбѣ и своемъ исправленіи:

Азъ же отселѣ хощу пребывати
Въ послушаніи, себе подчиняти;
Познахъ бо нынѣ, юность дурность быти,
Аще кто хощетъ безъ науки жити.

Такимъ образомъ, въ основаніи піесы положена мысль о разумномъ подчиненіи дѣтей родителямъ и о снисходительномъ, любовномъ обращеніи родителей съ дѣтьми. Эпилогъ комедіи прямо и опредѣленно выражаетъ эту идею:

Юнымъ се образъ старѣйшихъ слушати,
На младый разумъ свой не уповати;

Старимъ, да юныхъ добрѣ наставляютъ,
Ничто на волю младыхъ не спущаютъ,
Найпаче образъ милости явися,
Въ немъже божая милость вобразися,
Да и вы Богу въ ней подражаете,
Покаявшимся удобь прощаете!

Притча о Блудномъ сынѣ дала содержаніе нѣсколькимъ драматическимъ произведеніямъ въ западныхъ литературахъ. Извѣстна между прочимъ піеса на латинскомъ языкѣ „Acolastus, hoc est de filio prodigo comoedia", написанная голландскимъ гуманистомъ Вильгельмомъ Фуллоніемъ (Fullonius, Wilhelm van de Voldersgroft, 1493—1568 гг.) и изданная въ 1529 году впервые [1]). Въ нѣкоторыхъ сценахъ этой піесы находятъ сходство съ комедіей Полоцкаго [2]); но это обстоятельство еще не доказываетъ, что онъ подражалъ Фуллонію: единство основного источника, евангельской притчи, могло внушить обоимъ авторамъ одинаковыя черты. Во всякомъ случаѣ, главный интересъ комедіи Полоцкаго заключается въ ея отношеніяхъ къ русской жизни того времени. Широко распространенная въ разные вѣка и въ разныхъ литературахъ, мысль объ отношеніяхъ между родительскою властью и волею дѣтей имѣла особое значеніе въ московскомъ обществѣ второй половины XVII вѣка. Въ древней Руси родительская власть была тѣмъ непререкаемымъ и непоколебимымъ авторитетомъ, который служилъ основой и связующимъ элементомъ не только для семейной, но и для общественной жизни. Но когда, во второй половинѣ XVII вѣка, начался наплывъ новыхъ понятій, когда въ умахъ стала пробуждаться пытливость, и въ русскомъ обществѣ почувствовалась потребность образованія на европейскій ладъ, мнѣнія русскихъ людей по этому предмету раздѣлились, и обнаружился разладъ между ста-

[1]) Морозовъ. Очерки изъ исторіи русской драмы, стр. 382.
[2]) Ровинскій. Русскія народныя картинки, т. IV, стр. 521.

рымъ и молодымъ поколѣніями, между отцами и дѣтьми того времени: старики крѣпко стояли за свои вѣками сложившіяся понятія, а молодое поколѣніе начало усвоивать себѣ новшества, приносимыя иноземными учителями. Симеонъ Полоцкій, такъ часто говорившій въ своихъ сочиненіяхъ о пользѣ просвѣщенія, былъ въ Москвѣ однимъ изъ вводителей увлекательной новизны, и его латинское образованіе встрѣтило здѣсь, съ одной стороны, живое сочувствіе, а съ другой—сильное сопротивленіе. Когда по поводу его писаній и поученій возникло въ Москвѣ разномысліе по вопросу о времени пресуществленія хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христовы, патріархъ Іоакимъ взглянулъ на споръ именно такъ, что онъ былъ вызванъ малоумною молодежью, вздумавшею порицать мнѣнія отцовъ. „Въ прежнія времена, при отцахъ нашихъ, да и на нашей памяти", говорилъ патріархъ,—„догматъ евхаристіи толковали не такъ, какъ теперь толкуютъ, а нынѣшнее толкованіе произошло оттого, что нѣкіе юноши захотѣли изъ царствующаго града Москвы идти въ Польское королевство ради ученія латинскаго", и „понавыкнувъ латинскимъ писаніямъ и тамошнимъ правамъ", перенесли усвоенныя мнѣнія к въ свое отечество [1]). Такъ и въ другихъ случаяхъ старики относились къ движенію молодыхъ умовъ. Принимая близкое участіе въ умственной жизни своего вѣка, Полоцкій не захотѣлъ оставаться бездѣятельнымъ, молчаливымъ зрителемъ этой борьбы поколѣній и въ комедіи о Блудномъ сынѣ высказалъ свой взглядъ на новыя слагавшіяся отношенія.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что Симеонова драма была не единственнымъ произведеніемъ въ русской литературѣ того времени, касавшимся этого предмета: вопросъ объ отношеніяхъ между двумя поколѣніями положенъ въ основу

---

[1]) „Остенъ", стр. 123—125.

и извѣстной „Повѣсти о Горѣ-Злосчастіи“, и „Повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ“, и это, разумѣется, служитъ новымъ доказательствомъ того интереса, который представлялъ для тогдашнихъ читателей столь трудный вопросъ. Но сравнительно съ обоими названными произведеніями развитіе основнаго мотива въ піесѣ Полоцкаго представляетъ значительныя и существенныя особенности. Не говоря уже о томъ, что въ обѣихъ повѣстяхъ злому началу приданъ фантастическій характеръ, герои ихъ, представители молодого поколѣнія, лишены какихъ-либо опредѣленныхъ стремленій: они почти случайно уклоняются отъ отеческихъ завѣтовъ и неодолимою силой обстоятельствъ увлекаются до совершеннаго паденія. Напротивъ того, въ драмѣ Полоцкаго, при большемъ реализмѣ въ обстановкѣ содержанія, сынъ заявляетъ желанія болѣе сознательныя: онъ проситъ выдѣла своей части въ наслѣдствѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свободы идти въ чужія страны, чтобы прославить себя и своего отца и „сбогатитися умомъ“. И въ дальнѣйшей своей судьбѣ, въ самомъ несчастіи своемъ, герой Полоцкаго падаетъ не по роковому стеченію случайностей, но въ силу собственнаго увлеченія. Наконецъ, когда настаетъ часъ искупленія, герои обѣихъ повѣстей обрѣтаютъ себѣ единственный исходъ въ „спасеномъ пути“ монастырскаго житія, между тѣмъ какъ Блудный возвращается подъ родительскій кровъ и здѣсь какъ бы возрождается для новой, честной жизни среди близкихъ. Такимъ образомъ, представитель молодого поколѣнія изображенъ у Полоцкаго чертами болѣе привлекательными, чѣмъ герои обѣихъ повѣстей. Точно также и образъ отца обозначенъ у него болѣе симпатичными, болѣе мягкими красками: въ обѣихъ повѣстяхъ характеръ родителя запечатлѣнъ непреклонною строгостію, не знающею никакого снисхожденія, никакихъ уступокъ; напротивъ того, у Симеона въ отцѣ Блуднаго мы видимъ благодушнаго старца, который хоть и съ огорченіемъ, но безъ

гнѣва соглашается на желаніе сына странствовать, и позже, когда его опасенія оправдались, и сына постигло несчастіе, съ прежнею любовью принимаетъ его въ свои объятія. Выставивъ въ такомъ свѣтѣ главные характеры піесы, Симеонъ очевидно старается изобразить отношенія двухъ поколѣній въ примирительномъ духѣ; соотвѣтственно тому, хотя дѣйствіе комедіи клонится къ обличенію проступковъ Блуднагѳ сына, но нравоученіе ея равно обращено и къ старшему, и къ младшему поколѣніямъ. Только въ этой крайне осторожной формѣ Симеонъ могъ публично выразить нѣкоторое сочувствіе къ зарождающемуся движенію умовъ; но и эта попытка его имѣла воспитательное значеніе для своего времени.

IX.

Большая часть литературныхъ произведеній Полоцкаго написана при жизни царя Алексѣя Михайловича; повидимому, усиленнымъ литературнымъ трудомъ Симеонъ старался оправдать ту царскую милость, которою постоянно пользовался. По смерти царя Алексѣя (30-го января 1676 года) воцареніе Ѳеодора Алексѣевича открыло новые пути вліянію Полоцкаго на правительственную среду и московское общество: молодой государь былъ ученикомъ Симеона и, безъ сомнѣнія, раздѣлялъ его понятія и воззрѣнія; съ другой стороны, и Полоцкій почувствовалъ себя теперь смѣлѣе предъ лицомъ партіи, враждебной его направленію; отнынѣ дѣятельность его становится разнообразнѣе, и если онъ уже не имѣетъ возможности сосредоточить свое вниманіе на какомъ-либо одномъ обширномъ и самостоятельномъ литературномъ произведеніи, за то его мысль, совѣтъ, знаніе и, наконецъ, личный трудъ обнаруживаются въ разныхъ предпріятіяхъ на пользу русскаго просвѣщенія, дѣлу котораго

онъ былъ искренно преданъ, хотя и понималъ его односторонно.

Во второй половинѣ XVII столѣтія словесность наша начинаетъ все болѣе и болѣе обогащаться заимствованіями изъ литературъ западныхъ. Нѣкоторые литературные труды Симеона въ теченіе царствованія Ѳеодора Алексѣевича входятъ въ кругъ этого движенія. Между тѣмъ какъ при царѣ Алексѣѣ имъ исполненъ былъ (въ 1671 году) только одинъ небольшой переводъ, и то произведенія, касающагося спеціально вопросовъ церковныхъ, именно переводъ сочиненія папы Григорія Великаго или Двоеслова (ум. въ 604 г.): „De cura pastorali" („Книга пастырскаго попеченія") [1]), въ теченіе 1677 — 1679 годовъ Симеонъ сдѣлалъ цѣлый рядъ переводовъ и компиляцій: такъ, онъ составилъ извлеченіе изъ двухъ сочиненій крещенаго испанскаго еврея Петра Альфонса (XI в.) „противу Іудеомъ" и „о законѣ сарацинстемъ", перевелъ изъ обширной компиляціи доминиканца Викентія изъ Бове (Vincent de Beauvais, XIII в.) „Speculum quadruplex" статью: „Сказаніе о Махометѣ и его беззаконномъ законѣ" и обработалъ, на основаніи разныхъ латинскихъ богословскихъ трактатовъ, одиннадцать бесѣдъ о различныхъ богословскихъ предметахъ. Происхожденіе этихъ трудовъ объясняется современными обстоятельствами: въ 1677 году начата была война съ Оттоманскою Портою; по этому поводу въ одной изъ своихъ бесѣдъ—„о брани"—Симеонъ подробно доказывалъ, что „свободно есть христіаномъ брань дѣяти противу туркомъ"; статьи изъ Петра Альфонса и Викентія также представляли особый интересъ для русскихъ читателей въ виду этой войны [2]).

---

[1]) Описаніе рукописей Моск. синод. библіотеки, II, 2, стр. 242—247.

[2]) Описаніе рукописей Моск. синод. библіотеки, II, 3, стр. 229—238. Въ одномъ изъ сборниковъ Импер. Публ. Библіотеки есть письмо С. Полоцкаго, отъ 13-го мая 1678 года, къ князю Григ. Григ. Ромодановскому и къ сыну его, князю Михаилу, участвовавшимъ въ Турецкой войнѣ,

Нѣкоторыя изъ бесѣдъ („о душахъ святыхъ", „о призываніи святыхъ", „о почитаніи мощей святыхъ", „о почитаніи иконъ святыхъ". „о крестѣ честномъ", „о пособіи мертвыхъ". „о преданіяхъ церковныхъ") содержатъ въ себѣ полемику противъ протестантскихъ мнѣній по этимъ предметамъ вѣроученія. Распространенія такихъ мнѣній среди русскаго народа Симеонъ опасался въ виду наплыва въ Москву разныхъ иноземцевъ — лютеранъ и кальвинистовъ, а къ написанію упомянутыхъ бесѣдъ онъ былъ вызванъ частью собственными преніями съ жившими въ Москвѣ протестантами, частью же совѣтами игумена Полоцкаго Богоявленскаго монастыря Гедеона Утчитскаго, съ которымъ находился въ перепискѣ [1]). Полемическія бесѣды Симеона отличаются схоластическимъ характеромъ еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ „Вѣнецъ вѣры". Каждая изъ нихъ открывается вступленіемъ, излагающимъ взглядъ противниковъ и устанавливающимъ точку зрѣнія, съ которой авторъ будетъ разсматривать предметъ; затѣмъ приводятся доказательства въ пользу православнаго ученія, взятыя изъ Священнаго Писанія, преданія и отцовъ церкви, или же основанныя на доводахъ теоретическихъ; наконецъ, опровергаются различныя частныя возраженія противниковъ. Какъ и въ „Вѣнцѣ вѣры", въ бесѣдахъ нерѣдко встрѣчаются, на ряду съ указаніями на древнихъ отцовъ церкви, ссылки на учителей западныхъ; такъ напримѣръ, въ бесѣдѣ о душахъ святыхъ Симеонъ приводитъ, между прочимъ, свидѣтельства знаменитаго англо-саксонскаго богослова Беды Достопочтеннаго (673 — 731 гг.). епископа Гальберштадтскаго Гаймона (ум. въ 852 г.),

---

съ выраженіемъ имъ пожеланія одерживать побѣды надъ турками (Погод. № 1963, рукоп. 19, л. 201).

[1]) О совѣтѣ Утчитскаго Симеону писать противъ протестантовъ см. въ челобитной Павла Негребецкаго на Яна Бѣлободскаго, 1681 г.; она напечатана въ Памятникахъ къ исторіи протестантства въ Россіи, изданныхъ Д. В. Цвѣтаевымъ. М. 1886, ч. I, стр. 212.

Ансельма Кентерберійскаго и Бернарда Клервосскаго (1091—1153 гг.). Вообще характеръ бесѣдъ компилятивный, что̀ подтверждается и отзывомъ о нихъ Сильвестра Медвѣдева; тѣмъ не менѣе онѣ были высоко цѣнимы почитателями Полоцкаго, изъ которыхъ одинъ выразился, что это — „книга велія, весьма достойная чести“[1]).

Бесѣдуя о почитаніи иконъ, Симеонъ услышалъ отъ своихъ совопросниковъ, между прочимъ, такое замѣчаніе: „Многія иконы пишутся нелѣпо, чѣмъ безчествуютъ первообразныя, а потому не достоитъ ихъ почитати“. На это Полоцкій возразилъ, что нельзя отожествлять достоинство живописнаго искусства съ досточтимостью образа; нелѣпо написанныя иконы не дѣлаютъ безчестія святымъ, а обнаруживаютъ только неискусство живописца, котораго должно исправить, или же воспретить ему продолжать свое занятіе. Этотъ отвѣтъ обращаетъ насъ еще къ одной области русской культуры, въ которой Симеонъ также имѣлъ случай подать свой голосъ и оказать коекакое вліяніе.

Русская старина много заботилась о церковномъ благолѣпіи; но состояніе искусства, и въ особенности иконной живописи, далеко не соотвѣтствовало этой благочестивой потребности русскихъ людей. Въ половинѣ XVI вѣка знаменитый Стоглавый соборъ высказалъ строгое осужденіе тому ремесленному направленію, которымъ отличалась тогдашняя русская иконопись въ рукахъ невѣжественныхъ мастеровъ. Порицая ихъ неумѣлость и самовольныя уклоненія отъ древнихъ типовъ священной живописи, Стоглавъ противопоставлялъ этимъ невѣждамъ идеальную характеристику добраго живописца, который въ своей

---

[1]) Слова П. Негребецкаго въ указанной выше челобитной. Отзывъ С. Медвѣдева см. въ Описаніи рукописей Моск. синод. библіотеки, III, 3, стр. 233 и 236. Подробнѣе о полемическихъ бесѣдахъ Полоцкаго противъ протестантовъ см. въ сочиненіи: Литературная борьба съ протестантствомъ въ Московскомъ государствѣ. Д. Цвѣтаева. М. 1887, стр. 134—140.

душевной и тѣлесной чистотѣ, въ своемъ благочестивомъ настроеніи почерпаетъ способность писать святыя иконы „по образу и по подобію и по существу, смотря на образъ древнихъ живописцевъ"[1]). Соборъ могъ возобновить память древняго иконописнаго преданія, но не былъ, разумѣется, въ состояніи указать, какими способами иконописецъ можетъ усовершенствовать свою технику. Въ XVII вѣкѣ стали проникать въ Москву, преимущественно въ гравюрахъ, произведенія западной живописи, и какъ ни случайны были эти заносы, они послужили для лучшихъ русскихъ иконописцевъ поучительными образцами: „Глазъ привыкалъ къ изящнымъ очертаніямъ, къ благородной постановкѣ фигуръ, къ артистической драппировкѣ. Художникъ свыкался съ натурою, руководительницею всякаго искусства. Живость колорита иностранныхъ картинъ, на доскахъ или полотнѣ, поражала его тѣмъ невѣдомымъ на Руси обаяніемъ, какое способно производить на душу только истинное художество, воспроизводящее природу... Въ древне-русскомъ художникѣ пробудилась потребность красоты, естественности и природы, въ какой мѣрѣ эта законная потребность согласуется съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ"[2]). Одинъ изъ иконописцевъ Никоновскаго времени, сознавшихъ новыя стремленія въ своемъ искусствѣ, изографъ Іосифъ Владиміровъ, вздумалъ даже изложить свои мысли по этому предмету въ сочиненіи, которое посвятилъ своему другу, также иконописцу, извѣстному Симону Ѳедоровичу Ушакову. Въ писаніи своемъ Іосифъ осуждаетъ ремесленничество въ иконописномъ дѣлѣ не менѣе строго, чѣмъ Стоглавъ, но какъ искусный художникъ, онъ идетъ далѣе Стоглава въ разъясненіи художественной техники: при всей преданности пра-

---

1) Стоглавъ. Казань, 1862, стр. 205.

2) Слова Ѳ. И. Буслаева въ статьѣ о русской эстетикѣ XVII вѣка. Истор. очерки русск. нар. словесности и искусства, т. II, стр. 403.

вославію, онъ не затрудняется указывать, въ видѣ образцовъ, на западнаго издѣлія выдрукованные листы и на образа, премудрымъ живописаніемъ писанные; въ противоположность „грубописателямъ“, которые изготовляли только нелѣпыя, темныя иконы, онъ настаиваетъ на томъ, что лики святыхъ должны быть рисованы свѣтообразно и живоподобно, то-есть, защищаетъ права естественности и красоты въ священныхъ изображеніяхъ[1]). Но иконописцевъ съ такимъ тонкимъ пониманіемъ требованій своего искусства было очень немного. Поэтому и великому Московскому собору 1666—1667 годовъ, при обсужденіи разныхъ вопросовъ церковнаго быта, пришлось снова коснуться иконописанія и, подобно Стоглавому собору, высказать свои желанія объ улучшеніи иконописнаго дѣла.

Памятникомъ заботъ этого собора объ иконномъ писаніи служитъ окружная царская грамота по этому предмету, составленная въ 1669 году[2]). „Мы, великій государь“—говорится въ этомъ документѣ—„достойно и праведно и преполезно православно-христіанскому роду нашему Россійскому быти разсмотрѣвше, отъ Царя царствующихъ и Господа господствующихъ властію царскою намъ данною повелѣваемъ и уставляемъ, да честныя и святыя иконы Божія, пречистыя Богоматере, святыхъ силъ небесныхъ и всѣхъ угодниковъ Божіихъ, по преданію святыхъ и богоносныхъ отецъ, по необходимому обычаю святыя восточныя церкве, по приличности дѣлъ и лицъ, писаны будутъ; всякое же нелѣпіе и неприличіе къ тому да не вообразится, хитрость же и благоискуство художное вѣсма со всякимъ тщаніемъ да хранимо будетъ: праведно бо есть праведнаго Бога и праведныхъ его угодникъ праведными художества мѣрами и украшеніи образы начер-

---

[1]) Содержаніе сочиненія изографа Іосифа изложено въ упомянутой выше статьѣ Ѳ. И. Буслаева.

[2]) Акты Археограф. Экспедиціи, т. IV, стр. 224—226.

тати, да не виною неискуснаго начертанія образъ лица нѣкоего святаго небреженіемъ достойнаго си отщетится почитанія". Стремясь поднять иконописаніе на высоту, достойную этого святаго дѣла, грамота вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ нѣкоторыя мѣры, долженствующія обезпечить его успѣхъ. „Хощемъ"—говорится въ ней далѣе—„да добросвѣдѣтелствованіи иконописцы выну избраны будутъ, во еже бы прочіимъ того художества рачителемъ, ихъ рукописаньми свидѣтелствованнымъ, святыхъ иконъ дѣланіемъ упраждиятися; прочіимъ же, недостойнымъ ихъ свѣдѣтелствованія, за неискуство сего честнаго художества, прочая вся, кромѣ священныхъ иконъ, да будутъ во упраждненіи, дерзающимъ же инако творити кисть вовсе да отъимется и яко преобидяй царское наше повелѣніе наказанъ буди". Предполагалось, слѣдовательно, учредить особый надзоръ за писаніемъ иконъ, а изъ мастеровъ образовать нѣчто въ родѣ иконописнаго цеха. О наблюденіи за иконописцами со стороны духовныхъ властей говорилъ и Стоглавъ; мысль же о цеховомъ ихъ устройствѣ принадлежитъ XVII вѣку. Замѣчательны при этомъ слѣдующія слова грамоты, въ которыхъ высказывается убѣжденіе, что иконописное дѣло не только выше всѣхъ ремеслъ, но должно быть поставлено на ряду съ писаніемъ книжнымъ: „Бысть же годѣ и то нашему царскому величеству, да иконъ святыхъ, отъ всѣхъ вѣрныхъ благоговѣйно почитаемыхъ, дѣлателіе достойную честь вездѣ и отъ всѣхъ имѣютъ: и яко при благочестивѣйшемъ равноапостолномъ царѣ Константинѣ и по немъ бывшихъ царѣхъ правовѣрныхъ церковницы, изряднѣе же клиросъ, веліею честію почитаеми бяху, со сиглитомъ царьскимъ и прочіими благородными равенство почитанія повсюду пріимаху, тако въ нашей царьстей православнѣй державѣ иконъ святыхъ писателіе, тщаливіи и честніи, яко истинніи церковницы, церковнаго благолѣпія художницы да почтутся, всѣмъ прочіимъ предсѣданіе художникомъ да воспріимутъ и кисть

различноцвѣтно употребленна тростію или перомъ писателемъ да предравенствуютъ; достойно бо есть отъ всѣхъ почитаемыя хитрости художникомъ почитаемымъ быти". Стоглавъ также предписывалъ, какъ духовнымъ властямъ, такъ и вельможамъ и простымъ людямъ, „живописцевъ во всемъ почитать за то честное иконное воображеніе"; но въ опредѣленіяхъ Стоглаваго собора господствуетъ исключительно церковная точка зрѣнія, между тѣмъ какъ въ грамотѣ 1669 года вопросъ объ иконописцахъ переходитъ отчасти на почву государственную и общественную.

Предначертанія, намѣченныя въ этой грамотѣ, остались безъ исполненія: никакой регламентаціи для иконописцевъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ не послѣдовало, да и самая грамота, которую предполагалось дать „иконописателемъ царствующаго града Москвы", не была, по видимому, обпародована. Но для насъ важно то, что документъ, изъ котораго приведены выше отрывки, составленъ былъ Симеономъ Полоцкимъ[1]). Мало того: Симеонъ не только былъ редакторомъ грамоты, но и вну-

---

[1]) Грамота эта извѣстна только по копіи въ сборникѣ Моск. синод. библіотеки № 130 по стар. каталогу, лл. 172—173; а рукопись эта состоитъ исключительно изъ писаній Симеона и въ „Указателѣ" высокопреосв. Саввы (М. 1858, стр. 247) описана слѣдующимъ образомъ: „Собраніе царскихъ и патріаршихъ грамотъ, писемъ и посланій, образцы писемъ и посланій частныхъ лицъ на разные случаи, разныя стихотворенія, эпитафіи и проч. (нѣчто въ родѣ письмовника)". Совершенно справедливо, что многія посланія этого сборника имѣютъ характеръ только образцовъ, годныхъ для письмовника, но весьма многія суть копіи съ дѣйствительныхъ посланій Симеона къ разнымъ лицамъ, или другихъ лицъ къ нему, или, наконецъ, копіи съ документовъ, гдѣ о немъ говорится; такова, напримѣръ, копія съ посланія Лазаря Барановича къ царю Алексѣю Михайловичу, въ которомъ онъ проситъ о напечатаніи сборника своихъ проповѣдей въ Москвѣ подъ надзоромъ Симеона; посланіе это напечатано нами въ Русскомъ Архивѣ 1875 г., кн. III, стр. 308—309; это—тотъ самый документъ, на который сдѣлана ссылка выше на стр. 2. Въ этотъ же сборникъ Симеонъ вносилъ и разныя грамоты, посланія и письма, составленныя имъ отъ имени и по порученію другихъ лицъ; къ числу такихъ документовъ принадлежитъ и царская окружная грамота 1669 года объ иконномъ письмѣ.

шилъ государю мысль, положенную въ ея основаніе; это несомнѣнно доказывается тѣмъ, что еще раньше грамоты 1669 года, въ самое время великаго Московскаго собора, онъ составилъ прошеніе къ царю Алексѣю Михайловичу о принятіи мѣръ къ улучшенію иконописанія въ Московскомъ государствѣ [1]). Если вспомнить то дѣятельное участіе, которое принималъ Симеонъ въ работахъ собора 1666—1667 годовъ, то не покажется страннымъ, что онъ взялъ на себя почпнъ въ заботахъ объ усовершенствованіи иконнаго письма.

Въ прошеніи или, лучше сказать, въ памятной запискѣ Симеона вопросъ объ иконописаніи разсмотрѣнъ очень полно. Въ началѣ ея авторъ говоритъ: „Вашея великого государя нашего царскія державы во градѣхъ и въ весѣхъ мнози человѣцы простіи небрегуще о истинномъ начертаніи святыхъ иконъ и пишущіи нехотяще того богодухновеннаго художества, еже есть иконнаго изображенія, добрѣ навыкнути, дабы елико возможно человѣку на хвалу и прославленіе въ Троицѣ поемаго нашего Небеснаго

[1]) Прошеніе Симеона находится, въ видѣ чернового проекта, въ сборникѣ Румянцовскаго музея № CCCCLXXVI, лл. 12—20. Сборникъ этотъ въ „Описаніи" Востокова, стр. 554, означенъ такимъ образомъ: „Писанъ въ Польской Руси и содержитъ въ себѣ статьи догматическія и до церковной исторіи Россіи относящіяся" (далѣе перечисленіе статей). Но кто видѣлъ почеркъ С. Полоцкаго въ его собственноручныхъ рукописяхъ, хранящихся въ Московской синодальной библіотекѣ, признаетъ тотъ же почеркъ въ большей части разсматриваемой румянцовской рукописи; притомъ же и по составу сборника легко сообразить, что это трудъ Симеона: здѣсь, между прочими статьями, находится нѣсколько поученій его изъ прибавленія къ „Вечери Душевной", нѣсколько актовъ по дѣлу патріарха Никона и т. п. Мы думаемъ, что это—черновая записная книга Симеона, куда онъ вносилъ разныя свои замѣтки, выписки и наброски своихъ произведеній. Рукопись, безъ сомнѣнія, писана имъ уже въ Москвѣ и пополнялась, вѣроятно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, но главнымъ образомъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XVII вѣка. Благодаря любезному содѣйствію хранителя рукописнаго отдѣленія Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ Д. П. Лебедева, мы имѣли въ рукахъ прекрасную копію съ вышеупомянутаго прошенія. Время его составленія въ періодъ собора 1666—1667 годовъ видно изъ самаго документа.

Царя и Бога и Его угодниковъ о украшеніи иконнаго истиннаго начертанія тщаніе и труды предложити; иніи же и весма суть оному художству непричастни, ни букварь учаще, нижъ шарову различіе вѣдуще, точію онѣми божественными иконами купоторжествующе и цѣну взимающе двократну и крыюще у себе неискусныхъ художниковъ, дерзающихъ оныя божественныя вещи просте безъ всякаго подобошарнаго украшенія и истиннаго начертанія писати, ничтоже блюдуще воféномъ художествѣ божественныя чести, точію себе и считаютъ, дабы чрево свое питать. И купоторжцы по заглушнымъ уѣзднымъ мѣстомъ на торжкахъ и по деревнямъ тѣ образы возами розвозятъ, безъ всякія чести на все, елико могутъ, промѣнъ творятъ, зазоръ свой ни во что вмѣняя, и во окрестныя государства развозятъ. Того ради, яко ни единъ есть оныхъ подобообразія надзиратель, иностранніи же, то зряще, не ко славѣ божественныя хвалы словеса вѣщаютъ; пишущіи же и сему благому дѣлу тщащіися, нищетою стѣсняеми, се дѣло оставляютъ, и иніи зряще на тое ни ко ученію иконнаго писанія простираются, и того ради божественныя церкве увядаютъ". Далѣе Симеонъ подробно объясняетъ высокое значеніе иконописанія и распространяется о томъ, какъ оно возникло и какъ развилось по указаніямъ учителей церкви и соборовъ и благодаря попеченіямъ православныхъ Восточныхъ императоровъ; здѣсь же упоминаетъ онъ о заботахъ созваннаго при Иванѣ Грозномъ Стоглаваго собора касательно улучшенія иконнаго письма въ Московскомъ царствѣ. Но, продолжаетъ Симеонъ, — съ теченіемъ времени „въ толикое честное художество совниде нѣкое безчинство... оскудѣша въ епископіяхъ зографи мудріи и размножишася отпущенія; мазари буіи наполниша не токмо торговыя шалаши и простаковъ домы, но и церкви и монастыри... Отъ неискусныхъ и беззазорныхъ иконописцовъ многое неистовство обрѣтается на иконахъ, не въ лѣпоту писанная и

недостойная христіанскому зрѣнію. Яко тако вмѣсто чести и подобія первообразнымъ лжеобразное неистовство происходитъ и таковый премудрый путь художества сего терніемъ заростаетъ, и хотящіи проходити того правыя стези совращаются и рекущи въ себѣ: кто знаетъ и кто увѣсть яже творимъ, или кто накажетъ ны? Сего ради нынѣ церкви Божія добрѣніе увядаетъ еже въ лгоподобствахъ святыхъ иконъ, вины ради сицевы: понеже во градѣхъ убо и весѣхъ и по заглушнымъ деревнямъ мнози человѣцы простіи (на полѣ приписано: палешане, шуяне, кинешемцы, холуяне) небрегущи истины въ начертаніи святыхъ иконъ пишущіи и пріемлющіи, пишущіи пишутъ неподобно на обоконьяхъ и на шахматныхъ доскахъ, мараютъ личины непотребны, тіи же и иконы дерзостнѣ и неистовно пишутъ и отдаютъ смѣнщикомъ, которыя называются прасолами, и развозятъ всюду. Что же иконамъ сего безчестнѣе, еже они называются плошьемъ? Тако убо тѣхъ иконъ у прасола прасолъ перекупаетъ по сту и по тысящи безъ всякого бреженія". Эти данныя о производствѣ и промѣнѣ плохихъ иконъ Симеонъ заимствовалъ изъ вышеупомянутаго сочиненія изографа Іосифа. Изъ того же, повидимому, источника взяты имъ и нѣкоторыя свѣдѣнія о томъ, почему иконы становятся „темнообразными", то-есть, почему онѣ пріобрѣтаютъ темный цвѣтъ, столь цѣнимый простыми людьми, какъ признакъ ихъ древности: „Явленно, яко всякое зданное по своему естеству тлѣнію подлежитъ: иныя же за небреженіе отъ дымокоптѣнія и за дебелость олиѳную въ маломъ времени почернѣваютъ. Но благописанныя иконы паки благодѣтелными руками обновляются и свою красоту яко исперва пріемлютъ и первообразнаго подобіе показуютъ; у неистовыхъ же образовъ неистовство обнажается, и тыя паки олиѳою дебелостію затираются". Развивая далѣе мысль о жалкомъ состояніи иконописанія въ Россіи, Симеонъ отчасти становится на ту точку зрѣ-

нія, противъ которой самъ возражалъ впослѣдствіи, когда препирался о почитаніи иконъ съ протестантами. „И въ сихъ ли“, говоритъ онъ, — „зрѣти первообразнаго красоту, ихъ же на торжкахъ елико могутъ на лукъ и на яица, и на кожи, и на ленъ, и на всякую вещь мѣняютъ? То ли честь святымъ иконамъ и пишущимъ, ихъ же художество по торжкамъ влачимо и всячески отъ невѣждъ посмѣваемо? Не сихъ ли ради винъ зазираютъ иностранніи? Зліи же, ни въ малѣ зазирающе себѣ въ томъ, но паипаче безстыдно цѣну премѣняюще, возторгствуютъ и простую чадь многими лжековарственными и ласкателными словесы къ тѣхъ любленію преклоняютъ. Елицы же въ томъ художествѣ благозрачія желаютъ, и къ таковымъ тіи лжеисполненніи вѣщаютъ, яко не просвѣщаетъ доброе письмо: аще не было бы плохова письма и дешевыхъ иконъ, то чему бы убозіи поклонялися? По истиннѣ, суть таковіи безвѣри и послѣдняго неразумія прелстители оныхъ словеса и внемлющихъ отъ нихъ“. И убогіе, разсуждаетъ далѣе Симеонъ,—заботятся о своемъ тѣлѣ, одѣваютъ и питаютъ его; не паче ли же обязаны люди жертвовать для Бога, то-есть, не соблазняться дешевизной плохихъ иконъ и предпочитать имъ хотя бы болѣе цѣнныя, но болѣе близкія къ первообразному? Доказавъ этимъ выводомъ „отъ противнаго“, что икона должна быть благолѣпна въ виду самаго назначенія своего, Симеонъ приводитъ историческіе примѣры тому, какъ славные люди древности заботились о художественномъ исполненіи своихъ изображеній: Александръ Македонскій дозволялъ писать свой портретъ только Апеллесу; императоръ Августъ запретилъ неискуснымъ людямъ изготовлять его изображенія. Далѣе предлагаются примѣры изъ жизни современной: „Множицею убо и во окрестныхъ странахъ людіе царей своихъ образовъ не презираютъ и вельможъ царевыхъ въ забвеніи не полагаютъ, ибо мужества ради ихъ во бранѣхъ словесы извѣствуютъ и образы ихъ напи-

суютъ, ови побѣды надъ главою вѣнчающія, овіижъ сущимъ въ санѣ поклоняющаяся и началствъ чтомымъ слогами, ови - же звѣроубійства и благолучества, овижъ варваръ побѣжденныхъ или убіенныхъ многовидные образы: любятъ бо не истины вещей точію, въ нихъ же великомудрствуютъ, но и тѣхъ подобіе. Мнози же и въ домѣхъ написуютъ, родителіе чадъ своихъ и чада родителей желанія ради и любве тѣхъ мудрыми живописцы". Слѣдующія слова записки содержатъ въ себѣ любопытное свидѣтельство о дѣятельности иностранныхъ художниковъ въ Россіи: „И здѣ нынѣ зримъ: тѣхъ же странъ живописцамъ, имъ же многія по своему желанію персоны писати даютъ и за сіе имъ почитаніе веліе и мзду изобилну воздаютъ, такожъ и во одежахъ и во иныхъ во всякихъ вещехъ избираютъ лучшая". Затѣмъ, однако, Симеонъ снова возвращается къ обличительному тону: „Образъ же Христовъ и святыхъ Его не тако избираютъ: егда и благолѣпна видятъ написанный, не первѣе глаголютъ, яко достойно симъ благимъ образомъ честнѣ поклонятися и церкви благолѣпствоватися, но прежде вопрошаютъ: не драгова ли письма икона сія, и тако преминувъ, по своему намѣренію дешевыхъ избираютъ". Въ этомъ пренебреженіи русскихъ людей къ доброму иконописанію, другими словами — въ пренебреженіи къ искусству, Симеонъ видитъ причину не только его косности, но и убыточности для искусныхъ мастеровъ: „Сего ради мнози онаго художества правопишущіи и сему благому дѣлу тщащіися оскудѣша и тое честное, великое и благообразное дѣло оставляютъ и во иныя чины преходятъ, въ писарство, въ подъячие и въ купечество, и иніи жъ, зряще на тое, и въ наученіе не происходятъ. Которіи же и пишутъ, но съ небреженіемъ, нежели съ великимъ тщаніемъ, тіи и въ покоѣ, и съ пожиткомъ свободне пребываютъ. Того ради, яко ни единъ есть художества сего надзиратель". Но если занятіе иконописью оказывается столь

невыгоднымъ для искусныхъ мастеровъ, что они покидаютъ его и избираютъ другой промыселъ, то еще болѣе прискорбнымъ представляется Симеону то обстоятельство, что земскія власти насильно привлекаютъ иконописцевъ къ исполненію гражданскихъ должностей. „Еще же“, говоритъ онъ,—„благозрачно пишущіи святыя иконы, вмѣсто достоинства еже бы имъ святыя иконы свободне писати въ славу Божію и въ писаніи святыхъ упражнятися, но во градѣхъ отъ гражданъ посылаеми на мытни и на кабаки въ цѣловалники и въ земскіе избы дань даютъ, ни чимъ же разнствующе отъ простолюдинъ и безъ отрады и безъ надежи свой яремъ носятъ, ниже тако преуспѣваютъ, яко жъ простолюдины, купцы и подъячіи свободне въ своихъ вещехъ и происходятъ въ честную степень; многажды же надъ симъ художествомъ началствующе не искусни въ тацехъ вещехъ и обидяще и повелѣвающе неволею по своимъ обычаемъ скоро писати не блюдутъ истины“. Вообще, пренебрежительное отношеніе къ иконописцамъ глубоко возмущало Симеона, и въ запискѣ своей онъ съ негодованіемъ восклицаетъ: „Нѣціи блядословятъ и злохуленіе самому Богу приносятъ, иже пишущихъ святыя иконы богомазами наричютъ: симъ да заградятся богохулная уста“. Апологію свою Полоцкій заключаетъ цвѣтистою похвалою святому дѣлу иконописи.

Изъ этого изложенія нельзя, кажется, не заключить, что существуетъ тѣсная внутренняя связь между запискою Симеона и грамотой 1669 года: представленныя въ первой соображенія и фактическія данныя, очевидно, послужили основаніемъ для тѣхъ предначертаній, которыя развиты во второй. Правда, заботы великаго Московскаго собора объ улучшеніи русскаго иконописанія не увѣнчались успѣхомъ, и самому Симеону впослѣдствіи, въ бесѣдѣ съ протестантами, приходилось сознаваться, что религіозная живопись стоитъ у насъ на низкой степени развитія. Но для характеристики Полоцкаго

существенно то, что и въ этой сферѣ онъ высказался за необходимость улучшеній; еще замѣчательнѣе то, что, при всемъ своемъ отрицательномъ отношеніи къ московской культурѣ, Полоцкій сумѣлъ въ данномъ случаѣ подмѣтить въ ней проявленія жизни, способныя дальнѣйшему развитію: познакомившись съ умною книгой изографа Іосифа и съ живописными произведеніями даровитаго Симона Ушакова, онъ оцѣнилъ по достоинству то движеніе, которое обнаруживалось въ его время среди московскихъ художниковъ, и протянулъ ему дружественную руку.

Заявленіе въ грамотѣ 1669 года того убѣжденія, что иконопись не есть простое ремесло, какимъ считали его въ Московской Руси, и что въ искусномъ иконописцѣ долженъ быть почтенъ, какъ и въ писателѣ, подвижникъ духовнаго труда, составляетъ почтенную заслугу Полоцкаго. Онъ не разъ настаивалъ на этой мысли и между прочимъ высказывалъ ее въ своихъ стихотворныхъ произведеніяхъ. Въ этомъ отношеніи особенно любопытна слѣдующая піеса, помѣщенная въ „Вертоградѣ Многоцвѣтномъ“:

Ікона Богородицы.

Іконописецъ нѣкто благочестивъ бяше,
Ко Матери Божіей любовь соблюдаше;
Обыклъ же образъ ея прекрасно писати,
А демона подъ ноги ея полагати,
Скаредно писаннаго,—за что разъярися
Врагъ и жестоко ему претяй появися,
Обѣщая велику пакость сотворити,
Аще не престанетъ и тако скаредити.
Зографъ же врагу рече: „Азъ тя не боюся,
„Паче скаредство твое явити потщюся“.
Исчезе демонъ съ гнѣвомъ. Потомъ случай бяше:
Зографъ образъ Дѣвыя на стѣнѣ писаше
Въ храмѣ нѣкоемъ. Тамо не забы явити
И скаредства вражія подъ ноги вмѣстити,
Изображая, яко та есть она Жена,
Еюже змія того бѣ глава сотрена.
Врагъ не терпя досады, хотя ѝ свалити,
Потщася вся подставы древяны ломити.

Тымъ убо падающымъ, зографъ онъ смутися,
Но Божіей Матери молебно вручися.
И простре образъ руку, мужа похищая,
Отъ паденія смертна чюднѣ свобождая.
Падоша вси подставы, зографъ же висяше,
Держимъ рукою Дѣвы. Оле, чюдо бяше!
Чтó видяще людіе подмостъ пристроиша,
Зографа кромѣ вреда къ земли низпустиша;
А Христа Бога Матерь честно величаху,
Содѣянное чюдо міру возвѣщаху;
Демонскія же козни въ конецъ обругаша,
Егоже паденію вина быти знаша.

Тутъ пересказывается средневѣковая католическая легенда[1]); но Симеонъ понималъ, что и сердцу православнаго читателя будетъ доступенъ ея умилительный смыслъ: божественное чудо и въ его глазахъ должно было озарить святостью благочестивый трудъ твердаго въ вѣрѣ художника и тѣмъ возвысить самое дѣло иконописанія.

X.

Испытавъ свои силы во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ литературы, для которыхъ давала подготовку Кіевская коллегія, но въ то же время мало знакомый съ нашею ста-

[1]) Та же легенда пересказана Симеономъ и въ вышеизложенной запискѣ его объ иконописаніи въ слѣдующихъ словахъ: „Нѣкто зографъ писалъ образъ Пречистыя Богородицы благолѣпне, а діавола писалъ зѣло грубо и гнусно. И діаволъ во снѣ ему гнѣвомъ претя; возбнувъ же ся зографъ тече ко церкви, написа благолѣпне Матерь Божію, а діавола зѣло гнусно подъ ногама ея на стѣнѣ, самъ же на подмостьѣ стоя. И внезапу велій вѣтръ возста и оныя помосты опровержe на землю. Тогда видѣвъ страшное удивленіе зографъ возопи ко Пречистой Богородицѣ о помощи. Оле чудесе! Отъ образа своего Пречистая Богородица руку простре и онаго зографа удержа, отъ раны и смерти сохрани". Эта легенда была очень распространена въ западной средневѣковой литературѣ; ея латинская версія „De pictore diabolum depingente" находится въ „Summa praedicantium", составленной Дж. Бромьярдомъ (John of Bromyard) и имѣвшей нѣсколько изданій въ XV и XVI вв.; о разныхъ версіяхъ этой легенды см. Th. Wright. A selection of latin stories. London. 1842, pp. 34 et 223; J. Dunlop's Geschichte der Prosadichtungen, berabeitet von Liebrecht. Berlin. 1851, Ss. 303 und 503, и Fr. H. von der Hagen, Gesammtabenteuer. Stuttgart. 1850, 3-ter B., Ss. CXXIV und 474—476.

рою письменностью и, главное, почти чуждый ея интересамъ, Симеонъ долженъ былъ смотрѣть на свои труды, какъ на первые правильно выполненные опыты удовлетворить умственнымъ потребностямъ московскаго общества, долженъ былъ сознавать себя основателемъ новой литературной школы, тѣмъ болѣе, что мало по малу между современными ему писателями стали появляться подражатели его литературнымъ пріемамъ и послѣдователи его мнѣній. Соотвѣтственно тому, въ послѣдніе годы своей жизни онъ пожелалъ, такъ сказать, подвести итогъ своей литературной дѣятельности, окончательно приготовивъ къ изданію всѣ главныя свои сочиненія прежнихъ лѣтъ. Трудъ этотъ былъ исполненъ Симеономъ при помощи Сильвестра Медвѣдева и, какъ результатъ его, въ Московской синодальной библіотекѣ понынѣ хранятся начисто перебѣленные списки „Вѣнца вѣры“, „Обѣда“ и „Вечери“, „Вертограда“, „Риѳмологіона“ и другихъ произведеній Полоцкаго, собственноручно имъ исправленные и вообще приведенные въ такой видъ, что оставалось только предать ихъ тисненію. Вскорѣ представилась возможность осуществить и это намѣреніе.

Въ концѣ 1670-хъ годовъ Симеону удалось завести при дворѣ, „на верху“, особую типографію, въ которой онъ могъ печатать книги по своему усмотрѣнію. Въ 1679 году изъ этой верхней типографіи уже вышелъ букварь, а въ 1680 году „Псалтырь риѳмованная“ въ переложеніи Полоцкаго, и „Тестаментъ Василія, царя Греческаго, сыну своему Льву Философу“. Позже, въ 1681 году (по кончинѣ Полоцкаго), въ той же типографіи напечатаны были: „Исторія или повѣсть о житіи преподобнаго Варлаама и о Іосафѣ, царевичѣ Индѣйскомъ“ и „Обѣдъ Душевный“, и наконецъ, въ 1683 году—„Вечеря Душевная“. Можно, однако, догадываться, что эти объемистыя изданія были начаты печатаніемъ еще при жизни Симеона, по его указанію и желанію; это видно изъ того,

что онъ присоединилъ стихи своего сочиненія не только къ сборникамъ своихъ проповѣдей и къ Псалтыри, но и къ чужимъ произведеніямъ, вышедшимъ изъ верхней типографіи. Приложено было стараніе сдѣлать эти изданія по возможности изящными: они отпечатаны новымъ красивымъ шрифтомъ и, по желанію царя Θедора Алексѣевича, украшены гравюрами, исполненными Аθанасіемъ Трухменскимъ по рисункамъ Симона Ушакова [1]).

Выборъ и составъ книгъ, напечатанныхъ въ верхней типографіи, заслуживаетъ особаго вниманія. Букварь 1679 года, очевидно предназначенный для царевича Петра, которому исполнилось въ то время семь лѣтъ, отличается отъ другихъ, болѣе раннихъ азбукъ московскаго изданія внесеніемъ нѣсколькихъ статей въ стихахъ, между прочимъ похвалы розгѣ, и заимствованіями изъ виленскаго букваря 1596 года [2]). „Тестаментъ", написанный, по преданію, императоромъ Василіемъ Македоняниномъ для своего сына, воспитанника знаменитаго ученаго патріарха Фотія, содержитъ въ себѣ правоучительныя наставленія въ примѣненіи къ условіямъ жизни царственнаго юноши; славянскій переводъ этого сочиненія еще въ первой половинѣ XVII вѣка существовалъ въ западно-русской печати, именно въ 1638 году былъ изданъ, вѣроятно, въ Кіевѣ [3]). Наконецъ, „Исторія о Варлаамѣ и Іоасафѣ" — духовный романъ, имѣвшій большое распространеніе въ средневѣковой литературѣ; въ немъ разсказывается о томъ, какъ мудрый пустынникъ Варлаамъ обратилъ въ христіанство индѣйскаго царевича Іоасафа, прійдя къ нему

---

[1]) Сборникъ на 1873 годъ, изданный Обществомъ древне-русскаго искусства, т. II: Симонъ Ушаковъ и современная ему эпоха русской иконописи, статья Г. Д. Филимонова, стр. 63.

[2]) Наука и литература при Петрѣ В., П. Пекарскаго, I, стр. 170 — 171.

[3]) Хронологическій указатель славяно-русскихъ книгъ церковной печати. I Очеркъ славяно-русской библіографіи Б. М. Ундольскаго, съ дополненіями А. Θ. Бычкова и А. Е. Викторова, стр. 55.

подъ видомъ купца, продающаго драгоцѣнный камень; камень этотъ означаетъ символически царство небесное, и достигнуть его всего легче, по ученію Варлаама, уединеніемъ и молитвой; сцена появленія пустынника предъ царевичемъ и изображена на гравюрѣ, приложенной къ московскому изданію „Исторіи". Повѣсть эта особенно интересовала читателей апологами и притчами, съ помощью которыхъ отшельникъ наставляетъ царевича; издавна существовавшая въ славянскомъ переводѣ и весьма распространенная въ русской письменности, она также въ первой половинѣ XVII вѣка сдѣлалось достояніемъ западно-русской печати (изд. въ 1637 году въ Кутеинскомъ монастырѣ), въ переводѣ на русскій языкъ для удобства читателей [1]); аскетическое направленіе ея нравоученій и въ то же время внѣшній интересъ ея притчей, безъ сомнѣнія, были для Симеона главными побудительными причинами избрать ее для изданія; но сверхъ того, онъ могъ руководствоваться также примѣромъ кутеинскихъ монаховъ, съ тою лишь разницею, что въ напечатанной въ Москвѣ „Исторіи" сохраненъ славянскій языкъ древняго перевода, впрочемъ, съ подновленіями въ характерѣ книжной рѣчи XVII вѣка. Во всякомъ случаѣ эта связь трехъ описанныхъ книгъ съ западно-русскою книжностью указываетъ на то, подъ какими вліяніями Симеонъ дѣлалъ выборъ своихъ изданій; а такъ какъ на ряду съ ними онъ предпринялъ печатать въ верхней типографіи и собственныя свои сочиненія — стихотворныя переложенія псалмовъ и поученія на подобіе латинскихъ орацій, то дѣлается очевиднымъ, что эта книгопечатня была устроена Симеономъ вообще съ цѣлью служить интересамъ того направленія, представителемъ котораго онъ былъ въ Москвѣ.

---

[1]) Ученыя записки II-го отдѣленія Академіи Наукъ, т. IV. Очеркъ литер. исторіи русскихъ повѣстей и сказокъ, А. Н. Пыпина, стр. 124 — 130.

Къ тому же, пользуясь независимостью верхней типографіи отъ большой Московской, Полоцкій сталъ печатать въ ней книги безъ одобренія высшей духовной власти, чего требовалъ непремѣнный тогдашній обычай. Помѣта, что книга печатана съ благословенія патріарха, выставлялась на Симеоновыхъ изданіяхъ произвольно и не свидѣтельствовала о дѣйствительномъ разсмотрѣніи сочиненія. „Мы“, говорилъ впослѣдствіи патріархъ Іоакимъ,— „прежде печатнаго изданія не видали и не читали тѣхъ книгъ, а печатать ихъ не только благословенія, но и изволенія нашего не было“ [1]). Но таковъ былъ рѣшительный авторитетъ Симеона въ глазахъ молодого царя, что патріархъ, какъ ни мало сочувствовалъ Полоцкому, не считалъ возможнымъ протестовать противъ самовольствъ царскаго любимца. Симеонъ же, пріобрѣтая себѣ такимъ образомъ извѣстную свободу печати, по крайней мѣрѣ фактическую, справедливо разчитывалъ на могущественную силу печатнаго слова; между тѣмъ какъ до сихъ поръ сторонники его образа мыслей группировались непосредственно около его личности, въ Москвѣ,—по выходѣ въ свѣтъ „Псалтыри“, „Обѣда“ и „Вечери“ извѣстность и вліяніе его, по крайней мѣрѣ литературное, начинаютъ распространяться въ разные концы Россіи: размножаются списки „Вѣнца вѣры“ и другихъ произведеній Полоцкаго, не попавшихъ въ печать; въ 1680-хъ годахъ неизвѣстный по имени воспитатель князей Черкасскихъ составляя для нихъ учебникъ, включаетъ въ него обширные отрывки изъ Симеоновыхъ поученій [2]); въ Пермскомъ краѣ любознательный приходскій священникъ города Орла

[1]) „Остенъ“, стр. 138.

[2]) Срв. отрывки изъ учебника, составленнаго для князей П. М. и А. М. Черкасскихъ, въ статьѣ Н. А. Лавровскаго: „Памятники стариннаго русскаго воспитанія“ (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей 1861 г.), кн. III), съ предисловіемъ къ „Обѣду“ и съ помѣщенными въ „Вечери“ поученіями въ дни Григорія Богослова, Николая Чудотворца, Ксенофонта и Маріи.

спѣшитъ ознакомиться съ проповѣдями Полоцкаго, чтобы пересказать ихъ своей паствѣ [1]); чудовскій монахъ Каріонъ Истоминъ, подобно Сильвестру Медвѣдеву, слагаетъ силлабическіе стихи, достойные автора „Риѳмологіона"; отрывки изъ комедіи о Блудномъ сынѣ переходятъ въ лубочную печать и поются на ряду съ духовными стихами; даже иностранцы, пріѣзжающіе въ Россію, знакомятся съ сочиненіями Полоцкаго [2]). Но самого автора уже не было въ живыхъ, когда стали обнаруживаться ясные признаки его вліянія на литературу.

При томъ высокомъ авторитетѣ, которымъ пользовался Симеонъ въ мнѣніи молодого царя, очевидно, болѣе расположеннаго къ своему ловкому наставнику, чѣмъ къ строгому старцу патріарху, естественно было Полоцкому подумать еще объ одномъ дѣлѣ, которое могло содѣйствовать распространенію его идей и вообще просвѣщенія гораздо болѣе, чѣмъ печатное слово, о заведеніи училищъ. Церковный соборъ 1666—1667 годовъ отступилъ передъ трудностью этой задачи. Выражая горячее желаніе усилить религіозное образованіе въ русскомъ обществѣ и требуя отъ священниковъ, чтобъ они непремѣнно заботились объ обученіи своихъ дѣтей, соборъ однако не высказался прямо о необходимости школъ; онъ поступилъ такъ осторожно, быть можетъ, потому, что не видѣлъ возможности найдти годныхъ учителей, и еще болѣе потому, что въ средѣ главныхъ дѣятелей Русской церкви вопросъ о направленіи и характерѣ образованія не представлялся окончательно выяс-

---

[1]) Рукопись поученій Орловскаго священника, отчасти передѣланныхъ изъ проповѣдей Полоцкаго, хранится подъ заглавіемъ „Статиръ" въ Румянцевскомъ музеѣ.

[2]) Изъ иностранцевъ-современниковъ упоминаютъ о сочиненіяхъ Полоцкаго Генрихъ Лудольфъ, авторъ русской грамматики, напечатанной въ 1696 году въ Оксфордѣ, и Рейтенфельсъ, авторъ сочиненія „De rebus moscoviticis".

неннымъ. Правда, въ 1668 году восточные патріархи Паисій и Макарій и патріархъ Московскій Іосафъ дали грамоты на заведеніе славяно-греко-латинскаго училища въ приходѣ св. Іоанна Богослова; но оно, повидимому, не было вовсе открыто, да сверхъ того, въ томъ же году закрылась и Спасская школа, которою завѣдывалъ Симеонъ [1]). Такимъ образомъ, мысль, которая такъ давно занимала его, оставалась не выполненною. По всей вѣроятности, нерасположеніе патріарха Іоакима къ латинскому образованію и къ главному его представителю въ Москвѣ служило важнѣйшимъ препятствіемъ въ этомъ случаѣ. Но съ воцареніемъ Θеодора обстоятельства перемѣнились, и, опираясь на довѣріе государя, Симеонъ могъ возвратиться къ идеѣ, постоянно его занимавшей и которая была въ немъ вкоренена его собственнымъ школьнымъ ученіемъ. Сохранился проектъ царскаго привилія на учрежденіе славяно-греко-латинской академіи въ Заиконоспасскомъ монастырѣ; проектъ этотъ помѣченъ 1682 годомъ, когда Симеона уже не было въ живыхъ; но онъ былъ въ рукахъ Сильвестра Медвѣдева и въ 1685 году былъ поднесенъ имъ на утвержденіе царевны Софіи Алексѣевны; въ предисловіи къ нему приводятся слова изъ „Вечери Душевной“, а въ стихотворномъ посвященіи царевнѣ, при которомъ онъ былъ ей представленъ, Медвѣдевъ слѣдующимъ образомъ восхвалялъ его сочиненіе:

Академіи привиліи вручаю,
Иже любезнымъ ти братомъ созданъ есть,
Повелѣніемъ чинно написанъ есть [2]).

По общему характеру своему, проектъ довольно близко соотвѣтствуетъ образу мыслей Полоцкаго. Та-

---

[1]) Исторія славяно-греко-латинской академіи С. Смирнова, стр. 7; Исторія росс. іерархіи, Амвросія, I, стр. 420; Прибавленія къ твореніямъ св. отцевъ 1845 г., кн. II, стр. 167—171; ср. также гл. II и IV настоящаго очерка.

[2]) Древн. Росс. Вивліоѳика, изд. 2-е, ч. VI, стр. 395.

кимъ образомъ есть полное основаніе думать, что проектъ составленъ первоначально еще Симеономъ, и что лишь по какимъ-либо особымъ обстоятельствамъ замедлилось при его жизни утвержденіе грамоты царемъ. Въ пользу участія Симеона въ этомъ дѣлѣ свидѣтельствуетъ и то обстоятельство, что проектъ довольно подробно опредѣляетъ организацію училища, а дѣло это могло быть знакомо Симеону, какъ бывшему питомцу Кіевской коллегіи и учителю въ Полоцкѣ, но не было практически извѣстно Медвѣдеву, никогда не бывавшему въ названныхъ городахъ. Что мысль объ учрежденіи академіи занимала молодого царя ранѣе 1682 года, видно изъ того, что еще въ январѣ 1681 года велѣно было построить двѣ келіи „для ученія" въ Спасскомъ монастырѣ за Иконнымъ рядомъ[1]). Въ началѣ того же года прибылъ въ Москву нѣкто Янъ Бѣлободскій, кальвинскій проповѣдникъ изъ Слуцка, съ цѣлью поступить преподавателемъ въ заводимую въ Москвѣ „академію", и около того же времени, выходецъ изъ западной Руси, Павелъ Негребецкій, предлагалъ царю вызвать ученыхъ изъ западно-русскихъ областей для той же цѣли[2]). Прежде чѣмъ могли состояться распоряженія по этому предмету, въ Москвѣ, конечно, шла долгая рѣчь о многотрудномъ дѣлѣ устройства большой школы, и безъ сомнѣнія, голосъ Симеона (сошедшаго въ могилу только во второй половинѣ 1680 года), былъ руководящимъ въ этомъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что и

[1]) Домашній бытъ Русскихъ царей, И. Е. Забѣлина, I, изд. 2-е, приложенія, стр. 140. Въ стихотворной просьбѣ о водвореніи образованія, которую Каріонъ Истоминъ, въ ноябрѣ 1682 года, представилъ царевнѣ Софіи, и въ которой вспоминается о заботахъ царей Алексѣя и Өеодора касательно просвѣщенія и о любви царевича Алексѣя къ наукамъ (ясный намекъ на наставничество С. Полоцкаго), также говорится о постройкѣ училищнаго зданія при Өеодорѣ (см. Исторію славяно-греко-лат. академіи, С. Смирнова, стр. 399).

[2]) Прибавленія къ твореніямъ св. отцевъ 1845 г., кн. II, стр. 179—180; Исторія слав.-греко-лат. академіи, С. Смирнова, стр. 11.

училище предполагалось основать въ томъ монастырѣ, гдѣ онъ жилъ, и гдѣ нѣкогда существовала его маленькая школа.

Но еще въ 1679 году случилось одно обстоятельство, которое должно быть принято во вниманіе при соображеніи всего вышеизложеннаго. Въ этомъ году возвратился въ Москву изъ путешествія по востоку грекъ іеромонахъ Тимоѳей и принесъ извѣстіе о притѣсненіяхъ, какія терпѣло тогда православіе въ Святой землѣ отъ католиковъ, домогавшихся не только овладѣть всѣми Святыми мѣстами въ Палестинѣ, но и привлечь всѣхъ тамошнихъ православныхъ въ покорность Римской церкви; узнавъ о томъ, царь пожелалъ оказать какую-либо помощь угнетенному православію; съ этою цѣлью, съ благословенія патріарха Іоакима, учреждено было въ томъ же году греческое училище при большой Московской типографіи, подъ надзоромъ самого Тимоѳея, котораго патріархъ причислилъ къ своему домовому клиру [1]). Внезапное возникновеніе этой

[1]) Прибавленія къ твореніямъ св. отцевъ, 1845 года, кн. II, стр. 174—175; Исторія слав.-греко-лат. академіи, С. Смирнова, стр. 9—10. Намъ кажется необходимымъ отдѣлять учрежденіе этого греческаго типографскаго училища отъ академіи, проектированной въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Какъ видно изъ разсказа Поликарпова (Др. Росс. Вивліоѳика, изд. 2-е, XVI, стр. 295 и сл.), мысль о греческомъ училищѣ возникла независимо отъ проекта академіи. Греческое училище было учреждено въ 1679 году, и кромѣ Тимоѳея, въ немъ преподавалъ сперва грекъ Мануилъ Левендатовъ, а послѣ іеромонахъ Іоакимъ; академія возникла только послѣ пріѣзда братьевъ Лихудовъ въ 1685 году, и какъ только они поселились въ Богоявленскомъ монастырѣ, они завели тамъ ученіе, при чемъ къ нимъ были переведены нѣсколько учениковъ типографской школы, между тѣмъ какъ остальные питомцы послѣдней оставались въ ней до слѣдующаго 1686 года; только тогда, когда было отстроено академическое зданіе въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, послѣдовало открытіе тамъ преподаванія значительному числу учащихся, составившемуся изъ учениковъ типографской школы и вновь поступившихъ (см. Ист. славено-гр.-лат. академіи, С. Смирнова, стр. 24—25). Въ типографскомъ училищѣ съ самаго начала господствовало греческое направленіе; а Заиконоспасская академія, какъ она была проектирована Полоцкимъ и Медвѣдевымъ, должна была служить латинскому направленію; но открытіе ея замедлилось до 1685 года

школы подъ покровительствомъ Іоакима и, стало быть, не въ духѣ латинскаго направленія должно было возбудить неудовольствіе и соревнованіе сторонниковъ послѣдняго, и быть можетъ, оно-то и послужило ближайшимъ поводомъ къ сочиненію привилія на учрежденіе академіи въ Заиконоспасскомъ монастырѣ.

Но, возводя идею этого проекта къ Симеону Полоцкому, нельзя утверждать, чтобы та грамота объ учрежденіи академіи, которая сохранилась донынѣ съ помѣтою 1682 года, вполнѣ принадлежала его перу и не подверглась какому-либо измѣненію послѣ его смерти. Не позволяя себѣ поэтому приписывать Полоцкому все то, что̀ говорится въ грамотѣ, мы можемъ отмѣтить здѣсь только нѣкоторыя существенныя черты проекта. Подобно Кіевской коллегіи, Московскую академію предполагалось помѣстить въ монастырѣ, построивъ для нея здѣсь особое зданіе на счетъ царской казны; по тому же примѣру, академія обезпечивалась значительными земельными имуществами, кромѣ шести приписныхъ монастырей, и сверхъ того, ей дозволялось принимать всякаго рода вклады и пожертвованія на содержаніе учащихся. Академія предназначалась для учениковъ изъ всѣхъ сословій. Въ курсъ ученія предполагалось включить „науки гражданскія и духовныя, начеше отъ грамматики, піитики, риторики, діалектики, философіи разумительной, естественной и правной, даже до богословіи, учащей вещей божественныхъ и совѣсти очищенія; притомъ же и ученію правосудія ду-

---

и осуществилось уже подъ руководствомъ грековъ Лихудовъ. Замѣчательно, что проектъ 1682 года былъ поднесенъ царевнѣ Софіи къ утвержденію 25-го января 1685 года другомъ Медвѣдева, Шакловитымъ (Чтенія въ Общ. ист. и древн., 1846 г., № 3, ст. Ундольскаго, стр. VII), а въ это время Лихуды вступили уже въ предѣлы Россіи и находились въ Межигорскомъ монастырѣ, или въ Кіевѣ. Не имѣлъ ли Медвѣдевъ тайныхъ извѣстій о нихъ прибытіи, почему и поспѣшилъ поднесеніемъ грамоты на утвержденіе царевны? Онъ могъ желать самъ сдѣлаться главой училища и въ такомъ случаѣ не допустилъ бы Лихудовъ до участія въ преподаваніи.

ховнаго и мірского и прочимъ всѣмъ свободнымъ наукамъ, ими же цѣлость академіи, сирѣчь училищъ, составляется быти"; преподаваніе грамматики должно познакомить учащихся съ языками славянскимъ, греческимъ, польскимъ и латинскимъ. Такимъ образомъ, согласно проекту, академія должна была быть высшимъ училищемъ съ общеобразовательнымъ курсомъ, который подготовлялъ бы молодыхъ людей на всѣ пути общественной дѣятельности; вообще же проектъ видѣлъ въ учрежденіи академіи дѣло „богоугодное церкви Божіей, и намъ, великому государю, и всему нашему царствію полезное, и душамъ вѣрнымъ спасеное", а потому отъ водворенія образованія, „мудрости", ожидалось преуспѣяніе духовное и гражданское: вопервыхъ, утвержденіе и распространеніе православной вѣры и охраненіе ея отъ ересей, и вовторыхъ, правосудіе, хорошее управленіе и крѣпкая оборона государства [1]). Эта мысль о государственномъ значеніи образованія составляетъ отличительную черту академическаго проекта, и весьма вѣроятно, что она принадлежитъ именно Полоцкому; она была уже отчасти высказана въ проповѣдяхъ его и практически осуществлена въ маленькой школѣ, нѣкогда устроенной имъ въ Спасскомъ монастырѣ для молодыхъ подъячихъ государевой канцеляріи. Во всякомъ случаѣ задача академіи, какъ разумѣлъ ее проектъ, должна была быть несравненно выше и шире, чѣмъ назначеніе случайно возникшей въ 1679 году греческой типографской школы.

Какъ въ обстоятельствахъ, которыми сопровождалось устройство въ Москвѣ высшаго общеобразовательнаго училища, такъ и въ дѣлѣ печатанія книгъ въ придвор-

---

[1]) См. привилій на учрежденіе академіи въ т. VI Древней Россійской Вивліоѳики, изд. 2-е, и ср. соч. М. Владимірскаго-Буданова: Государство и народное образованіе въ Россіи съ XVII вѣка до учрежденія министерствъ. С.-Пб. 1874 (отдѣльный оттискъ изъ Журнала Министерства Нар. Просвѣщенія 1873 г.), стр. 131 и 139.

ной типографіи, мы видѣли слѣды натянутыхъ отношеній, существовавшихъ между Симеономъ Полоцкимъ и патріархомъ Іоакимомъ. Начавшіяся еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, эти неудовольствія достигли размѣровъ открытой вражды при его преемникѣ. Есть свѣдѣніе, что Симеонъ, изъ злобы къ Іоакиму, внушалъ царю Ѳеодору мысль установить въ Россіи четырехъ патріарховъ на мѣсто четырехъ митрополитовъ, на патріархію Новгородскую послать Іоакима, а въ Москву возвратить сосланнаго Никона и поставить во главу церкви въ санѣ папы; Іоакимъ будто бы только ходатайствомъ у многихъ бояръ успѣлъ устранить такое умаленіе своей власти [1]). Трудно сказать, на сколько есть правды въ этомъ извѣстіи; но несомнѣнно, что подъ покровительствомъ своего царственнаго ученика Симеонъ мало по малу достигъ почти полной независимости отъ патріарха, и патріархъ волею-неволею долженъ былъ подчиниться такому положенію дѣлъ: отсюда понятно, почему въ 1680 году, когда исправлялся для новаго изданія славянскій текстъ Дѣяній и Посланій Апостольскихъ подъ наблюденіемъ самого Іоакима, Симеонъ принялъ участіе даже и въ этомъ дѣлѣ, отъ котораго прежде, въ теченіе всей своей московской жизни, былъ систематически устраняемъ высшею духовною властью [2]).

Но это было уже послѣднимъ успѣхомъ со стороны Симеона: 25-го августа 1680 года онъ скончался на 51-мъ году своей жизни, въ то самое время, когда предъ нимъ открывался широкій путь дѣятельности на пользу образованія. Его похоронили въ трапезѣ Заиконоспасскаго монастыря (у среднихъ воротъ по лѣвую сторону), и царь приказалъ Сильвестру Медвѣдеву сочинить надгробіе на

---

[1]) Исторія Россійская, В. Н. Татищева, I, стр. 573; В. Н. Татищева разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ. Съ предисловіемъ и указателями Нила Попова. М. 1887, стр. 59.

[2]) Православное Обозрѣніе 1861 г., № 2, ст. „Объ исправленіи славянск. апостола“ И. Б—на, стр. 297.

могилу ихъ общаго учителя. Четырнадцать эпитафій представилъ Сильвестръ государю, но ни одна изъ нихъ не соотвѣтствовала скорбной мысли Θеодора. Тогда Сильвестръ по указанію самого царя сочинилъ еще одно надгробіе въ 24-хъ двустишіяхъ, и оно, наконецъ, удостоилось царскаго одобренія; въ этой эпитафіи Симеонъ былъ превознесенъ и за ученость свою, и за краснорѣчіе, и за кротость характера. Θеодоръ приказалъ вырѣзать огромную эту надпись золотыми буквами на двухъ каменныхъ доскахъ и поставить ее надъ гробомъ покойнаго[1]).

Такъ почтили память Полоцкаго два ближайшіе его ученика, тѣ самые, на которыхъ онъ болѣе всего полагалъ надежду какъ на хранителей и распространителей его идей и убѣжденій. И дѣйствительно, то направленіе, которое онъ хотѣлъ дать русскому просвѣщенію, не умерло вмѣстѣ съ нимъ. Правда, десять лѣтъ спустя послѣ кончины Симеона, созванный патріархомъ Іоакимомъ церковный соборъ осудилъ и его сочиненія, и мнѣнія Медвѣдева за найденную въ нихъ наклонность къ латинскому лжеученію и за схоластическую ихъ форму; но еще десятью годами позже, съ окончательнымъ водвореніемъ кіевскихъ ученыхъ въ Великороссіи, то же самое схоластическое направленіе сдѣлалось господствующимъ въ самомъ авторитетномъ и самомъ образованномъ слоѣ русскаго духовенства и частію въ высшемъ сословіи. Въ началѣ XVIII вѣка представители этого направленія приняли участіе въ преобразовательной дѣятельности Петра Великаго, хотя далеко не сходились съ нимъ въ своихъ стремленіяхъ. Выдержавъ затѣмъ борьбу съ наплывомъ новыхъ протестантскихъ идей, схоластическое направленіе медленно уступало требованіямъ времени и уцѣлѣло въ нашихъ духовныхъ

[1]) Надпись напечатана въ Древн. Росс. Вивліоѳикѣ, изд. 2-е, стр. 198—199; она же, вмѣстѣ съ первоначальными 14 эпитафіями, помѣщена въ концѣ принадлежащей Академіи Наукъ рукописи „Вертограда Многоцвѣтнаго“.

школахъ до текущаго столѣтія. Такова была судьба тѣхъ идей, которыя принесъ въ Москву Симеонъ и которыя онъ распространялъ съ самымъ неутомимымъ усердіемъ. Но, кромѣ того, Симеонъ оставилъ замѣтный слѣдъ въ жизни русскаго общества и своею личностью: едва ли не первый онъ явился при дворѣ Московскихъ царей писателемъ помимо всякихъ другихъ личныхъ правъ на уваженіе, и каковы бы ни были недостатки его образа мыслей, онъ съумѣлъ въ этомъ положеніи сохранить свою независимость, свой авторитетъ умственной силы.

ОДНА ИЗЪ РУССКИХЪ ПОВѢСТЕЙ

ПЕТРОВСКАГО ВРЕМЕНИ.

(Александру Николаевичу Веселовскому).

Въ числѣ рукописей Московскаго Публичнаго музея есть небольшая тетрадка въ четвертую долю листа, безграмотно писанная обыкновеннымъ канцелярскимъ или писарскимъ почеркомъ второй половины XVIII вѣка. Эта тетрадка, безъ заглавія и даже безъ начальныхъ листовъ, содержитъ въ себѣ произведеніе повѣствовательнаго характера, героемъ котораго является русскій матросъ: соотвѣтственно тому, и въ каталогѣ музея рукопись эта значится подъ названіемъ повѣсти о россійскомъ матросѣ Василіѣ и о прекрасной флорентійской королевѣ Иракліи. Благодаря любезности одного изъ хранителей музея, покойнаго И. Д. Бердникова, мы имѣли возможность получить копію съ этой рукописи. Другой списокъ той же повѣсти находится въ рукописномъ собраніи И. Е. Забѣлина подъ заглавіемъ „Гисторія о россійскомъ матросѣ Василіѣ Коріотскомъ и о прекрасной королевнѣ Иракліи Флоренской земли"[1]). Почтенный

---

[1]) Очеркъ литер. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, А. Н. Пыпина, стр. 360.

владѣлецъ этой второй рукописи столь же обязательно доставилъ намъ возможность воспользоваться ею. Списокъ г. Забѣлина входитъ въ составъ небольшого сборника (по нынѣшнему каталогу г. Забѣлина № 229), въ 4-ю долю листа, писаннаго также во второй половинѣ XVIII вѣка и содержащаго въ себѣ, кромѣ повѣсти о матросѣ Василіѣ, еще „Гисторію о французскомъ князѣ Петрѣ Златыхъ Ключей и о неполитанской королевнѣ Магиленѣ". Въ этомъ спискѣ, писанномъ нѣсколько болѣе грамотно, чѣмъ музейный, „Гисторія о матросѣ Василіѣ" сохранилась въ цѣлости, съ подлиннымъ заглавіемъ и началомъ. Вообще оба списка весьма близки между собою, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ и нѣкоторыя различія въ изложеніи: въ спискѣ г. Забѣлина оно нѣсколько многословнѣе и мѣстами нѣсколько болѣе книжно, чѣмъ въ спискѣ музейномъ, но за то гораздо удобопонятнѣе, между тѣмъ какъ въ послѣднемъ часто вовсе нельзя добраться до смысла рѣчи. Къ числу внѣшнихъ различій обоихъ списковъ должно отнести и то, что музейный списокъ раздѣленъ на главы, чего въ спискѣ г. Забѣлина нѣтъ.

Предлагаемъ здѣсь повѣсть о матросѣ Василіѣ цѣликомъ по списку г. Забѣлина, какъ болѣе исправному: изъ списка же музейнаго заимствуемъ нѣкоторые варіанты, необходимые для пониманія смысла рѣчи. При печатаніи нами удержаны только тѣ особенности правописанія рукописи, которыя представляютъ интересъ въ фонетическомъ отношеніи, а въ скобкахъ означены нѣкоторые вполнѣ очевидные пропуски.

ГИСТОРІЯ О РОССІЙСКОМЪ МАТРОСѢ ВАСИЛІИ КОРІОТСКОМЪ И О ПРЕКРАСНОЙ КОРОЛЕВНѢ ИРАКЛІИ ФЛОРЕНСКОЙ ЗЕМЛИ.

Въ Россійскихъ Европіяхъ нѣкоторый живяше дворянинъ, имяше имя ему Іоаннъ, по малой фамиліи Коріотской. Имѣлъ у себя сына Василія, лицемъ зѣло прекрасна. А оной дворянинъ (въ) великую скудость пріиде и не имѣяше у себя пищи. Во едино же время оной его сынъ рече отцу своему: „Государь мой батюшко! Прошу у тебе родительскаго благословленія, изволь мене отпустить въ службу, — то мнѣ будетъ въ службѣ даваться жалованья, отъ котораго и вамъ буду присылать на нужду и на прокормленія". Выслушавъ же отецъ его и даде ему благословленіе, отпустя отъ себя. Василій же, взявъ отъ отца своего благословленіе, пріиде въ Санктпетербурхъ и записался въ морской флотъ въ матросы. И отослали его на корабль по опредѣленію; на караблѣ призываше (его) по обыкновенію матросскому зѣло нелестно и прочихъ всѣхъ матросовъ; въ наукахъ пребываше и (у) всѣхъ персонъ [1]) знатныхъ въ услуженіи полюбился, котораго всѣ любили и жаловали безъ мѣры. И слава объ немъ велика прошла за его науку и услугу, понеже онъ зналъ въ наукахъ матросскихъ велми остро, по морямъ гдѣ острова и пучины морскія и мели, и быстрины, и вѣтры, и небесныя планеты, и воздухи. И за ту науку на корабляхъ старшимъ пребывалъ и отъ всѣхъ старшихъ матросовъ въ великой славѣ прославлялся.

Во едино же время указали [2]) маршировать и добирать младшихъ матросовъ за моря въ Галандію, для наукъ арихметическихъ и разныхъ языковъ; токмо онаго

---

[1]) Въ рукописи: „персонахъ".
[2]) Въ рукописи: „указалъ".

Василія въ старшіе не командировали съ младшими матросами, но оставленъ бысть въ Кранштатѣ; но токмо онъ по желанію своему просился, чтобъ его съ командированными матросами послать за моря въ Галандію для лучшаго познанія наукъ. По его прошенію былъ командированъ съ прочими матросами, отпущенъ за моря въ Галандію съ младшими матросами.

По отбытіи изъ Кранштата, по нѣкоторыхъ дняхъ прошедшихъ, прибыли въ Галандію матросы на корабляхъ, и съ ними Василей Коріотской. Въ Галандіи учинили имъ квартеры и поставлены были всѣ младшіе матросы по домамъ купецкимъ, а ему, Василію, за его услуги и за старшинство—къ знатному и богатому гостю въ домъ поставили равно (со) Штатами. И оной матросъ Василей у гостя стоялъ велми смирно и слушалъ его во всемъ. И оной галандской гость усмотрѣлъ его въ послушаніи и въ наукахъ зѣло остра [1]) и зѣло возлюбилъ и послалъ его на своихъ корабляхъ съ товарами въ Англію, которому лучше всѣхъ своихъ прикащиковъ сталъ вѣрить и во всемъ ему приказывалъ и деньги и товары ему вручилъ.

И какъ въ Англію съ кораблями пришли, то товары по обычаю купецкому объявя всѣ и спродавъ, и принадлежащихъ въ Галандію товаровъ на карабль (взялъ) и поѣхалъ обратно,—въ которой онъ Василей посылкѣ великой прибытокъ гостю галандскому присовокупилъ, такожъ и накупи всякія воспріялъ, и знатенъ былъ въ Англіи и въ Галандіи. Ко отцу своему въ Россію чрезъ вексель послалъ четыре тысячи ефимковъ златыхъ двурублевыхъ, которые отецъ его и получилъ, и писалъ къ нему, чтобъ онъ къ нему пріѣхалъ повидаться ко отцу своему и благословленіе принять.

А какъ урочный терминъ пришелъ, чтобъ ученикамъ

---

[1]) Въ рукописи: „остро“.

матросамъ маршировать въ Санктпетербурхъ въ Россію, то всѣ матросы поѣхали, а Василія Коріотскаго оной гость нача просити, чтобъ въ Россію не ѣздилъ, понеже онъ, гость, его Василея возлюбилъ яко сына роднаго. Но [1]) токмо онъ, Василей Коріотской, нача отъ гостя проситися въ домъ ко отцу для свиданія и объявилъ ему, что отецъ его въ великой находится въ древности; то онъ, гость, его пріятно увѣщевалъ, дабы отъ него не отлучился, и обѣщался во всемъ, яко родного сына, наслѣдникомъ учинить. И рече оной гость: „Любезнѣйшій мой россійскій матросъ, нареченный мой сынъ, изволь хотя еще чрезъ вексель послать ко отцу своему отъ имени моего, токмо ты, мой дражайшій, не отлучался отъ мене". Слышавъ же онъ Василей отъ него зѣло прослезился и любезно просился, чтобъ его ко отцу въ Россію отпустилъ взять благословленіе, и обѣщался къ нему обратно быть. Видѣвъ же гость непреклонную его просбу, и просилъ его чтобъ онъ во Францыю (сходилъ съ товарами, и когда) возвратиться, то обѣщалъ его въ домъ отпустить, — по которому прошенію онъ Василей не ослушался, онаго гостя взявъ корабли и убрався съ товары и отыде во Францыю, и во Францыи былъ два года и, спродавъ товаръ, возвратился въ Галандію и учинилъ оному гостю великой прибытокъ въ хожденіи своемъ, что оной гость никогда такого прибытка не видалъ и сердечно его возлюбилъ.

Но токмо онъ Василей нача еже съ прилежаніемъ въ Россію къ отцу своему проситься, и видѣвъ гость его несклонную просбу и по желанію его уволилъ ему ѣхать въ Россію, и даде ему оной гость три корабля съ разными товарами и суммы своей, денежной казны, доволно, и просилъ его, чтобъ, бывъ у отца своего, къ нему возвратился, и отпустилъ его съ великою печалью. И оной

[1]) Въ рукописи: „не".

матросъ Василей Коріотской, принявъ корабли и работниковъ-матросовъ и поднявъ парусы побѣжали, къ Россійской Европіи. И по отбытіи на корабляхъ оной Василей взялъ тысячу червонцевъ и зашилъ въ кафтанъ свой въ клинья тайно, чтобъ никто не зналъ, для всякой приключающейся между[1])... И минувшихъ семи днѣхъ какъ корабли изъ Галандіи поплыли, воста время и неукротимая буря, яко всему морю возлiятися, съ пескомъ смутитися; и корабли всѣ врознь разбишася. И на которомъ кораблю былъ Василей, и оной корабль волнами разбитъ, и люди всѣ утопоша. Токмо Божіею помощью единаго Василея на доскѣ корабелной прибило къ нѣкоему великому острову. И отъ великаго ужеса павъ на землю яко мертвъ; а какъ волны утишилися два корабля, видѣвше, что корабль, на которомъ былъ Василей, разбіенъ былъ весь, и чаяли, и что и Василей утопоша въ волнахъ морскихъ, возвратишася назадъ въ Галандію и повѣдаша гостю о приключившемся несчастіи. Слышавъ же гость велми нача плакати и тужить не о корабляхъ и не о товарѣ, но о Василіи Коріотскомъ.

И какъ онъ Василей отъ великаго ужеса, лежа на островѣ, очнулся и взыде на островъ, и веліе благодареніе воздавъ Богу, что его Богъ вынесъ на сухое мѣсто живаго: „Слава Тебѣ, Господи Боже, Небесный Царю и Человѣколюбче, яко не остави мя грѣшнаго за грѣхи моя погубити, въ водахъ морскихъ погрызнутися!“

Потомъ стоящу ему на островѣ, много мыслящe и осмотряющe сѣмо и овамо, въ которыя страны принесло и какой островъ; токмо хотя и много время по морямъ ходилъ, а такого острова не видалъ, понеже на ономъ островѣ великой непроходимой лѣсъ и великія трясины и болота, что отъ моря никуды и проходу нѣтъ; а уже ему ѣсть зѣло хотѣлось, и хотя у него червонцы были

[1]) Въ рукописи пропускъ.

зашиты въ клиньяхъ въ кафтанѣ, токмо негдѣ и не у кого было (купить), и помощи ему въ нихъ никакой не было. И ходя[1]) по брегу на многія часы, усмотрѣлъ какъ бы ему куда проитить къ жилищу и ходя[2]) нашелъ малинкую тропку въ лѣсъ, яко хожденіе человѣческое, а не звѣрское. И о томъ размышлялъ, какая та стежка: ежели поидти, то заидти невѣдомо куда; и потомъ размышлялъ на долгъ часъ, и положась на волю Божію, пошелъ тою стежкою въ темной лѣсъ тридцать верстъ къ великому буераку. Видѣ великой, огромной дворъ, поприща на три, весь кругомъ стоящимъ тыномъ огороженъ. И подошелъ ко двору близко къ воротамъ, — тѣ ворота крѣпко заперты; и хотѣлъ посмотрѣть на дворъ, токмо скважины не нашелъ, и страхомъ обдержимъ и убоялся. Помышлялъ потомъ, что конечно зашелъ къ разбойникамъ, и думалъ, какъ сказаться: ежели добрымъ человѣкомъ, то убьютъ; ежели сказаться разбойникомъ, то въ разбояхъ не бывалъ. А въ томъ дворѣ великой шумъ и крикъ, и въ разныя игры играютъ. И вздумалъ сказаться разбойникомъ, и нача у воротъ крѣпко толкаться; то оныя услышали, въ скорости вороты отворяли и спроша его: что̀ за человѣкъ и откуда. Видѣвъ же Василей, что разбойники и множество ихъ народа стояще и играюще въ разныя игры и музыки пьяныхъ, то отвѣтствовалъ имъ Василей: „Азъ есмь сего острова разбойникъ, единъ разбивалъ плавающихъ по морю“. И оныя разбойники взяша и приведоша его ко атаману. Атаманъ же, видѣвъ его молодца удалаго и остра[3]) умомъ и зрачна, лицомъ прекрасна и осанкою добра зѣло, нача его вопрошати: „Чего ради пришелъ къ намъ?“ Василей же рече, яко: „Единому мнѣ жити скушно, и слышавъ

---

[1]) Въ рукописи: „хотя“.
[2]) Въ рукописи: „хотя“.
[3]) Въ рукописи: „остро“.

васъ въ семъ островѣ живущихъ и весело играющихъ, того ради къ вамъ пріидохъ и прошу, чтобъ вы меня въ товарищи приняли". И атаманъ припявъ его и определилъ къ разбойникамъ въ товарищи.

Минувшу же дни по утру рано прибѣжалъ отъ моря есаулъ ихъ команды и объявилъ: „Господинъ атаманъ, изволь командировать партію молодцовъ на море, понеже по морю ѣдутъ галеры купецкія съ товары". Слышавъ то, атаманъ закричалъ: „Во фрунтъ!" То во едину чеса минуту [1]) всѣ вооружишася и сташа во фрунтъ. Токмо россійской матросъ Василей единъ стоитъ безъ ружья особо, понеже не опредѣленъ. Тогда разбойники рѣша атаману: „Что нашъ новопріемной товарищъ стоитъ безъ ружья и не въ нашемъ фрунтѣ; изволте приказать оружія выдать". И атаманъ вскорѣ повелѣ ему оружія выдать и во фрунтъ встать. И оной матросъ хотя того не желалъ, но токмо чрезъ боязнь взявъ оружія, и сталъ во фрунтъ. И при командированіи сталъ Василей просить атамана: „Господинъ атаманъ и вы всѣ, молодцы товарищи, прошу васъ, пожалуйте уволте меня одного на добычу, понеже я извыкъ одинъ разбивать и хочу вамъ прибыль принесть". То слышавъ, атаманъ и всѣ разбойники рѣша: „Отпустимъ его одного и посмотримъ прибыли отъ него". И по командировкѣ разбойники поѣхали на три партіи, а Василія единаго отпустили. Тогда матросъ Василей пошелъ на морскую пристань и не желаше разбивать, но токмо смотрѣлъ того, какъ бы ему путь сыскать; и пришелъ на берегъ моря, взираше сѣмо и овамо, не идутъ ли паки суда, чтобъ ему уѣхать. И смотрѣвъ ходя по берегу весь день, токмо никого не видалъ и въ великую печаль впаде, нача горко плакати и рыдати, Господа Бога на помощь призывати, чтобъ его Господь вынесъ изъ рукъ разбойническихъ; и въ томъ

---

[1]) Въ рукописи: „минуты".

размышленіи и великой печали уснулъ крѣпкимъ сномъ на берегу моря. И сномъ крѣпкимъ спалъ, что уже нощь; и нача думати — съ чѣмъ ему показаться, что добычи никакой не получилъ. И вспомнивъ, что у него въ кафтанѣ въ клиньяхъ зашиты червонцы, и распоровъ, вынелъ сто червонцовъ и завезалъ въ платокъ шелковой; и пришелъ ко атаману и предложилъ предъ него червонцы и сказалъ, что „нѣкоторыя люди въ маломъ суднѣ плыли и толко у нихъ было, которыя вамъ предъявляю". Видѣвъ же атаманъ и вси разбойники зѣло тому начаша дивитися и вси же его хвалили. И послѣ того еще его отпускали одного на разбой дважды, и онъ къ нимъ приносилъ по двѣсти червонцовъ, которыя его добычи какъ атаманъ и вси разбойники зѣло дивились, что счесливъ.

Во едино же время сондошася вси разбойники и начаша думать о россійскомъ матросѣ, чтобъ его поставить во атаманы, понеже видѣвъ его молодца удалаго и остра[1]) умомъ. И пріидоша вси ко атаману къ старому и начаша ему говорить: „Господинъ нашъ атаманъ, изволь свое старшинство сдать новопріемному нашему товарыщу, понеже твое управленіе къ намъ худо; изволь съ нами быть въ рядовыхъ, и которая наша казна, изволте съ рукъ сдать". Тогда атаманъ имъ отвѣщалъ: „Братцы молодцы, буди по воли вашей". И вси единогласно россійскому матросу Василію рѣша: „Буди намъ ты атаманъ, изволь нашу казну всю принять и нами повелѣвать". Тогда отвѣща имъ Василей: „Братцы молодцы, пожалуйте оставте меня отъ такого дѣла, понеже я атаманомъ не бывалъ; радъ бы съ вами въ товарищахъ быть, а атаманскаго управленія не знаю". И нача предъ ними горко плакати; разбойники же, его зѣло видя плачущаго, вси яко звѣри единогласно россійскому матросу Василію рѣша: „Буди ты намъ атаманъ, изволь нашу казну

[1]) Въ рукописи: „остро".

всю принять и нами повелѣвать". Отвѣща къ нимъ Василей: „Братцы молодцы, пожалуйте оставте мене отъ такого дѣла, понеже я атаманомъ не бывалъ, радъ бы съ вами въ товарищахъ быть; атаманскаго управленія не знаю". И нача предъ ними горко плакати; разбойники же, видѣвше его зѣло плачуща, вси яко люты звѣри единогласно закричали: „Ежели ты атаманомъ быть не желаешь, то сего часу мы тебе изрубимъ въ пирожныя части". Видѣвъ же Василей зѣло убояшася, чтобъ отъ нихъ не быть и въ правду убиту, глаголя имъ: „Буди по воли вашей; токмо прошу васъ: будите во всемъ меня послушны". Тогда вси единогласно рѣша: „Господинъ нашъ атаманъ, во всемъ слушать будемъ". И старой атаманъ отдаде ему ключи и поведе его по погребамъ. Видѣвъ же Василей казны многое множество, злата и серебра и драгихъ каменіевъ и всякихъ драгихъ парчей, яко умомъ человѣческимъ не возможно описать всѣ суммы; и оную всю сумму принялъ, и ключи Василію разбойники отдали и стали его поздравлять: „Здравствуй, нашъ господинъ атаманъ, на многія лѣта!" И нача пити и веселитися про его здравіе и во всякія игры играть. Потомъ рѣша ему: „Господинъ атаманъ, изволь съ нами идти до нѣкотораго чулана". И какъ къ тому чулану пріидоша и ключи ему даша отъ него, точію рѣша ему: „Господинъ атаманъ, изволь ключи принять, а безъ насъ во оной чуланъ не ходить; а ежели безъ насъ станешь ходить, а свѣдаемъ, то тебѣ живу не быть". Видѣвъ же Василей оной чуланъ устроенъ зѣло изрядными красками и златомъ украшенъ, и окны сдѣланы въ верху онаго чулана, и рече имъ: „Братцы молодцы, изволте вѣрить, что безъ васъ ходить не буду и въ томъ даю свой пороль".

И въ то время прибѣжалъ отъ моря есаулъ, и разбойники сказали ему, что „у насъ атаманъ новой". И онъ, подошедъ къ нему, отдалъ поклонъ и сталъ его

поздравлять и говорить ему: „Господинъ атаманъ, изволь сего часу отправлять всѣхъ молодцовъ на добычу, понеже по морю четыри корабля купецкія изъ Ландона плывутъ".

Тогда новый атаманъ Василей крикнулъ великимъ гласомъ: „Молодцы удалые, во фрунтъ!" И вси разбойники—единымъ окомъ мгнуть—всѣ во фрунтъ стали, и Василей нарошно предъ ними, якобы что знаетъ волшебное, взявъ два замка болшія, привезалъ къ ногамъ своимъ и около всѣхъ разбойниковъ обѣжалъ, заговаривая имъ оружія, нога объ ногу замками постукалъ и, обшедъ ихъ, поклонился и выставилъ бочку вина, всѣмъ по ковшу поднесъ. Тогда вси разбойники между собою рѣша: „Хорошъ, братцы, нашъ атаманъ новой, лучше стараго; мы сами видимъ и знаемъ, что замками крѣпко заговариваетъ, и для бодрости по чарки вина поднесъ; а старой атаманъ былъ дуракъ; какъ и былъ въ атаманахъ, заговоровъ не зналъ и во отпускахъ намъ никогда вина пить не давалъ". И весма во отпускѣ имъ полюбился. И поѣхали на добычу въ смѣлости и въ надеждѣ его заговору замками страсти никакой не возымѣли.

И какъ спустя ихъ на добычу, думалъ самъ: что у нихъ въ чуланѣ имѣется, понеже всю сумму сдали, а въ этотъ чуланъ ходить не велѣли, хотя ключь у него. И на долгъ часъ размыслилъ и осмѣлился отпереть чуланъ и дверь отворить, и видѣ дѣвицу зѣло прекрасну въ златомъ одѣяніи королевскомъ одѣту, яко той красоты во всемъ свѣтѣ сказать не возможно. И какъ увидѣ Василей, паде отъ ея лѣпоты на землю, яко Лодвикъ королевичь рахлинскій [1]), токмо не такъ, какъ Лодвикъ себя отягчилъ любовію силною и въ болѣзнь впаде [2]). Сей Василей, вставъ на колѣнки, рече: „Государыня,

[1]) Въ рукописи г. Забѣлина: „россійскій"; исправлено по музейной рукописи.

[2]) Въ рукописи: „отягчилъ любосклонною и въ любовь впадѣ"; исправлено по другому списку.

прекрасная дѣвица, королевна, ты роду какого, и како сими разбойниками взята". И отвѣща дѣвица: „Изволь, милостивый государь, слушать, я тебѣ донесу. Азъ есмь роду королевскаго, дочь великаго короля Флоренскаго, а имя мое Ираклія; токмо едина была у отца своего дочь; и уже тому два года, пришли моремъ въ наша государства изъ Европіи кораблями россійскіи купцы, и я въ то время гуляла съ дѣвицами въ шлупкахъ и смотрѣла россійскихъ товаровъ и всякихъ диковинокъ. И какъ мы на шлюпкахъ отъ кораблей поплыли, то оныя разбойники набѣжали въ буерахъ и всѣхъ гребцовъ у насъ побили и дѣвицъ въ море побросали, мене едину въ сей островъ уведоша, и держатъ [1]) по сіе время,— что между ими великая распря: тотъ хочетъ взять себѣ, а другой не даетъ; и затѣмъ споромъ хотятъ меня изрубить. И я предъ ними горко плакати"... И стала его вопрошать: „Молю тя, мой государь, ваша фамилія како, сюда зайде изъ котораго государства,—понеже я у нихъ разбойниковъ до сего часу васъ не видала, и вижу васъ, что не ихъ команды, но [2]) признаю васъ быть нѣкотораго кавалера". Тогда Василей нача ей о себѣ сказывать, исповѣдать: „Государыня королевна, что я Россійской Европіи, посланъ для наукъ въ Галандію и такъ былъ почтенъ отъ галанскаго купца, отъ котораго ходилъ съ товарами въ Англію и Францію на корабляхъ, и оттуда возвратился, и великіи ему учинилъ прибытки, почтенъ былъ вмѣсто сына родного; потомъ просился я у онаго гостя въ домъ къ отцу своему, по нѣкоторому прошенію былъ уволенъ, и дано мнѣ было три корабля съ товарами, и чтобъ бывъ [3]) у отца, возвратиться назадъ въ Галандію. И по отбытіи изъ Галандіи семь дней на

---

[1]) Въ рукописи: „держаютъ".
[2]) Въ рукописи: „не".
[3]) Въ рукописи: „былъ".

морѣ были благополучно, а потомъ заста великая буря и корабли всѣ разбила, и мене [1]) единого въ сей островъ на доскѣ корабелной принесло,—въ которомъ разбойниковъ обрѣлъ и поставленъ отъ нихъ атаманомъ, чего не желалъ. Доношу вамъ, изволь вѣрить: ежели меня Богъ вынесетъ отъ нихъ, то и тебя не оставлю, токмо прошу не промолвиться имъ, что я у васъ былъ". Королевна же, слышавъ отъ него, паде на колѣнки и нача его цѣловать любезно и просить, чтобъ ея онъ не оставилъ, какъ самъ поидетъ. Василей же клятвою обѣщался не оставить и заперъ чуланъ и отыде въ велицкой печали.

Потомъ разбойники пріѣхавши съ добычи, и онъ ихъ встрѣтилъ по обычаю атаманскому, и вси ему веселымъ образомъ отдали поклонъ и объявили, что его счастіемъ три корабля и семь галеръ таліанскихъ разбили и великую сумму казны получили и товаровъ. И начаша ясти и пити въ великомъ веселіи, что его крѣпкимъ заговоромъ великіи получили прибыли. Потомъ рѣша ему: „Господинъ нашъ атаманъ, изволь приказать на блюды хорошихъ явствъ положить и ключи возми отъ заповѣднаго чулана". Пришли, и отперъ, и видѣлъ королевну, и введе къ разбойникамъ и кушанья велѣлъ поставить на уборной столъ, а самъ плюнулъ и вонъ пошелъ въ свой покой. Видѣвъ же разбойники, что онъ на королевну ни мало не сталъ смотрѣть, и рѣша къ себѣ: „Зрите ли, братцы молодцы, каковъ нашъ атаманъ, что женскій полъ не хощетъ смотрѣть: не какъ нашъ прежній атаманъ — всѣ глаза растерялъ; и можно вѣрить во всемъ господину новому нашему атаману". И съ того времени наипаче стали вѣрить, и какъ онъ ихъ на добычу ни отпускалъ, и во отпускахъ его великія прибытки были. И отпускалъ ихъ на городки португальскія и другихъ земель, и его счастіемъ вездѣ безъ урону и съ великимъ прибыткомъ

---

[1]) Въ рукописи: „именне".

пріѣзжали. А какъ ихъ ни отпуститъ [1]), то всегда къ королевнѣ хаживалъ, и думали, какъ бы отъ нихъ уити.

Въ единое же время нача говорить Василей всѣмъ разбойникамъ, чтобъ великія суммы порознь разбирать, злато и серебро и драгія каменія сыпать въ сумы [2]), и по его приказу множество сумъ (пошили) и начаша разбирать все порознь и въ сумы сыпать. И какъ все разобраша, то атаманъ рече имъ: „Братцы молодцы, приведите мнѣ коня, и я поѣду по острову, погуляю". Они же тотъ часъ приведоша копя къ нему и осѣдлаше драгимъ уборомъ. Василій же ѣздилъ весь день по острову сему, но [3]) токмо кругомъ моря, а сухого пути слѣду нѣтъ. И узрѣвъ на одной сторонѣ—пристаютъ рыболовы; онъ же ихъ спрашиватъ—что изъ котораго государства. „А пріѣзжаемъ сюда [4]) для продажи въ семъ островѣ живущимъ разбойникамъ рыбы". А того они не вѣдали, что ихъ атаманъ. Онъ же рече имъ: „Братцы молодцы, пребудьте здѣсь два дня, и я вамъ дамъ великую плату; вывезите меня до цыцарскихъ почтовыхъ буеровъ". Они же обѣщалися подождать.

Потомъ пріѣхалъ атаманъ Василей къ разбойникамъ въ великомъ веселіи; они же тотъ часъ у него коня приняли и съ честію его приведоша до горницы и начаша вси пити и веселитися. И какъ ночь прошла, то Василей тотъ часъ велѣлъ всѣмъ собраться во фрунтъ. Какъ скоро всѣ во фрунтъ собралисъ, то онъ нача къ нимъ говорить: „Братцы молодцы, вчерашняго числа я видѣлъ на морѣ корабли плывутъ, семь кораблей съ Португаліи: изволте за ними гнать, а я признаю, что купецкія". И они тотъ часъ вси поѣхали въ буерахъ.

Матросъ Василей тотъ часъ взялъ двухъ коней и со-

---

[1]) Въ рукописи: „отпустить".
[2]) Въ рукописи: „суммы".
[3]) Въ рукописи: „не".
[4]) Въ рукописи: „суда".

бравъ роспуски и наклазъ сумъ съ златомъ и сребромъ и драгими каменіями, елико можно было двумъ конямъ везти, и пришелъ къ королевнѣ и ее взялъ съ собою. Тотъ часъ поѣхали къ морю, гдѣ рыбаки цесарскія. И убрався, взявъ судно и съ королевною, и злато, и сребро взяша, а коней на берегу оставиша и на гребкахъ поплыша моремъ къ пристани, отъ которой пристани къ Цесаріи почтовые буеры бѣгаютъ. И въ то время разбойники вскорѣ возвратишася ко двору своему и не обрѣтоша атамана, также и королевны. Тотъ часъ бросишася на море къ той пристани, гдѣ рыбаки пристаютъ, и увидѣвше коней и роспуски; тотъ часъ въ малыхъ суднахъ въ погоню погнаша, а рыболовы уже моремъ далеко гребутъ, что на силу можно въ трубку человѣку видѣть. Разбойники же начаша догонять и великимъ гласомъ кричать: „Стойте, сдайте намъ сихъ людей, а не отдадите, то мы васъ живыхъ не пустимъ". Рыболовы убояшася и хотѣли возвратиться къ нимъ. Василей же, выневъ свою шпагу, и пихнулъ одного въ море: „Аще возвратитеся, то васъ всѣхъ побью и въ море побросаю". Они же убояшася и начаша елико мочно вдоль моремъ угребать, и по ихъ счастію воста покосной вѣтръ, и они подняли малинкія парусы и поплыша, изъ виду ушли. А у разбойниковъ парусовъ нѣтъ, и тако возвратишася разбойники въ великой печали. Потомъ приплыша рыболовы съ россійскимъ матросомъ и съ королевною на почтовую пристань. Тогда Василей, вышедъ изъ судна и всѣ имѣнія выбравъ, и тѣмъ рыболовамъ далъ едину суму злата, и они рыболовы той казнѣ велми были ради и обѣщались рыбы по морю не ловить и къ тому острову разбойническому не ѣздить. А Василей нанелъ почтовое судно до Цесаріи, въ которое убравшись и съ королевною Ираклією, и поѣхали моремъ до Цесаріи. И пріѣхали въ Цесарію благополучно, и за наемъ по договору денги заплатилъ.

Приплыша же въ Цесарію, нанелъ нѣкоторой министерской домъ зѣло украшенъ, за которой платилъ на каждой мѣсяцъ по пятидесятъ червонцевъ, и въ томъ домѣ стоялъ и съ королевною въ великой славѣ. И нанелъ себѣ въ лакеи пятдесятъ человѣкъ, которымъ подѣлалъ ливреи, велми съ богатымъ уборомъ, что при дворѣ цесарскомъ такихъ ливрей нѣтъ чистотою; а королевнѣ нанелъ дѣвицъ самыхъ лѣпообразныхъ тридцать, которыхъ зѣло украсивъ. Случися нѣкоторой праздникъ, то россійской матросъ, убравшись въ драгоцѣнное платье,— великія лучи отъ него сіяютъ — также приказалъ и людемъ убраться, а корету приказалъ заложить златокованную и коней добрыхъ, съ богатымъ конскимъ уборомъ, яко во всей Цесаріи таковаго сбора нѣтъ не у кого, и поѣхалъ къ церкви, въ которой будетъ цесарь самъ, и сталъ въ церкви у праваго крылоса.

Потомъ пріѣхалъ и цесарь къ церкви, и вшедъ въ церковь и увидѣвъ Василея въ богатомъ убранствѣ и чая каковъ пріѣзжай царевичъ или король, тотъ часъ призвалъ къ себѣ каморгера, которому вопросить приказалъ его: чтò за человѣкъ. И онъ каморгеръ съ почтеніемъ приступилъ къ россійскому матросу и по обычаю нача его спрашивать: что за человѣкъ, и котораго государства. „Матросъ, а фамилія моя неболшая — Василей Ивановъ сынъ Коріотской, а сюда [1]) привела меня нѣкоторая нужда быть“,—которой выслушалъ каморгеръ и цесарю объявилъ. И какъ отслушалъ церковное пѣніе, то цесарь просилъ къ себѣ россійскаго матроса. И обѣщалъ быть, его величеству поклонъ отдать. И цесарь поѣхалъ во дворецъ свой, а Василей остался въ церкви для нѣкоторой своей Богу должности.

Потомъ поѣхалъ къ цесарю во дворецъ; пріѣхалъ и принятъ былъ отъ цесаря съ великою славою, подобно

---

[1]) Въ рукописи: „суда“.

яко нѣкоего царевича. И какъ вошли внутрь царскихъ палатъ, въ палату убранную, въ которой былъ поставленъ столъ со всѣмъ убранствомъ и кушаньемъ, потомъ цесарь сталъ россійскаго матроса сажать за столъ кушать, Василей же нача съ почтеніемъ отговариваться: „Пожалуй, государь великій царь, меня недостойнаго остави, понеже я вашъ рабъ, и недостойно мнѣ съ вашею персоною сидѣть, а достойно мнѣ предъ вашимъ величествомъ стоять".

Тогда цесарь рече: „Почто напрасно отговариваешься? Понеже я вижу васъ достойно разума, то васъ жалую [1]) своимъ сердцемъ искреннимъ; хотя бы мой которой и подданной рабъ, а я его жалую [2]), велю садиться съ собою, и тотъ меня слушаетъ; а ты, пріѣзжай ко мнѣ гость, изволте садиться". Тогда россійской матросъ, поклонясь, рече: „Буди воля вашего величества". И сѣлъ за столъ съ цесаремъ кушать.

Егда начаша кушать, тогда цесарь нача разговаривать и россійскаго матроса спрашивать о его службѣ и похожденіи. И онъ Василей его цесарскому величеству отъ начала своего похожденія и службы подробно объявилъ: какъ на корабляхъ разбило бурею, и какъ пришелъ къ разбойникамъ и былъ атаманомъ, и какъ отъ нихъ увезъ прекрасную королевну Ираклію Флоренскую, даже до прибытія его въ Цесарію все по ряду. Слышавъ же цесарь зѣло дивися россійскому матросу: „Государь мой братецъ, Василей Ивановичъ, во истину всякой чести достойной! Я вамъ донесу, что сію королевну Флоренскаго короля за себя сваталъ, токмо такое несчастіе учинилось; (что безвременно пропала) [3]); отъ Флоренскаго короля адмиралъ старшей посланъ ее искать по всей Ев-

---

[1]) Въ рукописи: „желаю"; исправлено по другому списку.
[2]) Въ рукописи: „желаю".
[3]) Эти три слова, пропущенныя въ рукописи г. Забѣлина, внесены изъ музейнаго списка.

ропіи, и гдѣ сыщутъ, то за него король обѣщалъ отдать оную королевну Ираклію и послѣ себѣ наслѣдникомъ хочетъ учинить. И оной адмиралъ собою не младъ. И я васъ, мой государь Василей Ивановичъ, имѣть буду вмѣсто брата роднаго", — котораго велѣлъ во всей Цесаріи за роднаго брата почитать. И по откушаніи много было разговоровъ, и поѣхалъ цесарь съ россійскимъ матросомъ, названнымъ братомъ своимъ, гулять. И россійской матросъ послалъ своего раба къ прекрасной королевнѣ Ираклін, чтобъ убралась хорошенько, понеже цесарь съ нимъ будетъ. И какъ тотъ посланной пріѣхалъ и объявилъ ей о пріѣздѣ цесаревомъ [1]), и королевна убралась хорошенко и съ дѣвицами. И какъ цесарь съ Василіемъ гуляли [2]), то россійской матросъ Василей нача просить цесаря, чтобъ къ нему пожаловать на квартеру, и цесарь поѣхалъ съ нимъ; и какъ пріѣхали, и королевна ихъ встрѣтила, и цесарь въ полатахъ долго бесѣдовалъ и спрашивалъ королевну, какъ она увезена отъ Флоренской земли разбойниками. И она цесарю все объявила. И цесарь веселился до самаго вечера и поѣхалъ во дворецъ, а ему, матросу Василію, и съ королевною велѣлъ переѣхать въ свой особой [3]) дворецъ и отъ своего дворца всѣ напитки и кушанья приказалъ отпускать и драбантамъ своимъ на караулѣ быть, и министрамъ, и пажамъ, и каморгерамъ неотступно быть; а королевнѣ дѣвицъ фрейлинъ опредѣлилъ быть. И по утру россійской матросъ перебрался [4]) во дворецъ, данный отъ цесаря, и сталъ у цесаря [5]) въ великой славѣ пребывать; а министрамъ, и пажамъ, и каморгерамъ, и драбантамъ всѣмъ давалъ великое жалованье; и всѣ его министры возлюбили, паче цесаря по-

[1]) Въ рукописи: „цесаревой".
[2]) Въ рукописи: „гулять".
[3]) Въ рукописи: „всобой".
[4]) Это слово, пропущенное въ спискѣ г. Забѣлина, внесено изъ музейнаго.
[5]) Въ рукописи: „вцесаря".

читали, а королевна Ираклія—всѣмъ велми сердцемъ, и говорила, что до законнаго браку сохранять во всякой дѣвической чистотѣ, а кромѣ его въ супружество ни за кого [1]) иного не посягать; а ежели кто одинъ изъ нихъ какими ни есть приключившимися резонами отлучится, ни за кого иного не посягать и до смерти пребывать въ дѣвической чистотѣ. И онъ ей клятвою обѣщался, что хранить дѣвичество ея. Прекрасная же королевна Ираклія велми была горазда играть на арфіи и Василія Коріотскаго такожде выучила, какъ и сама играть, и говорила ему, что: „Въ нашемъ Флоренскомъ государствѣ, кромѣ меня, никто на арфіи не играетъ и не умѣетъ". И всегда тѣмъ цесаря забавляла. И къ цесарю [2]) во дворецъ безпрестанно ѣзжали.

Во едино же время россійской матросъ Василій былъ у цесаря; въ то время изъ Флоренскаго государства адмиралъ къ пристани цесарской пріѣхалъ[3]) и великую палбу учинилъ изъ пушекъ. Тогда цесарь послалъ каморгера освѣдомиться, кто прибылъ. И каморгеръ [4]) освѣдомився объявилъ, что адмиралъ Флоренскаго государства. Потомъ цесарь послалъ его просить къ себѣ, и какъ адмиралъ флоренской во дворецъ къ цесарю прибылъ, и будучи въ полатахъ, объявилъ, что: „Ваша королевна у меня въ Цесаріи", — и показалъ, что: „У брата моего Василія, понеже онъ ее избавилъ отъ разбойниковъ, и ежели вамъ онъ ее покажетъ или отдастъ, въ томъ воля его". Адмиралъ раболѣпно россійскаго матроса просилъ, чтобъ его государынѣ показалъ, и онъ велѣлъ быть на другой день по утру во дворецъ его. Адмиралъ поѣхалъ на пристань, а россійской матросъ въ свой дворецъ. Пріѣхавши объявилъ прекрасной ко-

---

[1]) Въ рукописи: „незаконнаго".
[2]) Въ рукописи: „цесарію".
[3]) Это слово, пропущенное въ спискѣ г. Забѣлина, внесено изъ музейнаго.
[4]) Въ рукописи: „каморъ пажъ".

ролевнѣ Иракліи о пріѣздѣ отъ отца ея адмирала. То королевна слышавъ, зѣло опечалилась всѣмъ сердцемъ; и просила королевна у Василія, чтобы приказалъ сдѣлать ей черное платье печалное, которое во всякой скорости сдѣлано.

И по утру рано королевна убралась въ черное платье, и въ то время съ пристани адмиралъ пріѣхалъ во дворецъ къ нему, и вшедъ въ полату къ россійскому матросу и раболѣпно поклонъ отдалъ, яко своему королю Флоренскому. А прекрасная королевна была съ дѣвицами въ особой полатѣ. Потомъ адмиралъ просилъ россійскаго матроса, чтобъ его государынѣ показалъ, и Василей, взявъ его за руку и введе его въ ту полату, гдѣ сидѣла прекрасная королевна Ираклія. Вшедъ адмиралъ къ королевнѣ въ полату, и королевна противъ его не встала, сидѣла въ великой печали. Адмиралъ же королевнѣ, какъ должно своей государынѣ, поклонился до земли и подшедъ цѣловалъ ея руку. „Государыня наша, великая и прекрасная королевна Ираклія, многолѣтно и благополучно, государыня, здравствуй! О семъ вамъ, государыня, представляю, что вашъ батюшка, король Флоренской Эвгеръ [1]), здравствуетъ, и матушка такожде благополучно пребываетъ, токмо уже о васъ, государыня, въ великихъ печалѣхъ по вся дни сокрушается, а нынѣ имъ великое веселье, и печаль превратится на радость; прошу васъ, изволте со мною отправиться“. Слышавъ же то, королевна воздохнувъ и слезы изъ очей испусти и рече: „Благородный адмиралъ, я вамъ доношу, что къ родителямъ моимъ рада ѣхать, токмо не моя воля, но того, которой меня избавилъ отъ разбойниковъ“. Тогда рече Василей адмиралу: „Изволте вы ѣхать возвратно во Флоренское государство и донесть королю своему, что его дочь, прекрасна королевна Ираклія, бла-

1) Пропущенное въ спискѣ г. Забѣлина имя внесено изъ музейнаго.

гополучно въ Цесаріи обрѣтается; и прошу васъ все подробно представить, что какъ мною избавлена она отъ разбойниковъ; и съ вами ее не отпущу, дондеже самъ вашъ король, а ея родитель, будетъ въ Цесарію". Понеже слышавъ же адмиралъ поѣхалъ на пристань въ великомъ сумнѣніи и приказалъ убраться въ походъ совсѣмъ, а самъ къ цесарю поѣхалъ поклонъ отдать и объявить, что Василей не отдалъ ему королевну. И цесарю зѣло о томъ весело было, что россійской матросъ Василей велѣлъ Флоренскому королю быть самому въ Цесарію. И адмиралъ отдавъ цесарю поклонъ и объявилъ, что скоро въ маршъ во Флоренцыю плыть имѣетъ [1]), и поѣхалъ на корабли свои, въ великую печаль впаде и думалъ, какъ бы ему королевну увезти. И вздумалъ къ себѣ звать россійскаго матроса на корабль и съ королевною и увезти. И поѣхалъ во дворецъ, нача просить: „Государь мой, Василей Ивановичъ, покорно прошу государя моего, пожалуй завтрешняго числа ко мнѣ, рабу вашему, со всѣми министрами и пажами, токожде ежели возможно и съ прекрасною королевною Ираклїею, на корабли погулять и нашихъ кораблей посмотрѣть и убранства флоренскаго". И Василей рече ему: „За вашу просьбу быть готовъ". И которыи были при адмиралѣ флоренскомъ всѣмъ Василей давалъ дары и напитки на корабли посылалъ. И на другой день по утру рано адмиралъ вторично просилъ Василія, и онъ обѣщалъ къ нему быть. И нача просить Василей по просьбѣ адмиралской, звалъ съ собою королевну на корабль. Тогда королевна рече ему: „Государь мой, я опасна того, что сей адмиралъ воровать, не сдѣлалъ бы чего надъ нами; того ради весьма опасаюсь". И рече Василей: „Государыня, съ нами много будетъ генераловъ и министровъ и пажей и драбантовъ нашихъ; что̀ намъ можетъ сдѣлать?" Королевна же рече:

[1]) Въ рукописи: „имѣть".

„Будь, государь мой, по воли вашей; я готова съ вами хотя и смерть принять, а волю вашу исполнять“. И поѣхали Василей и королевна во дворецъ къ цесарю и о всемъ ему томъ объявили [1]). И цесарь рече: „Братецъ, изволь ѣхать, и съ собою изволь взять моихъ генераловъ и министровъ, также чтобъ и драбанты [2]) были при васъ“. И отъ цесаря Василей съ королевной, съ генералы и министры и множество драбантовъ какъ къ адмиралу на корабли поѣхали, и какъ на пристань пріѣхали, тогда адмиралъ съ великою радостію встрѣтилъ, и принявъ Василія и королевну, пошли въ корабль. А королевна въ черномъ платьѣ была и въ великой печали. И какъ въ корабль пришли, тогда адмиралъ нача всякими напитками поити жестоко всѣхъ генераловъ и министровъ и пажей и драбантовъ; великіе бочки вина выставилъ и во всякія игры играть приказалъ [3]). А какъ всѣ пьяни стали, тогда адмиралъ, вышедъ изъ корабля, и велѣлъ своимъ офицерамъ и солдатамъ, чтобъ цесарскихъ генераловъ и министровъ съ кораблей бросать и драбантовъ бить и подымать парусы, чтобъ изъ Цесаріи уйтить. И оный его офицеры приказъ приняли и начаша всѣхъ съ кораблей въ море бросать и въ цесарскія суда пьяныхъ метать. И поднявши парусы, побѣжали къ Россійской (?) Европіи. И оные адмиралъ вшедъ въ корабль, нача Василія Коріотскаго бить по щекамъ и за власы терзать, и рече адмиралъ: „Тебѣ ли, каналія непотребный, бестія, сею прекрасною королевною Ираклію владѣть“. И бивши [4]) его, едва жива оставилъ и велѣлъ своимъ офицерамъ, навезавши едро пушечное, бросить въ морскую глубину. Тогда офицеры, взявъ Василія изъ корабля и помня прежнюю [5])

---

1) Въ рукописи: „объявить“.
2) Въ рукописи: „драбантовъ“.
3) Въ рукописи: „приказать“.
4) Въ рукописи г. Забѣлина: „беша“; исправлено по музейному списку.
5) Въ рукописи: „прежнею“.

его къ себѣ милость, взявъ положили въ малую лодку и спустили на море, шляпу его съ едромъ пушечнымъ съ корабля бросили и сказали адмиралу, что бросили, и онъ въ глубину морскую съ едромъ уйде, толко шляпа его на верху плаваетъ. Королевна же, видя сіе приключившееся надъ ними несчастіе, паде, обмерла отъ великой ужести, пала на землю. Адмиралъ же, приступивъ королевнѣ и поднявъ, дулъ въ уши и лилъ на перси ея воду, дондеже могла прійтить въ чувство; и какъ пріиде въ память, нача горко плакати. Тогда адмиралъ, выневъ изъ ноженъ свою шпагу, и съ пристрастіемъ рече: „Ежели станешь плакать, сейчасъ главу твою отсѣку". И приведе ее къ присягѣ, что отцу ея и матери о томъ своемъ несчастіи не сказывать, а сказала бы, яко съ Цесаріи боемъ взялъ. И она страху ради дала присягу, что по волѣ его сдѣлать, и отъ той печали пріиде въ великую болѣзнь.

И какъ цесарю сказали, что такое несчастіе учинилось, и брата его Василія въ море бросили, и весма печалился о братѣ своемъ и распалился сердцемъ, скоро велѣлъ собрать войско четырехъ тысячъ и съ войсками послалъ своего генерала и ковалера Флегонта, съ которымъ писалъ королю Флоренскому все подробно объ его адмиралѣ, какъ увезъ прекрасную королевну Ираклію и брата его Василія кинулъ въ море, (за) которое непотребство, при посланномъ его генералѣ и ковалерѣ Флегонтѣ, велѣлъ (бы) съ живого кожу снять и жилы всѣ вытянуть: „А ежели сего не учинишь, то все ваше царство разорю".

Василея же въ томъ маломъ суднѣ принесло къ нѣкоему малому острову, на который островъ вышедъ, нача горко плакати о своемъ несчастіи и призвалъ Господа Бога на помощь, и съ той печали на томъ островѣ уснулъ крѣпкимъ сномъ. И въ то время приста нѣкій мужъ, старый рыболовъ, и видѣвъ человѣка спяща въ драгомъ одѣяніи и пришедъ, возбуди его. И виде Василей, паде на

ноги его, плача и рыдая. Оный же мужъ его вопроси о приключившемся, како на сей островъ заиде и котораго государства. Василей же все ему подробно сказалъ. Слышавъ же оной мужъ рече: „Не плаче, брате, молися Господу Богу, Богъ все помощаетъ, можетъ тя и помиловать, и будешь въ прежней своей славѣ. Аще хощеши въ Цесарію или во Францію, азъ тя имамъ отвезти“. Василей же нача просити, чтобъ во Флоренское государство его отвезти, и старый мужъ, посадивъ его въ свое судно, въ три дни во Флоренское государство его поставилъ. Василей же веліе ему воздаде благодареніе и вниде во Флоренское государство. И выпросился у нѣкоторой старухи въ богодѣлню, на которую дрова сѣкъ и воду носилъ и плетнемъ ея хижину оплелъ. А оная богадѣлня была на пути близъ кирки, въ которую король хаживалъ. И видѣвъ короля и королеву[1]) весма печална и спрашивалъ у старухи, чего ради король и королева въ великой печали; она же ему говоритъ: „Уже три года и слуху нѣтъ— пропала королевна, и посланъ для исканія ея адмиралъ по разнымъ государствамъ, которой еще и понынѣ не бывалъ“. Тогда уразумѣ Василей, что еще его прекрасной королевны Ираклии нѣтъ.

По прошествіи же трехъ мѣсяцовъ, какъ Василей во Флоренцію приде, прибылъ флоренской адмиралъ и съ прекрасною королевною Иракліею на пристань, и начаша изъ пушекъ палить и въ барабаны бить и во всякія игры играть. Тогда увѣдалъ король Флоренской, что адмиралъ его дочь, прекрасную королевну Ираклію, привезъ; тотъ часъ и съ королевою своею на пристань поѣхалъ, и увидѣвше дочь свою, отъ радости (нача) горко плакати; а королевна съ печали на силу вышла и ни о чемъ ни говоритъ, лицемъ помрачена. Видѣвше отецъ ея и мать и начаша горко плакати и говорить: „Государыня

[1]) Въ рукописи: „королеву“.

наша, любезная дщерь, прекрасная королевна! Или ты недомогаешь, что ты видомъ очень печална?“ Она же воздохнувъ жалостно и нача плакати и рекла: „Государь мой батюшко и государыня матушка, нынѣ я вижу васъ, токмо мало порадовалась сердцемъ своимъ, отъ печали своей, которая въ сердце мое вселилась не могу отбыть“ [1]). И поѣхавши во дворецъ король, и королевна весма была печална и въ черномъ платьѣ.

Потомъ адмиралъ объявилъ королю: „Я королевну взялъ приступомъ“. И просилъ адмиралъ королевскаго величества, что ему обѣщена отдать въ жену, въ чемъ и король свое [2]) королевское (слово) не преминетъ. И какъ утро и день наста, къ законному браку совсѣмъ уготовился и пришедъ къ киркѣ; а прекрасную королевну повелѣ убирати въ драгоцѣнное платье королевское. И адмиралъ поѣхалъ со всѣмъ убранствомъ къ киркѣ.

И король прiиде къ королевнѣ Ираклiи и рече: „Возлюбленная моя дщерь, прекрасная королевна Ираклiя! Изволь убираться, время къ законному браку“. Слышавъ же королевна отъ отца своего, горко стала плакати и паде на ноги его и рече: „Милостивый мой государь батюшко, прошу вашей государской и родителской милости, пожалуй не отдавай меня въ жену сему адмиралу“. „Чтобъ тебя не отдать, я не хощу пороль свой оставить; изволь убираться и ѣхать до киркѣ“. И видѣвъ королевна, что уже никакъ у отца не отговориться, залилась слезами и воздохнувши рече: „На что̀ мнѣ убираться, когда у меня единаго нѣтъ: ежели бъ у меня едино было, то бы я веселилась“. Слышавъ же отецъ ея и мать начаша дивитися и ее вопрошати: „Повѣждь намъ, милѣйшая наша дщерь, прекрасная королевна Ираклiя“. Королевна же въ

---

[1]) Три послѣднiя слова, пропущенныя въ рукописи г. Забѣлина, внесены изъ музейнаго списка.

[2]) Въ рукописи: „свои“.

великой своей печали не отвѣща и поиде во уготованную полату и вышла, и пала въ корету въ черномъ платьѣ. И поѣхали къ киркѣ, и какъ стали подъѣзжать близь той богадѣлни, идѣже россійской матросъ, Василей, взявъ арфу, нача жалобную играть и пѣть арію:

„Ахъ, дражайшая, всего свѣта милѣйшая, какъ ты пребываешь,
„А своего милѣйшаго друга въ свѣтѣ жива зрѣти не чаешь!
„Воспомяни, драгая, како возмогъ тебѣ отъ морскихъ [1]) разбойническихъ рукъ свободити,
„А сеи злы губители повелѣ во глубину морскую меня утопити!
„Ахъ прекрасный цвѣтъ, изъ очей моихъ нынче угасаешь,
„Меня единаго въ сей печали во гробъ вселяешь.
„Или ты прежнюю любовь забываешь,
„А сему злому губителю супругою быть желаешь.
„Точію сей мой пороль объявляю
„И моей дражайшей воспѣваю:
„Аще и во отечествѣ своемъ у матери [2]) пребыти,
„Прошу вѣрныя моя къ вамъ услуги не забывати!“

Слышавъ же королевна играюща на арфѣ и поюща къ ней арію, тотъ часъ повелѣ коретѣ стати и разумѣла, что ея вѣрный другъ Василей живъ; повелѣ спросити: кто играетъ. Пажъ пріиде и повѣда, яко нѣкій ковалеръ играетъ. Королевна же изъ кореты тотъ часъ сама встала и желала видѣть, кто играетъ. И какъ увидѣла, что милой ея другъ [3]) Василей Ивановичь, и пришедъ ухвати его, нача горко плакати и во уста цѣловати. И взяла его за руку и посадила въ корету и повелѣ поворотить и ѣхать во дворецъ. Видѣвъ же сіе министры, и начаша зѣло дивитися, что такое несчастіе, всѣмъ превеликое подивленіе. И какъ пріѣхали во дворецъ, тогда королевна Василія взяла за руку, (повела) россійскаго матроса Василія ко отцу своему и матери и рече: „Государь мой батюшко и государыня матушка, чего не чаяла до смерти

[1]) Въ рукописи: „мирскихъ“.
[2]) Въ рукописи: „аще и пою очечестви своемъ и матери“.
[3]) Въ рукописи: „другой“.

своей видѣть, сіе во очію мою нынѣ явилось!" И нача имъ подробно о всемъ предъявлять[1]), како онъ ее избавилъ отъ разбойниковъ, и какъ самъ въ Цесаріи былъ названъ отъ цесаря братомъ роднымъ, и какъ ее адмиралъ увезъ изъ Цесаріи и его билъ, въ море повелѣ бросити, и цесарскихъ министровъ и драбантовъ били,—„за которое извольте ожидать отъ цесаря вскорѣ силы за продерзость онаго нашего адмирала". Слышавъ то, король и королева[2]) и пріидоша въ великой ужесъ; и вси ковалеры стали говорить, чтобъ Флоренцы быть не разореной. Тотъ часъ посла каморгера къ киркѣ и велѣлъ арестовать адмирала; каморгеръ арестовалъ. Королевна же тогда просія красотою, яко солнце не одѣянное; черное сняла и въ драгоцѣнное платье убралась и бысть въ великомъ веселіи.

По прошествіи трехъ дней прибылъ изъ Цесаріи генералъ цесарской Флегонтъ съ войскомъ цесарскимъ къ Флоренскому государству и приказалъ безпрестанно бить изъ пушекъ и въ барабаны; а самъ генералъ Флегонтъ, взявъ присланной листъ отъ цесаря, и поѣхалъ къ королю Флоренскому; и какъ пріѣхалъ, то объявилъ королю, чтобъ приказалъ адмирала своего, которой былъ въ Цесаріи, и брата цесарева Василія зазвавъ къ себѣ на корабли съ генералами и министры цесарскими великое учинилъ непотребство, повелѣ въ море побросать и прекрасную королевну увезъ, которая была избавлена отъ разбойниковъ онымъ цесарскимъ братомъ Василіемъ,— и за оныя[3]) его адмираловы непотребства чтобъ предъ войскомъ цесарскимъ учинить тиранственное мученіе, съ живого кожу снять. Король же Флоренской рече генералу цесарскому Флегонту, что Василій Ивановичъ

---

[1]) Въ рукописи г. Забѣлина: „подробно всемъ...." Исправлено и дополнено по музейному списку.

[2]) Въ рукописи: „королевна".

[3]) Въ рукописи: „оное".

живъ и въ его королевствѣ, и веземъ его за руку. Видѣвъ же Флегонтъ Василія и королевну, яко своему цесарю поклонъ отдалъ и велми тому порадовался. Василей же повелѣ адмирала предъ войскомъ цесарскимъ вывесть и съ живого кожу снять, а генералу цесарскому король Флоренской и Василей даша великія дары и всему войску цесарскому жалованье.

И послѣ той казни король Флоренской дочь свою, прекрасную королевну Ираклію, отпусти съ Василіемъ къ законному браку къ киркѣ. И вѣнчались въ той киркѣ, на которомъ ихъ законномъ бракѣ былъ генералъ цесарской Флегонтъ и всѣ генералы и министры флоренскія. И было великое веселіе во всей Флоренцы три недѣли. И по прошествіи трехъ недѣль генерала цесарскаго и съ войсками Василій отпустилъ въ Цесарію, писалъ съ великимъ благодареніемъ и обѣщался быть самъ къ цесарю.

И какъ къ цесарю генералъ Флегонтъ пріѣхалъ и объявилъ, что Василей Ивановичъ живъ и въ добромъ здоровьи обрѣтается и совокупился законнымъ бракомъ и прекрасную королевну Ираклію взялъ, и подалъ отъ него присланной листъ, которой принялъ цесарь, въ великой радости былъ, что его братъ Василей Ивановичъ живъ, въ добромъ здравіи обрѣтается. Василей спустя время самъ ѣздилъ къ цесарю и благодареніе цесаря за его прежнюю къ себѣ милость получилъ и возвратился во Флоренцыю и поживе въ великой славѣ и послѣ короля Флоренскаго былъ королемъ Флоренскіимъ; и поживе многія лѣта и съ прекрасной королевною Ираклiею и потомъ скончался.

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что „Гисторія о россійскомъ матросѣ Василіи Коріотскомъ и о прекрасной королевнѣ Иракліи Флоренской земли“ есть произведеніе оригинальное русское. Конечно, нѣкоторымъ мотивамъ ея содержанія, каковы, напримѣръ, отпрашиваніе Василія у родителей, плѣненіе Иракліи разбойниками и освобожденіе ея изъ плѣна влюбившимся въ нее русскимъ матросомъ, похищеніе Иракліи флоренскимъ адмираломъ посредствомъ внезапнаго отплытія корабля, на которомъ она находилась гостьей, узнаніе Василія Иракліей по голосу, мотивамъ этимъ не трудно подыскать соотвѣтствующія положенія въ обширномъ кругѣ такъ-называемыхъ странствующихъ повѣстей, обнимающемъ литературы какъ запада, такъ и востока; но какъ бы ни были обыкновенны и общераспространены эти мотивы, въ томъ сочетаніи, въ какомъ представляетъ ихъ фабула „Гисторіи о матросѣ Василіи“, они, кажется, нигдѣ не встрѣчаются. Къ тому же постановка сюжета на русскую почву, по крайней мѣрѣ въ лицѣ героя повѣсти, также до извѣстной степени свидѣтельствуетъ объ ея оригинальномъ происхожденіи. Съ другой стороны, слишкомъ очевидно и то, что основа повѣсти не коренится въ старыхъ преданіяхъ собственно русскаго эпоса. А если такъ, то стало быть, „Гисторія о матросѣ Василіи“ есть не только сочиненіе русское, но и произведеніе личнаго автора, который измыслилъ повѣсть только силою собственной фантазіи.

Не извѣстно—кто былъ этотъ авторъ; и имя, и личность его могутъ раскрыться предъ нами развѣ только въ томъ случаѣ, если найдется новый списокъ „Гисторіи“ съ прямымъ указаніемъ о сочинителѣ. Не задаваясь поэтому малонадежными поисками въ этомъ направленіи, мы съ большею пользою можемъ остановиться на другомъ вопросѣ, рѣшеніе котораго болѣе настоятельно необхо-

димо для насъ, на вопросѣ о томъ: когда была написана разбираемая повѣсть?

Признаки, по которымъ повѣсть не можетъ быть отнесена ко времени ранѣе 1700 года, такъ очевидны въ языкѣ ея, въ разныхъ бытовыхъ подробностяхъ, въ ней приводимыхъ, и наконецъ, въ упоминаніи Кронштадта и Петербурга, что распространяться объ этихъ данныхъ рѣшительно не представляется нужнымъ. Но, съ другой стороны, есть возможность указать и на тотъ предѣлъ времени, позже котораго нельзя предположить сочиненіе повѣсти. Дѣло въ томъ, что въ началѣ ея говорится, какъ о живомъ современномъ фактѣ, объ отправкѣ русскихъ матросовъ „за море въ Галандію для наукъ арифметическихъ и разныхъ языковъ". Такого рода посылки, какъ извѣстно, были нерѣдки въ царствованіе Петра I, но послѣ его смерти немедленно вышли изъ обычая и уже не возобновлялись болѣе. Принимая это обстоятельство во вниманіе, можно думать, что повѣсть о матросѣ Василіи была написана въ первой четверти прошлаго вѣка. Въ пользу того же времени сочиненія этой „Гисторіи" свидѣтельствуютъ и крайне смутныя свѣдѣнія автора ея о странахъ западной Европы: въ срединѣ XVIII столѣтія, а тѣмъ болѣе позже, уже трудно допустить столь низкій уровень познаній въ человѣкѣ, имѣвшемъ притязаніе на занятіе литературою.

Рѣшеніе хронологическаго вопроса, хотя бы приблизительное, кажется намъ существенно важнымъ въ настоящемъ случаѣ: изъ него несомнѣнно слѣдуетъ, что предъ нами беллетристическое произведеніе изъ эпохи преобразованія, произведшаго столь сильный переворотъ какъ во внѣшнемъ строѣ, такъ и во внутренней жизни русскаго общества. Какъ бы ни казалось ничтожно это произведеніе собственно въ литературномъ отношеніи, все же въ немъ можно подмѣтить нѣкоторый слѣдъ той необыкновенной эпохи, къ которой оно принадлежитъ.

Къ тому же это — одно изъ очень немногихъ сочиненій того времени въ повѣствовательномъ родѣ.

Нельзя не сказать, что исходная точка для развитія сюжета повѣсти выбрана авторомъ удачно; онъ вѣрно разсчиталъ на интересъ и сочувствіе современныхъ ему читателей. Посылка русскихъ людей за границу была однимъ изъ главныхъ способовъ, которые употреблялъ Петръ для подготовленія нужныхъ ему людей; молодежь была отправляема въ заграничное ученіе во множествѣ, проповѣдники съ церковной каѳедры объясняли образовательное значеніе путешествій, а враги реформы ожесточенно порицали эту мѣру, какъ подрывающую любовь и уваженіе къ роднымъ обычаямъ и преданіямъ отцовъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ путешествіе въ чужіе края, ставившее русскихъ людей въ непосредственныя отношенія къ образованности и строю жизни въ западной Европѣ, составляло для тогдашняго русскаго общества одинъ изъ существеннѣйшихъ интересовъ: что̀ за люди живутъ на чужбинѣ, какъ устроена ихъ жизнь, какъ „наши" сживаются съ ними, какія невзгоды терпятъ они вдали отъ родины, выпадаетъ ли имъ хоть малая доля удачи или счастія, — всѣ эти вопросы неминуемо должны были тревожить русскіе умы, и понятно, что попытка посильнаго отвѣта на нихъ могла быть встрѣчена съ живымъ сочувствіемъ.

Такая попытка и была сдѣлана авторомъ „Гисторіи о матросѣ Василіи". А что она отвѣчала сильно возбужденному въ обществѣ интересу, это доказывается тѣмъ, что она была не единственная въ своемъ родѣ: въ скудномъ составѣ повѣствовательной литературы начала XVIII вѣка есть, кромѣ этой „Гисторіи", еще другая повѣсть на ту же тему; мы разумѣемъ „Исторію о славномъ храбромъ Александрѣ, кавалерѣ россійскомъ" [1]). Она пред-

---

[1]) Повѣсть эта до сихъ поръ не издана вполнѣ; большая часть спис-

ставляетъ собою много общаго съ разбираемымъ памятникомъ и потому при разсмотрѣніи его должна въ особенности быть принимаема во вниманіе. Какъ и въ нашей повѣсти, въ „Исторіи о кавалерѣ Александрѣ" мы также находимъ попытку очертить отношенія русскаго человѣка къ той иноземной средѣ, въ которую закинула его судьба. Подобно матросу Василію, кавалеръ Александръ посланъ въ чужіе края для пріобрѣтенія полезныхъ свѣдѣній; но въ городѣ Лиллѣ, во Франціи, его плѣняетъ красота одной дѣвицы, и съ ухаживаній за нею начинается длинный рядъ его любовныхъ прохожденій, изъ-за которыхъ онъ подвергается многимъ бѣдствіямъ, столкновеніямъ съ разными врагами, нападеніямъ разбойниковъ, плѣну и рабству. Въ концѣ концовъ онъ однако успѣваетъ освободиться отъ рабства и уже направляется въ Россію, въ сопровожденіи своей послѣдней возлюбленной и своего друга Владиміра, но при переправѣ чрезъ какую-то рѣку погибаетъ. Надъ трупомъ его сходятся двѣ женщины, которыхъ онъ когда-то любилъ, и обѣ лишаютъ себя жизни, а другъ Александровъ возвращается въ Россію. Въ повѣсти эпизодически разсказываются и похожденія Владиміра, также исключительно любовнаго свойства и также имѣющія мѣсто за границей.

Мы, разумѣется, не намѣрены утверждать, чтобы повѣсти такого содержанія, какъ „Гисторія о матросѣ Ва-

ковъ ея указана въ трудѣ А. Н. Пыпина: Для любителей книжной старины. Библіографическій списокъ рукописныхъ романовъ, повѣстей, сказокъ, поэмъ и пр., въ особенности изъ первой половины XVIII вѣка. М. 1888, стр. 68; кромѣ списковъ, упомянутыхъ г. Пыпинымъ, есть еще одинъ въ церковно-археол. музеѣ при Кіевск. дух. академіи, № 440 (Описаніе рукописей церк.-археол. музея при Кіевск. дух. академіи. Составилъ Н. Петровъ, стр. 396) и два—въ библіотекѣ гр. Уварова, №№ 601 Q и 880 Q, первый изъ собранія Царскаго (Описаніе П. М. Строева, № 453). Содержаніе повѣсти изложено, съ приведеніемъ небольшихъ выписокъ, М. И. Сухомлиновымъ въ Библіотекѣ для Чтенія 1858 г. № 12; ср. также въ статьѣ Н. И Петрова: О вліяніи западно-европейской литературы на древне-русскую, въ Трудахъ Кіевск. дух. академіи 1872 г., № 8.

силіи“ или сейчасъ нами изложенная, могли служить къ ознакомленію русскихъ людей съ настоящими условіями западно-европейской жизни. Напротивъ того, мы не можемъ не имѣть въ виду, что даже тѣ русскіе путешественники, которые брались серьезно описывать видѣнное ими въ своихъ странствованіяхъ, платя такимъ образомъ дань поучительному зрѣлищу культуры болѣе зрѣлой, болѣе сложной и утонченной, чѣмъ русская, даже и эти путешественники, не смотря на все свое усердіе и добросовѣстность, не въ состояніи были отнестись достаточно осмысленно къ предметамъ своихъ наблюденій и не высказывали никакихъ почти сужденій о нихъ. Тѣмъ менѣе, слѣдовательно, можно ожидать, чтобы такая задача была на самомъ дѣлѣ выполнена въ произведеніяхъ беллетристическаго содержанія. Но за авторами послѣднихъ все-таки остается то намѣреніе, на которое мы сейчасъ указали.

Изъ самаго поверхностнаго чтенія повѣсти о матросѣ Василіи можно видѣть, что авторъ не только не былъ знакомъ съ характеромъ западно-европейской жизни, но даже не обладалъ самыми элементарными свѣдѣніями о западной Европѣ: онъ, напримѣръ, полагаетъ, что Флоренція и столица цесаря суть города приморскіе, что государь Флоренскій имѣетъ титулъ короля; онъ допускаетъ существованіе какого-то обитаемаго разбойниками острова на морѣ между Франціей, Цесаріей и Флоренскою землей [1]). Очевидно, онъ зналъ о чужихъ краяхъ и ихъ

---

[1]) Только съ значительною натяжкою можно было бы допустить, что подъ разбойниками, къ которымъ попадаетъ Василій, разумѣются морскіе разбойники изъ Варварійскихъ владѣній, промышлявшіе на Средиземномъ морѣ въ началѣ XVIII вѣка и дѣйствительно внушавшіе страхъ тогдашнимъ путешественникамъ, между прочимъ и русскимъ (см. статью А. Г. Брикнера: Русскіе дипломаты-туристы въ Италіи въ концѣ XVII вѣка. Русск. Вѣстникъ 1877 г., № 4, стр. 585—588). Но варварійцы вовсе не обитали на какомъ-либо островѣ, какъ разбойники нашей повѣсти. Притомъ, еслибъ авторъ имѣлъ въ виду изобразить варварійцевъ, онъ не преминулъ бы назвать ихъ турскими людьми или бусурманами.

обитателяхъ только по наслышкѣ, а потому и отношеніе своего русскаго героя къ иноземной общественной средѣ онъ могъ вообразить себѣ только своимъ домысломъ. Но при всемъ томъ, нельзя не замѣтить, что иноземная жизнь представляется ему вообще въ очень выгодномъ свѣтѣ. Свѣдѣнія „Исторіи о кавалерѣ Александрѣ“ о западной Европѣ, по видимому, нѣсколько опредѣленнѣе, чѣмъ свѣдѣнія автора повѣсти о Василіи; по крайней мѣрѣ, авторъ повѣсти объ Александрѣ, сдѣлавъ своего героя единственно искателемъ любовныхъ приключеній и ухаживателемъ за женщинами, тѣмъ самымъ засвидѣтельствовалъ, что общественное положеніе женщины въ западной Европѣ представляется ему нѣсколько инымъ, чѣмъ положеніе женщины русской. Впрочемъ, тѣмъ и ограничиваются черты западно-европейской жизни, которыя онъ былъ въ состояніи ввести въ свое повѣствованіе.

Недостатокъ знакомства съ условіями и особенностями иноземнаго быта не поставилъ однако автора „Гисторіи о матросѣ Василіи“ въ затрудненіе, или лучше сказать, писатель не сознавалъ тѣхъ трудностей, которыя открывалъ предъ нимъ избранный имъ сюжетъ: онъ просто-на-просто въ свой разсказъ объ иноземныхъ похожденіяхъ своего героя перенесъ черты и обстановку русскаго быта. Не приводя многихъ примѣровъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ ихъ легко видѣть въ самой повѣсти, замѣтимъ только, что этому наивному пріему мы обязаны едва ли не лучшими въ ней страницами: мы разумѣемъ ту часть ея, гдѣ описываются похожденія матроса Василія среди разбойниковъ и жизнь послѣднихъ. Подъ перомъ нашего автора это описаніе вышло вполнѣ картиной быта русскихъ воровскихъ людей, какихъ не мало было по окраинамъ и вообще по глухимъ мѣстностямъ Россіи въ Петровское время, когда множество народа укрывалось и отъ наборовъ, и отъ ревизій, и отъ паспортной системы, и отъ преслѣдованія старой вѣры. Чрезвычайно замѣчательна полнѣйшая объ-

ективность этого описанія, въ которомъ вовсе не замѣчается осужденія промыслу разбойничества. Когда Василій попадаетъ на разбойничій островъ, онъ боится встрѣчи съ его лихими обитателями, но ни мало не затрудняется выдать себя передъ ними также за разбойника: „Азъ есмь сего острова разбойникъ“, говоритъ онъ, приходя къ нимъ,—„единъ разбивалъ плавающихъ по морю“. Очевидно, разбойничій промыселъ представляется автору не преступнымъ противообщественнымъ явленіемъ, а только своеобразнымъ занятіемъ, имѣющимъ однако свое право на существованіе. Такое воззрѣніе недалеко отъ взгляда народныхъ пѣсенъ, откровенно прославляющихъ лихихъ людей, точно такъ, какъ и вообще описаніе жизни разбойниковъ въ нашей повѣсти совпадаетъ во многихъ отношеніяхъ съ изображеніемъ разбойничьяго быта въ упомянутыхъ пѣсняхъ [1]).

Укажемъ еще на одинъ примѣръ изъ разбираемой повѣсти, въ которомъ положенія и образы, начертанные авторомъ, соприкасаются съ представленіями русскаго народнаго эпоса, съ понятіями и обычаями русской старины. Извѣстно, что родительская власть пользовалась въ старинномъ русскомъ быту непререкаемымъ авторитетомъ: къ такому порядку вещей одинаково приводили и древнія формы славяно-русскаго семейнаго и общественнаго строя, и идеи, принесенныя на Русь вмѣстѣ съ христіанствомъ. Въ такомъ полновластномъ значеніи изображается родительская власть въ древне-русской литературѣ, какъ книжной, такъ и народной. Не далѣе какъ въ половинѣ XVII вѣка мы находимъ нѣсколько произведеній, въ которыхъ развивается эта мысль, и только въ одномъ изъ нихъ, принадлежащемъ перу человѣка, который несомнѣнно являлся новаторомъ среди тогдаш-

---

[1]) Ср. о томъ въ сочиненіи Н. Я. Аристова: Объ историч. значеніи русскихъ разбойничьихъ пѣсенъ. Воронежъ. 1875.

няго московскаго общества, только въ драмѣ Симеона Полоцкаго о Блудномъ сынѣ вопросъ о значеніи родительской власти пріобрѣтаетъ нѣсколько новый оттѣнокъ: отецъ изображенъ здѣсь уже не съ тѣмъ характеромъ непреклонной суровости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безусловной правоты, который приписывала ему болѣе древняя литература, но какъ носитель власти мягкой и снисходительной, способной понимать и удовлетворять законныя стремленія молодого поколѣнія. Что касается повѣсти о матросѣ Василіи, то авторъ ея сохраняетъ относительно родительской власти преданія старины: въ первыхъ же строкахъ повѣсти онъ изображаетъ своего героя испрашивающимъ родительское благословеніе для того, чтобъ идти на службу, точно такъ, какъ, напримѣръ, въ былинѣ молодой Добрыня Никитичъ проситъ свою мать, матерую вдову, благословить его на поѣздку богатырскую. Но тутъ же немедленно обнаруживается и различіе, существующее между взглядомъ нашей повѣсти и воззрѣніями болѣе старыхъ произведеній литературы: мать Добрыни даетъ свое согласіе на просьбу сына не безъ возраженій; поставленный въ такое же положеніе, отецъ Блуднаго — въ піесѣ Полоцкаго—также старается отговорить сына отъ его попытки удалиться изъ родительскаго дома; въ Повѣсти о Горѣ-Злосчастіи, гдѣ опять встрѣчается тотъ же мотивъ, сынъ уходитъ изъ отчаго дома, по видимому, тайкомъ, вопреки волѣ родителей. Въ повѣсти о матросѣ Василіи, напротивъ того, отецъ не дѣлаетъ сыну никакихъ возраженій, и между тѣмъ какъ у Полоцкаго и въ „Горѣ-Злосчастіи“ именно удаленіе сына изъ-подъ родительскаго надзора навлекаетъ на него рядъ бѣдствій, въ нашей повѣсти несчастія Василія вовсе не выставляются слѣдствіемъ его неповиновенія родителямъ. Очевидно, авторъ нашей „Исторіи“ умѣетъ провести черту между значеніемъ родительскаго авторитета и свободною волей взрослаго

представителя молодого поколѣнія. Такой же компромиссъ между двумя поколѣніями представляетъ намъ, въ соотвѣтствующемъ положеніи дѣйствующихъ лицъ, и „Исторія о кавалерѣ Александрѣ“: въ ней сцена отпрашиванія сына у родителей разработана даже нѣсколько полнѣе, чѣмъ въ повѣсти о Василіи. Рѣчь Василія къ отцу коротка; онъ приводитъ только одинъ предлогъ для отпуска: онъ-де будетъ помогать родителямъ изъ своего жалованья. Напротивъ того, Александръ излагаетъ свою просьбу пространно и витіевато, со многими доводами, какъ подобаетъ доброму школяру: „Премилостивѣйшіе и дражайшіе родители“, говоритъ онъ, — „уже извѣстно вашему благородію, что, по волѣ вашей, желаемаго отъ здѣшнихъ школъ я не лишился, и къ тому о присовокупленіи охоту воспріялъ, дабы видѣть въ европейскихъ государствахъ славно процвѣтающія въ наукахъ академіи, и въ томъ дерзость возымѣлъ, еже бы у васъ милость упросити. И конечно, безсовѣстная моя была бы дерзость, ежели бы не образцы многіе тому свидѣтельствовались, понеже во всемъ свѣтѣ до единаго обычай имѣютъ родители чадъ своихъ обучати и потомъ въ чуждыя государства, для обрѣтенія вящей чести и славы, отпускаютъ: того ради и я, вашъ рабъ, взялъ намѣреніе въ началѣ благословенія и къ путешествованію позволенія у васъ просити; знаю, государи, что горячность и отеческая любовь ваша къ разлукѣ конечно совѣтовать не будетъ, однакожь покорнѣйше прошу: учините мя равна съ подобными мнѣ, ибо чрезъ удержаніе свое можете мнѣ вѣчное поношеніе учинити, и како могу назватися и чѣмъ похвалюся, — не токмо похвалитися, но и дворяниномъ назватися не буду достойнъ; сотворите милость, не допустите до вѣчнаго позору“ [1]). Не смотря на раболѣпный тонъ этихъ

[1]) Приведено по рукописи Археограф. коммиссіи, № 159, л. 61, съ исправленіями по выпискѣ въ вышеупомянутой статьѣ М. И. Сухомлинова, стр. 2—3. Въ спискѣ Имп. П. Библіотеки начала повѣсти не достаетъ.

словоизвитій молодого „россійскаго кавалера“, въ нихъ уже слышится опредѣленное сознаніе потребности искать себѣ совершенствованія и науки самостоятельнымъ путемъ.

Итакъ, старое русское представленіе о родительской власти пріобрѣтаетъ въ повѣстяхъ начала XVIII вѣка нѣсколько болѣе мягкій характеръ. Но должно сказать, что и въ нихъ такое смягченіе не всегда находитъ себѣ мѣсто: въ той же „Гисторіи о матросѣ Василіи“ можно видѣть примѣръ очень рѣзкаго проявленія безапелляціоннаго родительскаго авторитета: такъ, едва царевна Ираклія возвратилась къ своимъ родителямъ въ городъ Флоренскъ, какъ король, ея отецъ, велитъ ей изготовиться къ законному браку, ни мало не заботясь о томъ, нравится ли ей избранный имъ женихъ, и не любитъ ли она кого-либо другого; и Ираклія, со своей стороны, отвѣчаетъ на это приказаніе лишь робкимъ протестомъ, который, конечно, не измѣняетъ отцовскаго рѣшенія. Быть можетъ, непреклонность отцовской воли въ данномъ случаѣ должна быть объяснена тѣмъ, что младшее поколѣніе представляется тутъ въ лицѣ дочери, а не сына; какъ бы то ни было, старый обычай и старое воззрѣніе обнаруживаются въ этой сценѣ съ полною силой, не смотря даже на то, что дѣйствіе происходитъ не на русской почвѣ. Впрочемъ, и различіе между русскою и иноземною средой не оставлено повѣствователями начала XVIII вѣка совершенно безъ вниманія: между тѣмъ какъ героиня повѣсти о матросѣ Василіи еще не выходитъ изъ-подъ освященной древнимъ обычаемъ полной зависимости отъ родительскаго авторитета, въ „Исторіи о кавалерѣ Александрѣ“ иноземныя красавицы, поочередно овладѣвающія сердцемъ русскаго путешественника, представлены какъ пользующіяся весьма значительною долею свободы и, въ противоположность скромной и покорной царевнѣ Иракліи, обнаруживаютъ свою самостоятель-

ность въ такихъ именно обстоятельствахъ жизни, въ которыхъ — по старымъ русскимъ понятіямъ — скорѣе всего слѣдовало бы ожидать вмѣшательства родителей.

Отношенія между родителями и дѣтьми, давшія главное содержаніе для нѣсколькихъ литературныхъ произведеній XVII вѣка, не составляютъ однако господствующаго мотива въ „Гисторіи о матросѣ Василіи"; повѣсть затрогиваетъ ихъ только мимоходомъ, слегка, но за то выдвигаетъ на первый планъ иного рода людскія отношенія — основанныя на взаимномъ влеченіи мужчины и женщины. Герой повѣсти влюбляется въ случайно встрѣченную имъ красавицу, и эта любовь, немедленно дѣлающаяся взаимною, вовлекаетъ ихъ обоихъ въ рядъ приключеній, которыя и составляютъ содержаніе повѣсти. Такимъ образомъ, „Гисторія о матросѣ Василіи" по существу своему есть исторія любовная.

Повѣсть такого рода была совершенно новымъ явленіемъ въ тогдашней русской литературѣ. Старые русскіе книжники, исходя изъ аскетической точки зрѣнія, смотрѣли на женщину враждебно и охотнѣе говорили о ея порокахъ, чѣмъ о свѣтлыхъ сторонахъ женской природы; даже въ повѣстяхъ свѣтскаго содержанія чаще всего рѣчь шла о лукавствѣ и коварствѣ женщинъ, въ житіяхъ же святыхъ и въ другихъ религіозныхъ сказаніяхъ допускалась нѣкоторая похвала только семейнымъ добродѣтелямъ женщины, ея нищелюбію, милосердію, набожности и т. п. Эпосъ народный, нѣкогда создавшій типъ женщины богатырской, съ теченіемъ времени также сталъ усвоивать себѣ тѣ взгляды, которые преобладали въ книжной литературѣ. Но ни тотъ, ни другая не представляли ни одного произведенія, въ которомъ любовь между женщиной и мужчиной являлась бы господствующимъ предметомъ разсказа, главнымъ двигателемъ описываемыхъ происшествій. Такое явленіе въ литературѣ, естественно,

объясняется тѣмъ, что̀ было въ самой жизни общества. Если даже мы не будемъ преувеличивать своихъ представленій о затворничествѣ женщинъ въ старинной Руси, все же должны признать, что строгая обрядность, опредѣлявшая въ старину, въ особенности въ высшихъ классахъ общества, каждый шагъ человѣка, не благопріятствовала частнымъ сношеніямъ и не представляла удобныхъ случаевъ для сближенія женщины съ чужимъ ей мужчиной, для развитія между ними сердечнаго влеченія. Когда же реформы Петра I коснулись и общественнаго положенія русской женщины, открывшаяся предъ нею свобода должна была повліять самымъ рѣшительнымъ образомъ на ея внутреннюю жизнь, на ея индивидуальное чувство.

Одинъ изъ умныхъ иностранцевъ, наблюдавшій русское общество въ двадцатыхъ годахъ XVIII вѣка, секретарь прусскаго посольства Фокеродтъ, дѣлаетъ о русскихъ женщинахъ того времени слѣдующее замѣчаніе: „Нельзя предполагать, чтобы женщины, которыя по древнему русскому обычаю обязаны были жить весьма уединенно и почти ни съ кѣмъ не смѣли разговаривать, охотно согласились лишиться добытой ими въ царствованіе Петра I свободы, хотя она и до сихъ поръ весьма ограничена и далеко не такъ обширна, какъ во Франціи, въ Польшѣ и даже въ Германіи“. Впрочемъ, прибавляетъ правоучительно тотъ же наблюдатель,—дальнѣйшая эмансипація русскихъ женщинъ и не особенно желательна „ради прочности ихъ супружескаго союза, потому что ихъ страсти большею частью пылки и воспитаніемъ весьма рѣдко сдерживаются, такъ что когда онѣ влюбляются, то романическія приключенія ихъ имѣютъ обыкновенно весьма скорый исходъ“ [1]). Въ извѣстномъ сочиненіи князя

[1]) Записки Фокеродта въ Русскомъ Архивѣ 1873 г., кн. II, ст. 1414—1415.

Щербатова: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“ также находимъ нѣсколько замѣтокъ о томъ, какъ отразились на нравахъ женщинъ Петровскія нововведенія: „Учредилъ (Петръ) разныя собранія, гдѣ женщины, до сего отдаленныя отъ сообщенія мужчинъ, вмѣстѣ съ ними при веселіяхъ присутствовали. Пріятно было женскому полу, бывшему почти до сего невольницами въ домахъ своихъ, пользоваться всѣми удовольствіями общества, украшать себя одѣяніями и уборами, умножающими красоту лица ихъ и оказующими ихъ хорошій станъ; не малое же имъ удовольствіе учинило, что должны прежде видѣть — съ кѣмъ на вѣкъ должны совокупиться, и что лица жениховъ ихъ и мужей не покрыты стали колючими бородами. А съ другой стороны, пріятно было младымъ и незаматерѣлымъ въ древнихъ обычаяхъ людямъ вольное обхожденіе съ женскимъ поломъ, и что могутъ напередъ видѣть и познать своихъ невѣстъ, на которыхъ прежде, повѣря взору родителей ихъ, женивались. Страсть любовная, до того почти въ грубыхъ нравахъ не знаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать, и первое утвержденіе сей перемѣны отъ дѣйствія чувствъ произошло. А сіе самое и учинило, что жены, до того не чувствующія своей красоты, начали силу ея познавать, стали стараться умножать ее пристойными одѣяніями и болѣе предковъ своихъ распростерли роскошь въ украшеніи“[1]). Итакъ, относительно положенія женщины дѣло Петровской реформы состояло главнымъ образомъ въ томъ, чтобы дать женщинѣ возможность сознать свое чувство и допустить ее къ участію въ устройствѣ своей судьбы, въ выборѣ себѣ мужа по собственному желанію[2]).

---

[1]) См. сочиненіе князя Щербатова въ Русской Старинѣ 1870 г. ч. II, стр. 27.

[2]) Ср. въ Исторіи Россіи С. М. Соловьева, т. XV, стр. 114.

Конечно, переворотъ такого рода не могъ совершиться иначе, какъ постепенно, и въ русскомъ обществѣ Петровскаго времени должны были высказываться еще весьма различныя воззрѣнія на общественное положеніе женщины; очень наглядное изображеніе этихъ разногласій, и притомъ со всею наивною рѣзкостью старинной рѣчи и понятій, мы находимъ въ одной эпизодической вставкѣ, внесенной въ „Исторію о кавалерѣ Александрѣ". Одно изъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти передаетъ слышанный имъ разговоръ на эту тему между тремя иностранными „кавалерами", и хотя по повѣсти эти собесѣдники не русскіе, нельзя сомнѣваться въ томъ, что выражаемыя ими мнѣнія принадлежатъ именно русскому обществу Петровской эпохи и находятся въ прямой связи съ тогдашними перемѣнами въ русскихъ нравахъ и обычаяхъ. Вотъ этотъ въ высшей степени любопытный разговоръ [1]):

„Случилося мнѣ на дорогѣ наѣхать палатку, а въ ней сидятъ три человѣка безъ оружія, а именно прусской баронъ Старкъ, датской баронъ фонъ-Гердъ да саксонской дворянинъ Силберстернъ, и разговариваютъ о женахъ; и я въ палатку оную вошелъ, долгое время слушалъ ихъ разговоровъ, изъ которыхъ въ памяти нѣчто имѣю. Извольте послушать:

БАРОНЪ СТАРКЪ. Много ль въ свѣтѣ добрыхъ женъ сыщется?

СИЛБЕ́РСТЕРНЪ. Всѣ добрыя, которыя еще не поблинкованы.

БАРОНЪ ФОНЪ-ГЕРДЪ. Сколько хорошихъ — не знаю, всѣ б...и.

БАРОНЪ СТАРКЪ. Правда, всѣ жены, которыя еще не

[1]) Приводимъ его по рукописи Археогр. коммиссіи № 159, лл. 83—86, съ нѣкоторыми исправленіями по рукописи Имп. П. Библ., XV. Q 66, лл. 54 об. и слѣд. Правописаніе принято нынѣшнее.

побликованы, хороши, понеже тѣ доказательства требуютъ; всякую б...ь, надѣюся, труднѣе пристыдишь, нежели добрую жену; и ты, господинъ фонъ-Гердъ, правду говоришь, что всѣ хорошія жены—б...и, понеже ихъ танцованіе и прельстивая политика, особливо острые жъ на все отвѣты, не токмо амуры содѣваютъ, но и намъ даютъ рѣзвую бодрость и смѣлость милости попросить; да не можно красной женѣ не быть б...ю, понеже множество искателей предъ нею и за нею ходятъ.

силберстернъ. По злобѣ, надѣюсь, ты, господинъ баронъ, порицаешь. Неужели политика всѣхъ европскихъ странъ, которыя за великія деньги учатся, лѣпообразнымъ женамъ непристойна? Если безъ запинательства на все острые отвѣты даютъ, неужели амуры содѣваютъ? Мнѣ мнится, всякой острой отвѣтъ отъ ума дается. Сами вы виноваты, почто чрезъ письма, пѣсни и презенты домогаетесь, но не всегда получаете.

баронъ фонъ-гердъ. Господинъ Силберстернъ, мнѣ мнится, что ты самъ дамою былъ, что ихъ выправляешь. Правда, пѣсни, письма и презенты яко сѣти, въ которыя онѣ впадаютъ, представляются, и въ томъ онѣ не виновны, понеже возможности ищемъ, и чтò достанемъ, то и наше; а какъ же и танцованіе ихъ амуры не содѣваетъ, разсуди: перво намъ въ семъ случай въ танцахъ—или рукою, или ногою въ ногу толкнешь, и многіе проказы дѣлаются, которыхъ со стороны никакъ присмотрѣть не возможно, а между оною порою сдѣлается конечно чрезъ сіе начало амура.

баронъ старкъ. Господа мои, послушайте! И кромѣ танцовъ, можно всякую б...ь съ глазъ познать; аще кто не вѣритъ, сдѣлай пробу сице: приди къ дѣвицѣ или женѣ и говори съ нею со умиленіемъ, назирай прямо въ очи,—что не токмо очи ея будутъ сѣмо и овамо надлезая бѣгати, но и совѣсть ея собою окажется, понеже такія изъ нея пріятныя мины рождатися будутъ, что ежели

которая изрещи постыдится, то своимъ постуромъ [1]) сдѣлаетъ и приведетъ каждаго въ соблазнъ.

СИЛБЕРСТЕРНЪ. Я удивляюсь, какъ вы противъ совѣсти своей боронится можете и порицаете безвинно. Изволъте разсудить: перво, чтò во всякой женѣ надлежитъ признавать разумъ, ежели которая умѣетъ пріятно встрѣтить, угостить и проводить; я надѣюся, ласковой женской привѣтъ и умильные взоры, которые пристойны къ постуру ихъ, столько каждаго веселятъ, что, всѣ противности оставя, на то взирати будетъ и насладится; и то назвати надобно модою, а не такъ злословить, какъ отъ васъ слышу; развѣ тѣхъ б...ми назвать, которыя понурою ходятъ и думаютъ въ себѣ: „свѣтъ не милъ, дай Боже, ночь пришла бъ", — тому и я не спорю.

БАРОНЪ ФОНЪ-ГЕРДЪ. Неправду, господинъ Силберстернъ, говоришь. Которыя жены ходятъ понурою, къ тѣмъ не всякъ дерзость имѣетъ приступить, понеже хотя такія амуръ съ кѣмъ имѣютъ, но зѣло скрытенъ, а другому товарищу тамъ и мѣста нѣтъ, да и пристать нельзя; а вѣтроходныя, которыхъ ты къ политикѣ приплетаешь, зѣло суть удивительны, понеже четырехъ имѣетъ, а каждому вѣрность обѣщаетъ; чортъ бери ту вѣрность, да и ты пожалуй, Силберстернъ, объ нихъ стараться перестань!

БАРОНЪ СТАРКЪ. Хорошо, что трехъ или четырехъ имѣетъ и довольствовати всѣхъ умѣетъ: умная та жена, и не такъ всѣмъ постыла. А иная такая дура мерзкая, что сдѣлаетъ, а концовъ схоронить не умѣетъ, и отъ того сдѣлается между тѣмъ ссора, а она останется въ великомъ поношеніи. Хотѣлъ бы я вѣдать, чтò ихъ льститъ такъ непостоянничать, понеже уже многіе въ свѣтѣ образцы есть: кто любитъ дѣвицу или женщину, всегда ей смѣется и оставляетъ; а безумныя женщины сіе ни во что вмѣняютъ и тѣмъ въ надеждѣ впредь получити остаются, чтò

[1]) Postura, польское слово — видъ, фигура.

попрежъ получили, и всегда въ непотребныхъ, скверныхъ разговорахъ упражняются и ничего ни отъ кого слышати, кромѣ амуровъ, не желаютъ; а ежели кто имъ отъ того будетъ совѣтовать воздержаться, и тѣхъ бранятъ и непотребными называютъ.

СИЛБЕРСТЕРНЪ. Не онѣ, но вы виноваты, почто всегда предъ ними уничижаетесь и покажете имъ, яко бы отъ сердца всякаго добра желаете, и хранители чести ихъ называетесь, а потомъ пронырствомъ своимъ приводите въ позоръ; онѣ же, бѣдныя, яко не весьма въ разсужденіи далеки, повѣря ласканію вашему, отдаются во охраненіе вамъ, а вы, яко волки, не токмо отъ прочихъ охраняете, но и сами не бережете и въ посмѣяніе оставляете; тогда имъ что же иное дѣлать, кромѣ происку на упалыя мѣста кого получить, и сіе ихъ не вина, но ваше непостоянство.

БАРОНЪ ФОНЪ-ГЕРДЪ. Ха, ха, ха, диво! Послушай, мой другъ, уже всякая дѣвка давно знаетъ, чего ради мы низко имъ кланяемся и всегда ко услугамъ готовы; но сему всему веселія и компанія — вина, а не мы, ибо ежели которая дѣвица гдѣ въ компаніи видѣла молодца, пріѣхавъ домой, руки ломаетъ, охаетъ и часто вздыхаетъ и потягается; буде же мать ее спроситъ: что̀ сдѣлалось, и она говоритъ: простудилась, а день насталъ — изъ окна не выйдетъ. Изъ сего я признаваю, что желаніе ея было, да достать не умѣла.

БАРОНЪ СТАРКЪ. Не токмо персты ломаетъ и вздыхаетъ, но и впредь случая ищетъ, гдѣ бы повидаться; а того и смотритъ, чтобъ другая не перехватила; а ежели услышитъ, что другую полюбилъ, а не ее, то называетъ ту мерзкою и непотребною, да къ тому жь которая уже имѣетъ любителя; а увидитъ другого, лучше того, то никакъ стерпѣть не можетъ, чтобы ей себя не показать, — или глазами, или руками, а что-нибудь да сдѣлаетъ, съ чего можно объ ней дознаться, что она б...ь. А нашъ

брать таковъ: такую проказу увидитъ, тотъ часъ прилѣпился.

СИЛЬВЕРСТЕРНЪ. И я бъ что-нибудь объ нихъ сказалъ, да опасаюсь: ежели ихъ буду злословить, то останусь нищъ и не буду имѣть впредь счастія въ нихъ, того ради хотя и знаю, да молчу.

БАРОНЪ ФОНЪ-ГЕРДЪ. И дивлюся я твоему безумію, братецъ! Имѣешь вѣру въ мерзкихъ женахъ и боишься тѣхъ; пожалуй, не бойся! Я тебѣ совѣтую: ежели имѣешь которую въ любви, приди къ ней и разгнѣвайся на нее, и ежели чтò противно тебѣ говорить будетъ, бей ее сколько надобно будетъ, и съ тѣмъ гнѣвомъ уйди; посмотри чтò сдѣлается: понеже не столько тѣло отъ ударенія болѣти будетъ, сколько мыслею опасеніе будетъ, дабы ея не оставилъ, и у тебя жь прощенія просить будетъ.

БАРОНЪ СТАРКЪ. На что жь бы имъ такъ себя показывать? Лучше бъ дѣлали тайно, а не явно, а мины бы прелестныя отложили. Мнѣ жь и то диво, что всякая б...ь кого она любитъ, всегда ему новыя вѣсти сказываетъ и называетъ, будто бы отъ него слышала, что онъ иную любитъ и ее обманываетъ; а я надѣюсь, онѣ о семъ своею головою домышляютъ и думаютъ конечно: то быть можетъ, и за то разгнѣвается,—не явно ли то бѣшенство ихъ?

СИЛЬВЕРСТЕРНЪ. Кто ихъ тайну вѣдати можетъ? Я и самъ много такихъ знаю, чтò ихъ натура политику и пріятныя мины содѣвати принуждаетъ, и со всякимъ готовы обходиться и всегда склонны къ многоглаголанію, а молчанію николи же, хотя однакожь зла въ нихъ не присмотрѣлъ, — но всегда постоянны; а что б...и любителямъ своимъ частыя вѣсти сказываютъ и ревнуютъ, въ томъ есть причина, понеже хотя ни отъ кого не слышатъ, но чрезъ вымышленія свои предположеніе дѣлаютъ и изъ него усмотряютъ, понеже совѣсть тотъ часъ обличаетъ; и ежели она таковое признаетъ, разгнѣвается, но не такъ, чтобъ ему какую досаду сдѣлать и не надолго.

БАРОНЪ ФОНЪ-ГЕРДЪ. Да, господинъ Силберстернъ, правду говоришь, да вѣрить не чему, понеже никакая б...ь тебѣ репорту о своихъ дѣлахъ не приношивала, и впредь не надѣюся. А что баронъ Старкъ говорилъ, почто б...и себя оказываютъ, что совѣсть ее мучитъ и не можетъ сего утаити, понеже изъ робячества въ то ввыкла, — ой, ой, бѣжать бы намъ отъ нихъ было, ежели бы не рожденіе дѣтей имъ запрещало, понеже всякая бы не стыдилась громко безъ политики о себѣ сказать. Но и тое не безъ диковенки въ нихъ признавается: ежели которая даетъ минами своими поводъ, а нашъ братъ не вразумится или не пожелаетъ въ ней поискать, такого при своихъ сестрахъ называетъ дуракомъ и прочимъ съ таковымъ знаться запрещаетъ. Есть жь между тѣмъ много и добрыхъ женъ, которыхъ скоро можно признать, понеже тѣ всегда въ своей степени стоятъ, и очи не надлезая сѣмо и овамо не бѣгаютъ, шутокъ и шпынскихъ рѣчей чужды; а которыя съ политикою всегда обходятся и въ весельи и въ компаніи часто ввыкаютъ и знакомства просятъ и всегда смѣются и веселы, уже въ ребрахъ ихъ, конечно, бѣси домы построили; да на тѣхъ смотря, и маленькія дѣвочки въ то рачатъ, какъ поамуриться, да не смыслятъ, бѣдныя, того ради младенческія и мины употребляютъ спце: часто забѣгаютъ, въ очи заглядываютъ и смѣются, а потомъ такъ ввыкнетъ, что и метлою не отгонишь.

БАРОНЪ СТАРКЪ. Отчего то дѣлается — не знаю; я видѣлъ, многія наша братья отдаются подъ власть мерзкимъ женамъ и послушны имъ бываютъ и ставятъ ихъ однихъ,—того любятъ лучше всего свѣта.

СИЛБЕРСТЕРНЪ. Помнишь ли, господинъ баронъ, когда мы были въ Мадритѣ, сколько твоего было ходатайства и старанія за придворною дамою Шарлотою, почто твоя грубая персона тогда пріятныя мины на себя возлагала, и самъ баронъ сколько работѣпствовалъ и всякія

службы ко увеселенію ея пріискивалъ и за единое лобзаніе множество злата просыпалъ, и всю волю ея исполнялъ; а нынѣ того чуждъ называешься. Мнѣ мнится того ради: всякій любимой своей себя въ волю отдаетъ, что натурѣ противиться не можетъ, а что оную лучше всего свѣта ставитъ, на то и старыя пословицы не мимо дѣла говорятся: у милаго нѣтъ постылаго, а у постылаго нѣтъ милаго; еще: не то мило, что̀ хорошо — то хорошо, что̀ мило; еще: много хорошихъ, да милаго нѣтъ; особливо жь: кому что̀ мило, тому то и дорого и для него лучше свѣта".

Заключеніе этого разговора довольно ясно показываетъ, что симпатіи автора склонялись въ пользу новыхъ обычаевъ и понятій; но въ то же время очевидно, что аргументація защитниковъ старины ему самому была доступнѣе и знакомѣе, чѣмъ серьезные доводы въ пользу новыхъ отношеній.

Въ разныхъ мемуарахъ, относящихся къ исходу Петровскаго царствованія и къ ближайшему затѣмъ времени, можно встрѣтить иногда отдѣльныя черты и даже цѣлые разсказы о томъ, какъ—по крайней мѣрѣ среди высшаго общества — слагались въ дѣйствительности новыя отношенія между полами; появилась извѣстная утонченность, галантность въ обращеніи, какъ внѣшнее выраженіе сердечнаго влеченія, и хотя на первыхъ порахъ она была, конечно, очень ограничена въ своихъ проявленіяхъ, но при всемъ томъ представляла нѣкоторый шагъ впередъ въ дѣлѣ смягченія нравовъ и способствовала въ нѣкоторой степени развитію въ женщинѣ личныхъ вкусовъ, влеченій и понятій, словомъ, того, что̀ въ совокупности мы называемъ нравственною личностью. Въ 1716 году брауншвейгскому резиденту Веберу случилось присутствовать при церемоніи пострижения одной дѣвицы въ московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, среди большого общества женщинъ, безъ сомнѣнія, принадлежавшихъ къ

высшему классу общества. „Послѣ богослуженія", разсказываетъ Веберъ, — „онѣ, съ большими любезностями впрочемъ, задержали меня цѣлый часъ, разпрашивали о разныхъ предметахъ въ нѣмецкихъ земляхъ и въ особенности о положеніи дѣвицъ, въ томъ же ли онѣ гнетѣ и униженіи, въ какомъ содержатся въ Россіи? На все это я далъ имъ удовлетворительные отвѣты, и онѣ были такъ довольны, что на прощаньи вовсе не тихо проговаривали: какъ бы желали онѣ выйдти замужъ въ тѣхъ нѣмецкихъ земляхъ" [1]). Къ 1718 году относится учрежденіе ассамблей, а въ началѣ 1720 года гольштинскій камеръ-юнкеръ Берхгольцъ уже записывалъ въ своемъ дневникѣ, что на петербургскихъ придворныхъ собраніяхъ онъ видѣлъ многихъ молодыхъ русскихъ дамъ, которыя, по его мнѣнію, „не уступали нѣмкамъ и француженкамъ въ привѣтливости, тонкости обращенія и свѣтскости". И самъ молодой герцогъ Голштинскій, при которомъ состоялъ Берхгольцъ, и всѣ лица его свиты оказывали большое вниманіе русскимъ придворнымъ красавицамъ, но когда въ какомъ-нибудь собраніи устраивались танцы, то русскія дамы—наивно жалуется Берхгольцъ—„охотнѣе выбирали неотесанныхъ русскихъ, своихъ родственниковъ, большею частію унтеръ-офицеровъ гвардіи, и не стыдились приглашать ихъ и тогда, когда они стояли около и даже позади насъ" [2]). Все это, конечно, мелочи; но если принять въ разсчетъ ту точку зрѣнія, на которую ставится вопросъ въ вышеприведенной бесѣдѣ трехъ кавалеровъ, этимъ мелочамъ нельзя отказать въ характеристичности не только какъ чертамъ новаго общежитія, но и какъ робкимъ еще проявленіемъ женской личности, слагавшейся среди новыхъ общественныхъ условій.

По сохранившимся свѣдѣніямъ о нѣкоторыхъ отдѣль-

---

[1]) Записки Вебера въ Русскомъ Архивѣ 1872 г., ст. 1381.
[2]) Дневникъ Берхгольца, ч. I, стр. 55 и 101; ч. II, стр. 97 и 152.

ныхъ лицахъ женскаго пола изъ первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка можно еще нагляднѣе прослѣдить этотъ новый шагъ въ развитіи русской женщины. Въ такихъ, напримѣръ, характерахъ, какъ „государыня-невѣста" княжна Е. А. Долгорукая, какъ жена ея брата княгиня Наталья Борисовна, какъ Н. Ѳ. Лопухина, сказываются уже натуры съ гораздо бо̀льшими потребностями, съ бо̀льшею самостоятельностью, чѣмъ женщины предшествовавшихъ поколѣній, въ которыхъ строгій уставъ и эпическая обрядность старинной жизни почти вполнѣ убивала самостоятельныя проявленія. Замѣтимъ въ особенности романическую сторону въ жизни названныхъ лицъ — любовь, или разлученную, или вовлекшую ихъ въ рядъ несчастій. Тотъ же романическій характеръ можно замѣтить въ жизни правительницы Анны Леопольдовны и молодой цесаревны Елизаветы Петровны. Извѣстны отношенія послѣдней къ А. Б. Бутурлину и особенно къ А. Я. Шубину, сосланному въ Сибирь по повелѣнію императрицы Анны; но въ исторію нашей лирики, кажется, еще не занесенъ тотъ фактъ, что любовь или, точнѣе, разлука съ любимымъ человѣкомъ внушила Елизаветѣ слѣдующіе стихи:

Всякій разсуждаетъ, какъ въ свѣтѣ бъ жить,
А недоумѣваетъ, какъ съ рокомъ бы быть;
Что така тоска и жизнь не мила,
Когда другъ не зрится, лучше бъ жизнь лишиться —
Вся то красота.

Я не въ своей мочи огнь утушить,
Сердцемъ я болѣю, да чѣмъ пособить?
Что всегда разлучно и безъ тебе скучно,
Легче бъ тя не знати, нежель такъ страдати
Всегда по тебѣ.

О, несчастіе злое, долго ль мя мучить!
О чемъ я страдаю, то не даешь зрить;
Или я одна тебѣ отданна,
Что меня мучити, тѣмъ ся веселити
И жизни лишити.

Куда красные дни тогда бывали,
Когда мои очи тя не видали,
Ахъ, не были въ скукѣ и ни въ какой мукѣ,
Какъ цвѣтъ процвѣтали! [1])

Какъ далеко высказанное въ этихъ нескладныхъ стихахъ чувство, напримѣръ, отъ того горя, которое еще вполнѣ эпически выражается въ извѣстныхъ старинныхъ пѣсняхъ, усвоиваемыхъ царевнѣ Ксеніи Борисовнѣ! Ксенія оплакиваетъ свое прежнее житье-бытье въ отцовскомъ домѣ, свое сиротство и свои бѣдствія въ тѣхъ же обычныхъ формулахъ эпоса, въ какихъ — по народному свадебному чину — невѣста предъ вѣнцомъ оплакиваетъ свою дѣвическую волю [2]). Напротивъ того, въ стихахъ цесаревны Елизаветы слышится личное горе, не умѣющее да и не желающее найдти себѣ успокоеніе и протестующее противъ обычныхъ, ходячихъ утѣшеній разсудка.

Приведенное выше стихотвореніе — не единственное въ своемъ родѣ изъ той эпохи, о которой мы говоримъ. Напротивъ того, зарождавшаяся галантность въ отношеніяхъ между мужчинами и женщинами высшаго, болѣе образованнаго сословія породила значительное количество любовныхъ стиховъ. „Самая нѣжная любовь, толико подкрѣпляемая нѣжными и любовными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками", разсказываетъ въ своихъ запискахъ А. Т. Болотовъ,—„тогда получила первое только надъ молодыми людьми свое господствіе, и помянутыхъ пѣсенокъ было не только еще очень мало, но онѣ были въ превеликую еще диковинку, и буде гдѣ ка-

---

[1]) Стихи эти напечатаны съ собственноручнаго подлинника Елизаветы въ Отчетѣ Имп. Публ. Библ. за 1870 г., стр. 159—160; здѣсь перепечатываются съ исправленіемъ правописанія. Другія стихотворенія Елизаветы, извѣстныя въ печати, указаны въ 4-мъ изданіи Словаря русскихъ писательницъ кн. Н. Н. Голицына.

[2]) Буслаевъ, Истор. очерки, I, стр. 525 и слѣд.

кая проявится, то молодыми боярынями и дѣвушками съ языка была не спускаема"[1]). Слова Болотова относятся уже къ серединѣ XVIII вѣка, но мы можемъ отодвинуть содержащееся въ нихъ указаніе къ болѣе раннему времени, ибо имѣемъ факты, что любовные стихи стали у насъ появляться и распространяться задолго до пѣсенъ Сумарокова и прежде даже, чѣмъ Тредіаковскій напечаталъ свою „Ѣзду на островъ любви". Еще около 1720 года одинъ изъ случайныхъ людей Петровской эпохи, большой франтъ и побѣдитель женскихъ сердецъ, самъ изъза любви кончившій жизнь трагически, камергеръ В. И. Монсъ высказывалъ въ стихахъ свои чувства и признанія разнымъ знатнымъ петербургскимъ красавицамъ. Иноземецъ по происхожденію, но родившійся и воспитанный въ московской Нѣмецкой Слободѣ, Монсъ сочинялъ стихи и по нѣмецки, и по русски, только послѣдніе писалъ нѣмецкими буквами за незнаніемъ русской грамоты. Вотъ образецъ его стихотворства, въ которомъ мы находимъ то же настроеніе, то же томное выраженіе сердечнаго недуга, какое замѣтили въ стихахъ цесаревны Елизаветы:

Ахъ, что есть свѣтъ и въ свѣтѣ! ахъ, все противное!
Не могу жить, ни умерти! Сердце тоскливое,
Долго ты мучилось! Нѣтъ упокоя сердца,
Купидонъ, воръ проклятый, вельми радуется.
Пробилъ стрѣлою сердце; лежу безъ памяти,
Не могу я очнуться и очими плакати,
Тоска великая, сердце кровавое,
Рудою запеклося, и все пробитое[2]).

Секретарь и конфидентъ Монса, Е. Столѣтовъ, былъ стихотворецъ столь же плодовитый, какъ его начальникъ, и въ бумагахъ того и другого, сохранившихся въ

---

[1]) Записки А. Т. Болотова, I, ст. 179.
[2]) Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Виллимъ Монсъ, М. И. Семевскаго. С.-Пб. 1884, стр. 283.

дѣлахъ тайной канцеляріи, уцѣлѣло не мало стихотвореній Столѣтова въ чувствительномъ родѣ, какъ напримѣръ:

О, коль тягость голубю безъ перья летати,
Столь мнѣ безъ друга мила тошно пребывати.
И теперь я младенка въ слезахъ упываю,
Что я друга сердечна давно не видаю, и т. д. [1]).

Подобныя же стихотворныя піесы, обыкновенно безъ имени автора, нерѣдко попадаются, на ряду съ народными пѣснями, духовными стихами и кантами, въ рукописныхъ сборникахъ прошлаго вѣка, и хотя эти сборники по письму по большей части принадлежатъ уже ко второй половинѣ столѣтія, силлабическій размѣръ нѣкоторыхъ помѣщенныхъ въ нихъ стихотвореній не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что эти произведенія, въ которыхъ обыкновенно воспѣвается любовь съ разными ея перипетіями, сочинены значительно ранѣе, до введенія тоническаго стихосложенія. Для образца приводимъ нѣсколько такихъ піесъ изъ извѣстныхъ намъ сборниковъ XVIII вѣка.

I.

Радость моя паче мѣры, утѣха драгая,
Неоцѣненная краля, лапушка милая
И веселая, пріятно гдѣ теперь гуляешь?
Стосковалось мое сердце, почто такъ дерзаешь.
Вспомни, радость прелюбезна, какъ мы веселились
И пріятныхъ разговоровъ съ тобой насладились.
Уже нынѣ сколько время не зрю мою радость!
Прилети, моя голубка, сердечная сладость!
Если васъ сподоблюсь видѣть, закричу: ахъ, свѣтикъ мой!
Ты ли, радость, предо мной! Я рабъ и слуга твой.
Toли разно развернусь, прижавъ поцѣлую,
Подарю драгую перстнемъ, кинусь, размилую.
Виватъ, радость! Виватъ, сердце! Виватъ, дорогая!
Неоцѣненная краля, браліантъ, дорогая!
Ужь въ послѣдни воспѣваю: прощай, мой любезный свѣтъ!
Этимъ рѣчь мою кончаю, желаю вамъ много лѣтъ! [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 308.

[2]) Изъ сборника кантовъ и народныхъ пѣсенъ, доставленнаго въ Ии-

II.

Фартуна злая, что̀ такъ учиняешь,
Почто съ милою меня разлучаешь?
Я хотѣлъ до смерти въ любви пребыти,—
Ты жь меня тщишься отъ нея отрыти.
Или ты не знаешь, фартунища злая,
Коль ми есть сладка та моя милая?
Нѣсть ея краснѣе на семъ зримомъ свѣтѣ,
На вертоградѣ прекрасномъ цвѣтѣ.
Хоть воззрю на цвѣты — они пропадаютъ
И по натурѣ скоро исчезаютъ:
Ты, моя милая, не такъ быть хотѣла,
Колись ты, злая, скоро приспѣла,
Скоро возлетѣла какъ перната птица;
Мою милую златую голубицу
Отъ меня — ничто же ей злое сотворша —
Днесь ее вижду отъ себя отторгшу.
Ахъ, фартуна злая, отъ меня отстани,
А любовію паки ко мнѣ пристани,
За что̀ благодаренъ являтися буду
И до конца вѣка отнюдь не забуду!

III.

Ахъ, дивно въ мірѣ стало,
Что въ людяхъ правды не стало;
Прежде между нами была вѣрность,
Нынѣ явилась некрѣпость.
Мню, яко люди сіе разлучили
И лестными словами прельстили.
Не грѣхъ ли тѣмъ себѣ получаютъ,
Что между нами любовь разлучаютъ?
Трудно смерти вскорѣ искоренити,
Не возможно и въ правду жити.
Ей, ей, да явлюсь вѣрна,
И никогда буду другу непотребна [1]).

Близость этихъ произведеній къ приведеннымъ выше образцамъ стихотворства Елизаветы, Монса и Столѣтова, кажется, не требуетъ особыхъ доказательствъ. Но нельзя не замѣтить, что, съ одной стороны, сходство нѣкоторыхъ

ператорское Русское Географическое Общество въ 1887 году изъ библіотеки гг. Еленевыхъ.

[1]) Два послѣднія стихотворенія извлечены изъ сборника пѣсенъ и стихотвореній, любезно сообщеннаго намъ В. П. Мордвиновымъ.

пѣсенъ въ упомянутыхъ сборникахъ по слогу съ семинарскими духовными кантами, а съ другой — присутствіе малорусскихъ и даже польскихъ словъ въ иныхъ пѣсняхъ указываютъ на элементы, среди которыхъ преимущественно слагались такого рода стихотворенія. Припомнимъ также, что, по свидѣтельству Берхгольца, малорусскіе бандуристы появлялись въ его время въ лучшихъ домахъ Петербурга и были очень любимы [1]).

Итакъ, изъ всего сказаннаго видно, что въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка нравы и обычаи высшихъ слоевъ русскаго общества уже на столько измѣнились, что какъ для мужчины, такъ и для женщины, явилась возможность свободнаго увлеченія любовью; для извѣстной среды любовь сдѣлалась въ нѣкоторомъ родѣ общественнымъ интересомъ [2]). При такихъ-то условіяхъ и стало возможнымъ появленіе такого произведенія, какъ „Гисторія о матросѣ Василіи“. Мы уже знаемъ къ тому же, что оно было не единственное въ своемъ родѣ: къ упомянутымъ десятилѣтіямъ прошлаго вѣка относится еще, кромѣ „Исторіи о кавалерѣ Александрѣ“, цѣлый рядъ переводныхъ любовно-героическихъ романовъ, которые, по современному свидѣтельству, нравились читателямъ не только разсказами о храбрыхъ подвигахъ своихъ героевъ, но и повѣствованіемъ о „любовной страсти со стороны нѣжной и романической“ [3]). Наконецъ, существованіемъ въ обществѣ того же настроенія объясняется и появленіе въ 1730 году перевода Тредіаковскаго „Ѣзда

---

[1]) Дневникъ Берхгольца, ч. I, стр. 243, ч. II, стр. 301 и др.

[2]) Ср. разсказы леди Рондо о графѣ А. Ив. Остерманѣ. Письма леди Рондо. С.-Пб. 1874, стр. 113.

[3]) Записки Болотова, I, стр. 182. Болотовъ находитъ, что въ юные годы чтеніе такого романа, какъ „Эпаминондъ и Целеріана“, принесло ему большую пользу. О подобныхъ романахъ см. брошюру А. Н. Пыпина: Для любителей книжной старины. Библіографическій списокъ рукописныхъ романовъ, повѣстей, поэмъ и пр., въ особенности изъ первой половины XVIII вѣка. М. 1888.

на островъ любви", хотя, быть можетъ, аллегорическій романъ аббата Таллымана, со своею утонченною галантностью временъ Людовика XIV, былъ уже слишкомъ изысканною пищею для тогдашнихъ русскихъ читателей. Что касается отношенія повѣсти о любви матроса Василія къ любовнымъ стихотвореніямъ начала прошлаго вѣка, то ихъ непосредственная связь между собою видна ужъ изъ того, что въ повѣсти помѣщена именно такая же піеса. Въ повѣсти о кавалерѣ Александрѣ пѣсни или „аріи" также служатъ однимъ изъ обычныхъ выраженій любовнаго чувства. Не мало стиховъ включено и въ романы переводные.

Конечно, въ „Исторіи о матросѣ Василіи" нечего искать ни анализа чувства, ни хотя бы описанія его развитія. Любовь очерчена авторомъ только во внѣшнихъ своихъ проявленіяхъ, но все же этими проявленіями ей приданъ извѣстный характеръ. Любовь, какъ Василія, такъ и Ираклiи, родится внезапно, при первомъ взглядѣ ихъ другъ на друга. Но, проникая въ сердце нашего героя, любовь не убиваетъ его волю, а напротивъ, внушаетъ ему энергическій порывъ — извлечь свою возлюбленную изъ того бѣдственнаго состоянія, въ которомъ она находится. Любовь эта чиста и возвышенна съ обѣихъ сторонъ; Ираклія, отдавая свою судьбу въ руки Василія, ставитъ непремѣннымъ условіемъ сохраненіе ея дѣвственной чистоты впредь до счастливой минуты заключенія брака, и въ то же время любовники клянутся другъ другу въ вѣчной вѣрности: если судьба разлучитъ ихъ, ни тотъ, ни другая не должны ни съ кѣмъ вступать въ супружество. Но вотъ приходитъ тяжелая пора; разлученные любовники томятся въ глубокой печали, выражая ее притомъ наружными проявленіями: Ираклія не снимаетъ съ себя чернаго платья, Василій слагаетъ жалобныя пѣсни. Когда же наконецъ враждебныя обстоятельства измѣняются въ ихъ пользу, они спѣшатъ найдти себѣ удовлетвореніе въ законномъ бракѣ.

Таково изображеніе любви въ повѣсти о Василіи; сравнивая его съ тѣми мотивами, которые представляютъ приведенные нами образцы любовной лирики начала XVIII вѣка, нельзя не замѣтить, что и тамъ, и здѣсь любовь имѣетъ одинъ и тотъ же характеръ: въ обоихъ случаяхъ она выражается неопредѣленнымъ томленіемъ, смутною тоской и какимъ-то робкимъ, нерѣшительнымъ заявленіемъ своего нравственнаго права. Автору и въ голову не приходитъ придать этому чувству оттѣнокъ сильной страсти, которая готова была бы пренебречь всякими житейскими условіями; въ самыя горькія минуты разлуки выведенные авторомъ любовники не впадаютъ въ безвыходное отчаяніе, какъ бы поджидая, что судьба сама смилуется надъ ихъ бѣдствіями. Даже влагая въ уста Василію пѣсню, въ которой разлученный со своею красавицей герой высказываетъ закравшееся въ его душу сомнѣніе о вѣрности ему его возлюбленной,—авторъ не рѣшается развить это сомнѣніе до порыва ревности. Напротивъ того, изображенная въ нашей повѣсти любовь какъ бы для того только и стремится преодолѣть встрѣчающіяся ей препятствія и удалить сомнѣнія, чтобы скорѣе облечься въ формы, установленныя обычаемъ.

Въ этомъ еще робкомъ выраженіи свободнаго голоса сердца, въ этомъ уваженіи къ обычаю нельзя не признать самой характеристичной черты отношеній нашего автора къ изображаемому имъ чувству, и вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя, кажется, не видѣть вліянія на него со стороны окружавшей его дѣйствительности, которая едва только начинала допускать установленіе болѣе свободныхъ отношеній между полами[1]).

Но приводя разбираемую повѣсть въ связь съ дѣй-

[1]) Въ „Исторіи о кавалерѣ Александрѣ" любовь изображена менѣе идеально, чѣмъ въ повѣсти о Василіи, — безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ существовавшихъ въ старой литературѣ разсказовъ о женскомъ лукавствѣ и т. п.

ствительными условіями русской жизни первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка, мы не можемъ не признать, что въ этомъ произведеніи замѣчаются и нѣкоторыя литературныя вліянія. Одно прямое указаніе въ этомъ отношеніи даетъ сама повѣсть. При описаніи первой встрѣчи героя съ героиней авторъ сравниваетъ положеніе Василія съ положеніемъ какого-то Лодвика, который отъ сильной любви впалъ въ болѣзнь. Это мѣсто повѣсти въ спискѣ Московскаго музея читается нѣсколько полнѣе, чѣмъ въ рукописи г. Забѣлина: „И какъ увидѣвъ россійскій матросъ (Ираклію), паде отъ ея лѣпоты на землю, яко Лодвикъ, королевичъ рахлинскій, отъ прекрасныя королевны Флоренты Римскія, токмо не такъ, какъ единъ (то-есть, Лодвикъ) себя отягчилъ любовію сильною и въ болѣзнь впаде“. Заключающійся въ этихъ словахъ намекъ указываетъ на одно изъ литературныхъ произведеній, знакомыхъ нашему автору, и потому не можетъ бытъ пропущенъ безъ вниманія въ литературной его характеристикѣ.

Литературное произведеніе, въ которомъ находится разсказъ о Лодвикѣ и Флорентѣ Римской, есть извѣстная въ средневѣковой литературѣ, переведенная и у насъ въ XVII вѣкѣ, „Повѣсть о семи мудрецахъ“. Въ старинномъ русскомъ переводѣ онъ занимаетъ, въ ряду другихъ разсказовъ Повѣсти, послѣднее мѣсто и вложенъ въ уста самому королевичу Діоклитіану, о судьбѣ и жизни котораго мудрецы препираются съ его мачихой. Обыкновенно онъ озаглавливается въ рукописяхъ такъ: „Повѣсть Діоклитіана о двух слугахъ цысарскихъ и о Александрѣ и Лодвикѣ“ [1]). Содержаніе разсказа слѣдующее: Рыцарскій сынъ Александръ, брошенный своимъ отцомъ, попадаетъ въ Египетъ, гдѣ за свое умѣнье толковать

---

[1]) Пользуемся рукописью Имп. Публ. Библіотеки, сборникъ XVII в., О. XV. 2, лл. 338 об.—386.

сны становится любимцемъ царя, который даетъ ему обѣщаніе выдать за него свою дочь и сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ. Александру приходитъ на мысль посѣтить дворъ Римскаго цесаря; царь Египетскій отпускаетъ его, но съ условіемъ скораго возвращенія. Александръ пріѣзжаетъ къ цесарю на службу, а вслѣдъ затѣмъ туда является съ тою же цѣлью Лодвикъ, сынъ короля Израильскаго. Цесарь назначаетъ Александра своимъ кравчимъ, а Лодвика — чашникомъ. „И даде ему (Лодвику) дворъ со Александромъ; бяху же Александръ и Лодвикъ лицемъ и возрастомъ, и власы, и глазы приличны другъ другу, и въ молвехъ и въ речехъ во всемъ приличны, токмо мудростью другъ отъ друга различни, и между собою велми любляхуся. Александръ же бяше зело мочень, а Лодвикъ младъ и немощанъ; токмо въ томъ разньство межь ими бяше. Цысарь же имяше у себя дщерь единочадну, именемъ Фларенту, зело еѣ любляше, понеже лѣпа бѣ. Цысарь же на всякъ день на исходъ стола своего посылая съ ѣствою Александра; цысаревна же, Александра видевъ, зело его любяше и хотѣ собѣ его имѣти мужемъ, понеже бяше храбръ и мудръ. Случи же ся нѣкогда единого дне Александру сотворше пиръ на свою братью, Лодвику же приказа, чтобы про него сказалъ цысарю немочна; Лодвикъ же приѣхавъ къ цысарю и ста на Александрове мѣсте и учалъ цысарю ѣсти готовити; назвася Александромъ, Лодвика же сказавъ немочна, понеже ни каковъ человѣкъ во обличье ихъ не могъ познати: кое Александръ, и кое Лодвикъ. Цысарь же, егда столъ исхожаше, рече Лодвику, мня его Александра суща: „Милый сыну Александре, иди, отнеси отъ мене ествy дочере моей“. Лодвикъ же цысаревны преже того николи не видаше, и вниде къ ней въ полату и поклонися, и вдастъ ей ѣству отъ цысаря, отца ея. Увидевъ же его цысаревна и позна иже не Александръ бѣ, и рече ему: „Како есть имя твое, и чій еси сынъ?“ Онъ же рече ей:

„Имя ми есть Лодвикъ, сынъ краля Израильтеского, слуга же цысарьской, отца твоего“. Она же рече: „Добре, иди въ покой и бей челомъ отцу моему“. Лодвикъ же поклонився и иде, и отъ того часу рознемогся и легъ на ложи своемъ зело немощенъ“. Александръ, узнавъ о его болѣзни, догадался о причинѣ ея, высказалъ ее Лодвику и предоставилъ ему жениться на Флорентѣ, а самъ уѣхалъ въ Египетское царство, гдѣ женился на царской дочери и сталъ царемъ, между тѣмъ какъ Лодвикъ сдѣлался цесаремъ. Впослѣдствіи оба друга успѣли оказать взаимно большія услуги, еще болѣе скрѣпившія ихъ дружбу. Разсказъ о томъ составляетъ значительную часть повѣсти[1]).

Изъ этого изложенія видно, что весьма немногое въ Діоклитіановомъ разсказѣ имѣетъ отношеніе къ нашей повѣсти. Въ разсказѣ „Семи мудрецовъ“ любви отведено, собственно говоря, очень небольшое мѣсто, между тѣмъ какъ въ нашей повѣсти она составляетъ главный нервъ. Въ обоихъ случаяхъ любовь героевъ зарождается внезапно; но это положеніе принадлежитъ къ числу самыхъ обычныхъ въ старинной повѣствовательной литературѣ. Гораздо любопытнѣе то, что наша повѣсть не хочетъ допустить дѣйствія любви въ томъ видѣ, въ какомъ оно обнаружилось на Лодвикѣ: Василій не заболѣваетъ, не падаетъ духомъ послѣ первой встрѣчи съ Иракліей, а напротивъ того, исполняется новою энергіей. Постановка любовныхъ отношеній въ средневѣковомъ романѣ, по видимому, не удовлетворяла уже новаго автора, а потому

---

[1]) Та же повѣсть встрѣчается переписанною отдѣльно, какъ, и притомъ въ болѣе подробной редакціи (см. А. Н. Пыпинъ. Для любителей книжной старины, стр. 4 и 5), а также пересказана въ небольшомъ печатномъ сборникѣ: Историческія сказки. Въ С.-Пб. 1793, стр. 59—98, подъ заглавіемъ: „Сказка о славныхъ витязяхъ Александрѣ и братѣ его Лодвигѣ, жившихъ между собою въ великомъ согласіи и готовыхъ умерсть другъ за друга“. Этотъ пересказъ весьма близокъ къ изложенному выше, но дочь цесаря не названа Флорентой, а именуется просто царевной.

намекъ, свидѣтельствующій о знакомствѣ сочинителя „Гисторіи“ о Василіѣ съ „Повѣстью о семи мудрецахъ“, любопытенъ не только въ своемъ общемъ значеніи, какъ указаніе на тотъ кругъ литературныхъ произведеній, который интересовалъ нашего автора, но и какъ свидѣтельство о нарожденіи новыхъ воззрѣній на любовь.

Признаки еще другихъ, болѣе позднихъ литературныхъ вліяній мы можемъ найдти въ нѣкоторыхъ чертахъ любовной исторіи матроса Василія, каковы, напримѣръ: освобожденіе имъ своей возлюбленной изъ плѣна, соблюденіе ея дѣвической чистоты, взаимная клятва любовниковъ въ вѣчной вѣрности другъ другу, и вообще—въ томъ тонѣ аристократической вѣжливости, который авторъ „Гисторіи“ придалъ взаимнымъ отношеніямъ большей части дѣйствующихъ лицъ: Василій, прельщенный красотой Иракліи, падаетъ предъ нею на колѣни; отецъ ея хочетъ отдать ее замужъ за адмирала, чтобы не нарушить своего пароля, и т. д. Все это — обычные мотивы и формулы тѣхъ любовно-героическихъ романовъ, которые размножились въ западной Европѣ послѣ появленія „Амадиса Галльскаго“, выразившаго собою идеальныя стремленія позднѣйшаго рыцарства, и которыхъ совершенно выродившіеся остатки переводились у насъ въ значительномъ количествѣ въ началѣ XVIII вѣка. Нашъ авторъ учился изъ этихъ книгъ тому галантному обращенію, потребность котораго обнаруживалась въ его время и въ дѣйствительной жизни.

Любовною темой не ограничиваются отличія нашей повѣсти отъ старой русской литературы: ихъ можно найдти также въ общемъ міросозерцаніи ея автора. Въ старинныхъ произведеніяхъ даже чисто беллетристическаго содержанія, за немногими исключеніями, преобладалъ характеръ религіозный: въ повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ злой совѣтникъ олицетворяется еще въ видѣ бѣса; въ нѣкоторыхъ спискахъ повѣсти о Синагрипѣ премудрый

Акиръ называется угодникомъ Божіимъ. Напротивъ того, въ нашей повѣсти поступки дѣйствующихъ лицъ, какъ дурные, такъ и хорошіе, совершаются ими только по ихъ свободной волѣ, безъ непосредственнаго вмѣшательства высшихъ силъ, но, не смотря на то, безъ ущерба нравственному значенію самыхъ дѣлъ; вліяніе же высшихъ силъ замѣняется дѣйствіемъ случая, судьбы, той „фартуны", жалобы на которую мы видѣли въ стихотвореніяхъ, современныхъ нашей повѣсти.

Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе приглядываемся мы къ „Гисторіи о матросѣ Василіи", тѣмъ болѣе замѣчаемъ въ ней признаковъ новаго, болѣе широкаго міросозерцанія, внесеннаго въ русскую жизнь Петровскою реформой. Но въ то же время въ ней слышатся еще отзвуки старыхъ понятій, осколки того, чтѣ отжило свой вѣкъ и подлежитъ уничтоженію или измѣненію. Такое смѣшеніе составляетъ отличительную особенность всѣхъ произведеній, великихъ и малыхъ, всякихъ переходныхъ эпохъ, и въ этомъ смыслѣ „Гисторія о матросѣ Василіи" есть явленіе, безъ сомнѣнія, характеристичное для эпохи Петровской. Вмѣстѣ съ тѣмъ ей должно быть отведено довольно видное мѣсто и въ общемъ ходѣ русской литературы — какъ первой попыткѣ романическаго разсказа съ замѣтнымъ оттѣнкомъ идеализма.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Гисторія о матросѣ Василіи и повѣсть о Долторнѣ.

Въ издаваемыхъ Обществомъ любителей древней письменности „Памятникахъ" (выпускъ LXIV. С.-Пб. 1887) А. Н. Пыпинъ напечаталъ свой любопытный трудъ подъ заглавіемъ: „Изъ исторіи народной повѣсти", въ которомъ помѣщена „Гисторія о гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ и прекрасной гишпанской королевнѣ Элеонорѣ". Въ предисловіи къ этой повѣсти г. Пыпинъ возражаетъ противъ высказаннаго нами мнѣнія, что „Гисторія о матросѣ Василіи" есть оригинальное русское произведеніе, и доказываетъ, что весьма близкимъ источникомъ для фабулы изданной нами повѣсти послужила повѣсть о Долторнѣ. „Гисторія о Долторнѣ", говоритъ г. Пыпинъ, — „была, по видимому, тѣмъ готовымъ образцомъ, по которому составилась „Гисторія о матросѣ Василіи", именно во второй ея половинѣ, гдѣ собственно и начинаются романическія приключенія мнимо-русскаго героя". И далѣе: „Можно было бы впередъ предположить, что похожденія героя съ тѣхъ поръ, какъ онъ попадаетъ на разбойничій островъ, не были русскаго изобрѣтенія: было бы слишкомъ безцеремонною выдумкой — сдѣлать россійскаго матроса, хотя бы самаго „остраго", „братцемъ" цесарю и Флоренскимъ королемъ. И дѣйствительно, похожденія россійскаго матроса съ флоренскою королевной составляютъ явное повтореніе приключеній гишпанскаго шляхтича Долторна и гишпанской королевны Элеоноры. Г. Майковъ предполагалъ уже, что мотивы приключеній могутъ встрѣтиться въ другихъ повѣстяхъ, но думалъ, что они нигдѣ не встрѣчаются въ томъ сочетаніи, въ какомъ явля-

ются они въ исторіи матроса Василія. Приводимая нами повѣсть о Долторнѣ, напротивъ, даетъ тѣ самыя подробности и въ томъ самомъ сочетаніи: начало исторіи матроса Василія — другое, но съ того пункта, какъ онъ является атаманомъ разбойниковъ и всѣ встрѣчаютъ королевну, всѣ дальнѣйшія похожденія россійскаго матроса и гишпанскаго шляхтича — однѣ и тѣ же".

Не можемъ не признать, что замѣчаніе г. Пыпина о зависимости Гисторіи о матросѣ Василіи отъ Гисторіи о Долторнѣ" [1]) вноситъ существенную поправку въ высказанное нами въ 1878 году мнѣніе о степени оригинальности „Гисторіи о матросѣ Василіи". Дѣйствительно, приключенія россійскаго матроса являются, въ повѣсти о немъ, въ томъ же сочетаніи, въ какомъ описаны приключенія героя въ „Гисторіи о Долторнѣ". Но не можемъ согласиться съ утвержденіемъ г. Пыпина, что всѣ похожденія обоихъ героевъ, то-есть, всѣ подробности этихъ приключеній — одни и тѣ же. Въ доказательство приведемъ нѣкоторые примѣры. Обстоятельства пребыванія Василія на разбойничьемъ островѣ мало сходны съ обстоятельствами жизни Долторна среди разбойниковъ; въ описаніи быта разбойниковъ, товарищей Василія, явно видны русскія черты, о которыхъ нѣтъ и помину въ повѣсти о Долторнѣ. Далѣе, встрѣча обоихъ героевъ съ героинями происходитъ вовсе не при одинаковыхъ условіяхъ: Василій находитъ свою Ираклію въ заключеніи, въ которомъ держали ее разбойники, скрывая отъ него; Долторнъ же, въ качествѣ атамана, получаетъ Элеонору, какъ плѣнницу, въ даръ отъ есаула, ходившаго на добычу. Равнымъ образомъ, и обстоятельства сношеній Василія съ цесаремъ представляются далеко не вполнѣ сходными съ отношеніями Долторна также къ цесарю. То же надобно сказать и о дальнѣй-

[1]) Повѣсть эта не была намъ извѣстна въ 1878 году, когда написана напечатанная выше статья о Гисторіи матроса Василія.

шихъ приключеніяхъ, разсказываемыхъ въ обѣихъ повѣстяхъ; тутъ вполнѣ тожественными оказываются, собственно говоря, только двѣ черты: вопервыхъ, внезапный увозъ героинь коварнымъ адмираломъ во время морского празднества, и вовторыхъ, пѣніе и игра на цитрѣ обоихъ героевъ въ то время, когда ихъ возлюбленныхъ ведутъ къ вѣнцу: по этимъ звукамъ обѣ героини неожиданно узнаютъ, что живы тѣ, кого онѣ любятъ, но считаютъ уже погибшими.

Такимъ образомъ, мы не отрицаемъ, что сочетаніе или послѣдовательность приключеній, а также нѣкоторыя ихъ частности, одинаковы въ обѣихъ повѣстяхъ; мы готовы допустить и то, что „Гисторія о Долторнѣ" была извѣстна составителю повѣсти о матросѣ Василіи и послужила прототипомъ для сей послѣдней. Но все-таки мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ, что гисторія о Василіи есть только сокращенное повтореніе гисторіи о Долторнѣ. Взаимныя отношенія этихъ двухъ повѣстей естественно обращаютъ наше вниманіе къ вопросу о томъ, какъ вообще нужно разумѣть въ старинной литературѣ такъ-называемое заимствованіе. Случаи заимствованія изъ одного произведенія въ другое составляютъ явленіе, безпрерывно повторяющееся, какъ въ нашей литературѣ, такъ и въ другихъ; иногда эти заимствованія получаютъ даже характеръ плагіата, то-есть, прямого воспроизведенія статьи одного автора подъ именемъ другого. Но на подобные факты слѣдуетъ смотрѣть только какъ на литературный обычай, какъ на естественное слѣдствіе того единства воззрѣній, которыя оказываются господствующими въ извѣстный періодъ литературы. Очень часто, при такихъ обстоятельствахъ, наивное заимствованіе—мотивовъ ли фабулы, отдѣльныхъ ли эпизодовъ, или наконецъ, оборотовъ рѣчи — есть только неловкая и неумѣлая форма подражанія, совершенно чуждаго всякихъ дурныхъ побужденій. Мало того: нужно

признать, что пріемъ подобныхъ заимствованій не исключалъ для подражателя возможности оставаться до нѣкоторой степени оригинальнымъ. Такъ и въ нашемъ случаѣ: „Гисторія о матросѣ Василіи“, по своей фабулѣ, есть несомнѣнно подражаніе „Гисторіи о шляхтичѣ Долторнѣ“; но сочинитель первой все-таки обнаружилъ и нѣкоторую независимость отъ своего образца: вопервыхъ, онъ все-таки пожелалъ сдѣлать своего героя русскимъ, а не иностранцемъ, — поэтому начало повѣсти происходитъ въ русской средѣ; вовторыхъ, онъ не могъ отрѣшиться отъ своихъ русскихъ понятій и въ дальнѣйшемъ ходѣ повѣсти, — поэтому, описывая разбойниковъ какого-то невѣдомаго острова, онъ придалъ имъ характерныя бытовыя черты русскихъ гулящихъ людей; втретьихъ, авторъ очевидно находился подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній своей эпохи, только что проникшихъ на русскую почву,—поэтому, изображая любовныя отношенія героя и героини, онъ придалъ имъ нѣкоторый оттѣнокъ сентиментальности, тотъ самый оттѣнокъ, какой является знаменательнымъ признакомъ времени и въ тогдашнихъ лирическихъ опытахъ. Вотъ почему „Гисторія о россійскомъ матросѣ Василіи“, не смотря на несамостоятельность фабулы, лежащей въ ея основѣ, должна быть признана произведеніемъ, отражающимъ въ себѣ черты времени и мѣста своего происхожденія; другими словами—она по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можетъ быть названа сочиненіемъ оригинальнымъ русскимъ.

II.

Любовное посланіе XVII вѣка.

Въ статьѣ, посвященной „Гисторіи о россійскомъ матросѣ Василіи", приведено нѣсколько русскихъ любовныхъ стихотвореній, сочиненныхъ въ Петровское время или вообще въ первыя десятилѣтія XVIII вѣка, и происхожденіе этихъ первыхъ опытовъ нашей искусственной любовной лирики объяснено тѣмъ, что въ означенное время начинаетъ обнаруживаться, по крайней мѣрѣ въ высшихъ слояхъ русскаго общества, бо̀льшая мягкость отношеній между полами и даже нѣкоторая галантность обращенія. Уже по отпечатаніи упомянутой статьи въ 1878 году, намъ случилось найдти еще одно любовное стихотвореніе изъ ранней поры Петровскаго періода. Оно любопытно и само по себѣ, и по тѣмъ обстоятельствамъ, вслѣдствіе которыхъ оно сохранилось [1]).

Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ:

6-го мая 1698 года дневальные подъячіе разряднаго приказа, Романъ Артемьевъ съ товарищи, сказали въ извѣтѣ начальнику этого приказа боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу, что за нѣсколько дней предъ тѣмъ пришелъ въ разрядъ, въ переднюю палату, какой-то неизвѣстный человѣкъ, и что сидѣвшій въ той палатѣ колодникъ, рыляниnъ Савинка Якимовъ, подозвалъ его къ себѣ и далъ ему завернутый въ платкѣ Часословъ и деньги для отвоза ихъ его Савиновой женѣ. Между тѣмъ неизвѣстный вынулъ изъ-за пазухи письмо, а самого человѣка задержали подъ карауломъ. Письмо это, написанное на небольшой бумажкѣ и сложенное въ нѣ-

---

[1]) Какъ эти обстоятельства, такъ и самые стихи, извѣстны намъ изъ документовъ Московскаго архива министерства юстиціи, дѣло № 3313.

сколько перегибовъ (оно сохранилось въ дѣлѣ подлинникомъ), оказалось слѣдующаго содержанія[1]):

Очей моихъ преславному свѣту,
И не лестному нашему совѣту,
Здрава буди, душа моя, многія лѣта
И не забывай праведнаго твоего обѣта —
Какъ мы съ тобою предъ Богомъ обѣщалися,
Въ которое время перстнями помѣнялися
И вѣнцы на главахъ нашихъ имѣли
Златые, во дни минюшедшіе, радостные,
Святые. Почасту, свѣте моя, воспоминай,
Наипаче же въ молитвахъ своихъ не забывай;
А я во истинну тебя не забываю,
По всякій часъ воспоминаю,
И тако мнѣ по тебѣ тошно.
Какъ было бы мошно,
И я бы отселя полетѣлъ
И къ тебѣ бы, душа моя, прилетѣлъ,
И мы съ тобою бъ повидались,
Каморку затворили бъ
И всю тайную переговорили.
Лазоревой мой цвѣточикъ,
Наимилѣйшій мой животочикъ,
Возвѣщаю, наимиличку, тебѣ,
Что понесъ на себѣ,
Какъ я пріѣхалъ къ государю батюшку,
Потомъ видѣлъ и государыню матушку,
Пресвѣтлыя очи,
И обачилъ и радость твою

и свою, ожидалъ отъ нихъ же милости пресвѣтлыя, и я вмѣсто того же слышалъ слова извѣтныя: „мочно тебѣ гдѣ женится и многими пожитками поживится; взялъ бы ты гдѣ намъ годно и тебѣ благоугодно—въ Москвѣ у человѣка знатнаго". Только я, ласточка, отъ ерасунка того отклонился. Потомъ тебѣ любительное поздравленье и нижайшее поклоненіе. Другъ твой имя рекъ человѣкъ".

Подъячіе стали спрашивать человѣка, пришедшаго въ разрядъ, кто онъ таковъ. Онъ сказался рылянииномъ Савкою Аѳонасьевымъ сыномъ Карцовымъ; отецъ его

[1]) Начало писано на подобіе стиховъ, но въ строкахъ, не соотвѣтствующихъ ни размѣру, ни риѳмамъ; конецъ же писанъ сплошь, какъ обыкновенная проза.

служить рейтаромъ въ Сѣвскомъ полку, онъ же Савка не состоитъ въ службѣ, а жилъ напередъ того на Москвѣ, въ знакомцахъ, у боярина князя Константина Осиповича Щербатова, а послѣ того жилъ въ Сѣвскѣ у полковника Ивана Андреева сына Цѣя, и изъ Сѣвска онъ съ его сыномъ Иваномъ же пріѣхалъ къ Москвѣ въ нынѣшній Великій постъ и жилъ на дворѣ у полковника Цѣя въ Нѣмецкой Слободѣ, а нынѣ же захотѣлъ побывать у отца своего въ Рыльскѣ и потому пришелъ въ разрядъ провѣдать, нельзя ли ради какой посылки съѣхать съ Москвы на ямскихъ подводахъ, ибо и прежде онъ былъ туда посыланъ съ государевыми грамотами. Въ разрядѣ увидѣлъ его Савку знакомый ему рылянинъ С. Якимовъ и далъ ему, для отвозу своей женѣ, Часословъ и денегъ; чтобы завернуть эти деньги, онъ Карцовъ и вынулъ изъ-за пазухи то письмо. Карцовъ объяснилъ также, что онъ грамотѣ не знаетъ, письмо же взялъ у дѣтей полковника Цѣя, Ѳедора и Ивана, изъ стола; чаялъ, что то письмо черное; кто письмо то писалъ — не знаетъ.

Того же числа по разрядъ сысканъ былъ Ѳедоръ Цѣй, и на допросѣ о томъ письмѣ показалъ: То письмо писалъ у него деньщикъ, а какъ зовутъ — не упомнитъ; а-де Ѳедоръ съ того письма писалъ отъ себя совѣтную грамоту къ невѣстѣ своей, полуполковника къ Денисовой сестрѣ Рыдера, къ дѣвицѣ Еленѣ Петровой дочери, для того, что онъ въ нынѣшній Великій постъ сговорилъ на ней жениться; а посылалъ-де онъ отъ себя то письмо невѣстѣ, какъ стоялъ на степномъ караулѣ, до сговору, для того чтобы она за инаго жениха не вышла. А вышеписанное письмо положилъ онъ у себя въ хоромахъ въ столъ, а какъ у него то письмо рылянинъ С. Карцовъ вынялъ и для чего, того онъ Ѳедоръ не вѣдаетъ, и ему Савкѣ того письма онъ не давывалъ; а къ Москвѣ, пріѣхалъ онъ Савка изъ Сѣвска съ братомъ его Иваномъ Цѣемъ въ нынѣшній Великій постъ и жилъ у нихъ въ

Слободѣ на дворѣ отца ихъ по прежнему знакомству, а воровства за нимъ онъ Ѳедоръ никакого не знаетъ.

По наведеніи справки въ имѣвшихся въ разрядѣ Рыльскихъ разборныхъ книгахъ Савка Карцовъ оказался записанъ рейтарскимъ недорослемъ четырнадцати лѣтъ. А потому 17-го мая 1698 года рѣшено: рылянину Саввѣ Аѳонасьеву сыну Карцову за вину его, что онъ, избѣгая службы, жилъ въ Москвѣ и въ прошломъ году у переписи недорослей въ Рыльскѣ не явился, учинено наказаніе—бить батоги и велѣно записать его въ солдаты въ Сѣвскій полкъ.

Такимъ образомъ незначительная случайность обнаружила крупную провинность молодого человѣка и навлекла на него наказаніе. Но не въ томъ заключается для насъ интересъ разсказаннаго происшествія. Разслѣдованіе о Карцовѣ обнаружило нѣкоторыя обстоятельства, касающіяся сердечныхъ дѣлъ его знакомца Ѳедора Цѣя, и вотъ тутъ-то являются предъ нами характерныя черты нравовъ конца XVII вѣка, первыхъ годовъ Петровскаго періода. Очевидно, не по родительскому указу и выбору Ѳедоръ Цѣй посватался къ Еленѣ Рыдеръ; браку ихъ предшествовалъ свободный выборъ сердца, и еще до сговора они помѣнялись кольцами и имѣли вѣнцы на головахъ: эти символическія дѣйствія еще до освященія ихъ брака церковью должны были свидѣтельствовать о крѣпости ихъ сердечнаго союза. Тѣмъ не менѣе Ѳедору, по видимому, не совсѣмъ легко было убѣдить своего государя батюшку и свою государыню матушку дать согласіе на этотъ бракъ, казавшійся имъ не довольно выгоднымъ. Въ эти-то минуты сомнѣній и сердечныхъ тревогъ разлученному со своею возлюбленною молодому человѣку захотѣлось перекинуться съ нею словомъ. Кто таковъ былъ тотъ деньщикъ, что̀ явился посредникомъ между молодыми людьми, — мы не знаемъ; но очевидно, не простой слуга, если онъ умѣлъ дать даже нѣкоторую стихотворную форму выраженію нѣжныхъ

чувствъ своего господина; по всей вѣроятности, то былъ даже вовсе не деньщикъ, а скорѣе—учитель или дядька полковничьихъ дѣтей, человѣкъ, не лишенный книжнаго образованія, и притомъ родомъ изъ Западной Россіи, какъ можно догадываться по нѣсколькимъ полонизмамъ стихотворенія. Какъ бы то ни было, роль этого московскаго Фигаро, да и весь характеръ отношеній между Ѳеодоромъ Цѣемъ и его невѣстой, являются чѣмъ-то новымъ, необычнымъ среди степеннаго чина, проникавшаго встарину даже въ домашнюю жизнь нашихъ предковъ. Но умственное движеніе на Руси уже съ самаго начала XVII вѣка представляется подготовленіемъ къ великой государственной, общественной и бытовой реформѣ, соединенной съ именемъ Петра I, а потому въ теченіе этого вѣка мы нерѣдко встрѣчаемся съ явленіями, которыя своимъ характеромъ напоминаютъ слѣдующее столѣтіе: такъ и въ данномъ случаѣ—въ любовныхъ приключеніяхъ и любовной грамотѣ Ѳедора Цѣя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ объясненіи этого происшествія значительная доля должна быть отнесена на счетъ особенныхъ бытовыхъ условій Нѣмецкой Слободы; въ этомъ уголкѣ Москвы издавна началось своеобразное сочетаніе русскихъ и чужеземныхъ нравовъ, и отсюда по преимуществу идутъ тѣ иностранныя вліянія, которыя проникаютъ въ русскую жизнь и образованность въ XVII вѣкѣ. Ѳедоръ Цѣй былъ такой же обрусѣлый иноземецъ, какъ Вилимъ Монсъ; очевидно, и тому, и другому не чужды были литературные интересы свѣтскаго характера, и подъ этимъ настроеніемъ оба они пытались облечь въ стихотворную форму проявленія своего сердечнаго влеченія. Тѣмъ же намѣреніемъ увлекся и неизвѣстный авторъ „Исторіи о россійскомъ матросѣ Василіи“, который первый изъ русскихъ сочинителей рѣшился написать повѣсть исключительно на тему нѣжной страсти.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ЛОМОНОСОВА

КАКЪ УЧЕНАГО.

По поводу сочиненія: М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ. Съ приложеніями, содержащими матеріалы для объясненія его сочиненій по теоріи языка и словесности. Антона Будиловича. С.-Пб. 1869.

Когда, въ 1765 году, Ломоносовъ сошелъ въ могилу, даже самые образованные люди изъ русскихъ его современниковъ видѣли въ немъ почти исключительно поэта и оратора. Ученое образованіе такъ было ничтожно въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, что никто не былъ въ состояніи оцѣнить его труды въ области естествовѣдѣнія и филологіи, и даже къ его „Россійской исторіи" относились съ интересомъ не научнымъ, а только художественнымъ: императрица Елизавета, высказавшая желаніе видѣть россійскую исторію, его штилемъ написанную, вѣрно выразила мысль вѣка. Въ обществѣ существовало только смутное сознаніе, что среди его прошелъ великій геній, воплотившій въ себѣ могучія духовныя силы русскаго народа. И въ послѣдующее время медленно развивалось это сознаніе: между тѣмъ какъ художественная русская литература охотно вела свое преданіе отъ образцовъ, завѣщанныхъ Ломоносовымъ, наука русская сошла съ пути, который ей указанъ былъ ея основателемъ; многія науч-

ныя идеи, высказанныя Ломоносовымъ, не получили дальнѣйшаго самостоятельнаго развитія въ трудахъ русскихъ ученыхъ и затѣмъ явились къ намъ, какъ бы впервые заявленныя, въ произведеніяхъ западной ученой литературы. Только около второй четверти текущаго столѣтія начинается у насъ серьезная оцѣнка ученыхъ трудовъ Ломоносова, и только празднованіе Ломоносовскаго юбилея въ 1865 году, снова обративъ вниманіе общества на личность великаго двигателя русскаго просвѣщенія въ XVIII вѣкѣ и послуживъ поводомъ къ изданію различныхъ хранившихся въ архивахъ матеріаловъ для біографіи Ломоносова, вызвало рядъ спеціальныхъ разсужденій о разныхъ отрасляхъ его дѣятельности, въ томъ числѣ и научной. Авторы этихъ разсужденій, единодушно высказывая удивленіе къ поразительной проницательности Ломоносова въ вопросахъ науки и свидѣтельствуя, что его ученыя наблюденія и догадки понынѣ сохраняютъ свою свѣжесть и находятъ себѣ оправданіе въ дальнѣйшихъ успѣхахъ науки, — тѣмъ самымъ платятъ поздній долгъ признательности, которою наше ученое образованіе оставалось обязаннымъ своему основателю.

Но понятно, что вопросъ о научной дѣятельности Ломоносова не могъ быть вполнѣ исчерпанъ помянутыми разсужденіями, какъ по самому свойству этихъ все-таки юбилейныхъ рѣчей, такъ и потому, что нѣкоторые важные матеріалы по обсуждавшемуся предмету не были доступны ораторамъ. И послѣ 1865 года дальнѣйшая разработка вопроса осталась впереди. С.-Петербургскій университетъ воспользовался юбилеемъ, чтобы предложить эту задачу своимъ студентамъ, какъ тему на соисканіе медалей. Книга г. Будиловича есть отвѣтъ на эту тему. Трудъ г. Будиловича есть плодъ занятій весьма усидчивыхъ, сочиненіе зрѣло обдуманное и прекрасно изложенное. Кромѣ общеизвѣстныхъ печатныхъ источниковъ, г. Будиловичъ воспользовался двумя фоліантами, составленными изъ черновыхъ

бумагъ Ломоносова и хранящимися въ библіотекѣ Академіи Наукъ, и разработкой этихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ значительно подвинулъ раскрытіе характера ученыхъ трудовъ Ломоносова, самыхъ пріемовъ его изслѣдованія и главныхъ научныхъ вопросовъ, къ разрѣшенію которыхъ онъ стремился.

„Ежели Богъ велитъ, покажу хотя нѣкоторый приступъ ко всѣмъ мнѣ знаемымъ наукамъ... Я самъ и не совершу, однако начну,—то будетъ другимъ послѣ меня легче сдѣлать“ (стр. 7). Такъ говоритъ Ломоносовъ въ одной изъ своихъ замѣтокъ, найденной и впервые обнародованной г. Будиловичемъ. Мысль, высказанную въ приведенныхъ словахъ, г. Будиловичъ считаетъ именно за ту опредѣленную цѣль, которая руководила Ломоносовымъ въ его безконечно разносторонней дѣятельности. Рядомъ же съ этою мыслью г. Будиловичъ ставитъ другую, также извлеченную изъ рукописей замѣтку Ломоносова, и также ясно выражающую его основное стремленіе: „Докажу, вопреки мнѣнію иныхъ заблуждающихся людей, что и сѣверъ богатъ дарованіями“ [1]). „Итакъ“, заключаетъ нашъ авторъ,— „вопервыхъ, цѣлью Ломоносова было вызвать къ умственной дѣятельности прозябающія и еще не сознавшія себя народныя силы, и вовторыхъ, показать, что Богъ

Межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами,

вызвать изъ устъ высокомѣрныхъ въ своемъ знаніи западныхъ народовъ невольное признаніе геніальности русскаго народа“ (стр. 7). Такимъ образомъ, по самой сущности своей дѣятельности, Ломоносовъ долженъ былъ быть полигисторомъ. Но эту-то широту его дѣятельности враги Ломоносова и обращали ему въ укоръ, называя его шарлатаномъ и без-

[1]) Эта замѣтка была набросана Ломоносовымъ по латыни и въ такомъ видѣ приведена г. Будиловичемъ (стр. 7); представляемъ ее въ переводѣ, нѣсколько распространненомъ для ясности.

путнымъ Діонисовымъ сынкомъ. Г. Будиловичъ съ полною очевидностью опровергаетъ эту клевету; онъ очерчиваетъ кругъ дѣятельности Ломоносова во всемъ ея объемѣ, указываетъ на разнообразіе книгъ, которыя были въ его рукахъ—отъ Монтескье до „Brandenburgisches Kochbuch",—и даже приводитъ, изъ таблицы наблюденій его надъ маятникомъ, указанія на часы его ученыхъ работъ во всякую пору дня и ночи (стр. 7). Эти подробности о неустанныхъ трудахъ Ломоносова живописно дополняются простодушнымъ разсказомъ его племянницы о своемъ дядѣ: „Бывало, сердечный мой, такъ зачитается да запишется, что цѣлую недѣлю не пьетъ, не ѣстъ ничего, кромѣ мартовскаго пива съ кускомъ хлѣба и масла" [1]).

Но эта страсть Ломоносова къ наукѣ была бы только чудачествомъ, еслибъ ей не соотвѣтствовали огромные размѣры его дарованій. Г. Будиловичъ дѣлаетъ мастерскую ихъ характеристику. То былъ „умъ всегда равный себѣ, ясный и основательный, сосредоточенный и одаренный самообладаніемъ, умъ систематическій и организующій, твердый и упругій, но достаточно тонкій для того, чтобы схватывать самыя отдаленныя аналогіи,—умъ, равно способный для механической изобрѣтательности и къ философскимъ обобщеніямъ, въ высокой степени оригинальный и независимый" (стр. 9—10). Развивая далѣе эту характеристику, г. Будиловичъ приводитъ, между прочимъ замѣчательное изрѣченіе Ломоносова: „изъ наблюденій установлять теорію, черезъ теорію исправлять наблюденія—есть лучшій всѣхъ способъ къ изысканію истины"; указываетъ далѣе на его возраженіе противъ крайняго эмпиризма въ наукѣ и, наконецъ даетъ понятіе объ отношеніяхъ Ломоносова къ научнымъ авторитетамъ: онъ дорожилъ свободою сужденія въ области знанія, но въ то же время не

---

[1]) См. статью П. П. Свиньина: „Потомки и современники Ломоносова" въ Библіотекѣ для чтенія 1834 г., т. II, стр. 214.

былъ зараженъ ни заносчивою самоувѣренностью, ни брюзгливымъ скептицизмомъ; онъ требовалъ только, чтобы чужое принималось съ выборомъ и подвергалось критикѣ.

Въ общемъ ходѣ учено-литературной дѣятельности Ломоносова г. Будиловичъ признаетъ замѣтную постепенность развитія. Направленный измлада къ естественнымъ наукамъ, Ломоносовъ рано началъ заниматься и стихотворствомъ, затѣмъ пріобщилъ къ этимъ занятіямъ сперва теорію словесности, потомъ русскую исторію и филологію. Въ молодости только форма такъ-называемой похвальной оды давала ему возможность высказывать тѣ плодотворныя мысли о русскомъ просвѣщеніи, объ осуществленіи которыхъ онъ мечталъ. Когда же улучшилось его общественное положеніе и упрочились его отношенія къ И. И. Шувалову, учено-литературные труды его замедляются и уступаютъ мѣсто разработкѣ вопросовъ общественныхъ: „съ этого времени является цѣлая масса его мнѣній, проектовъ, уставовъ для устроенія учебныхъ и ученыхъ заведеній въ Россіи, для ея научнаго изученія, и, наконецъ, предлагаются имъ разныя государственныя мѣры по предмету народнаго благоустройства, въ отношеніяхъ экономическомъ, сельско-хозяйственномъ и другихъ“ (стр. 17). Сообразно съ такимъ ходомъ умственной дѣятельности Ломоносова, г. Будиловичъ располагаетъ разсмотрѣніе ея въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) дѣятельность ученая—теоретическая, 2) дѣятельность литературная въ тѣсномъ смыслѣ и 3) дѣятельность общественная.

Таково содержаніе тѣхъ общихъ „предварительныхъ замѣчаній“, которыми начинается изслѣдованіе г. Будиловича. Изъ нашего изложенія видна манера автора и степень его проникновенія въ изучаемый предметъ. Съ своей стороны мы думаемъ, что въ русской литературѣ нѣтъ болѣе живой, болѣе наглядной и вѣрной характеристики умственной жизни величайшаго двигателя просвѣщенія въ послѣпетровской Россіи.

Слѣдующая за „предварительными замѣчаніями“ первая глава изслѣдованія называется: „дѣятельность Ломоносова по естествовѣдѣнію“. Въ предисловіи къ своему сочиненію г. Будиловичъ объяснилъ, что естественныя науки составляютъ область, довольно удаленную отъ предмета его спеціальныхъ занятій, и что поэтому, говоря о Ломоносовѣ какъ естествоиспытателѣ, онъ могъ только собрать относящіеся сюда факты, но не оцѣнивать ихъ. Не смотря однако на эту оговорку, мы встрѣчаемъ въ разсматриваемой главѣ замѣчанія, имѣющія цѣну для спеціальной исторіи естествознанія въ Россіи, и еще болѣе—для общей исторіи русскаго просвѣщенія. Таковы въ особенности данныя, сообщаемыя г. Будиловичемъ, объ отношеніяхъ перваго русскаго естествоиспытателя и свѣтскаго философа къ той части русскаго общества, для которой свѣтская наука представлялась разрушительницею духовнаго строя древне-русской жизни. „Ломоносову“, говоритъ г. Будиловичъ, — „предстояла борьба противъ оппозиціи, лицемѣрно скрывавшей себя „подъ святости покровъ“. Она исходила не отъ „простонародія, которое о наукахъ никакого понятія не имѣетъ“, а „отъ людей грамотныхъ, чтецовъ Писанія и ревнителей къ православію, кое святое дѣло само собою похвально, еслибы иногда не препятствовало излишествомъ высокихъ наукъ приращенію“.

И въ эпоху, современную Ломоносову, и позже примѣры такой борьбы встрѣчаются неоднократно; но конечно, никто не проникался тяжестью лицемѣрныхъ обвиненій глубже, чѣмъ этотъ великій сѣятель русскаго просвѣщенія. Въ высшей степени характеристичны тѣ способы, посредствомъ которыхъ Ломоносовъ полемизировалъ противъ сознательныхъ враговъ науки. „Ломоносовъ“, замѣчаетъ г. Будиловичъ,—„очень тонко сводитъ своихъ противниковъ на безопасную для себя почву, и напримѣръ, разбирая какой-нибудь миѳъ о Прометеѣ или

преданіе о Клеантѣ или, доказывая заблужденіе блаженнаго Августина, оживленно возражаетъ своимъ противникамъ, самъ оставаясь свободнымъ отъ ихъ нападеній" (стр. 19). Противники Ломоносова строили свои мнѣнія на пріемахъ господствовавшей тогда въ нашихъ школахъ схоластики; и Ломоносовъ, возражая имъ, какъ бы вспоминалъ уроки Славяно-греко-латинской академіи и отвѣчалъ въ духѣ схоластической діалектики.

„Особенно соблазняло набожныхъ людей", говоритъ г. Будиловичъ, — „распространившееся тогда, съ легкой руки Фонтенеля, и вызвавшее много толковъ и споровъ ученіе о множествѣ міровъ. Ломоносовъ, по видимому, находилъ эту гипотезу не только очень вѣроятною, но и несомнѣнною. Уже въ 1746 году онъ очень опредѣленно высказалъ это въ своей одѣ по случаю сѣвернаго сіянія:

Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
Несчетны солнцы тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ:
Для общей славы божества
Тамъ равна сила естества.

„Гораздо позднѣе, въ 1761 году, возвращаясь къ тому же научному вопросу при описаніи прохожденія Венеры черезъ дискъ солнца, Ломоносовъ долженъ былъ присовокупить извѣстное „прибавленіе", въ которомъ онъ старается разграничить область науки и вѣры. Дѣло въ томъ, что въ упомянутой статьѣ онъ высказалъ предположеніе, что Венера „окружена знатною воздушною атмосферою, таковою (лишь бы не большею), какова обливается около нашего шара земнаго", и потому обладаетъ, подобно землѣ, растительною и животною жизнью. „Читая здѣсь о великой атмосферѣ около помянутой планеты", говоритъ Ломоносовъ, — „скажетъ кто: Подумать-де можно, что въ ней потому и пары восходятъ, сгущаются облака, падаютъ дожди, протекаютъ ручьи, собираются въ рѣки,

рѣки втекаютъ въ моря; произростаютъ вездѣ разныя прозябенія; ими питаются животныя. И сіе-де подобно Коперниковой системѣ: противно-де закону". Ломоносовъ опасался возможности такого обвиненія со стороны враговъ науки и потому для успокоенія ихъ приводитъ слова Василія Великаго о возможности множества міровъ. Но затѣмъ онъ все-таки рѣшается прямо поставить вопросъ о присутствіи высшей животной жизни на планетахъ и хотя рѣшаетъ его только уловкою, но за нею можно видѣть его личный взглядъ на этотъ вопросъ: „Нѣкоторые спрашиваютъ: Ежели-де на планетахъ есть живущіе, намъ подобные люди, то какой они вѣры? Проповѣдано ли имъ Евангеліе? Крещены ли они въ вѣру Христову? Симъ дается отвѣтъ вопросной: Въ южныхъ великихъ земляхъ, коихъ берега въ нынѣшнія времена почти только примѣчены мореплавателями, тамошніе жители, также и въ другихъ невѣдомыхъ странахъ обитатели, люди, видомъ, языкомъ и всѣми поведеніями отъ насъ отмѣнные, какой вѣры? И кто имъ проповѣдалъ Евангеліе? Ежели кто про то знать или ихъ обратить и крестить хочетъ, тотъ пусть по евангельскому слову („не стяжите ни злата, ни сребра, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ, ни пиры на пути, ни двою ризу, ни сапогъ, ни жезла") туда поѣдетъ. И какъ свою проповѣдь окончитъ, то послѣ пусть пойдетъ для того жъ и на Венеру. Только бы трудъ его не былъ напрасенъ. Можетъ быть, тамошніе люди въ Адамѣ не согрѣшили; и для того всѣхъ изъ того слѣдствій не надобно". Ломоносовъ, по видимому, повернулъ рѣшеніе вопроса въ незначущую шутку; но изъ окончанія этой рѣчи: „многи пути ко спасенію; многи обители суть на небесѣхъ", видно, что эта мнимая шутка была не болѣе, какъ ловкій маневръ. Видно, что Ломоносову не хотѣлось подпимать на себя нареканіе утвержденіемъ мнѣнія, которое, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, оставалось гипотетическимъ" (стр. 19—20).

Не подлежитъ сомнѣнію, что слова Ломоносова безъ преувеличенія передаютъ разсужденія противной стороны. Фонтенелевы „Разговоры о множествѣ міровъ" еще въ 1730 году были переведены на русскій языкъ княземъ А. Д. Кантемиромъ; но какъ во Франціи авторъ самъ, выпуская ихъ въ свѣтъ, долженъ былъ дѣлать въ предисловіи оговорки о безопасности ихъ для религіи, такъ еще болѣе въ Россіи изданіе этой книги возбуждало опасенія и встрѣчало затрудненія. Переводъ Кантемира вышелъ въ свѣтъ только въ 1740 году, а вслѣдъ затѣмъ извѣстный фанатикъ М. П. Аврамовъ, возвращенный изъ ссылки въ началѣ царствованія Елисаветы, уже называлъ, въ одномъ изъ своихъ доношеній, трудъ Фонтенеля „атеистическою, богопротивною книжицей"[1]). Еще позже, въ 1757 году, члены синода подавали императрицѣ Елисаветѣ докладъ, въ которомъ просили ее высочайшимъ указомъ запретить во всей имперіи, „дабы никто отнюдь ничего писать и печатать, какъ о множествѣ міровъ, такъ и о всемъ другомъ, вѣрѣ святой противномъ и съ честными нравами несогласномъ, подъ жесточайшимъ за преступленіе наказаніемъ, не отваживался, а находящуюся бы нынѣ во многихъ рукахъ книгу о множествѣ міровъ, Фонтенеля... указать вездѣ отобрать и переслать въ синодъ"[2]). Г. Будиловичъ не принялъ въ соображеніе эти факты, поясняющіе приводимыя имъ слова Ломоносова; между тѣмъ несомнѣнно, что именно противъ Ломоносова направлено было это ходатайство синода: въ томъ же 1757 году члены его и по другому случаю требовали суда надъ Ломоносовымъ, какъ безбожникомъ[3]). До сихъ поръ остается не разъясненнымъ, какія обстоятельства спасли его отъ

---

[1]) Пекарскій. Наука и литература при Петрѣ Великомъ, т. I, стр. 511.
[2]) Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ 1867 г., кн. I, смѣсь, стр. 7—8.
[3]) В. И. Ламанскій. Ломоносовъ и Петербургская Академія Наукъ стр. 23—25.

бѣды, такъ что въ 1761 году онъ даже рѣшился напечатать цѣлое разсужденіе въ защиту своихъ мнѣній.

Какъ на западѣ въ періодъ Возрожденія, такъ и у насъ во время Петра I и его преемниковъ до Екатерины II, оппозиція просвѣтительному движенію и внесеннымъ имъ новымъ идеямъ принимала псевдо-религіозный характеръ. Сравнивъ сейчасъ изложенный эпизодъ полемики между Ломоносовымъ и противниками мірской науки съ подобными же явленіями на западѣ, мы найдемъ не одну черту сходства. Такъ, схоластическій пріемъ въ приведенныхъ выше опроверженіяхъ Ломоносова—не есть ли это ѣдкая иронія, и не напоминаетъ ли она, по своей мѣткости, безсмертной сатиры Ульриха фонъ-Гуттена, какъ и вообще пылкая любовь Ломоносова къ знанію напоминаетъ страсть къ ней западно-европейскихъ гуманистовъ XVI вѣка? Впрочемъ, хотя Ломоносовъ признавалъ, что наука можетъ иногда приходить къ заключеніямъ, несогласнымъ съ тѣми выводами, которые истекаютъ изъ буквальнаго пониманія Священнаго Писанія, онъ не желалъ становиться въ разладъ съ религіей; онъ старался только разграничить ее съ наукой, какъ двѣ самостоятельныя области, и въ сферѣ религіи самъ первый оставался вполнѣ преданнымъ ей человѣкомъ. Такой строй мыслей особенно замѣчателенъ въ сравненіи съ общимъ скептическимъ направленіемъ XVIII вѣка. Въ этомъ случаѣ приведенное выше замѣчаніе г. Будиловича, что Ломоносовъ отличался умомъ сосредоточеннымъ и одареннымъ самообладаніемъ, находитъ себѣ полное подтвержденіе.

Вопросъ объ отношеніи между религіей и наукой, какъ понималъ его Ломоносовъ, связывается съ вопросомъ о томъ, какъ велико было вліяніе, которое имѣлъ на него Вольфъ. Г. Будиловичъ признаетъ, что оно замѣтно „только со стороны метода, а не со стороны взглядовъ“ (стр. 12). Иначе смотритъ на это дѣло г. Сухомлиновъ въ

статьѣ своей: „Ломоносовъ—студентъ Марбургскаго университета"[1]), и въ силу приведенныхъ имъ доказательствъ мы думаемъ, что онъ болѣе правъ. По мнѣнію г. Сухомлинова, строгость математическаго метода Вольфа очень цѣнилась Ломоносовымъ, но онъ рѣдко къ нему обращался по живости своего ума. Но кромѣ того, Вольфъ и Ломоносовъ сходятся еще въ общемъ воззрѣніи на космосъ; по общему ихъ убѣжденію, вѣчный порядокъ вселенной свидѣтельствуетъ о мудрости и величіи Творца; но чтобы познать Его, необходимо изучать твореніе, и изучать безъ всякой задней мысли, вести изслѣдованіе вполнѣ свободно, не дѣлая изъ науки рабы заранѣе составленной системы, но стараясь объяснить все существующее логическимъ путемъ. Такимъ образомъ оказывается, что Ломоносовъ, по выходѣ изъ схоластической школы, усвоилъ себѣ отъ Вольфа Лейбницевъ законъ достаточнаго основанія и утвердилъ на немъ свое воззрѣніе на отношенія между вѣрой и разумомъ. Имѣя это въ виду, нельзя отрицать, что марбургскій философъ оказалъ вліяніе на самый образъ мыслей нашего ученаго.

Въ кругу естественныхъ наукъ г. Будиловичъ считаетъ именно физику тѣмъ срединнымъ пунктомъ, около котораго вращалась ученая изобрѣтательность Ломоносова, и на которомъ опирается его ученая слава. Изслѣдователь неоднократно проводитъ параллель между результатами, добытыми Ломоносовымъ, и выводами современной науки, и притомъ указываетъ, какъ близко подходилъ онъ къ новѣйшимъ открытіямъ. Можно пожалѣть, что по этому поводу г. Будиловичъ не сгруппировалъ тѣхъ хотя бы отрывочныхъ мнѣній о научной важности трудовъ Ломоносова, которыя были высказаны русскими естествовѣдами нашего времени — Щуровскимъ, Борисякомъ, Леваковскимъ и др. Вообще же жизненность и плодо-

[1]) Русскій Вѣстникъ 1861 г., № 1.

творность, для своего времени, дѣятельности Ломоносова въ этой области г. Будиловичъ доказываетъ тѣмъ, „что въ XVIII вѣкѣ за Ломоносовымъ пошелъ цѣлый рядъ очень замѣчательныхъ русскихъ естествоиспытателей" (стр. 60). Нельзя однако не замѣтить нѣкотораго противорѣчія между этимъ похвальнымъ отзывомъ и другимъ замѣчаніемъ г. Будиловича (въ концѣ разбираемой главы), что множество ученыхъ наблюденій Ломоносова, не оглашенныхъ въ печати, но сохранившихся въ рукописяхъ, которыя находятся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, не привлекло къ себѣ вниманія ни одного изъ русскихъ естествоиспытателей. Припомнимъ также, что еще въ 1831 году Д. М. Перевощиковъ заявилъ „о несправедливомъ равнодушіи русскихъ ученыхъ къ трудамъ знаменитаго соотечественника. Разсуждая о теплѣ", продолжаетъ Перевощиковъ, — „всегда умалчиваютъ они о Ломоносовѣ, предупредившемъ Румфорда цѣлымъ полустолѣтіемъ. Для чего не слѣдуемъ похвальному примѣру иноземныхъ ученыхъ, которые всякое новое замѣчаніе своихъ собратій сохраняютъ тщательно, и даже весьма часто о самыхъ мелочныхъ опытахъ пишутъ и говорятъ какъ объ открытіяхъ, расширяющихъ предѣлы науки? Напротивъ, мы рѣдко оцѣниваемъ справедливо труды своихъ согражданъ, хладнокровно уступаемъ иностранцамъ славу изобрѣтеній" [1]). Почему въ самомъ дѣлѣ ближайшіе ученики Ломоносова не взяли на себя вполнѣ благодарнаго труда развить тѣ хотя бы отрывочныя, но, какъ оказывается теперь, очень глубокія замѣчанія Ломоносова по естественнымъ наукамъ, которыя разсѣяны какъ въ рукописяхъ, такъ и въ печатныхъ его сочиненіяхъ? Еслибъ это было сдѣлано, то русскіе естествоиспытатели болѣе справедливо

[1]) См. Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Моск. университета, 12-го января 1831 года, рѣчь Д. М. Перевощикова: „Разсмотрѣніе Ломоносова разсужденія: о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ", стр. 67.

заслуживали бы даннаго имъ г. Будиловичемъ почетнаго названія Ломоносовской школы.

Вторая глава сочиненія г. Будиловича посвящена филологическимъ трудамъ Ломоносова. Исходя изъ той мысли, что онъ былъ образователемъ новаго русскаго литературнаго языка, г. Будиловичъ старается разъяснить: на сколько сознательнымъ дѣятелемъ былъ Ломоносовъ въ этомъ случаѣ, то-есть, на сколько онъ былъ знакомъ вообще съ матеріаломъ русскаго языка, и какъ понималъ его теорію. Кромѣ того, г. Будиловичъ объясняетъ, въ какомъ смыслѣ Ломоносовъ заслуживаетъ названія ученаго филолога, и въ какомъ видѣ представляются намъ его филологическіе труды, съ одной стороны, по соображенію средствъ и условій его времени, а съ другой — на разстояніи столѣтія, съ точки зрѣнія началъ современной лингвистики.

„Вполнѣ вѣрно", говоритъ г. Будиловичъ, — „замѣчаніе Шлецера, что „Ломоносовъ былъ чистый натуралистъ въ исторіи и языкѣ". Но Шлецеръ говоритъ это въ видѣ упрека, прибавляя, что Ломоносовъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что эти науки должны и могутъ быть изучаемы такъ, какъ всѣ другія... Первое замѣчаніе, если оно справедливо, можетъ только дѣлать честь филологу XVIII вѣка, приложившему къ разработкѣ языка методъ естественныхъ наукъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ своихъ филологическихъ работахъ Ломоносовъ идетъ путемъ строго аналитическимъ, собирая по возможности всѣ факты, распредѣляя ихъ на группы и затѣмъ уже подводя заключительный выводъ, въ видѣ общаго итога фактовъ" (стр. 71—72). Пересматривая черновыя бумаги Ломоносова, г. Будиловичъ нашелъ между прочимъ списки разнаго рода словъ: именъ — для опредѣленія родовъ по окончаніямъ и для распредѣленія по склоненіямъ, глаголовъ — чтобъ отмѣтить отношеніе формы настоящаго времени къ неопредѣленному наклоненію и т. п. Эти и подобные списки напечатаны г. Бу-

диловичемъ въ приложеніи къ его книгѣ и вполнѣ убѣдительно доказываютъ, что въ грамматическихъ своихъ розысканіяхъ Ломоносовъ шелъ путемъ совершенно реальнымъ; это тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ его время въ грамматической наукѣ господствовалъ полный догматизмъ, въ силу котораго языку навязывались правила, вовсе ему не свойственныя.

Въ прекрасномъ разборѣ „Россійской „Грамматики" Ломоносова, который сдѣланъ г. Будиловичемъ, есть однако пробѣлъ, который, впрочемъ, не остался не замѣтнымъ и для самого автора: именно, онъ не разъясняетъ того, какими источниками пользовался Ломоносовъ при составленіи своей статьи „о человѣческомъ словѣ вообще" (первый отдѣлъ „Грамматики"), и ограничивается лишь предположеніемъ, что разсужденіе это составлено подъ вліяніемъ французскихъ „всеобщихъ грамматикъ". Подтвержденіе своей догадкѣ г. Будиловичъ видитъ въ томъ, что въ числѣ книгъ, купленныхъ Ломоносовымъ за границей, не позже 1738 года, значится: „Nouvelle Grammaire Roiale. Berlin. 1736" [1]). Заглавіе это г. Будиловичъ отожествляетъ съ слѣдующимъ: „Grammaire générale et raisonnée, contenant les fondements de l'art de parler", то-есть, съ заглавіемъ „Всеобщей грамматики", изданной въ 1660 году для школъ Поръ-Рояльскаго монастыря (близъ Парижа) и составленной ученымъ янсенистомъ Лансело подъ руководствомъ своего друга, знаменитаго Арно. Книга эта, дѣйствительно, и въ XVIII вѣкѣ сохранила свое классическое значеніе и перепечатывалась неоднократно; но не она значится въ числѣ пріобрѣтеній Ломоносова: подъ „Nouvelle Grammaire Roiale" 1736 года слѣдуетъ разумѣть просто учебникъ французскаго языка, составленный де-Пеплie (des Pepliers) на

---

[1]) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Академіи Наукъ въ XVIII вѣкѣ. Издалъ А. Куникъ. Ч. I, стр. 131.

нѣмецкомъ языкѣ и выдержавшій много изданій въ разныхъ городахъ Германіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Въ этой книгѣ нѣтъ никакихъ замѣчаній по теоріи языка, и слѣдовательно, не изъ нея могъ Ломоносовъ заимствовать свои разсужденія „о человѣческомъ словѣ вообще“. Что же касается отношенія этихъ разсужденій къ поръ-рояльской „Всеобщей грамматикѣ“, то сличеніе этой статьи Ломоносова съ тою главой книги Лансело и Арно, которая озаглавлена: „Que la connoissance de ce qui se passe dans nostre esprit est necessaire pour comprendre les fondemens de la Grammaire; et que c'est de là que dépend la diversité des mots qui composent le discours“ (Seconde partie de la Grammaire générale, chap. I), показываетъ, что дѣйствительно сочиненіе поръ-рояльскихъ грамматиковъ не осталось не извѣстнымъ русскому ученому: по всей вѣроятности, именно соображенія, изложенныя въ упомянутой главѣ этой книги, навели Ломоносова на мысль раздѣлить части рѣчи на знаменательныя и служебныя. Прибавимъ однако, что въ развитіи этой мысли русскій писатель сохраняетъ самостоятельность, и что самая классификація частей рѣчи у него не сходится съ поръ-рояльскою.

Послѣ изслѣдованій г. Будиловича дѣлается несомнѣннымъ, что въ филологіи Ломоносовъ былъ такимъ же передовымъ ученымъ, какъ и въ естествовѣдѣніи. Извѣстно, что отъ Ломоносова остался набросанный имъ „планъ для филологическихъ изслѣдованій, къ дополненію грамматики служащихъ“. Но остается не разъясненнымъ, были ли написаны всѣ эти изслѣдованія, или Ломоносовъ только предполагалъ заняться ими. Судя по тому, что одно изъ предполагавшихся изслѣдованій — „о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ“ — сохранилось, и что изъ біографическихъ документовъ о Ломоносовѣ обнаруживается существованіе, въ свое время, другого изслѣдованія — „о сходствѣ и перемѣнахъ языковъ“,

г. Будиловичъ заключаетъ, что весь планъ Ломоносова былъ приведенъ имъ въ исполненіе. Какъ бы то ни было, весьма важны вопросы, которыхъ Ломоносовъ предполагалъ коснуться въ этомъ рядѣ трудовъ. Поэтому-то г. Будиловичъ и счелъ необходимымъ разыскать въ черновыхъ рукописяхъ Ломоносова, а также въ печатныхъ его сочиненіяхъ, всѣ намеки, по которымъ можно было бы возстановить, хотя отчасти, содержаніе утраченныхъ изслѣдованій. Такъ, мы находимъ здѣсь указанія, что Ломоносовъ сознавалъ родственность языковъ русскаго, греческаго, латинскаго, нѣмецкаго, то-есть, имѣлъ понятіе о нѣкоторыхъ элементахъ индо-европейской группы языковъ, и въ основаніе сравненія ихъ со стороны лексической полагалъ сличеніе именъ числительныхъ; что онъ хорошо зналъ составъ семьи языковъ славянскихъ, отличалъ древне-русскій языкъ отъ церковно-славянскаго, понималъ научное значеніе просторѣчія, зналъ, на какіе важнѣйшіе говоры дробится языкъ русскій, и т. д. Все это—пріемы и положенія, оправданные и развитые дальнѣйшими успѣхами лингвистики, но во время Ломоносова чуждые огромному большинству филологовъ.

Вторая глава изслѣдованія г. Будиловича оканчивается обзоромъ трудовъ Ломоносова по части теоріи прозы и поэзіи. Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается нашъ изслѣдователь на „Риторикѣ“ Ломоносова и доказываетъ, что она не есть трудъ самостоятельный; въ подтвержденіе этому мнѣнію въ приложеніи къ сочиненію напечатанъ цѣлый рядъ выписокъ изъ одной русской рукописной риторики XVII вѣка, а также изъ „Руководства къ краснорѣчію“ Готшеда и изъ „Риторикъ“ Помея и Кауссина, которыми пользовался Ломоносовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Будиловичъ указываетъ, что Ломоносовъ смотрѣлъ на риторику, какъ на энциклопедію необходимыхъ оратору познаній, и тѣмъ объясняетъ, что онъ ввелъ въ свой учебникъ краснорѣчія замѣтки о предметахъ, собственно

выходящихъ изъ круга теоріи словесности. Г. Будиловичу хотѣлось бы даже доказать, что Ломоносовъ питалъ значительное сомнѣніе на счетъ пригодности риторическихъ правилъ. „Такой взглядъ", говоритъ г. Будиловичъ,—„на безплодность риторики даже для церковнаго краснорѣчія существовалъ уже тогда въ обществѣ, и въ опроверженіе его самъ Ломоносовъ долженъ былъ написать эпиграмму „къ Пахомію"; но странно, что и въ этомъ случаѣ онъ не нашелъ ничего сказать собственно за риторику" (стр. 109). Намъ кажется, что въ настоящемъ случаѣ г. Будиловичъ приписываетъ Ломоносову свое личное мнѣніе. Правда, что Ломоносовъ часто повторялъ напоминанія не злоупотреблять пособіемъ риторики; но во всякомъ случаѣ пособіе это онъ считалъ необходимымъ для просвѣщеннаго писателя. Риторика, по его мнѣнію, имѣетъ значеніе, съ одной стороны, нравственное, съ другой — эстетическое. Петръ Великій, говоритъ онъ въ своемъ „Словѣ о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ",—„понималъ, что нельзя ни законовъ, ни судовъ правости, ни честности нравовъ безъ ученія философіи и краснорѣчія ввести". При другомъ случаѣ, въ „Словѣ похвальномъ Петру Великому", онъ замѣчаетъ: „Давно долженствовали науки представить славу его ясными изображеніями... но вѣдая, коль великое искусство требуется къ сложенію слова, ихъ достойнаго, понынѣ умолчали". Итакъ, по мысли Ломоносова, возвышенный предметъ только тогда можетъ быть достойно обработанъ писателемъ, когда писатель обладаетъ искусствомъ краснорѣчія. Въ такомъ смыслѣ должно понимать и эпиграмму „къ Пахомію": Ломоносовъ защищалъ въ ней риторику не противъ тѣхъ, кто указывалъ на слабыя стороны псевдоклассическаго литературнаго ученія, а противъ тѣхъ, кто совершенно отвергалъ пользу литературнаго образованія. Какъ ни много было ложнаго въ старинной теоріи сло-

весности, она принесла свою долю пользы нашей литературѣ, давъ въ ней самостоятельное значеніе вопросамъ словеснаго искусства; потому-то и современники Ломоносова, не понимая его заслугъ въ наукѣ, цѣнили его какъ чисто-литературнаго дѣятеля очень высоко.

ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ МАЙКОВЪ.

Въ сочиненіяхъ баснописца Хемницера есть эпиграмма слѣдующаго содержанія:

Что Майковъ никогда, писавъ, не упадалъ,
   Ты правду точную сказалъ.
Я мнѣнья этого объ немъ всегда держался:
Онъ сколько ни писалъ, нигдѣ не возвышался.

Хемницеръ, подобно Державину, Капнисту, М. Муравьеву, принадлежалъ къ той группѣ писателей Екатерининскаго времени, которая находилась подъ вліяніемъ даровитаго и эстетически образованнаго Н. А. Львова. Львовъ былъ главнымъ критикомъ этого кружка и руководителемъ новыхъ, возникавшихъ въ немъ литературныхъ стремленій; всѣ вышеназванные писатели давали высокую цѣну его сужденіямъ. Литературныя мнѣнія Львова отличались нѣкоторымъ своеобразіемъ: онъ былъ не чуждъ непосредственнаго знакомства съ древними классиками и въ то же время искалъ мотивовъ для творчества въ русской народной поэзіи; но что̀ всего важнѣе и характернѣе—онъ былъ поклонникъ изящной простоты и врагъ всего грубаго и напыщеннаго. Онъ имѣлъ смѣлость говорить объ „увѣчьяхъ“, которыя нанесъ русскому языку Ломоносовъ; онъ отвлекъ Державина отъ подражанія

„россійскому Пиндару" и указалъ ему образецъ въ Гораціѣ. Нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что и о Сумароковѣ Львовъ былъ невысокаго мнѣнія: не могъ онъ мириться ни съ жесткимъ стихомъ, ни съ безвкусіемъ этого писателя. Тѣмъ строже Львовъ и его друзья должны были относиться къ непосредственнымъ подражателямъ Ломоносова и Сумарокова. В. И. Майковъ принадлежалъ къ числу ихъ и по времени своей литературной дѣятельности, и по личнымъ отношеніямъ. Произведенія его имѣли успѣхъ при своемъ появленіи и даже очень цѣнились въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, какъ это видно по отзыву въ словарѣ Новикова. Но въ кружкѣ Львова, который составляетъ уже слѣдующее литературное поколѣніе, развившее свою дѣятельность уже во второй половинѣ Екатеринина царствованія, начали относиться къ Майкову строже и направленіе его таланта стали находить низкимъ и грубымъ. Таковъ смыслъ эпиграммы Хемницера. Вслѣдствіе такого оборота литературныхъ мнѣній сочиненія Майкова мало по малу спустились въ „особый, не высшій кругъ читателей". Такъ выразился М. А. Дмитріевъ, передавая впослѣдствіи дошедшія до него преданія о словесности XVIII вѣка[1]).

Но Майковъ былъ не только подражателемъ литературныхъ вождей своего времени; въ его несомнѣнномъ талантѣ есть значительная доля самобытности; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ стоитъ особнякомъ отъ всей почти тогдашней словесности, а потому и литературная дѣятельность его заслуживаетъ вниманія и изученія.

---

[1]) Мелочи изъ литературнаго запаса моей памяти. М. 1869, стр. 28.

I.

Василій Ивановичъ Майковъ родился въ 1728 году въ отцовскомъ помѣстьѣ близъ Ярославля. Отецъ его, капитанъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка—Иванъ Степановичъ большой (у него былъ родной братъ-тезка), долго и съ пользой служилъ въ военной службѣ, участвовалъ въ турецкихъ походахъ Миниха (1736 — 1739 гг.), видѣлъ блескъ Елисаветинскаго двора[1]), а подъ старость поселился въ своемъ ярославскомъ имѣньѣ; по своимъ средствамъ и связямъ онъ былъ виднымъ человѣкомъ въ своемъ околодкѣ и вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ, ярославскимъ воеводой Мусинымъ - Пушкинымъ, покровительствовалъ театральнымъ затѣямъ Ѳ. Гр. Волкова: первыя сценическія представленія, устроенныя этимъ даровитымъ артистомъ, происходили въ большомъ амбарѣ въ принадлежавшей Ив. Ст. Майкову Полушкиной рощѣ, подъ самымъ Ярославлемъ[2]). Мать Василія Ивановича, Марья Аѳанасьевна, происходила изъ рода Алябьевыхъ и была дочерью стольника Петровскихъ временъ.

Такимъ образомъ, родители Василія Ивановича были люди не чуждые образованія; тѣмъ не менѣе они не позаботились обучить сына какъ слѣдуетъ. Одинъ изъ младшихъ его современниковъ, но знавшій его лично, графъ Дм. Ив. Хвостовъ свидѣтельствуетъ, что Василій Ивановичъ получилъ „пристойное воспитаніе тому времени, ограниченное чтеніемъ священныхъ книгъ и нравственными наставленіями“[3]). Это несовсѣмъ вѣрно: Майковъ

---

[1]) Карцовъ. Исторія Семеновскаго полка, ч. II, стр. 73, 79, 267, 280, 424, 457, 461, 469, и въ приложеніяхъ, стр. 13 и 76; Записки В. А. Нащокина, стр. 43 и 99.

[2]) Ярославскій литерат. сборникъ. Ярославль, 1850, стр. 113.

[3]) Изъ собранныхъ гр. Хвостовымъ матеріаловъ для словаря русскихъ писателей; рукопись эта была любезно сообщаема намъ М. И. Семевскимъ.

нѣкоторое время обучался въ академической гимназіи въ Петербургѣ [1]), но оставался тамъ не долго. Въ 1742 году, четырнадцати лѣтъ, онъ уже былъ записанъ на службу въ Семеновскій полкъ, а 21-го января 1743 года получилъ отпускъ домой на четыре года „для наукъ“ [2]). Такое увольненіе послѣдовало въ силу состоявшагося въ 1742 году указа, которымъ разрѣшалось малолѣтнимъ солдатамъ оставаться нѣкоторое время при родителяхъ, при чемъ послѣдніе обязывались обучать своихъ дѣтей ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи, фортификаціи, артиллеріи, иностраннымъ языкамъ и, сколько возможно, военной „экзерциціи“ [3]). Не трудно было издать такой указъ, но не легко было приводить его въ исполненіе при томъ недостаткѣ училищъ и порядочныхъ учителей, какой ощущался въ Россіи въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка. У такихъ наставниковъ, съ типами которыхъ знакомятъ насъ старинные мемуары и сатирическая литература Екатерининскаго времени, нельзя было многому научиться; иностранцевъ-гувернеровъ у Василія Ивановича не было, и ему не удалось пріобрѣсти даже знанія чужихъ языковъ, которое, при тогдашней бѣдности нашей литературы, помогло бы ему пополнить свое образованіе изъ нерусскихъ источниковъ. Впослѣдствіи, когда Майковъ уже дѣйствовалъ на литературномъ поприщѣ, современники даже удивлялись, какъ могъ онъ, не зная иностранныхъ языковъ, сдѣлаться хорошимъ писателемъ [4]); точно также удивлялись и Н. И. Новикову, что онъ, не зная ни по-французски, ни

---

[1]) Сообщено покойнымъ П. П. Пекарскимъ на основаніи документовъ архива Имп. Академіи Наукъ.

[2]) Свѣдѣніе изъ архива Семеновскаго полка.

[3]) Карцовъ. Исторія Семен. полка, ч. II, стр. 4.

[4]) См., напримѣръ, слова С. Г. Домашнева въ рѣчи, сказанной въ Академіи Наукъ и напечатанной въ Академическихъ Извѣстіяхъ 1779 г. январь, стр. 43 (ср. Матеріалы для исторіи р. литературы П. А. Ефремова, стр. 196 и 197.

по-нѣмецки, сочиняетъ сатирическіе листочки [1]. Но какъ это незнаніе спасло издателя Трутня и Живописца отъ подражанія Спектатору и нѣмецкимъ сатирикамъ, такъ отсутствіе иностранныхъ учителей и жизнь въ русской деревнѣ, лишивъ юношу Майкова правильной школы, дали его природнымъ дарованіямъ возможность развиться лицомъ къ лицу и въ живомъ сочувствіи съ русскою дѣйствительностью и съ простымъ народнымъ бытомъ. Къ числу важнѣйшихъ впечатлѣній его юности, которыя пробудили въ немъ стремленіе къ занятіямъ словесностью, должно отнести его раннее знакомство съ Волковымъ и Дмитревскимъ: онъ способствовалъ первымъ театральнымъ опытамъ Волкова, предложивъ ему для нихъ домъ своего отца [2]).

Съ 1747 года началась для Василія Ивановича дѣйствительная служба въ Семеновскомъ полку. Въ Елисаветинское время она не была затруднительна. Россія участвовала тогда въ Семилѣтней войнѣ, но Семеновскій полкъ не ходилъ въ походъ; изъ гвардіи въ дѣйствующую армію отправились только волонтеры, и Майковъ не былъ въ числѣ нихъ. Такимъ образомъ, его служебныя обязанности ограничивались военными экзерциціями, дежурствами и хожденіемъ въ караулъ въ городскихъ и загородныхъ дворцахъ, въ самой полковой слободѣ и другихъ мѣстахъ; кромѣ того, однажды Майкову дано было особое служебное порученіе: въ 1759 году онъ былъ назначенъ начальникомъ рекрутской партіи, которая отправлялась въ дѣйствующую армію [3]). Нетяжелая гвардейская

---

[1]) Живописецъ, изд. 7-е, стр. 287.

[2]) Гречъ. Учебная книга росс. словесности, ч. IV, стр. 479.

[3]) Карцовъ, II, стр. 260 и слѣд., также стр. 283. Въ поэмѣ „Елисей“ встрѣчаются воспоминанія изъ времени военной службы Майкова: поэма начинается похожденіемъ героя въ кабакѣ Звѣзда, который находился „противъ Семеновскихъ слободъ послѣдней роты“ (п. I, стихъ 29); герой поэмы — „житель Ямскія слободы“, которая находилась въ сосѣдствѣ съ полковою, и жители которой были въ постоянныхъ сношеніяхъ

служба облегчалась еще для него нерѣдкими отлучками въ отпускъ, къ матери, которая, живя въ деревнѣ, старалась удержать сына при себѣ какъ можно долѣе. Въ 1760 году возникла даже канцелярская переписка по поводу его нерадѣнія къ службѣ. По словамъ стариннаго документа, Майковъ, „пробывъ нѣкоторое время въ отпуску и продоляшвъ его отсрочкой, не удовольствовался ею и другую челобитную о новой отсрочкѣ прислать не замедлилъ". Такое нерадѣніе обратило на себя вниманіе высшаго начальства, и подполковникъ Семеновскаго полка графъ А. И. Шуваловъ просилъ маіора И. А. Вындомскаго навести справку о Майковѣ: „подлинно ли онъ боленъ, и такъ, что за тѣмъ къ полку явиться не можетъ, или въ нарочитомъ своего здоровья состояніи?" [1]) Не извѣстно чѣмъ кончилось дѣло; но 25-го декабря 1761 года, въ самый день кончины императрицы Елисаветы, Василій Ивановичъ былъ уволенъ изъ военной службы и „по именному указу отставленъ на свое пропитаніе гвардіи капитаномъ" [2]). Такимъ образомъ, онъ избѣгъ новыхъ военныхъ порядковъ, начавшихся при Петрѣ III, который, вслѣдъ за воцареніемъ, велѣлъ вытребовать къ мѣсту служенія всѣхъ гвардейцевъ, числившихся въ отпуску.

Среда, въ которой жилъ Майковъ, служа въ полку, не отличалась ни образованіемъ, ни нравственною выработкой; но и въ ней, съ начала пятидесятыхъ годовъ,

---

съ семеновцами (Карцовъ, II, стр. 235 и 397); въ п. IV, ст. 44, авторъ вспоминаетъ о лѣсахъ на берегу Фонтанки, которые дѣйствительно существовали тамъ въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія (Карцовъ, II, стр. 365 и 366); въ п. V онъ разсказываетъ о кулачномъ боѣ, происходившемъ у „Руки"; такіе бои въ прошломъ столѣтіи дѣйствительно устроивались простымъ народомъ на принадлежавшей полку землѣ, между Ямскою и Семеновскою слободами; на эти бои собиралось до пяти тысячъ народу (Карцовъ, II, стр. 330 и 397).

1) Эти подробности извлечены изъ письма Шувалова къ Вындомскому, хранящагося въ Чертковской библіотекѣ.

2) Изъ архива Семеновскаго полка.

выдаются люди, одушевленные стремленіемъ къ просвѣщенію. Въ Петербургѣ это стремленіе питалъ Шляхетный кадетскій корпусъ, въ стѣнахъ котораго возникла мысль объ исполненіи на сценѣ піесъ Сумарокова, а потомъ объ изданіи литературнаго журнала. Въ Москвѣ развивалъ любовь къ образованію только что основанный университетъ, который, съ первыхъ лѣтъ своего существованія, сталъ поселять въ своихъ питомцахъ „вкусъ къ словеснымъ наукамъ" [1]), и при которомъ вскорѣ тоже возникло литературное періодическое изданіе. Не мудрено, что Майковъ еще въ теченіе своей военной службы познакомился съ нѣкоторыми представителями просвѣщенной петербургской молодежи—А. П. Сумароковымъ, И. П. Елагинымъ, П. И. Мелиссино, М. М. Херасковымъ, и по ихъ примѣру обратился къ литературнымъ занятіямъ. Съ начала 1762 года стали появляться въ печати его стихотворенія.

Съ воцареніемъ Екатерины II совпадаетъ замѣтный переворотъ въ жизни русскаго общества: на поприще государственной и общественной дѣятельности выступили новые люди, благодаря которымъ значительно подвинулось общественное развитеі. Въ сравненіи съ поколѣніями, дѣйствовавшими прежде, люди, выдвинутые новымъ правительствомъ, были болѣе образованные и болѣе цѣнившіе образованіе. Многіе изъ нихъ ясно сознавали понятія гражданскаго долга и имѣли твердые нравственные принципы: это поколѣніе дало депутатовъ для коммиссіи новаго уложенія и создало успѣхъ сатиры Фонъ-Визина и журналовъ 1769—1774 годовъ. Еще въ концѣ царствованія Елисаветы литературные дѣятели изъ этого поколѣнія стали заявлять свою пропаганду просвѣтительныхъ и гуманныхъ идей. Не говоря уже о сатирическомъ элементѣ тогдашней литературы, стоитъ вспомнить хотя бы тѣ

---

[1]) Сочиненія Фонъ-Визина. С.-Пб. 1866, стр. 534.

правоучительныя статьи, которыми наполнялись тогдашніе журналы (1759—1764 гг.): эти поученія имѣютъ не одно общее отвлеченное значеніе, но и ближайшее, современное, практическое; не даромъ же, нѣсколько лѣтъ спустя, сама Екатерина издаетъ „Наказъ", въ которомъ предлагаетъ цѣлый кодексъ общественной нравственности. Эти же журналы заботились о возбужденіи умственныхъ интересовъ въ тогдашнемъ обществѣ: съ такою цѣлью въ нихъ помѣщались статьи „О бесѣдахъ и книгахъ", „О чтеніи книгъ", „О пользѣ и вредѣ драматическихъ сочиненій", „О пользѣ словесныхъ наукъ для военнаго сословія" и т. п. Статьи эти, съ одной стороны, характеризуютъ уровень умственной и нравственной жизни современнаго имъ общества, а съ другой—опредѣляютъ стремленія двигателей его. Изображая жизнь большинства, лишенную цивилизующихъ элементовъ, онѣ почти не находятъ въ ней свѣтлыхъ сторонъ. Вотъ, напримѣръ, какъ одинъ изъ журналовъ описываетъ тогдашній салонъ и его посѣтителей: „Сколь мало утѣшенія, сколь мало пользы могутъ приносить такія бесѣды, которыя состоятъ изъ разныхъ людей, отчасти смѣшныхъ, отчасти глупыхъ, отчасти самолюбивыхъ! Одинъ принуждаетъ насъ слушать пустыхъ своихъ рѣчей по цѣлому часу; другой отягощаетъ слухъ нашъ стономъ и жалобами о такихъ дѣлахъ, которыхъ ни онъ, ни слушатели перемѣнить не могутъ. Тотъ разсказываетъ съ восхищеніемъ о птичьей и псовой охотѣ; сей твердитъ съ досадой, какъ тройка бубновая и король крестовый опустошили кошелекъ его; иной мучитъ, разсказывая со всѣми подробностями о приказныхъ дѣлахъ; другой хвастаетъ, какъ принятъ онъ былъ хорошо отъ красавицы, какъ она съ нимъ разговаривала—хороша ли погода; тамъ спорятъ о платьѣ—чье лучше; здѣсь толкуютъ о цвѣтахъ—какой съ какимъ приличнѣе. И ежели еще мало, то покажется какой-нибудь хвастунъ и, разсказывая напзусть свою поколѣнную рос-

пись, хочетъ, чтобъ всѣ удивлялися ему въ разсужденіи множества и знатности предковъ его. Всѣ такіе разговоры должно иногда необходимо слушать и притомъ казаться, что слушаешь охотно, ежели не захочешь разрушить такого веселаго собранія"[1]). Этой пустой и безполезной жизни журналы противопоставляютъ свои просвѣтительныя стремленія. Они разными доводами доказываютъ пользу чтенія книгъ и „пользу словесныхъ упражненій". „Читать книги", замѣчаетъ одинъ журналъ, — „много наблюдать надлежитъ; первое—испытать себя: на что̀ я хочу читать, что̀ я хочу читать, и какъ я буду читать? Ежели стану читать для того, что дома скучно, а гости не ѣдутъ, то-есть, чтобъ прогнать какъ-нибудь время, такъ я совѣтую читать все, что̀ захочется и что̀ попадется, для того, что это для такихъ людей не опасно: гости пріѣхали, матерія изъ головы уѣхала да и вѣкъ назадъ не воротится... Философія, нравоученія, книги, до наукъ и художествъ касающіяся, и тому подобныя,—не романы, и ихъ читаютъ не для любовныхъ изреченій; для сего должно мнѣ, вникнувъ въ содержаніе книги, разобрать автора моего, содержаніе его книги и достоинство онаго... Скажутъ мнѣ, что въ нашемъ народѣ не столько еще дошли до наукъ, чтобъ читать важныя и всякія ученыя книги,—что̀ очень жалко, однако это не оправданіе. Есть книги, которыя не самой великой важности и такъ легко и внятно писаны, что каждому, кто только человѣческій смыслъ имѣетъ, понимать способно". Статья заключается сентенціей, что книги нужно читать умѣючи[2]).

Наставленія, подобныя вышеприведеннымъ, нѣсколько наивны, но именно ихъ наивность свидѣтельствуетъ, что

---

[1]) Праздное время въ пользу употребленное 1759 г., ч. I, стр. 8—9.

[2]) Полезное увеселеніе 1760 г., стр. 4—5.

они были по мѣркѣ той среды, для которой предназначались. Призывъ къ умственнымъ занятіямъ былъ добрымъ словомъ для общества грубаго и развратнаго. Со вступленіемъ на престолъ Екатерины II само правительство озаботилось тѣмъ, чтобы возбудить въ обществѣ интересъ къ образованію, и этою мѣрою болѣе всего подвинуто было общественное развитіе. Это движеніе не могло не отразиться и на отдѣльныхъ личностяхъ; явный слѣдъ его виденъ на Майковѣ: съ перемѣной общественныхъ условій въ Екатерининское царствованіе онъ, человѣкъ безъ образованія, проведшій молодость среди распущеннаго и грубаго люда, развиваетъ въ себѣ охоту къ умственнымъ занятіямъ, образуется самоучкой и близко сходится съ людьми, которыхъ одушевляли просвѣщенныя стремленія.

По выходѣ въ отставку, Василій Ивановичъ поселился въ Москвѣ, отлучаясь по временамъ въ Ярославль и свое ярославское имѣнье; 22-го мая 1763 года, въ бытность императрицы въ Ярославлѣ, онъ подносилъ ей здѣсь оду своего сочиненія [1]). Затѣмъ, три года спустя, 4-го августа 1766 года, онъ снова опредѣлился на службу и занялъ должность товарища губернатора Московской губерніи. Въ этой должности находился онъ до 1768 года, состоя въ то же время „сочинителемъ“, то-есть, однимъ изъ секретарей, въ коммиссіи по составленію новаго уложенія [2]). Съ этихъ поръ мы имѣемъ довольно опредѣленныя указанія на тѣ общественныя связи, которыя имѣлъ Василій Ивановичъ. Онѣ были очень обширны: Майковъ сходился съ литераторами, съ актерами и, наконецъ, съ людьми знатными и чи-

---

[1]) Ежемѣсячн. сочиненія 1764 г., ч. I, стр. 65; Сочиненія и переводы В. И. Майкова. С.-Пб. 1867, стр. 37—40.

[2]) Списокъ лицамъ, находящимся въ гражданской службѣ, на 1767 годъ; о службѣ Майкова въ коммиссіи по составленію уложенія мы получили свѣдѣніе отъ покойнаго Д. В. Полѣнова.

новными. О знакомствѣ его съ Волковымъ и Дмитревскимъ уже упомянуто. На смерть даровитаго Волкова въ 1763 году онъ написалъ стихи, свидѣтельствующіе о дружбѣ, которая ихъ связывала:

Давно ль, любезный другъ, съ тобою мы видались,
Давно ли дружбою взаимной наслаждались,
Давно ль ты мнѣ свои совѣты подавалъ,
Давно ль я рѣчь твою пріятную внималъ [1])?

Безъ сомнѣнія, Василій Ивановичъ знакомъ былъ и съ другими актерами ярославской труппы Волкова, съ Шумскимъ, М. Поповымъ.

Изъ писателей большимъ уваженіемъ пользовался тогда, кромѣ Ломоносова, А. П. Сумароковъ. Оставивъ управленіе театромъ въ 1761 году, онъ жилъ то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ и, по своему задорному характеру, имѣлъ постоянныя столкновенія съ разными лицами. Извѣстна, между прочимъ, его вражда къ В. И. Лукину. Есть преданіе, что Сумароковъ завидовалъ литературнымъ успѣхамъ Лукина, и что Майковъ, критикуя вмѣстѣ съ Сумароковымъ комедіи его противника, говорилъ во многихъ тогдашнихъ салонахъ: „То-де весьма странная вещь, что многіе такіе люди берутся у насъ писать о свѣтѣ, не зная хорошенько сииь порошиночки по обязанностямъ этого свѣта. Вотъ хоть бы Володякъ Лукинъ, повѣса, шалунъ, подъячій родомъ!“ [2]) Самъ Майковъ съ полнымъ благоговѣніемъ относился къ Сумарокову и открыто признавалъ, что „спознался съ Аполлономъ и музамъ сдѣлался знакомъ“, подражая „полночному Расину“ [3]). Сумароковъ же въ отношеніи къ нему игралъ роль поощрителя и наставника. Оба писателя впослѣдствіи не

[1]) Сочиненія, стр. 501.

[2]) Репертуаръ и Пантеонъ 1844 г., т. VI, стр. 461—462, статья М. Н. Макарова о Лукинѣ.

[3]) Сочиненія, стр. 153.

разъ мѣнялись стихотвореніями, которыя посвящали другъ другу [1]).

Въ числѣ близкихъ знакомыхъ Майкова въ описываемое время должно упомянуть еще братьевъ Бибиковыхъ и князя Ѳ. А. Козловскаго. Старшій Бибиковъ, Александръ Ильичъ, извѣстный своими политическими способностями, дѣлилъ съ Майковымъ его литературныя занятія; онъ перевелъ прозой поэму Фридриха II „Военная Наука", которую Майковъ переложилъ въ стихи и издалъ въ 1767 году съ посвященіемъ Александру Ильичу. Въ этомъ посвященіи, представляющемъ подтвержденіе ихъ дружескихъ связей, Майковъ говорилъ:

Не думай, чтобы твой я былъ преподлый льстецъ,
Я должность честности и дружбы исполняю,
Какая только есть межъ искреннихъ сердецъ,
Лукавства подлыхъ душъ въ себѣ я не питаю:
Не чинъ твой, но тебя единственно я чту,
А прочее я все на свѣтѣ почитаю
За скоротечную и тщетную мечту [2]).

По преданію извѣстно, что А. И. Бибиковъ и Майковъ находились въ перепискѣ, но, къ сожалѣнію, она не сохранилась. Съ младшимъ Бибиковымъ, Василіемъ Ильичемъ, тоже писателемъ и любителемъ театра, Майковъ долженъ былъ имѣть сношенія по постановкѣ своихъ піесъ на сцену. Кромѣ того, ихъ связывала общая пріязнь къ князю Ѳ. А. Козловскому, молодому вольтеріанцу, котораго Майковъ любилъ за его просвѣщенный умъ и благородство его характера [3]). Въ 1770 году, когда

---

[1]) См. въ Сочиненіяхъ Майкова оды „о суетѣ міра" и „о вкусѣ", а въ Сочиненіяхъ Сумарокова, изданіе 2-е, ч. IX, стр. 201, отвѣтъ на послѣднюю; кромѣ того, въ басняхъ Сумарокова есть одна, посвященная Майкову (тамъ же, т. VII, стр. 342—343).

[2]) Сочиненія, стр. 240.

[3]) Сохранилась одна любопытная подробность изъ ихъ знакомства. Однажды, зимой 1762—1763 годовъ, въ то самое время, когда Козловскій читалъ Майкову свою не оконченную трагедію, къ первому явился вѣстовой для отдачи рапорта и прервалъ ихъ бесѣду. Окончивъ свой рапортъ, мо-

Козловскій погибъ въ Чесменскомъ сраженіи, Майковъ посвятилъ его памяти посланіе къ В. И. Бибикову, въ которомъ, обращаясь къ послѣднему, говоритъ:

Онъ болѣе другихъ тобою знаемъ былъ;
Ты знаешь, сколько онъ отечество любилъ;
Художествъ и наукъ Козловскій былъ любитель,
А честь была ему во всемъ путеводитель:
Не шествуя ль за ней, онъ жизнь свою скончалъ
И храброй смертію дѣла свои вѣнчалъ? [1])

Около 1760 года образовался въ Москвѣ, подъ сѣнью университета, литературный кружокъ, который снабжалъ плодами своихъ трудовъ Полезное Увеселеніе, журналъ, издаваемый подъ редакціею Хераскова. Членами этого кружка были недавніе университетскіе питомцы Д. И. Фонъ-Визинъ, Я. И. Булгаковъ, И. Ѳ. Богдановичъ, П. С. Потемкинъ и другіе, а главою—самъ Херасковъ, сперва ассесоръ, а потомъ директоръ университета, человѣкъ высокаго благородства, искренно преданный просвѣщенію и заслужившій уваженіе не одного поколѣнія въ русскомъ обществѣ [2]). Майковъ сблизился съ этимъ кружкомъ, и въ январской книжкѣ Полезнаго Увеселенія на 1762 годъ впервые появились въ печати его стихи. Это изданіе Хераскова выходило въ свѣтъ съ 1760 по 1762 годъ, а въ 1763 году оно замѣнилось другимъ журналомъ того же характера, издававшимся подъ именемъ Свободныхъ Часовъ и также подъ редакціей Хераскова. Майковъ и въ этомъ журналѣ былъ усерднымъ сотрудникомъ и напечаталъ въ немъ оду „На страшный судъ“,

---

лодой солдатъ остановился у дверей и сталъ слушать возобновленное чтеніе; но Козловскій замѣтилъ его присутствіе и сказалъ: „Поди, братецъ служивый, съ Богомъ, что тебѣ по пусту зѣвать, вѣдь ты ничего не смыслишь!“ И вѣстовой вышелъ: это былъ будущій знаменитый Державинъ (Сочиненія Державина, изданіе Академіи Наукъ, т. VI, стр. 438—439).

[1]) Сочиненія, стр. 100—101.

[2]) О знакомствѣ Майкова съ М. М. Херасковымъ см. „Черты изъ жизни М. М. Хераскова“ въ Русскомъ Архивѣ 1879 г., кн. III.

басню „Собака на сѣнѣ“ и нѣсколько отрывковъ изъ Овидіевыхъ „Превращеній“, которыя, не зная по латыни, онъ переложилъ въ стихи съ прозаическаго русскаго перевода, можетъ быть, принадлежавшаго Д. И. Фонъ-Визину [1]). Кромѣ названныхъ произведеній, Майковъ, въ теченіе своего пребыванія въ Москвѣ, написалъ нѣсколько одъ, рядъ басенъ и поэму „Игрокъ ломбера“, которыя всѣ были изданы отдѣльно. Эта поэма имѣла необыкновенный успѣхъ, съ 1763 по 1774 годъ выдержала три изданія и всего болѣе содѣйствовала распространенію извѣстности автора. Легко понятны причины этого успѣха: „Игрокъ ломбера“ повѣствуетъ въ шутливой формѣ о похожденіяхъ картежника, а въ то время наше полуобразованное общество предавалось карточной игрѣ со страстью, доводившею многихъ до разоренія.

Такимъ образомъ, въ теченіе немногихъ лѣтъ, В. И. Майковъ трудами своими и личными сношеніями вошелъ въ немногочисленный кругъ писателей того времени: онъ пользовался уже значительною извѣстностью, когда въ 1768 году снова переселился въ Петербургъ. Этимъ объясняются и нѣкоторыя обстоятельства его жизни и литературной дѣятельности въ сѣверной столицѣ: прожитыя имъ здѣсь шесть лѣтъ были временемъ его наибольшихъ литературныхъ и общественныхъ успѣховъ; въ это время онъ печатаетъ лучшія свои произведенія, всту-

---

[1]) Допускаемъ это предположеніе на основаніи слѣдующаго сближенія: около 1761—1762 годовъ Фонъ-Визинъ перевелъ „Превращенія“ (см. Собраніе лучшихъ сочиненій, изданіе Рейхеля, ч. III, стр. 104), но переводъ этотъ остался не изданнымъ и даже не нашелся между бумагами Фонъ-Визина (Сочиненія князя П. А. Вяземскаго, т. V, стр. 23 и 185): Майковъ же началъ печатать свои переложенія съ 1762 г., то-есть, почти одновременно съ работой Фонъ-Визина. О знакомствѣ Майкова съ Фонъ-Визинымъ есть извѣстіе изъ конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ; они встрѣчались въ Петербургѣ въ домѣ П. В. Мятлевой (тамъ же, стр. 157—158). Пушкинъ со словъ кн. Н. Б. Юсупова записалъ одинъ насмѣшливый отвѣтъ Фонъ-Визина Майкову (Сочиненія Пушкина, изданіе литерат. фонда, т. VII, стр. 257).

плетъ въ сношенія со всѣми почти знаменитостями, ему современными, и отзывается своимъ словомъ на многія текущія событія.

Торжественная лирика XVIII вѣка нерѣдко унижала своею лестью нравственное достоинство литературы; бывали случаи, что „одописцы" льстили сильнымъ людямъ единственно изъ-за матеріальныхъ выгодъ [1]); но было бы несправедливо обобщать эти факты до крайности и совершенно отнимать у старинной лирики способность честнаго отношенія къ силѣ, ей современной. Во всякомъ случаѣ, чтобы произносить нравственный приговоръ о преувеличенныхъ похвалахъ, которыя такъ часты въ лирикѣ XVIII вѣка, не должно забывать о господствовавшихъ въ то время литературныхъ понятіяхъ и о тѣхъ пріемахъ выраженія поэтическаго восторга, которые считались тогда обязательными по требованіямъ піитической теоріи, совершенно независимо отъ нравственныхъ побужденій. Въ теченіе шестилѣтняго пребыванія въ Петербургѣ Майковъ написалъ много стихотвореній, которыя должны быть отнесены подъ рубрику торжественной лирики; онъ воспѣвалъ въ нихъ многихъ тогдашнихъ сильныхъ людей; въ его похвалахъ есть много преувеличеннаго; но нѣтъ повода думать, чтобъ онъ былъ льстецомъ изъ-за матеріальныхъ выгодъ: онъ былъ человѣкъ на столько обезпеченный, что не нуждался въ корыстномъ искательствѣ; добрыя связи его съ разными значительными людьми объясняются его общественнымъ по-

---

[1]) Напримѣръ, въ рукописныхъ матеріалахъ для словаря русскихъ писателей графа Хвостова мы нашли слѣдующее извѣстіе: „Хотя вообще заключаютъ, что состояніе стихотворца богатствъ съ собою не приноситъ, г. Рубанъ имѣлъ искусство преображать Ипокрену въ струи Пактоловы. Онъ не иначе всходилъ на Парнассъ, какъ для прославленія богатыхъ и знаменитыхъ особъ; болѣе же всего обогатился надгробіями, что̀ и подало случай къ слѣдующей надгробной надписи:

Здѣсь Рубанъ погребенъ; онъ для науки жилъ;
Надгробописецъ бывъ, надгробну заслужилъ".

ложеніемъ, а уваженіе современниковъ свидѣтельствуетъ въ пользу его нравственныхъ качествъ; наконецъ, немногіе дошедшіе до насъ отзывы о его личности представляютъ его человѣкомъ честнымъ и благороднымъ. Поэтому мы можемъ смотрѣть на торжественно-лирическія стихотворенія Майкова только какъ на памятникъ его общественныхъ связей и отчасти его политическаго образа мыслей. Кромѣ стихотвореній, относящихся къ самой Екатеринѣ и великому князю Павлу Петровичу, въ которыхъ Майковъ высказывается ревностнымъ почитателемъ государыни, „россской Минервы“, прославляющей россское оружіе, но въ то же время заботящейся о внутреннемъ просвѣщеніи Россіи и дающей ей законъ,

> Въ которомъ твердо, живо, ясно,
> Вездѣ всѣхъ съ пользою согласно
> Сама природа вопіетъ [1]),

кромѣ этихъ стихотвореній, Василій Ивановичъ между 1768 и 1774 годами написалъ нѣсколько піесъ, посвященныхъ прославленію главныхъ государственныхъ дѣятелей того времени. Съ особенною горячностью высказываетъ онъ свое уваженіе къ Орловымъ; но должно замѣтить, что смыслъ его похвалъ въ этомъ случаѣ вполнѣ выдерживаетъ нравственную оцѣнку. Такъ напримѣръ, обращаясь къ графу Г. Г. Орлову по поводу его поѣздки въ Москву для истребленія моровой язвы, онъ говоритъ:

> Не тѣмъ ты есть великъ, что ты вельможа первый,—
> Достойно симъ почтенъ отъ россской ты Минервы
> За множество твоихъ отечеству заслугъ,—
> Но тѣмъ, что обществу всегда ты вѣрный другъ:
> Не самую ль къ нему ты дружбу тѣмъ являешь,
> Когда ты спасть Москву отъ бѣдствія желаешь? [2])

---

[1]) Сочиненія, стр. 44.

[2]) Тамъ же, стр. 104. Послѣдній стихъ этого посланія:

Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва

изображенъ на тріумфальныхъ воротахъ, которыя, по повелѣнію импера-

Въ отношеніи къ другому Орлову, графу Алексѣю Григорьевичу, Майковъ, по поводу его морского похода въ Архипелагъ, высказывается въ такомъ смыслѣ: этотъ русскій Колумбъ

...летитъ чрезъ грозные валы
Не для сысканія новѣйшей свѣта части,—
Для избавленія несчастныхъ отъ напасти
И чтобы гордаго тирана наказать [1]).

Выраженная въ этихъ стихахъ мысль объ освобожденіи грековъ отъ турецкаго ига высказана Майковымъ едва ли не первымъ въ нашей литературѣ.

Изъ другихъ лицъ, къ которымъ Майковъ обращался съ похвалой въ своихъ стихахъ, назовемъ еще графа З. Г. Чернышева, подъ начальство котораго Василій Ивановичъ поступилъ 15-го марта 1770 года прокуроромъ военной коллегіи [2]). Стихотворное посланіе къ нему [3]) было данью стихотворца, необходимою по нравамъ того времени; но къ чести Майкова должно замѣтить, что онъ остался „искреннимъ почитателемъ" Чернышева и тогда, когда вышелъ изъ-подъ его начальства [4]). Вообще, въ своихъ хвалебныхъ одахъ Майковъ является сторонникомъ тѣхъ крупныхъ дѣятелей Екате-

---

трицы Екатерины, сооружены были въ честь Орлова въ Царскомъ Селѣ при въѣздѣ изъ Гатчины. Прибавимъ кстати, что сохранившееся преданіе указываетъ на личное знакомство Майкова съ графомъ Г. Г. Орловымъ: онъ былъ приглашенъ на обѣдъ, данный графомъ Орловымъ петербургскимъ литераторамъ въ 1773 году по случаю пріѣзда Дидро, и здѣсь, между прочимъ, послѣдній сказалъ черезъ переводчика Майкову, что особенно его сочиненія желалъ бы онъ прочесть, ибо они должны быть чисто творческія, такъ какъ авторъ ихъ не знаетъ иностранныхъ языковъ (Сочиненія князя П. А. Вяземскаго, т. V, стр. 90).

[1]) Сочиненія стр. 60.

[2]) Списокъ гражд. чиновъ 1773 г.

[3]) Сочиненія, стр. 101—102.

[4]) Какъ это видно изъ оды Чернышеву, написанной Майковымъ въ 1776 году, когда послѣдній гостилъ въ подмосковскомъ имѣньѣ Чернышева Ярополчѣ (Сочиненія, стр. 516—519).

рининскаго царствованія, которые играли первенствующую роль въ первое десятилѣтіе ея царствованія. Напротивъ того, къ Г. А. Потемкину онъ обращается лишь съ нѣсколькими стихами, въ которыхъ сухой тонъ похвалы далекъ отъ искренности[1]).

Мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобы судить о служебной дѣятельности Майкова; онъ не занималъ такого самостоятельнаго служебнаго положенія, гдѣ могъ бы проводить свой личный взглядъ на административныя дѣла, да едва ли и имѣлъ къ тому способности. Напротивъ того, сохранилось нѣсколько извѣстій объ общественной дѣятельности Василія Ивановича. 15-го сентября 1770 года онъ былъ избранъ въ члены Вольнаго Экономическаго Общества, въ которомъ могъ занять мѣсто какъ сельскій хозяинъ и владѣлецъ полотняной фабрики[2]). Онъ не печаталъ ничего въ періодическомъ изданіи этого Общества, но принималъ участіе въ его трудахъ, какъ членъ распорядительнаго комитета. Для характеристики личности Майкова это участіе должно отмѣтить потому, что оно указываетъ на тѣ интересы, которымъ онъ соприкасался: Вольное Экономическое Общество было однимъ изъ умственныхъ центровъ своего времени, и поднятіе въ немъ вопроса объ освобожденіи крестьянъ въ 1765 году свидѣтельствуетъ, что въ кругѣ его находили себѣ мѣсто идеи истинно просвѣщенныя. И послѣ 1765 года Общество продолжало заниматься разными болѣе или менѣе важными вопросами тогдашней общественности: такъ, напримѣръ, въ 1771 году оно задало задачу о правильномъ распредѣленіи извѣстной суммы денегъ на годовой прожитокъ семейному человѣку: задача, находящаяся въ очевидной связи съ во-

---

[1]) Сочиненія, стр. 133—134.

[2]) Она была заведена въ Москвѣ въ 1771 году, но моровая язва разогнала рабочихъ и разстроила все предпріятіе.

просомъ о распространеніи роскоши въ дворянскомъ сословіи.

Впрочемъ, хозяйственное и промышленное дѣло не было преобладающимъ интересомъ въ жизни Майкова. По склонностямъ своимъ онъ былъ преимущественно литераторъ — въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималось встарину дѣло литературы. Въ то время, когда появленіе новой оды считалось важнымъ событіемъ, а критика была такъ мало развита, что и самые ревностные любители словесности не могли совладать съ литературною оцѣнкой значительнаго произведенія, даже одно внѣшнее служеніе литературѣ могло поглощать вниманіе писателей и казаться интересомъ серьезнымъ. Что же касается Майкова, то, какъ увидимъ ниже, онъ вносилъ болѣе широкій взглядъ въ свою литературную дѣятельность.

Кромѣ занятій литературой, Майковъ любилъ театръ и искусство вообще. Онъ самъ охотно трудился для театра: вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ написалъ прологъ на выздоровленіе императрицы и великаго князя отъ оспы, который и былъ игранъ на придворной сценѣ, а годъ спустя, 13-го октября 1769 года, на той же сценѣ появилась его трагедія „Агріопа", въ которой главныя роли исполняли Дмитревскій и Троепольская. По свидѣтельству современника, она заслужила всеобщее одобреніе; „только послѣдній актъ порицали за излишнюю растянутость" [1]). Затѣмъ, въ 1773 году Майковъ отдалъ на придворный театръ еще одну трагедію „Ѳемистъ и Іеронима"; но она не была представлена по случаю смерти Троепольской, которой принадлежала въ ней главная роль. Кромѣ того, въ теченіе петербургскаго періода своей литературной дѣятельности, Майковъ переложилъ съ прозы въ стихи переводъ Вольтеровой „Меропы" и задумалъ сдѣлать такое

---

[1]) Слова Я. Я. Штелина, приведенныя Н. С. Тихонравовымъ въ Отеч. Запискахъ 1867 г., № 10, отд. I, стр. 374.

же переложеніе „Маріамны“ того же автора. Но въ бумагахъ его остался только прозаическій подстрочный переводъ перваго дѣйствія этой піесы. Наконецъ, къ этому же времени нужно отнести попытку написать еще одну оригинальную трагедію; слѣдуя примѣру Сумарокова, онъ заимствовалъ ея содержаніе изъ древнѣйшей русской исторіи; дѣйствіе ея должно было происходить „въ Славенскѣ“, а героиней была Вельміра, дочь князя Славена; но отъ піесы этой не сохранилось ничего, кромѣ списка дѣйствующихъ лицъ и наброска первой сцены [1]).

Любовь Майкова къ искусству видна изъ его стихотвореній на праздникъ въ Академіи художествъ и на смерть А. П. Лосенка [2]). Майковъ былъ друженъ съ этимъ даровитымъ художникомъ, котораго вообще очень уважали современники. 26-го марта 1773 года, получивъ приглашеніе Академіи художествъ на похороны Лосенка, какъ одинъ изъ его „пріятелей“, Майковъ, не могъ принять въ нихъ участія по болѣзни и по этому случаю писалъ къ архитектору И. Е. Старову слѣдующее: „Прошу не прогнѣваться, что я быть не могу при выносѣ любезнаго моего пріятеля Антона Павловича: истинно я самъ не здоровъ. На кончину его при семъ посылаю сочиненныя мною стихи; притомъ прошу постараться отдать мнѣ его эскизъ картины Гекторова прощанія съ женою, ибо онъ мнѣ самъ покойникъ его обѣщалъ отдать, когда картину кончитъ. Вашъ усердный слуга Василій Майковъ. P. S. Или прошу дать наставленіе — гдѣ мнѣ о семъ просить“ [3]).

---

[1]) Сочиненія, стр. XXVIII.

[2]) Тамъ же, стр. 60 и 125.

[3]) На оборотѣ листа: „Почтенному господину архитектору Старову“. Письмо и стихи Майкова сохранились въ дѣлѣ о Лосенкѣ въ архивѣ Академіи художествъ и сообщены намъ П. Н. Петровымъ. Объ исполненіи просьбы Майкова можно заключать изъ того, что эскизъ „Гектора“ не поступилъ въ Академію вмѣстѣ съ другими картинами Лосенка и не былъ переданъ его наслѣднику, доктору Григорію Соболевскому, который принялъ вещи покойнаго по инвентарю, сохранившемуся при дѣлѣ.

При всей искусственности, отличающей стихотвореніе Майкова, искренность выраженнаго въ немъ чувства подтверждается приведеннымъ письмомъ.

Живя въ Петербургѣ, Майковъ написалъ и напечаталъ нѣсколько одъ и поэму „Елисей", которая имѣла большой успѣхъ между современными читателями, не смотря на свое въ значительной мѣрѣ эротическое содержаніе. Въ XVIII вѣкѣ нравы русскаго общества, даже той части его, которая возвышалась до значительнаго развитія умственныхъ интересовъ, не отличались большою строгостью; при грубости вкуса, старинная веселость нерѣдко доходила до безстыдства. Это отражалось и на тогдашней русской литературѣ, въ которой „Елисей" не составляетъ исключенія по своей нескромности. Во всякомъ случаѣ, поэма эта не свидѣтельствуетъ объ испорченныхъ нравахъ автора, который могъ быть гораздо болѣе развратенъ на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Замѣчательно и то, что поэма подала поводъ ко многимъ насмѣшкамъ надъ авторомъ, но что никто не вооружался противъ ея безнравственности. Успѣхъ былъ положительно на сторонѣ Василія Ивановича, который подъ его впечатлѣніемъ задумалъ перевести или, лучше сказать, переложить въ стихи прозаическій переводъ комической поэмы Буало „Налой". Но этотъ трудъ едва ли былъ имъ оконченъ [1]). Сотрудничество въ журналахъ, по видимому, всегда было привлекательно для нашего автора: онъ участвовалъ въ большей части періодическихъ изданій, выходившихъ въ свѣтъ на его вѣку. Удобный поводъ къ журнальной дѣятельности Майкова представило оживленіе петербургской журналистики между 1769 и 1774 годами. Въ то время въ Петербургѣ было нѣсколько кружковъ, искренно преданныхъ дѣлу литературы; одинъ изъ

[1]) Въ бумагахъ В. И. Майкова, переданныхъ нами въ Имп. Публ. Библіотеку, находится переложеніе только послѣдней пѣсни „Налоя".

нихъ группировался около Н. И. Новикова, и участіе Майкова въ его Трутнѣ свидѣтельствуетъ, что нашъ авторъ былъ въ связи съ нимъ; другой кружокъ сосредоточивался около Хераскова; въ 1771 году Михаилъ Матвѣевичъ оставилъ службу при Московскомъ университетѣ и, подобно Майкову, переселился въ Петербургъ; здѣсь жили въ то время и многіе его пріятели, также занимавшіеся литературой: И. Ѳ. Богдановичъ, А. А. Ржевскій, А. В. Храповицкій и другіе; участіе этого кружка несомнѣнно видно въ журналѣ 1772—1773 годовъ Вечера. Содержаніе этого изданія не имѣло строго опредѣленнаго характера: въ журналѣ помѣщались элегіи, мадригалы, идилліи и другія стихотворенія большею частью сентиментальнаго оттѣнка; рядомъ съ ними были статьи нравоучительныя и сатирическія, но, по современному выраженію, сатиръ Вечеровъ только смѣялся и осмѣхалъ, а не кусалъ и не язвилъ [1]). Майковъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ этого невиннаго изданія: достовѣрно извѣстно, что ему принадлежитъ въ Вечерахъ одиннадцать стихотвореній; но можетъ быть, количество помѣщенныхъ имъ піесъ оказалось бы значительно больше, еслибы мы имѣли болѣе подробныя свѣдѣнія о этомъ журналѣ; нѣкоторыя басни, напечатанныя въ Вечерахъ безъ подписи, очень напоминаютъ произведенія Майкова въ этомъ родѣ.

Кружки писателей, занимавшіеся журналистикой, не отличались единствомъ мнѣній, въ особенности по предмету современной литературы. Противъ Майкова, пріятеля Новикову и Хераскову, вооружался журналистъ, полемизировавшій съ Трутнемъ, М. Д. Чулковъ, почтенный издатель многихъ полезныхъ сочиненій. Въ его журналахъ И то, и сіо (1769 г.) и Парнасскомъ Щепетильникѣ (1770 г.) не разъ встрѣчаются намеки

[1]) Вечера, ч. II, стр. 178.

на Майкова. Такъ, въ стихахъ „На качели“ Чулковъ говоритъ:

Овидія себѣ наставникомъ избралъ,
Который никогда, какъ думаю, не вралъ,
Писалъ онъ хорошо, остро, замысловато,
А я переводилъ гораздо плоховато
И такъ нехорошо, что сей великій мужъ
Толико сдѣлался по русски неуклюжъ,
Колико въ собственномъ нарѣчіи прелестенъ.
Латынскій мнѣ языкъ и русскій неизвѣстенъ.
Другихъ не знаю я, а прочихъ не училъ;
Однако, лишь перо въ чернило омочилъ,
То вздумалъ о себѣ, что есть во мнѣ примѣта
Такая, что мнѣ быть учителемъ полсвѣта,—
Такъ должно ли же въ чемъ послѣдовать кому?
Я далъ свободный путь пространному уму,
Надулся, какъ хомякъ, хоть былъ и многихъ тише,
Грудь выставилъ впередъ и поднялъ носъ повыше,
Не шелъ дорогою, а вздумалъ цѣликомъ
И въ семъ дурномъ пути не думалъ ни о комъ,
Учиться не хотѣлъ, какъ выступить мнѣ въ люди,
И бубны принималъ, не вѣдая, за жлуди [1]).

Ожесточеннѣе всего Чулковъ нападалъ на „Елисея“. По всей вѣроятности, эта поэма, прежде чѣмъ появилась въ печати въ 1771 году, была распространена въ рукописи, и потому еще въ 1769 году Чулковъ могъ пародировать ее какъ въ томъ стихотвореніи, изъ котораго приведенъ выше отрывокъ, такъ и въ своей сатирической поэмѣ „Плачевное паденіе стихотворцевъ“, произведшей много шуму между писателями, современными ея автору [2]). Впрочемъ, сколько извѣстно, Майковъ не отвѣчалъ на рѣзкіе отзывы Чулкова: по всей вѣроятности, онъ удовлетворялся тѣмъ, что Чулкова жестоко осмѣивалъ новиковскій Трутень.

Но былъ другой писатель, котораго Майковъ не ща-

[1]) И то, и сіо, недѣля 16-я.

[2]) См. тамъ же и поэму Чулкова, ошибочно перепечатанную въ собраніи Сочиненій В. Майкова 1809 г., стр. 117, 118, 122 и 123; также Парнасскій Щепетильникъ, стр. 286.

дилъ своими насмѣшками: мы разумѣемъ стихотворца В. П. Петрова. Майковъ называлъ его спасскимъ школьникомъ, такъ какъ Петровъ былъ ученикомъ, а послѣ учителемъ въ Заиконоспасской Славяно-греко-латинской академіи, обыкновенно называвшейся спасскими школами, писалъ на него пародіи и смѣялся надъ надутымъ, „пухлымъ" слогомъ его одъ и перевода „Энеиды", сходясь въ этомъ случаѣ съ мнѣніемъ Новикова, Хераскова и журналовъ Смѣсь и Вечера. Литературныя произведенія Петрова такъ мало уважались въ кружкахъ, въ которыхъ вращался Майковъ, что одинъ неизвѣстный по фамиліи стихотворецъ, желая угодить издателямъ Вечеровъ, не нашелъ ничего лучше, какъ прислать имъ стихотвореніе, въ которомъ рѣзко осмѣивался Петровъ и восхвалялись Херасковъ и Майковъ [1]). Въ свою очередь, осмѣянный лирикъ и переводчикъ „Энеиды" не остался въ долгу у нашего автора: въ „Посланіи къ Екатеринѣ II" Петровъ рисуетъ характеристику бездарнаго стихотворца, который берется за всѣ роды поэзіи, хочетъ плѣнять то бурлацкимъ, то ангельскимъ пѣніемъ, то кричитъ „пьянаго во образѣ Елеси", то ищетъ безсмертія баснями, то желаетъ прославиться трагедіей, пускается въ хлѣбосольство съ комедіантами и все-таки терпитъ неудачу [2]); въ „Посланіи къ... изъ Лондона" того же автора находимъ другую характеристику ничтожнаго поэта: онъ угощаетъ обѣдами пріятелей, хулитъ чужія сочиненія, а свои стихи всѣмъ читаетъ и разноситъ по большимъ боярамъ, за что̀ слыветъ Го̀раціемъ въ Морской и Пиндаромъ въ Милліонной; ему покровительствуетъ какой-то меценатъ, живущій на Мойкѣ, а словарникъ расхваливаетъ его [3]).

---

[1]) Вечера, ч. II, стр. 29—32.

[2]) Сочиненія Петрова. С.-Пб. 1811, ч. III, стр. 120—167.

[3]) Тамъ же, стр. 105—119. Подъ Меценатомъ, живущимъ на Мойкѣ, должно разумѣть графа З. Г. Чернышева, домъ котораго находился у Синяго моста, а подъ словарникомъ—Новикова, отозвавшагося съ похвалой

Общественная среда, въ которой вращался Майковъ въ Петербургѣ, познакомила его съ масонствомъ. Ученіе вольныхъ каменщиковъ проникло въ Россію еще въ первой половинѣ XVIII вѣка, но довольно долго не оказывало вліянія на русское общество. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ одинъ изъ раннихъ послѣдователей масонскаго ученія въ Россіи, И. П. Елагинъ, погрузился въ его разработку и тѣмъ, вѣроятно, далъ толчекъ мысли русскихъ масоновъ. 22-го мая 1770 года основана была въ Петербургѣ Великая провинціальная ложа, поставившая себя въ зависимость отъ англійской ложи-матери и избравшая Елагина своимъ великимъ провинціальнымъ мастеромъ [1]). Съ тѣхъ поръ масонство стало быстро распространяться; оно вошло у насъ въ моду, и въ масонскія ложи стали вступать люди разныхъ слоевъ общества, разумѣется, болѣе или менѣе образованнаго; при тогдашнемъ слабомъ развитіи общественности, то равенство между членами, которое господствовало въ ложахъ, было особенно привлекательно для участниковъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ нравственная цѣль союза оставалась нѣсколько въ тѣни: засѣданія масоновъ, происходившія въ нарочно для того устроенномъ помѣщеніи, не имѣли серьезнаго характера и превращались въ веселыя собранія, требовавшія значительныхъ издержекъ и привлекавшія блескомъ и торжественностью своей обстановки [2]). Но рядомъ съ этимъ моднымъ увлеченіемъ мы видимъ людей, которые серьезно смотрѣли на масонство: еще въ томъ сборникѣ масонскихъ пѣсенъ, въ которомъ помѣщена пѣсня на смерть А. И.

о Майковѣ въ своемъ словарѣ. Въ этомъ отзывѣ между прочимъ сказано, что поэма „Елисей“ похваляется въ Россіи за то, что „она еще первая у насъ такая правильная шутливая издана поэма“ (Матеріалы П. А. Ефремова, стр. 69). Петровъ пародируетъ эти слова:

Сей первый издалъ въ свѣтъ шутливую піесу
По точнымъ правиламъ и хохота по вѣсу.

[1]) Лонгиновъ. Новиковъ и московскіе мартинисты, стр. 93—94.

[2]) Histoire de la franc-maçonnerie, par Findel, p. 406—407.

Бибикова[1]), находимъ ясное выраженіе идей человѣколюбія и христіанскаго равенства и братства, составлявшихъ сущность масонской морали. Не извѣстно въ точности, въ какое именно время Майковъ поступилъ въ масонское общество, и кѣмъ онъ былъ туда введенъ; но есть указаніе, что около 1773—1774 годовъ онъ посѣщалъ ложу Ураніи, въ которой великимъ мастеромъ былъ В. И. Лукинъ, а въ 1775 году былъ великимъ провинціальнымъ секретаремъ Великой провинціальной ложи, вѣроятно, замѣнивъ собою того же Лукина, который занималъ должность секретаря въ 1773 — 1774 годахъ[2]). Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Майковъ увлекался не одною внѣшностью масонскихъ обрядовъ; для него ученіе вольныхъ каменщиковъ стало серьезною нравственною школой, что̀ и доказалъ онъ произведеніями, которыя написалъ въ послѣдніе годы своей жизни.

Около половины 1775 года Василій Ивановичъ оставилъ Петербургъ: лѣтомъ этого года мы видимъ его въ Москвѣ описывающимъ торжество мира съ Оттоманскою Портою, происходившее здѣсь 15-го іюля, въ присутствіи императрицы. Извѣстно, что это событіе, которымъ ознаменовалось окончаніе первой турецкой войны и подавленіе Пугачевскаго бунта, начинаетъ собою второй періодъ Екатерининскаго царствованія, въ теченіе котораго раннія пособники императрицы, А. и Г. Г. Орловы, З. Г. Чернышевъ и другіе, были отодвинуты на второй планъ, а на мѣсто ихъ выступили новые люди, и во главѣ ихъ Потемкинъ. Майковъ еще прежде мирнаго торжества, въ Петербургѣ, могъ видѣть начало этой перемѣны въ составѣ высшей администраціи и двора, и вѣроятно, уда-

[1]) По свидѣтельству записокъ Васильева, эта пѣсня была сочинена вслѣдъ за смертью Бибикова въ 1774 г. и пѣлась въ обществѣ (см. статью Пекарскаго „Любитель литературы Екатерининскихъ временъ“ въ Отеч. Запискахъ 1855 г., т. CV, отд. I, стр. 511).

[2]) Лонгиновъ. Новиковъ и московскіе мартинисты, стр. 97.

леніе тѣхъ лицъ, къ которомъ онъ былъ всего ближе и и которые, конечно, покровительствовали ему, внушило Василію Ивановичу мысль оставить службу въ Петербургѣ и переселиться въ Москву — если не совсѣмъ на покой, то по крайней мѣрѣ подалѣе отъ центра придворной суеты и административнаго честолюбія. 4-го сентября 1775 года Майковъ былъ пожалованъ въ бригадиры и назначенъ главнымъ членомъ въ конторѣ мастерской и оружейной палаты, въ вѣдѣніи которой состояли древнія драгоцѣнности, принадлежавшія императорскому двору. Должность эта не была отяготительна, и потому Майковъ могъ полнѣе, чѣмъ когда-либо, отдаться литературнымъ занятіямъ. Онъ продолжалъ писать лирическія стихотворенія и драматическія піесы. Первыя онъ обыкновенно посылалъ въ Петербургъ, гдѣ они появлялись въ журналахъ [1]), а вторыя ставилъ на московской сценѣ. Кромѣ того, въ эти годы своей московской жизни Майковъ издалъ въ свѣтъ трагедіи, написанныя имъ въ Петербургѣ. Посланіе его къ Н. П. Архарову, московскому оберъ-полиціймейстеру, бывшему правою рукой у тогдашняго московскаго главнокомандующаго князя М. Н. Волконскаго, свидѣтельствуетъ, что Василій Ивановичъ желалъ принять участіе въ управленіи московскимъ театромъ, который находился тогда въ частныхъ рукахъ [2]). Но эти предположенія почему-то не состоялись. Кстати за-

---

[1]) Въ Собраніи Новостей Шнора и С.-Пб. Ученыхъ Вѣдомостяхъ Новикова; о стихотвореніяхъ Майкова въ этомъ изданіи Новикова упоминаетъ М. Н. Муравьевъ въ письмѣ къ своему отцу отъ 10-го августа 1777 г., хранящемся въ Чертковской библіотекѣ; піесы эти не попали въ вышедшее въ 1867 г. изданіе сочиненій Майкова; онѣ помѣщены въ № 22 (послѣднемъ) Вѣдомостей и состоятъ изъ надписей къ портретамъ Ѳ. Прокоповича, князя А. Д. Кантемира, Н. И. Поповскаго и М. В. Ломоносова (см. перепечатку С.-Пб. Уч. Вѣдомостей, сдѣланную А. Н. Неустроевымъ, стр. 171—172).

[2]) Именно М. Е. Медокса и князя Н. В. Урусова; Майковъ, вѣроятно, желалъ вступить съ ними въ компанію. Сочиненія, стр. 523.

мѣтить, что онъ вообще любилъ устраивать общественныя удовольствія: есть извѣстіе, что онъ былъ директоромъ одного изъ московскихъ клубовъ и учредителемъ какихъ-то концертовъ [1]).

Кромѣ свѣтскихъ знакомствъ, Майковъ велъ въ Москвѣ и знакомства литературныя; въ то время однимъ изъ литературныхъ центровъ въ Москвѣ было Вольное Россійское Собраніе, существовавшее при университетѣ и состоявшее подъ предсѣдательствомъ И. И. Мелиссино. 22-го іюня 1775 года Майковъ былъ избранъ его членомъ [2]) и напечаталъ въ Трудахъ этого общества оду къ архіепископу Платону. Сверхъ того, живя въ Москвѣ, Майковъ встрѣчался съ Сумароковымъ, М. Н. Муравьевымъ и Д. И. Хвостовымъ, своимъ родственникомъ. Сумарокову онъ посвятилъ два стихотворенія и, кромѣ того, написалъ въ память ему эпитафію, а Муравьева онъ зналъ еще въ Петербургѣ и руководилъ первыми его литературными опытами [3]). Наконецъ, вскорѣ по переѣздѣ въ Москву, Майковъ пріобрѣлъ связи по масонству. Съ 1776 года здѣсь возникла ложа подъ предсѣдательствомъ князя Н. Н. Трубецкого, извѣстнаго впослѣдствіи своимъ участіемъ въ филантропической и литературной дѣятельности Новикова. Къ этой ложѣ примкнулъ и Василій Ивановичъ. Въ томъ же 1776 году онъ имѣлъ случай познакомиться съ И. Е. Шварцемъ, на время пріѣхавшимъ въ Москву изъ Могилева, и ввелъ его въ ложу князя Трубецкого. Вскорѣ послѣ того

---

[1]) Изъ письма М. Н. Муравьева къ отцу отъ 24-го ноября 1776 г., хранящагося въ Чертковской библіотекѣ.

[2]) Труды В. Р. Собранія, ч. III, списокъ новыхъ членовъ.

[3]) См. Оды М. Муравьева, 1775, стр. 21 и 26. Есть еще одно воспоминаніе о В. И. Майковѣ, относящееся къ послѣднимъ годамъ его жизни въ Москвѣ; оно находится въ стихотворной брошюрѣ А. А. Палицына: Посланіе къ Привѣтѣ, или воспоминаніе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ моего времени. Въ Харьковѣ. 1807 года. Тутъ, на стр. 19, Палицынъ говоритъ, что въ своемъ дѣтствѣ слышалъ чтеніе Майковымъ своихъ стиховъ.

Майковъ содѣйствовалъ сближенію Шварца и съ Новиковымъ, вѣроятно, на время пріѣзжавшимъ въ Москву [1]). Съ перваго своего появленія среди московскихъ масоновъ Шварцъ пріобрѣлъ между ними значеніе и вліяніе: благодаря ему, возвысился нравственный уровень масонскаго ученія въ этомъ кружкѣ. Такое проникновеніе во внутренній смыслъ масонства замѣтно и въ Майковѣ: съ 1777 года стихотворенія его становятся выраженіемъ основныхъ идей ученія вольныхъ каменщиковъ и потому охотно принимаются Новиковымъ въ предпринятый имъ въ Петербургѣ журналъ Утренній Свѣтъ. Вслѣдствіе того, соображая личныя связи Майкова и умственное настроеніе его послѣднихъ лѣтъ, можно думать, что онъ принялъ бы близкое участіе въ той просвѣтительной и филантропической дѣятельности, которою вскорѣ затѣмъ ознаменовали себя московскіе масоны. Судьба судила иначе: въ началѣ 1778 года Майковъ былъ вызванъ въ Петербургъ „безъ его исканія", какъ свидѣтельствуетъ М. Н. Муравьевъ, и ему предложили должность герольдмейстера [2]). Но прежде чѣмъ состоялось это повышеніе, онъ поѣхалъ обратно въ Москву и здѣсь скоропостижно скончался 17-го іюня 1778 года. 21-го іюня было его погребеніе. Его похоронили въ Донскомъ монастырѣ, въ теплой первоначальной церкви, съ правой стороны за алтаремъ [3]).

---

[1]) Лонгиновъ. Новиковъ и московскіе мартинисты, стр. 078.

[2]) Изъ письма М. Н. Муравьева къ отцу отъ 6-го февраля 1778 г., хранящагося въ Чертковской библіотекѣ.

[3]) Путеводитель къ древностямъ и достопамятностямъ Москвы. М. 1792, ч. IV, стр. 125. Майковъ былъ женатъ на Татьянѣ Васильевнѣ Мельгуновой и имѣлъ двухъ сыновей и четырехъ дочерей; жена пережила его; изъ сыновей одинъ занимался живописью, другой въ молодыхъ лѣтахъ погибъ въ сраженіи, въ шведскую кампанію 1789 года; въ самомъ пылу битвы бросился онъ на камень противъ шведской баттареи, съ крикомъ: „ребята, за мною! я уже на баттареѣ!" и въ эту минуту былъ сраженъ ядромъ (Сочиненія М. Н. Муравьева, ч. I, стр. 88). Татьяна Ва

Майковъ оставилъ хорошую память въ кругу людей, знавшихъ его. „Смерть рано его отъ насъ похитила къ чувствительному урону сколько друзей его, столько и читателей“, сказалъ о немъ Домашневъ въ своей академической рѣчи 1779 года[1]). Эти дружескія сожалѣнія оправдываются нѣсколькими добрыми отзывами, которые оставили о Майковѣ его знакомцы. „При дарованіяхъ стихотворца“, говоритъ Хвостовъ, — „Василій Ивановичъ былъ честный человѣкъ, хорошій другъ и отлично за остроту разума своего и душевныя качества почитаемый“[2]). Мягкосердый М. Н. Муравьевъ „благоговѣлъ предъ тѣнью Майкова“. Описывая характеръ писателей, съ которыми онъ былъ знакомъ въ молодости, онъ говоритъ: „Василій Ивановичъ Майковъ цѣлый день бывалъ занятъ забавами общества и никогда не заговаривалъ самъ о стихахъ. Но наединѣ и съ людьми, которые показывали стараніе пользоваться его знаніями и вкусомъ, охотно любилъ онъ разговаривать о стихотворствѣ. Онъ былъ чувствителенъ къ прелестямъ похвалы. Въ лицѣ его было чистосердечное выраженіе добродушія и любви его къ стихотворству. Въ искусствѣ своемъ имѣлъ онъ нѣкоторыя собственныя мнѣнія, которыя защищалъ онъ съ живостью. Обхожденіе самое свѣтское, знакомство знатныхъ заставляло его краснѣть отъ имени стихотворца. Ему казалось обидѣть кого-нибудь, чтобъ не обязать его.... Какая веселость, ка-

---

сильевна и двѣ ея дочери погребены въ Пѣшношскомъ Николаевскомъ монастырѣ, Московской губерніи, Дмитровскаго уѣзда (Описаніе Пѣшношскаго монастыря, сост. К. Ѳ. Калайдовичемъ. Изданіе 2-е. М. 1866, стр. 113 и 114).

[1]) См. Матеріалы для исторіи русской литературы П. А. Ефремова, стр. 197.

[2]) Изъ рукописныхъ матеріаловъ Хвостова для словаря русскихъ писателей. Кромѣ того, онъ написалъ слѣдующую надпись къ портрету Майкова:

Вотъ Майкова лицо! Онъ дарованьемъ славенъ,
Былъ честный человѣкъ, пріятенъ и забавенъ,
Направя странствіе въ безсмертный храмъ свое
Съ „Елеською“ въ рукахъ—и говоритъ „Мое“.

кая свѣтлость сердца и разума!"[1]) Такъ какъ о личности нашего автора сохранилось мало характеристическихъ данныхъ, то эти короткія слова Муравьева особенно дороги для біографа В. И. Майкова. Они открываютъ просвѣтъ на затемненную временемъ личность писателя; ими хоть немного скрашиваются и оживляются тѣ сухія и чисто внѣшнія данныя, которыя одни сохранились о жизни Майкова. А на сколько вѣрна эта характеристика, можно отчасти провѣрить другими современными указаніями: вспомнимъ, напримѣръ, сатирическія выходки Чулкова и Петрова, и мы убѣдимся, что Муравьевъ вѣрно указалъ на самолюбіе Майкова, какъ на преобладающую черту его характра. Самолюбіе это было такъ велико, что Василій Ивановичъ не любилъ являться въ свѣтскомъ обществѣ исключительно въ роли писателя. Но его любовь къ словесности не позволяетъ думать, чтобъ онъ вообще пренебрегалъ этимъ званіемъ. Его смущеніе „отъ имени стихотворца" свидѣтельствуетъ только, что человѣкъ, посвятившій себя однимъ умственнымъ занятіямъ, съ трудомъ могъ разсчитывать на уваженіе въ полуобразованномъ русскомъ обществѣ XVIII вѣка, гдѣ такъ много было меценатовъ по модѣ и піитовъ по заказу. Напротивъ того, въ дружеской бесѣдѣ съ Сумароковымъ, Херасковымъ, Новиковымъ, Фонъ-Визинымъ, съ молодыми писателями Майковъ охотно сбрасывалъ съ себя свѣтское тщеславіе, искренно отдавался интересамъ литературы и, не смотря на недостатки своего образованія, удивлялъ друзей своимъ отмѣннымъ дарованіемъ, остротой ума и „нѣжностью и вѣрностью своего вкуса"[2]).

Впрочемъ, и въ дѣлѣ образованія Майковъ сумѣлъ пойдти вслѣдъ за общимъ ходомъ его въ Россіи и сдѣ-

---

[1]) Сочиненія Муравьева. С.-Пб. 1820, т. III, стр. 288 и 317.

[2]) См. свидѣтельство Домашнева въ Матеріалахъ П. А. Ефремова, стр. 197.

лать для себя въ этомъ отношеніи все, что было въ его силахъ; къ умственному движенію, которымъ ознаменовалась первая половина Екатерининскаго царствованія, онъ примкнулъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, но усвоилъ изъ него все существенное, нисколько однако не увлекаясь блескомъ ложнаго просвѣщенія и порицая въ другихъ такое увлеченіе[1]). Въ складѣ мыслей Майкова, конечно, мало самостоятельныхъ проявленій, по крайней мѣрѣ, относительно вопросовъ политическихъ, общественныхъ и нравственныхъ, но въ общихъ чертахъ онъ раздѣлялъ, по этимъ предметамъ, убѣжденія лучшихъ своихъ современниковъ. Подобно имъ, онъ думалъ, что главными отличіями монархической власти должны быть „милость и великій духъ“[2]), и что подъ такою властью всѣ званія и сословія находятъ себѣ законное и безопасное существованіе:

На свѣтѣ положенъ порядокъ таковой:
Крестьянинъ, князь, солдатъ, купецъ, мастеровой
Во званіи своемъ для общества полезны,
А для монарха ихъ, какъ дѣти, всѣ любезны[3]).

Олицетвореніе такихъ достоинствъ монархической власти Майковъ находилъ въ Екатеринѣ и потому питалъ глубокое сочувствіе къ ея просвѣщенной дѣятельности съ первыхъ годовъ ея правленія. Съ теченіемъ времени масонское ученіе объ уваженіи къ предержащимъ властямъ могло только укрѣпить въ немъ убѣжденіе, возникшее сперва изъ влеченій его собственнаго сердца. Подобно огромному большинству своихъ современниковъ, Василій Ивановичъ не стремился разбирать основныя начала существующаго порядка и порицалъ только уклоненія отъ положительнаго закона. Въ такомъ смыслѣ

---

[1]) Сочиненія, стр. 334.
[2]) Тамъ же, стр. 68.
[3]) Тамъ же, стр. 201.

должно понимать встрѣчающіяся у него (въ басняхъ, въ „Елисеѣ“ и въ „Деревенскомъ праздникѣ“) обличенія противъ кривосудія, взяточничества, казнокрадства и откупныхъ поборовъ, обличенія, по своему смыслу однородныя съ тѣми, которыя находимъ въ сочиненіяхъ Фонъ-Визина и въ сатирическихъ журналахъ 1769—1774 годовъ. Нравственныя понятія, которыя высказывалъ Майковъ, также сходятся съ мыслями лучшихъ современныхъ ему писателей. По убѣжденію нашего автора, основное понятіе общественной нравственности есть понятіе о чести, какъ средоточіи человѣческихъ добродѣтелей. Майковъ не находилъ лучше похвалы своему другу Козловскому, какъ въ словахъ: „честь ему была во всемъ путеводитель“[1]). Таково же было коренное убѣжденіе Фонъ-Визина и самой Екатерины, которая въ своемъ „Наказѣ“ признаетъ честь главною добродѣтелью дворянина. Прямымъ слѣдствіемъ такого убѣжденія является у Майкова увѣренность, что нарушеніе чести унизительно; отсюда, въ примѣненіи къ общественнымъ условіямъ, онъ заключаетъ, что если законъ дозволяетъ дворянину имѣть своихъ „подданныхъ“, то обязанность, согласная съ его честью, — наблюдать, чтобъ они не были „изнурены и разорены“. „Вѣдь они такіе же люди“, разсуждаетъ Майковъ въ лицѣ добродѣтельнаго помѣщика, выведеннаго въ „Деревенскомъ праздникѣ“,—„ихъ долгъ—намъ повиноваться и служить исполненіемъ положеннаго на нихъ оброка, соразмѣрнаго силамъ ихъ, а нашъ — защищать ихъ отъ всякихъ обидъ, даже служа государю и отечеству, за нихъ на войнѣ сражаться и умирать за ихъ спокойствіе“. Въ противоположность нарушенію чести, соблюденіе ея доставляетъ человѣку нравственное удовлетвореніе и открываетъ путь къ счастію:

Честь хранящимъ то извѣстно!
Кто живетъ на свѣтѣ честно,

[1]) Сочиненія, стр. 100.

Тотъ въ спокойствіи живетъ.
Пусть бѣды его постигнутъ —
Для него во мракѣ свѣтъ! [1])

Въ послѣдніе годы жизни нравственный горизонтъ Майкова значительно расширился. Ученіе о благородномъ эгоизмѣ, направляющемъ человѣка къ добродѣтели, замѣнилось сознаніемъ необходимости братской любви между людьми: человѣкъ долженъ своимъ разумомъ побарать страсти, его одолѣвающія [2]), и искать счастія не въ какихъ-либо внѣшнихъ условіяхъ и соблазнахъ міра, а въ своей душѣ, въ своемъ сердцѣ [3]). Согласно съ этимъ, самопознаніе становится въ глазахъ Майкова необходимымъ условіемъ нравственнаго совершенствованія человѣка. Таковъ смыслъ его „Оды ищущимъ премудрости“[4]). Въ этихъ убѣжденіяхъ опредѣленно высказываются принципы масонской морали — какъ они были заявлены въ Утреннемъ Свѣтѣ. Усвоивая ихъ, Майковъ доказалъ, что до конца своей жизни сохранилъ способность развитія и сочувствія къ лучшимъ стремленіямъ своего времени.

II.

Русская литература, вступая въ XVIII столѣтіи въ тѣсную связь съ литературой западной Европы, не замедлила усвоить себѣ ту условность и искусственность

---

[1]) Сочиненія, стр. 467—469.

[2]) Тамъ же, стр. 355: „Судъ Паридовъ“, стихи 1—6.

[3]) Тамъ же, стр. 524.

[4]) Тамъ же, стр. 161—164. „Ода ищущимъ премудрости“ посвящена питомцамъ Екатерининскаго училища, которое было основано для бѣдныхъ сиротъ Н. И. Новиковымъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими масонами, въ Петербургѣ въ 1777 г.; въ пользу этого училища назначалась выручка съ предпринятаго тогда же Новиковымъ журнала Утренній Свѣтъ, въ которомъ было помѣщено вышеупомянутое стихотвореніе Майкова.

поэтическихъ образовъ и формъ, которыя составляли отличительную черту господствовавшей въ то время на западѣ ложно-классической теоріи. Требованія ея строго соблюдались въ словесности XVIII вѣка; тираннія ихъ была такъ велика, что никто и не думалъ нарушать ихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ велика была и ихъ опредѣленность: вслѣдствіе того всякій, кто слагалъ стихи по извѣстнымъ правиламъ, считался поэтомъ. Правда, даже въ нашей литературѣ XVIII вѣка было высказываемо мнѣніе, что „иное быть піитомъ, а иное — стихи слагать“[1]); но никто не прилагалъ этого принципа къ дѣйствительности: тотъ самый писатель, который его высказалъ, писатель, наименѣе способный къ поэтическому творчеству, считалъ себя піитомъ. Начинающимъ писателямъ предлагалась „наука“ поэзіи въ знаменитомъ кодексѣ Буало, переводъ котораго признавался почетнѣйшею заслугой Тредіаковскаго, а образцы ея—во множествѣ стихотворныхъ произведеній всѣхъ родовъ и видовъ. Русской литературѣ такіе образцы были даны Ломоносовымъ и Сумароковымъ. Ими восхищались и—нужно сказать правду — мало отдавали себѣ отчета въ томъ, чѣмъ именно. Такъ, первая ода Ломоносова, па взятіе Хотина, считалась лучшимъ его произведеніемъ—но не по внутреннему своему достоинству, а потому, что произвела особенно сильное впечатлѣніе при своемъ появленіи. Такъ, Сумароковъ назывался „наперсникомъ Буаловымъ“, „россійскимъ Расиномъ“, хотя мало кто сумѣлъ бы объяснить такое сродство. Критики литературной, даже во имя господствовавшей условной теоріи, почти не существовало. Корифеи литературы считали себя выше ея, и Сумароковъ, безъ малѣйшаго опасенія показаться смѣшнымъ, могъ говорить: „Каково мое перо, о томъ и по худымъ переводамъ всѣ ученѣйшіе въ Европѣ знаютъ и ту мнѣ похвалу сплетаютъ, которая превосходитъ же-

[1]) Сочиненія Тредіаковскаго, т. I, стр. 181.

ланіе авторовъ и тѣхъ народовъ, въ которыхъ науки созрѣли и утвердилися. И что я Россіи сдѣлалъ честь моими сочиненіями, въ томъ я всѣхъ ученѣйшихъ людей во всей Европѣ свидѣтелями имѣю"[1]). Понятно, что при такихъ условіяхъ не могло быть терпимо даже малѣйшее сомнѣніе въ высокихъ достоинствахъ писателей, считавшихся образцовыми: извѣстно, какое общее неудовольствіе вызвалъ противъ себя Лукинъ, осмѣлившійся критиковать Сумарокова. При строгомъ соблюденіи литературныхъ формъ, при безграничности уваженія къ образцовымъ писателямъ, начинающій авторъ неизбѣжно попадалъ на подражательный путь, и только необыкновенная сила дарованія могла вывести молодого литературнаго дѣятеля на дорогу болѣе самостоятельную. Фонъ-Визинъ отличается отъ Сумарокова и журнальныхъ сатириковъ преимущественно силой своего ума и творчества и вслѣдствіе того большею глубиной содержанія, но не характеромъ и формой своихъ произведеній. Державинъ самъ сознается, что долго старался „парить подобно россійскому Пиндару" прежде, чѣмъ рѣшился измѣнить исключительно торжественному тону лирики и

Забавнымъ русскимъ слогомъ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить.

Писатели менѣе даровитые оставались подражателями въ теченіе всей своей дѣятельности: Петровъ ничего не желалъ болѣе, какъ быть „вторымъ Ломоносовымъ" въ одѣ.

Этому подражательному направленію слѣдовалъ и Майковъ въ большей части своихъ произведеній. Не питая никакихъ сомнѣній на счетъ основаній ложно-классическаго ученія о поэзіи, онъ подражалъ тѣмъ образцамъ ложно-классической школы, которые были ему доступны: онъ взывалъ къ „несравненному Ломоносову", чтобы за-

---

[1]) Сочиненія, т. IX, стр. 330.

нять у него „богатство рѣчей“ для оды, и обращался къ другу Таліи и Мельпомены, то-есть, къ Сумарокову, желая идти слѣдомъ за нимъ, безъ сомнѣнія, въ трагедіи[1]). Не зная иностранныхъ языковъ, онъ не могъ искать образцовъ въ иностранныхъ литературахъ и тѣмъ болѣе возбуждалъ удивленіе современниковъ къ своимъ литературнымъ успѣхамъ. Современники, согласно съ обычаями тогдашней критики, хвалили произведенія Майкова за точное соблюденіе въ нихъ правилъ піитики, признавая, что недостатокъ вліянія иностранныхъ образцовъ выгодно восполнялся въ немъ „нѣжностью и вѣрностью вкуса“[2]). Вкусъ, какъ извѣстно, былъ господствующимъ эстетическимъ мѣриломъ въ XVIII вѣкѣ. Понимаемый тогдашними эстетиками какъ чувство приличій, онъ естественно долженъ былъ проявляться всего болѣе въ критикѣ слога. Въ такомъ смыслѣ и Майковъ выразилъ свои понятія о вкусѣ въ отношеніи словесности. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ говоритъ:

Не пышность — во стихахъ пріятство,
Пріятство въ оныхъ — чистота,
Не громъ, но разума богатство
И важны рѣчи — красота;
Слогъ долженъ быть и чистъ, и ясенъ:
Сей вкусъ съ природою согласенъ[3]).

Въ параллель съ этими положительными заявленіями Майкова о литературныхъ требованіяхъ должно поставить его сатирическія нападки и пародіи на Петрова: въ нихъ мы видимъ указаніе на тѣ литературные недостатки, которые сознавалъ и порицалъ Майковъ, и несомнѣнно, что въ этомъ случаѣ справедливость была на его сторонѣ. Такимъ образомъ, проводимое имъ мнѣніе о значеніи вкуса въ литературѣ имѣло и свою полезную

[1]) Сочиненія, стр. 51 и 153.
[2]) См. отзывы Новикова и Домашнева въ Матеріалахъ П. А. Ефремова, стр. 68, 69 и 197.
[3]) Сочиненія, стр. 153: „Ода о вкусѣ“.

сторону, ибо охраняло поэзію отъ изысканности и напыщенности. Должно притомъ замѣтить, что самъ Майковъ на практикѣ постоянно старался соблюдать тѣ правила слога, которыя предписывалъ въ теоріи. Постройка его стихотворной фразы вообще отличается простотой, стихъ его сохраняетъ гладкость и звучность, въ особенности въ оригинальныхъ піесахъ. Въ піесахъ переводныхъ, напротивъ того, стихъ нерѣдко бываетъ тяжелъ и конструкція запутана, и это, конечно, объясняется желаніемъ перелагателя сохранить возможную точность перевода. Мы привели уже любопытное свидѣтельство М. Н. Муравьева о томъ, что Майковъ имѣлъ въ литературѣ нѣкоторыя собственныя мнѣнія, которыя защищалъ съ живостью. Это извѣстіе, по всей вѣроятности, относящееся къ литературному разладу между Майковымъ и Петровымъ, не должно остаться не замѣченнымъ; стремленіе къ простотѣ и естественности въ литературѣ, обнаружившись сперва во взглядѣ на слогъ, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи должно было примѣниться и къ содержанію литературныхъ произведеній. И въ этомъ смыслѣ, какъ увидимъ ниже, оно было не чуждо нашему автору.

Майковъ испыталъ свое дарованіе во всѣхъ родахъ поэзіи. Будучи послѣдователемъ Ломоносова въ лирикѣ, онъ написалъ значительное количество одъ и другихъ лирическихъ піесъ. Духовныя стихотворенія Майкова, какъ по свойству своего содержанія, такъ и по примѣру Ломоносова, стоятъ подъ сильнымъ вліяніемъ поэтическихъ образовъ Библіи. Торжественныя стихотворенія нашего автора вызваны разными болѣе или менѣе громкими событіями, которыхъ онъ былъ современникомъ. Согласно съ этими поводами, въ большей части одъ его сохраняется тотъ исключительно торжественный тонъ придворной лирики, которымъ она отличалась въ додержавинскій періодъ своего развитія. Свободнаго твор-

чества въ нихъ не видно; чувство и фантазія автора находятся въ полной зависимости отъ теоретическихъ требованій и имѣющихся образцовъ. По преобладанію риторическаго характера въ одахъ Майкова, названіе „похвальныхъ словъ въ стихахъ“ вполнѣ подходитъ къ нимъ, какъ и къ другимъ подобнымъ произведеніямъ того времени. Построеніе одъ Майкова искусственно, но въ своей искусственности достигаетъ значительной степени выработки, правильности, то-есть, каждая ода состоитъ изъ извѣстнаго числа частей, соразмѣрно развитыхъ и расположенныхъ по извѣстной системѣ. Образы, въ нихъ воспроизведенные, хотя и заимствуются изъ дѣйствительной жизни, но обильно украшаются миѳологическими прикрасами, требуемыми ложно-классическою теоріей: такъ, императрица Екатерина почти всегда является въ нихъ въ образѣ Минервы; въ одной изъ одъ царь Алексѣй Михайловичъ, побѣдоносно воюющій противъ Польши, сравнивается съ Зевсомъ, мещущимъ громъ и пламень изъ тучъ; въ „Стихахъ на отбытіе россійскаго флота“ графъ А. Г. Орловъ представляется „сѣвернымъ Ясономъ“; русскія крестьянки являются нимфами, поющими росскія побѣды[1]). Рядомъ съ миѳологическими украшеніями находитъ себѣ мѣсто и гипербола: то говорится, что Волга хотѣла бы остановить свой бѣгъ въ ожиданіи пріѣзда императрицы въ Ярославль, то провозглашается, что

Екатерина увѣнчалась
Вселенной всей повелѣвать[2]).

Къ числу гиперболичныхъ представленій должно отнести и тѣ образы, въ которыхъ представляются враги Россіи: стихотворецъ не щадилъ для нихъ самыхъ темныхъ красокъ. Нѣкоторыя изъ лирическихъ піесъ Майкова укло-

---

[1]) Сочиненія, стр. 35, 49 и 61.
[2]) Тамъ же, стр. 37, 72.

няются однако отъ строгаго, напряженно-восторженнаго и исключительно-торжественнаго строя ложно-классической оды: въ нихъ обнаруживается желаніе автора придать изобрѣтеннымъ имъ образамъ колоритъ нѣжный и иногда элегическій (напримѣръ, въ одѣ на бракосочетаніе великаго князя Павла Петровича и великой княгини Наталіи Алексѣевны, также въ „Пѣсни печальной“ на кончину послѣдней); кромѣ того, въ піесахъ этого рода авторъ нерѣдко рисуетъ картины природы и мирной сельской жизни; впрочемъ, и въ этомъ случаѣ Майковъ остается вѣрнымъ господствующему піитическому ученію, такъ какъ и природа, и сельская жизнь являются подъ перомъ его не въ своей естественной простотѣ, а въ украшенномъ видѣ.

Не смотря однако на эти типическіе недостатки ложно-классической лирики Майкова, въ ней есть и такія особенности, которыя свидѣтельствуютъ въ пользу его дарованія. Въ его лирикѣ замѣчается живое отношеніе къ современности, къ событіямъ и лицамъ, къ стремленіямъ и идеямъ его времени. Въ этомъ смыслѣ заслуживаютъ вниманія первая его ода на день тезоименитства Екатерины въ 1762 году и нѣкоторыя стихотворенія нравственно-философскаго содержанія. Кромѣ того, въ лирическихъ піесахъ Майкова, при всей ихъ риторичности, видно желаніе писателя избѣжать той напыщенности слога, которую самъ онъ порицалъ у современныхъ ему одописцевъ, и изрѣдка замѣчается стремленіе соединить съ исключительно-торжественнымъ тономъ лирики черты комическія; такъ, напримѣръ, въ „Стихахъ на возвратное прибытіе императрицы изъ Казани въ Москву“, въ числѣ народовъ, которые должны быть побѣждены Россіей, рисуется и

Продерзостный Манжуръ, что гордостью надутъ [1]).

[1]) Сочиненія, стр. 48.

Наконецъ, наиболѣе оригинальную форму лирическое воодушевленіе Майкова обнаруживаетъ въ одномъ не конченномъ стихотвореніи, написанномъ въ 1769 году по случаю взятія Хотина. Приведемъ изъ него нѣсколько строкъ:

Во златой вѣкъ на сѣверѣ,
При премудромъ правленіи
Тишиной насладилося
Всероссійское воинство.
Что не громомъ, не молніей —
Вѣроломными совѣтами
Загорался востокъ войной,
Что войной неправильной.
Возгордясь невѣрный царь,
Возгордясь Мустафа султанъ
Измѣнилъ слово вѣрное
И нарушилъ съ Россіей миръ,
Поднимался со воинствомъ,
Что не со стомъ, не съ тысячей,
Посылалъ свое воинство,
Мнилъ Россію къ ногамъ попрать.
Посредѣ лѣта краснаго,
При Хотинѣ при городѣ,
На брегахъ у Днѣстра рѣки,
Не двѣ тучи сходилися,
Что сходились двѣ арміи —
Со россійской турецкая.
Тамъ не грозная молнія,
Возблистало оружіе
Православнаго воинства...[1])

Этотъ отрывокъ размѣромъ своимъ близко подходитъ къ складу народныхъ пѣсенъ и представляетъ замѣчательную попытку воспроизвести нѣкоторые заимствованные изъ нихъ образы и рѣченія; авторъ употребляетъ

[1]) Сочиненія, стр. 502—503. Піеса напечатана здѣсь съ черновой рукописи, нынѣ хранящейся въ Имп. Публ. Библіотекѣ. Въ 9-мъ выпускѣ Пѣсенъ Кирѣевскаго: „Восьмнадцатый вѣкъ въ русскихъ историческихъ пѣсняхъ послѣ Петра Великаго“, стр. 269, П. А. Безсоновъ помѣстилъ это стихотвореніе въ другой, менѣе удовлетворительной редакціи, безъ прямого указанія на источникъ. Существованіе такой передѣлки во всякомъ случаѣ доказываетъ, что стихотвореніе пользовалось извѣстностью въ свое время

свойственные нашей народной поэзіи эпитеты, отрицательныя уподобленія, повтореніе предлоговъ и т. п. Вслѣдствіе того, какъ по замыслу, такъ и по исполненію, піеса эта стоитъ совершенно особнякомъ среди современнаго ей стихотворства. Такимъ образомъ, въ лирикѣ Майкова мы находимъ два элемента: одинъ, господствующій, — искусственная торжественность, которая вводится въ оду согласно требованіямъ ложно-классической піитики, и другой, изрѣдка проявляющійся, — стремленіе воспользоваться мотивами дѣйствительности и народности. Сочетаніе этихъ элементовъ даетъ возможность поставить лирическія піесы Майкова на рубежѣ между двумя періодами русской лирики XVIII вѣка, которые типически характеризуются, одинъ — въ одахъ Ломоносова, а другой — въ поэзіи Державина.

Почти то же самое должно сказать о драматическихъ сочиненіяхъ Майкова. Извѣстно, что ложно-классическая трагедія Сумарокова имѣла исключительно героическій характеръ, и что появленіе такъ-называемой мѣщанской драмы въ семидесятыхъ годахъ произвело реакцію противъ этой односторонности и повлекло за собою впослѣдствіи освобожденіе сцены отъ стѣснительныхъ условій ложнаго классицизма. Драматическія произведенія Майкова отражаютъ на себѣ черты этого перелома. Правда, въ трагедіяхъ своихъ онъ является еще близкимъ подражателемъ трагедій Сумарокова; эти піесы Майкова сохраняютъ въ себѣ всѣ особенности ложно-классическаго типа, какъ-то: завязку, основанную на борьбѣ любви и долга, симметрическій составъ дѣйствующихъ лицъ, исключительныя положенія, создаваемыя для нихъ авторомъ при недостаточной разработкѣ ихъ характеровъ, обиліе монологовъ, предназначенныхъ для „экспозиціи“ сюжета, и т. д.; подобно своему образцу, Майковъ умѣетъ сочинять эффектныя сцены, которыя нравились зрителямъ и производили сильное впечатлѣніе. Но между тѣмъ какъ

Сумароковъ до конца своей дѣятельности оставался сторонникомъ героической трагедіи, Майковъ позволилъ себѣ увлечься тѣми нововведеніями, которыя появились на его глазахъ на русской сценѣ. Такъ, для московскаго театра, особенно склоннаго принимать эти новости, онъ написалъ пастушескую драму съ музыкой „Деревенскій праздникъ", сюжетъ которой заимствованъ изъ русской народной жизни. Это была одна изъ первыхъ попытокъ въ своемъ родѣ, и произведеніе Майкова вполнѣ носитъ на себѣ характеръ начальнаго опыта: самое названіе піесы „пастушескою драмой" какъ бы предназначено для того, чтобъ оправдать передъ зрителями простоту ея сюжета и самую возможность изображать на сценѣ тотъ бытъ, изъ котораго піеса заимствована; это же названіе указываетъ и на ея идиллическій характеръ, приданный ей, конечно, въ ущербъ правдивости содержанія. „Деревенскій праздникъ" не отличается трагическимъ элементомъ и, вопреки названію драмы, удобнѣе всего можетъ быть причисленъ къ тому разряду только что возникавшихъ сценическихъ представленій, которыя въ русской драматургіи XVIII вѣка назывались комическими операми: извѣстно, что нѣкоторый оттѣнокъ народности въ ихъ содержаніи доставилъ имъ продолжительный успѣхъ.

Наконецъ, обращаемся къ той отрасли поэзіи, въ которой Майковъ обнаружилъ всего болѣе таланта, то-есть, къ эпосу, и остановимъ вниманіе на его басняхъ, сказкахъ и такъ-называемыхъ комическихъ поэмахъ. Если въ лирикѣ и драмѣ Майкова чувствуется нѣкоторое стремленіе стать на почву дѣйствительности и народности, то въ его эпическихъ произведеніяхъ это стремленіе дѣлается господствующимъ: въ немъ-то и заключается ихъ существенное достоинство и значеніе. Но такъ какъ, при самыхъ даже плодотворныхъ стремленіяхъ, ни одинъ писатель XVIII вѣка не могъ освободиться отъ теоретическихъ требованій ложнаго классицизма, то и эти послѣднія

оказываютъ свое вліяніе на сейчасъ названныя произведенія Майкова: басни и комическія поэмы вышли изъ-подъ пера его все-таки въ формѣ, узаконенной ложноклассическою піитикой и соотвѣтствующей одобреннымъ ею образцамъ; поэтому басни и поэмы нашего автора подлежатъ разсмотрѣнію съ двухъ сторонъ: вопервыхъ, съ точки зрѣнія господствовавшихъ въ XVIII вѣкѣ литературныхъ понятій, и вовторыхъ, со стороны элемента народности и дѣйствительности, въ нихъ проявляющагося.

Комическая или, точнѣе, ирои-комическая поэма, какъ особый видъ поэзіи, была возможна только въ эпоху ложнаго классицизма. Ея задачею считалось представлять въ формахъ и выраженіяхъ героической эпопеи поступки и рѣчи простыхъ смертныхъ, по преимуществу людей низшихъ сословій, извлекая такимъ образомъ смѣшное изъ противоположности между важностью слога и ничтожествомъ содержанія. Въ такомъ смыслѣ задача ирои-комической поэмы составляла совершенную противоположность задачѣ поэмы шутливой (burlesque), предметомъ которой было—облекать дѣянія и рѣчи героевъ въ прозаическую обстановку обыденной жизни и простонароднаго быта. Буало, въ своемъ „Налоѣ", далъ образецъ ирои-комической поэмы. Впрочемъ, обыкновенно оба рода поэмъ смѣшивались между собою: оно и естественно, такъ какъ въ основѣ того и другого лежала барская насмѣшка надъ бытомъ простонародья. Въ литературномъ же отношеніи, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ видѣ, можно видѣть протестъ, хотя бы и не совсѣмъ сознательный, противъ односторонней торжественности искусственной эпопеи въ пользу реализма въ искусствѣ. Относительно построенія комической поэмы предписывались тѣ же правила, какія были указаны собственно героической эпопеѣ, такъ что первая являлась какъ бы пародіей на послѣднюю. Замѣчательно, что чудесному, отъ котораго не могла отказаться искусственная эпопея,

давалось мѣсто и въ эпосѣ герои-комическомъ, и разумѣется, это чудесное являлось въ видѣ какого-нибудь миѳологическаго существа или аллегорическаго лица. Этимъ ложно-классическимъ правиламъ для герои-комической поэмы старался слѣдовать и Майковъ. Если въ „Игрокѣ ломбера" содержаніе поэмы заимствовано исключительно изъ разныхъ перипетій карточной игры и самое чудесное состоитъ въ олицетвореніи старшихъ картъ, то въ „Елисеѣ" сюжетъ составленъ именно такъ, какъ требовалось по теоріи. Герой поэмы—ямщикъ изъ Зимогорья Елисей. Вакхъ, раздраженный на откупщиковъ за дороговизну вина, избираетъ Елисея орудіемъ своего мщенія; послѣ разныхъ побочныхъ похожденій, ямщикъ вводится Силеномъ, по приказанію Вакха, въ домъ одного откупщика, оскорбляетъ честь его жены, опустошаетъ, вмѣстѣ съ самимъ Вакхомъ, погребъ хозяина и потомъ принимается за разореніе другихъ откупщиковъ; но эта дерзость приводитъ въ гнѣвъ Зевса: онъ собираетъ боговъ и рѣшаетъ наказать Елисея отдачей его въ солдаты; исполненіемъ этого приговора оканчивается поэма. Итакъ, основная канва состоитъ въ сплетеніи событій самой обыденной дѣйствительности—похожденій русскаго ямщика—съ проявленіями самаго законнаго (по старинной піитикѣ) чудеснаго, съ дѣйствіями олимпійскихъ боговъ: волею Вакха Елисей увлекается въ проступки, за которые казнитъ его воля Зевса [1]). Что касается отдѣльныхъ подробностей поэмы, то въ нихъ постоянно чувствуется характеръ пародіи. Какъ важные эпическіе поэты обстоятельно и торжественно описываютъ разныя битвы, такъ Майковъ описываетъ кулачные бои и драки; его описаніе полицейской тюрьмы напоминаетъ эпическія изобра-

[1]) Замѣтимъ, однако, что въ число мотивовъ чудеснаго, на ряду съ олимпійскими богами, Майковъ не затруднился помѣстить и шапку-невидимку („Елисей", п. III)—извѣстный эпическій мотивъ народныхъ сказокъ.

женія преисподней. Исходный мотивъ поэмы, забавный гнѣвъ Вакха, причинившій столько бѣдствій откупщикамъ, соотвѣтствуетъ гнѣву Ахилла, ужасныя послѣдствія котораго дали содержаніе для Иліады; похожденія Елисея въ Калинкиномъ прядильномъ домѣ для распутныхъ женщинъ, связь героя съ тамошнею начальницей и его тайный выходъ оттуда приводятъ на память пребываніе Энея у Дидоны, ихъ любовь и его бѣгство изъ Кареагена; какъ сынъ Анхизовъ повѣствуетъ свою прошедшую судьбу кареагенской царицѣ, такъ Елисей разсказываетъ начальницѣ прядильнаго дома о борьбѣ зимогорцевъ съ валдайцами; самый характеръ старухи-начальницы есть комическое воспроизведеніе характера Дидоны. Этимъ стремленіемъ къ пародіи поэма Майкова всего болѣе приближается къ типу burlesque и напоминаетъ Скаррона, котораго „Энеида, вывороченная на изнанку“ считалась образцовымъ въ своемъ родѣ произведеніемъ, и который превратилъ Дидону въ здоровенную мѣщанку, скучающую своимъ вдовствомъ. Наконецъ, и въ построеніи поэмы Майковъ старается соблюдать ложно-классическій обычай: поэма начинается воззваніемъ „пою“ и обращеніемъ къ лирѣ и Скаррону, образцу нашего автора[1]); въ ходѣ поэмы встрѣчаются отступленія и эпизоды; иногда авторъ прерываетъ повѣствованіе отъ своего лица, чтобы дать мѣсто разсказу кого-нибудь изъ лицъ, имъ выведенныхъ. Самый слогъ поэмы носитъ на себѣ печать условныхъ правилъ: авторъ признаетъ, что для его „гудка“ нужна „посредственная рѣчь“, которая бы „не была надута, ни нѣжна“ (п. V, ст. 338—340); и лишь иногда слогъ поэмы принимаетъ напряженно-торжественный тонъ,

[1]) Изъ произведеній Скаррона при жизни Майкова былъ переведенъ только „Le Roman comique“ (Шутливая повѣсть. Сочиненіе Скаррона. Перевелъ съ нѣмецкаго Василій Тепловъ. Двѣ части. С.-Пб. 1763); но Майковъ могъ имѣть понятіе и о „Virgile travesti“ по разсказамъ пріятелей.

но встрѣчающаяся въ первой пѣсни „Елисея“ передѣлка громкихъ и запутанныхъ стиховъ Петрова [1]) объясняетъ намъ насмѣшливый умыселъ автора въ этомъ случаѣ. Итакъ, поэма Майкова и въ планѣ, и въ его исполненіи остается вѣрною ложно-классическимъ требованіямъ отъ комическаго эпоса; и хотя ея выработанный по правиламъ комизмъ отзывается разсудочностью и напряженностью, мало забавною, тѣмъ не менѣе современники за то именно хвалили ее, что она „еще первая у насъ такая правильная шутливая издана поэма“.

Что касается басенъ и сказокъ Майкова, то говорить о томъ, на сколько онѣ соотвѣтствуютъ общимъ теоретическимъ понятіямъ XVIII вѣка, было бы безполезно. Если при сочиненіи комической поэмы русскій писатель того времени долженъ былъ имѣть въ виду одни теоретическія правила, то при сочиненіи басенъ онъ могъ уже руководствоваться образцами этого рода произведеній, которые были даны русской литературѣ Сумароковымъ и высоко цѣнились читающимъ людомъ. Такъ Майковъ и сдѣлалъ: басня его стоитъ въ близкомъ сродствѣ съ притчами Сумарокова, и притомъ оба эти писателя смотрятъ на басню, какъ на особый видъ сатиры, аллегорическое повѣствованіе съ дидактическимъ выводомъ, особенно удачно подходящее подъ ложно-классическое опредѣленіе цѣли поэзіи — „поучать забавляя“. Но и у Сумарокова, и у Майкова басня столь тѣсно связана съ дѣйствительною жизнью народа, что въ ней мало замѣтно вліяніе ложно-классическихъ правилъ; а потому и изучать ее должно преимущественно съ этой жизненной стороны.

Вообще, наша басня и сказка или, точнѣе, наша по-

---

[1]) Мы имѣемъ въ виду слѣдующіе стихи (101—102) I-й пѣсни:

Подъ воздухомъ простеръ свой ходъ веселый честимъ,
Поѣхалъ, какъ Нептунъ, но подъ верхамъ пѣнистымъ.

У Петрова („Эней“, I, стр. 19), говорится про Нептуна, что онъ

При солнечномъ простеръ поѣздъ веселый свѣтъ.

вѣствовательная литература XVIII вѣка принадлежитъ къ числу тѣхъ отраслей словесности, которыя въ періодъ ложнаго классицизма всего болѣе сохраняли народный колоритъ и литературныя преданія до-петровскаго времени. Еще въ XVII вѣкѣ, когда въ нѣкоторой части русскаго общества обнаружилось развитіе болѣе трезваго, положительнаго міросозерцанія, заявленное столь рѣшительнымъ стремленіемъ правительства къ искорененію народныхъ суевѣрій, русское поэтическое творчество окончательно отклонилось отъ миѳической основы и ступило на путь исторической и бытовой дѣйствительности. При такомъ состояніи умовъ оказалась возможность повѣсти, какъ вѣрнаго разсказа о томъ, что̀ и какъ дѣлается въ дѣйствительной жизни [1]). И въ самомъ дѣлѣ, въ XVII вѣкѣ мы видимъ, кромѣ нѣкотораго количества переводныхъ произведеній, соотвѣтствовавшихъ вновь распространившемуся вкусу, начатки самобытной русской повѣсти бытового характера. Такая повѣсть требовала наблюдательности, а наблюдательность, въ связи съ вліяніемъ просвѣщенія, приводила къ анализу житейскихъ явленій и даже къ отрицательному взгляду на нихъ. Отсюда является въ поэтическомъ творчествѣ элементъ шутки и сатиры. Эти отрицательныя стремленія уже чувствуются въ русской литературѣ XVII вѣка и съ теченіемъ времени пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе значенія. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія существовало уже значительное количество повѣстей шутливаго содержанія, частью оригинальныхъ, но больше переводныхъ или передѣланныхъ. Нравственная неразборчивость и соблазнительность содержанія, при основномъ поучительномъ стремленіи, составляютъ характерную особенность этихъ произведеній. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы находимъ въ нихъ и болѣе здоровую—сатири-

[1]) См. прекрасную характеристику этой эпохи перелома въ Истор. очеркахъ Ѳ. И. Буслаева, т. I, стр. 511.

ческую струю: русская новелла XVII—XVIII вѣковъ не безъ мѣткости и остроумія задѣваетъ нѣкоторые пороки современнаго ей общества. Можетъ быть, тогдашній читатель не всегда отдавалъ себѣ отчетъ въ сатирическомъ намѣреніи автора и довольствовался одною потѣшностью разсказа, но во всякомъ случаѣ, шутливая повѣсть составляла одну изъ любимыхъ отраслей популярнаго чтенія въ то время. Какъ долго поддерживалась эта склонность—видно изъ того, что многіе отрывки этой повѣствовательной литературы, къ которой, по взгляду старинныхъ читателей, принадлежали и поучительныя повѣсти, и такъ-называемыя Езоповы басни, и даже занесенныя на бумагу народныя сказки, перешли въ печать во второй половинѣ XVIII вѣка, а частью попали на лубки и понынѣ ходятъ въ народѣ, какъ устные разсказы.

Съ этою-то своеобразною вѣтвью нашей литературы соприкасаются поэма „Елисей", басни и сказки Майкова. Онъ, очевидно, читывалъ тѣ сборники полу-шутливыхъ, полу-нравоучительныхъ повѣстей, которые были въ ходу между его современниками, и вліяніе этихъ произведеній отразилось на собственныхъ его сочиненіяхъ. Все, что въ „Елисеѣ" относится до любовныхъ похожденій героя, напоминаетъ тѣ разсказы о женской прелести, которые нерѣдко встрѣчаются въ повѣствовательныхъ сборникахъ XVII—XVIII вѣковъ. И какъ въ этихъ сказаніяхъ женщина обыкновенно представляется безнравственнымъ существомъ, которое употребляетъ свое лукавство, чтобъ удовлетворить своему сладострастію и потомъ скрыть слѣды преступленія, а мужчина является удалымъ молодцомъ, ловкимъ волокитой (припомнимъ Фрола Скобѣева), такъ и въ поэмѣ Майкова господствуетъ подобное же воззрѣніе на отношенія половъ. Одинаковость взгляда приводитъ къ одинаковости положенія дѣйствующихъ лицъ: какъ Фролъ Скобѣевъ, переряженный женщиной, прокрадывается въ домъ Ордина-Нащокина, гдѣ дочь хозяина

веселится со своими пріятельницами, такъ Елисей тайкомъ, и тоже въ женскомъ платьѣ, забирается въ прядильный домъ. Тайное пребываніе здѣсь ямщика, при помощи шапки-невидимки, напоминаетъ поведеніе того непрошеннаго таинственнаго гостя, который, по разсказу Житія Иларіона Суздальскаго, надѣлалъ столько бѣдъ своимъ невидимымъ пребываніемъ въ женской богадѣльнѣ [1]). Лукавство, съ которымъ молодая жена откупщика скрываетъ отъ стараго мужа сношенія свои съ Елисеемъ, напоминаетъ подобныя же женскія увертки, разсказанныя въ старинной повѣсти „о лукавой женѣ и приказчикѣ" [2]). Во всѣхъ данныхъ случаяхъ сходство тѣмъ замѣтнѣе, что какъ въ сейчасъ названныхъ произведеніяхъ, такъ и у Майкова, исходною точкою служитъ отрицательное, сатирическое отношеніе къ предмету, но оно заслоняется просто потѣшною и даже циническою его стороною.

Между баснями Майкова мы находимъ нѣсколько такихъ, которыя стоятъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ нашимъ сказочнымъ эпосомъ, и опять-таки съ тѣмъ его отдѣломъ, въ которомъ господствуютъ не наивныя вѣрованія отдаленной старины, а позднѣйшіе комическіе мотивы, извлеченные народомъ изъ наблюденій надъ дѣйствительною жизнью. Такъ, басня „Крестьянинъ, медвѣдь, сорока и слѣпень" заимствована Майковымъ изъ народной сказки, которая своимъ наивнымъ неприличіемъ свидѣтельствуетъ о позднемъ своемъ происхожденіи [3]); Майковъ передаетъ ее довольно близко къ подлиннику, съ единственною цѣлью позабавить читателя, хотя въ концѣ и прибавляетъ, по классическому обычаю, нравоучительное заключеніе. Другая басня Майкова „Поваръ и порт-

[1]) См. Мои досуги Ѳ. И. Буслаева, т. II („Бѣсъ").

[2]) Она встрѣчается нерѣдко въ рукописныхъ сборникахъ XVIII вѣка, а въ печати извѣстна по сборнику: Старичокъ-весельчакъ. М. 1790, стр. 50—57.

[3]) Ср. Русскія сказки А. Н. Аѳанасьева, изд. 2-е, кн. I, стр. 77—79, гдѣ вмѣсто сороки выведена лиса; ср. тамъ же, кн. IV, стр. 23.

ной" основана на мотивѣ, весьма распространенномъ въ народномъ эпосѣ [1]); но здѣсь мысль, лежащая въ основаніи, имѣетъ уже опредѣленную сатирическую цѣль: она заключается въ томъ, что смѣтливость и удача доставляютъ человѣку незначительному милость сильныхъ и счастіе, между тѣмъ какъ тупая угодливость ведетъ къ бѣдѣ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что въ народныхъ разсказахъ мысль эта оттѣняется еще рельефнѣе, чѣмъ у Майкова, такъ какъ въ нихъ, кромѣ насмѣшки надъ глупостью, видѣнъ сатирическій намекъ на отношенія разныхъ сословій и состояній. Кромѣ указанныхъ примѣровъ, мотивы народнаго эпоса чувствуются еще въ сюжетѣ басенъ „Сорока, галка и соя" и „Случай". Въ иныхъ своихъ разсказахъ Майковъ пользуется для развитія сюжета народными повѣрьями, при чемъ подвергаетъ ихъ обличенію; извѣстно, что подобное отношеніе не чуждо и нѣкоторымъ народнымъ сказкамъ позднаго происхожденія; такъ, въ одной изъ нихъ изображена ворожея, которая оказывается простою обманщицею; подобный типъ представленъ Майковымъ въ баснѣ „Наказаніе ворожеѣ" и въ „Елисеѣ" [2]). Что касается мелкихъ подробностей разсказа и слога, въ нихъ заимствованія Майкова изъ чисто-народныхъ источниковъ довольно часты, и притомъ нашъ авторъ поступаетъ совершенно сознательно: въ одномъ изъ подобныхъ случаевъ, описывая одежду Вакха, его багрянъ сафьянъ, черкесски чеботы, персидскій кушакъ и шапочку соболью, Майковъ объясняетъ и побужденіе, имъ руководившее:

Изъ пѣсни взятъ уборъ, котору у приволья
Бурлаки волгскіе напившися поютъ,

---

[1]) Ср. Русскія сказки А. Н. Афанасьева, кн. 3, стр. 526—527, а также народное преданіе объ Иванѣ Грозномъ, записанное Коллинсомъ и разобранное Ѳ. И. Буслаевымъ въ Истор. Очеркахъ, т. I, стр. 512—518.

[2]) Сочиненія, стр. 174—176 и 347—349; ср. Русскія сказки А. Н. Афанасьева, кн. 3, стр. 312—318; ср. кн. 4, стр. 495—496.

А пѣсенку сію Камышенкой зовутъ:
Рѣка, что устьецомъ въ мать-Волгу протекаетъ:
Искусство красоты отсюду извлекаетъ [1]).

Вліяніе старинной повѣствовательной литературы замѣтно и въ баснѣ „Дубъ и мышь", заимствованной Майковымъ изъ „Исторіи Варлаама и Іосафата" [2]); но подъ перомъ баснописца она подверглась переработкѣ, объясняемой духомъ времени: строго-религіозный характеръ старинной притчи замѣнился въ ней холодною аллегоріей во вкусѣ XVIII вѣка. Наконецъ, и заимствованія Майкова изъ Езоповыхъ басенъ до извѣстной степени объясняются стариннымъ литературнымъ преданіемъ: сборникъ Езопа былъ нечуждъ еще нашей до-петровской литературѣ, потомъ дважды былъ изданъ при Петрѣ I и, наконецъ, появился въ новомъ переводѣ въ 1747 году и снова имѣлъ нѣсколько изданій. Естественно, что Майковъ обратился къ такому давно извѣстному и любимому источнику. Но замѣчательно, что въ переработкахъ Езопа, также какъ и въ подражаніяхъ иностраннымъ баснописцамъ, переведеннымъ на русскій языкъ уже во вто-

---

[1]) Сочиненія, стр. 305. Въ „Сказаніяхъ русскаго народа" Сахарова, ч. I, кн. III, стр. 235—237, дѣйствительно находимъ ту пѣсню, на которую ссылается Майковъ. Въ ней говорится,

Что пониже города было Саратова,
А повыше города Царицына,
Протекала, протекала мать Камышенка рѣка.

По Камышенкѣ плывутъ струги, а въ стругахъ сидятъ казаки:

На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,
Еще смурные кафтаны, кумачемъ подложены,
Астраханскі кушаки полушелковые,
Пестрядинныя рубашки съ золотымъ галуномъ,
Что зелены сафьяны сапожки, кривые каблуки...

[2]) Мы имѣемъ въ виду 12-ю притчу этого романа — „о инърозѣ": кромѣ романа, она встрѣчается и отдѣльно въ нашихъ рукописныхъ сборникахъ XVI и XVII вв. Содержаніе ея изложено въ Очеркѣ литерат. исторіи стар. повѣстей и сказокъ русскихъ А. Н. Пыпина, стр. 130—131; ср. Истор. очерки Ѳ. И. Буслаева, т. II, стр. 207.

рой половинѣ XVIII вѣка[1]), Майковъ позволяетъ себѣ значительную самостоятельность: такъ, въ однихъ изъ этихъ передѣлокъ онъ подробнѣе развиваетъ сюжетъ подлинника, а въ другихъ дополняетъ разсказъ своими наблюденіями изъ русской жизни. Напримѣръ, Езопова басня „Левъ и медвѣдь", сходная съ баснею Федра „Корова, коза, овца и левъ", является у нашего автора въ новомъ видѣ, подъ заглавіемъ „Медвѣдь, волкъ и лисица"; разсказъ Езопа сухъ и безцвѣтенъ: въ разсказѣ Федра очерченъ характеръ только главнаго лица—льва; у Майкова же есть характеристика и другихъ дѣйствующихъ лицъ. Переработывая басню Федра „Езопъ — толкователь духовной", Майковъ устраняетъ изъ нея подробности, относящіяся къ быту древности, и вводитъ въ свой разсказъ сатирическія краски, не чуждыя русской жизни.

Таковы отношенія Майкова къ его источникамъ чисто-народнымъ или получившимъ значеніе популярныхъ книгъ. Фактъ замѣчательный въ русской литературѣ XVIII вѣка по своей исключительности, эти отношенія объясняютъ намъ, почему Майковъ не поддался вполнѣ ложно-классическому вліянію: писатель, знакомый съ жизненными произведеніями народнаго юмора и наблюдательности, не могъ замкнуться въ тѣсную рамку образовъ и формъ, узаконенныхъ условною теоріей; его талантъ искалъ себѣ проявленія свободнаго и сообразнаго съ духомъ окружающей его народной жизни. Мы уже видѣли разные примѣры стремленій Майкова къ народ-

[1]) Кромѣ Езопа, у Майкова встрѣчаются басни, заимствованныя у Пильная, Федра, Лафонтена и Гольберга. Всѣ эти сборники басенъ уже существовали въ русскомъ переводѣ до изданія басенъ Майкова. Кромѣ того, онъ взялъ содержаніе нѣкоторыхъ басенъ у Сумарокова и одной— изъ Новыхъ нравоучительныхъ басенъ Вл. Золотницкаго (С.-Пб. 1763). Подробности объ этихъ заимствованіяхъ см. въ нашихъ примѣчаніяхъ къ Сочиненіямъ и переводамъ В. И. Майкова. С.-Пб. 1867.

ности и реализму. Но полнѣйшее осуществленіе ихъ мы находимъ кое-гдѣ на страницахъ „Елисея“ и въ нѣкоторыхъ басняхъ нашего автора, притомъ принадлежащихъ ему безраздѣльно. Эти послѣднія (каковы, напримѣръ, „Воръ“, „Воръ и подъячій“, „Общество“, „Несновательная боязнь“ и пр.), по содержанію своему, почти всѣ заимствованы изъ русскаго народнаго быта. Оно и естественно: отрѣшившись на время отъ условныхъ литературныхъ требованій, писатель, такъ сказать, возвращается въ лоно той жизни, въ которой сложилась его личность, и воспроизводитъ эту жизнь въ своихъ сочиненіяхъ съ мѣткостью и правдой, не затуманенною никакими предразсудками. При соблюденіи этого главнаго условія небольшой объемъ басенъ Майкова и простота ихъ формы и содержанія способствуютъ художественной ихъ выдержанности и цѣльности, между тѣмъ какъ въ „Елисеѣ“ авторъ склоненъ мѣнять тоны и отъ свободныхъ мотивовъ дѣйствительности и народности переходитъ къ рефлексіи, къ соблюденію условныхъ теоретическихъ требованій.

Наблюденія Майкова надъ русскою жизнью приводятъ его къ сатирѣ. Подобно Сумарокову и другимъ своимъ современникамъ, онъ нападаетъ на взяточничество, ханжество, суевѣріе и особенно на барство; но взглядъ его отличается замѣчательною трезвостью: общественные пороки не заслоняютъ передъ нимъ и свѣтлыхъ сторонъ русской жизни; безпристрастный живописецъ русскаго быта виденъ въ немъ чаще, чѣмъ односторонній и однообразный сатирикъ. По этой же причинѣ и въ тонѣ его разсказа преобладаетъ не строгое обличеніе (котораго одинъ изъ немногихъ примѣровъ можно указать въ его баснѣ „Воръ и подъячій“), а добродушная веселость, не лишенная впрочемъ лукавства и язвительности; притомъ, эти блестки юмора онъ любитъ бросать случайно, ненарокомъ; такъ, въ баснѣ „Медвѣдь, волкъ и

лисица" авторъ, послѣ нѣсколькихъ строкъ нравоученія заводитъ рѣчь о своихъ герояхъ:

Медвѣдь, лисица, волкъ
Пошли на промыселъ иль, лучше, на ловитву...

Читатель думаетъ, что разсказъ будетъ продолжаться объ этихъ животныхъ; но нѣтъ, разсказчикъ свернулъ въ сторону:

Да только во звѣряхъ не тотъ, что въ людяхъ, толкъ:
Мы ходимъ со двора, всегда творя молитву;
Молитвы утренни судья въ дому прочтя,
Ужъ смѣло дѣлаетъ неправду, лобъ крестя;
Хотя виновнаго за деньги и оправитъ,
Но за молитву то Господь ему оставитъ.
„Судья вѣдь человѣкъ;
„Коль съ правдой жить ему, такъ жить безъ хлѣба вѣкъ".
Такъ говорятъ бездушники и плуты,
И деньгами чрезъ то карманы ихъ надуты.
Но у звѣрей не такъ...[1])

Такъ мимоходомъ брошена насмѣшливая замѣтка о ханжествѣ криводушныхъ судей.

Полнаго вниманія заслуживаютъ тѣ типы изъ народной жизни, которые выведены Майковымъ. Одинъ изъ нихъ, безчестнаго судью, мы сейчасъ видѣли; типъ этотъ былъ усердно разработываемъ русскою сатирой XVIII вѣка, и характеристика его у Майкова лишь дополняетъ сказанное другими писателями. Но есть у нашего автора типы, созданные имъ вполнѣ самостоятельно; таковъ, напримѣръ, русскій баринъ-помѣщикъ, представленный въ басняхъ „Поваръ и портной", „Неосновательная боязнь", „Господинъ со слугами въ опасности жизни" и, мѣстами, въ нѣкоторыхъ другихъ; характерныя черты этого типа — любовь къ роскоши, чванство, самодурство и эгоизмъ — подмѣчены и обозначены Майковымъ съ полною опредѣленностью и были очень новы для русской литературы въ то время, когда

[1]) Сочиненія, стр. 179—180.

появились басни нашего автора. Приводимъ для примѣра послѣднюю изъ названныхъ басенъ:

Корабль, свирѣпыми носимъ волнами въ морѣ,
Лишася всѣхъ спастей, ужь мнитъ погибнуть вскорѣ.
Въ немъ ѣдетъ господинъ, при коемъ много слугъ;
А этотъ господинъ имѣлъ великій духъ,
Спросилъ бумаги въ горѣ
И, взявъ ее, слугамъ отпускную писалъ,
А написавъ ее, сказалъ:
„Рабы мои, прощайте,
„Бѣды не ощущайте,
„Оплакивайте вы лишь только смерть мою,
„А вамъ я всѣмъ отпускную даю".
Одинъ изъ нихъ сказалъ боярину въ отвѣтъ:
„Великъ намъ даръ такой, да время грозно;
„Пожаловалъ ты намъ свободу, только поздно,
„Съ которой въ скорости мы всѣ оставимъ свѣтъ" [1]).

Можно указать еще на одинъ типъ, набросанный Майковымъ и долго остававшійся въ нашей литературѣ безъ разработки: мы говоримъ о русскомъ простолюдинѣ, крестьянинѣ, очень живо изображенномъ въ басняхъ „Поваръ и Портной", „О хулителѣ чужихъ дѣлъ", „Крестьянинъ, медвѣдь, сорока и слѣпень" и „Общество", со своею смѣтливостью, съ наивною вѣрой въ то, что счастливый случай можетъ извлечь его изъ бѣдности, и въ то же время съ своею любовью къ тяжелому крестьянскому труду надъ „пашенкой святою" [2]). Черты этого типа, обрисованныя Майковымъ съ живымъ сочувствіемъ, доказываютъ, что нашъ авторъ былъ способенъ возвыситься надъ отрицательнымъ изображеніемъ русской жизни и предчувствовалъ уже тѣ свѣтлые характеры, которые искусство можетъ въ ней найдти [3]).

---

[1]) Сочиненія, стр. 203.

[2]) Тамъ же, стр. 201.

[3]) Замѣчанію нашему не противорѣчитъ и нѣсколько грубая шутливость „Елисея"; въ басняхъ Майкова простонародье изображено безъ шутовства, а въ „Елисеѣ" шутовство объясняется требованіями пiитики относительно герои-комической поэмы; поэтому нельзя заподозрѣвать Майкова въ желаніи глумиться надъ народомъ.

Не смотря однако на эти замѣчательные проблески народности и реализма, литературная дѣятельность Майкова не утвердилась въ этомъ жизненномъ направленіи: въ первый періодъ своихъ литературныхъ трудовъ, въ 1762—1772 годахъ, нашъ даровитый писатель былъ гораздо самостоятельнѣе, чѣмъ во второй, то-есть, между 1772 и 1778 годами, когда онъ сталъ все болѣе и болѣе уступать господствовавшимъ литературнымъ требованіямъ. Эти уступки болѣе всего замѣтны въ тѣхъ позднѣйшихъ его произведеніяхъ, въ которыхъ онъ беретъ содержаніе изъ народной жизни. Говоря о пастушеской драмѣ „Деревенскій праздникъ", мы упомянули объ ея идиллическомъ характерѣ: въ ней авторъ „Елисея" и сейчасъ разобранныхъ басенъ изображаетъ русскихъ крестьянъ какими-то аркадскими пастушками. Этотъ поворотъ въ творчествѣ Майкова объясняется современными литературными обстоятельствами; нѣкоторый оттѣнокъ чувствительности не чуждъ былъ еще Сумарокову, но съ конца семидесятыхъ годовъ онъ особенно сильно начинаетъ распространяться въ нашей литературѣ; съ этого времени русскій бытъ, живо и вѣрно изображавшійся въ сатирическихъ журналахъ 1769—1774 годовъ, является въ литературѣ только въ „украшенномъ видѣ"—въ комическихъ операхъ, между тѣмъ какъ комедія, за исключеніемъ „Недоросля" Фонъ-Визина, продолжаетъ лишь разработывать типы, указанные еще Сумароковымъ и сатирой перваго десятилѣтія царствованія Екатерины II. Такимъ направленіемъ литературнаго вкуса, стремящимся удалить изъ словесности всѣ грубо-реальныя черты народности, подготовляется то отвлеченное и сентиментальное изображеніе русской жизни, которое мы видимъ въ „Бѣдной Лизѣ" и „Фролѣ Силинѣ" Карамзина. Майковъ засталъ это литературное направленіе только въ періодъ его нарожденія, но не имѣлъ достаточно силы таланта, чтобъ устоять противъ его вліянія.

Изъ всего вышесказаннаго легко опредѣляется значеніе Майкова въ развитіи русской литературы. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей того стремленія къ дѣйствительности и народности, которое замѣчается въ русской словесности Екатерининa вѣка, и которое раздѣляли съ нимъ всѣ лучшіе изъ тогдашнихъ писателей. Говорятъ, что „для читателей Екатеринина вѣка переложеніе чужого на родные обычаи и нравы было именно тѣмъ, чего они особенно желали, и чтȏ имъ нравилось по преимуществу"[1]). Майковъ шелъ дальше этого умѣреннаго желанія: почерпалъ матеріалъ для своихъ произведеній непосредственно изъ русской жизни и видѣлъ въ ней не однѣ отрицательныя стороны.

Майковъ былъ любимъ въ свое время какъ писатель; его читало не одно высшее общество, но и „средняго рода люди"; это служитъ лучшимъ доказательствомъ его дѣйствительной популярности, такой, какою пользовались въ XVIII вѣкѣ немногіе. И въ нынѣшнемъ столѣтіи еще Пушкинъ находилъ его юморъ смѣшнымъ[2]): великій поэтъ вѣрно чувствовалъ въ его произведеніяхъ живую народную струю. Съ теченіемъ времени были забыты его нѣсколько грубыя, но вѣрныя жизни изображенія; но за исторической критикой остается право опредѣлить литературное значеніе Василія Майкова по мѣрѣ его заслугъ.

---

[1]) Исторія русской словесности А. Д. Галахова, изданіе 2-е, т. I, отдѣлъ 2-й, стр. 203.

[2]) Сочиненія Пушкина, изданіе литерат. фонда, т. VII, стр. 50; ср. въ т. III стр. 381.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ МЕЛОЧИ

ЕКАТЕРИНИНСКАГО ВРЕМЕНИ.

I.

Театральная публика во времена Сумарокова.

Русское общество пріохотилось къ театральнымъ зрѣлищамъ преимущественно въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны: въ то время они сдѣлались постоянными какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, и здѣсь впервые образовались хорошіе русскіе актеры.

Но еще раньше, чѣмъ сформировалась постоянная придворная русская труппа, въ Петербургѣ появлялись иностранные театральные артисты: италіанская опера и балетъ были заведены при русскомъ дворѣ еще въ царствованіе Анны Іоанновны, а при Елизаветѣ была приглашена и французская драматическая труппа. Впрочемъ, представленія послѣдней посѣщались въ то время не особенно усердно; содержаніе піесъ французскаго репертуара было выше пониманія зрителей, а для нѣкоторой части ихъ и самый языкъ французскій не былъ доступенъ; однажды, въ 1754 году, на французскую комедію

собралось такъ мало зрителей, что государыня приказала въ тотъ же вечеръ разослать ѣздовыхъ къ болѣе значительнымъ лицамъ съ запросомъ, почему они не были, и съ увѣдомленіемъ, что впредь за непріѣздъ полиція будетъ каждый разъ взыскивать по 50 рублей штрафа. За то, когда въ 1757 году въ Петербургъ пріѣхалъ италіанскій импрессаріо Локателли съ прекрасною труппою, получилъ дозволеніе давать свои представленія уже не для одного двора, но публично, на старомъ придворномъ театрѣ въ Лѣтнемъ саду, и началъ ставить комическія оперы и балеты à grand spectacle, то прекрасное исполненіе этихъ піесъ и роскошная ихъ постановка, достойныя — по словамъ иноземныхъ очевидцевъ — лучшихъ театровъ Парижа и Италіи, произвели чрезвычайное впечатлѣніе на петербургское общество: имъ овладѣла настоящая театральная лихорадка. Императрица въ первый годъ подарила счастливому импрессаріо 5000 рублей; онъ устроилъ годовой абонементъ, при чемъ бралъ за ложу до 300 рублей; сверхъ того, богатые люди на свой счетъ обивали свои ложи шелковыми матеріями и убирали ихъ зеркалами. Главною приманкою театра Локателли были двѣ хорошенькія актрисы: „Равенство въ пріятностяхъ, вкусѣ и танцованьи госпожъ Сакки и Беллюцци", разсказываетъ современникъ Я. Я. Штелинъ,—„дѣлило на двѣ партіи зрителей, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли двѣ деревянныя, связанныя лентою дощечки, на коихъ написано было имя той изъ сихъ двухъ танцовщицъ, которая больше кому нравилась, и коей они больше аплодировать хотѣли, — сіи дощечки замѣняли часто ихъ ладони, кои отъ безпрестаннаго хлопанья у многихъ пухли" [1]).

Это столкновеніе театральныхъ партій отозвалось и въ современной имъ литературѣ. Одинъ изъ поклон-

---

[1]) С.-Петербургскій Вѣстникъ 1779 г., сентябрь, стр. 164—165.

никовъ актрисы Либеры Сакко, гвардіи унтеръ-офицеръ А. А. Ржевской напечаталъ, безъ своей подписи, въ тогдашнемъ журналѣ Ежемѣсячныя Сочиненія (1759 г., № 2) слѣдующій плохой сонетъ:

Когда ты, Либера, что въ драмѣ представляешь,
Въ часы тѣ, что къ тебѣ приходитъ плескъ во уши,
Отъ зрителей себѣ то знакомъ принимаешь,
Что въ нихъ ты красотой зажгла сердца и души.

Довольное число талантовъ истощила
Натура для тебя, какъ ты на свѣтъ рождалась.
Она тебя, она, о Сакко, наградила,
Чтобы на всѣ глаза пріятною казалась.

Небеснымъ пламенемъ глаза твоя блистаютъ,
Тѣнь нѣжную лица черты намъ представляютъ,
Прелестенъ взоръ очей, осанка несравненна!

Хоть нѣкихъ дамъ языкъ клевещетъ тя хулою
Но служитъ зависть ихъ тебѣ лишь похвалою;
Ты истинно плѣнять сердца на свѣтъ рожденна.

Намекъ, заключающійся въ послѣднихъ строкахъ этого стихотворенія, мѣтилъ, по видимому, очень далеко: стихи весьма не понравились при дворѣ, и совѣтника академической канцеляріи Тауберта нарочно призывали туда, чтобъ узнать объ имени автора ихъ. Редактору Ежемѣсячныхъ Сочиненій Миллеру пришлось оправдываться въ помѣщеніи злополучнаго сонета. Не извѣстно впрочемъ, имѣлъ ли этотъ случай какія-либо непріятныя послѣдствія для восторженнаго поклонника италіанской артистки [1]).

Съ воцареніемъ Екатерины II утонченность нравовъ дѣлаетъ замѣтные успѣхи въ русскомъ обществѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ упрочивается и любовь къ театральнымъ зрѣлищамъ, и даже начинаютъ устроиваться, при дворѣ

---

[1]) Пекарскій. Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ, стр. 49—50.

и въ высшемъ обществѣ столицы, такъ-называемые благородные спектакли. Но рядомъ съ этимъ сознательнымъ увлеченіемъ искусствомъ, примѣръ, поданный императрицей и ея приближенными, находитъ себѣ неумѣлыхъ подражателей, для которыхъ посѣщеніе театра становится модою. „Наши дворяне и большая часть молодыхъ людей", замѣчаетъ по этому поводу сатирическій журналъ 1769 года Всякая Всячина, — „обыкновенно увѣряютъ, что они большіе охотники до театральныхъ представленій, и почитаютъ себя знатоками въ этомъ дѣлѣ. Едва услышатъ они о новой драмѣ, то уже толпами собираются въ театрѣ и съ нетерпѣливостью дожидаются примѣчать больше дѣйствующія лица, нежели характеры, ими представляемые. Они болѣе берутъ участія въ небольшихъ спорахъ и несогласіяхъ актеровъ, нежели въ судьбѣ тѣхъ славныхъ героевъ и героинь, въ видѣ коихъ они намъ являются. Какъ Дмитревскій, Лесажъ, или Троепольская, Мартеньша и пр. одѣты были, ихъ голоса, движенія, осанка составляютъ предметъ многочисленныхъ разговоровъ. Но Синава жестокая страсть, погубившая брата его, любовницу и его самого, Гарпагонова гнусная скупость, Магометово злодѣйство и ложью ослѣпленное суевѣріе, ополчающія руки чадъ на родителя, исправленіе мота, словомъ, всѣ сіи живо изображенные характеры, вымышленные стихотворцами, возбуждающіе въ насъ благородныя чувства, исправляющіе наши нравы... предаются молчанію и столь мало внимаются, будто бы никакого примѣчанія не заслуживаютъ. Иные принуждаютъ себя казаться знающими въ драматическихъ сочиненіяхъ и любителями оныхъ и говорятъ, что больше только отъ скуки смотрятъ: но со всѣмъ тѣмъ можно видѣть, что ничто имъ больше онаго нравится" [1]).

До какой степени наивны были сужденія тогдашней

[1]) Всякая Всячина, ст. 120—123.

русской публики объ игрѣ актеровъ,—объ этомъ мы находимъ нѣсколько современныхъ извѣстій. Воспринимаемое русскимъ обществомъ европейское образованіе подавляло самостоятельность его понятій до того, что оно не умѣло объективно цѣнить возникавшіе въ средѣ его дарованія. Сама Всякая Всячина, разсказывая объ успѣхахъ Троепольсвой и Дмитревскаго и восхищаясь ими, спѣшитъ подкрѣпить свой восторженный отзывъ одобрительнымъ сужденіемъ вновь пріѣхавшихъ французскихъ актеровъ и актрисъ о русскихъ сценическихъ талантахъ. Пристрастіе къ французамъ и всему французскому было у насъ такъ велико, что, по словамъ Всякой Всячины, даже въ то самое время, когда Троепольская и Дмитревскій исторгали у зрителей слезы, исполняя Сумароковскаго „Синава", одинъ господинъ — въ родѣ Фонъ-Визинскаго Иванушки — не могъ не воскликнуть со вздохомъ: „Жаль, что они не французы; ихъ бы можно почесть совершенными и рѣдкими въ своемъ искусствѣ!" [1]) И великій князь Павелъ Петровичъ, будучи ребенкомъ (въ 1765 году), безъ сомнѣнія, со словъ кого-либо изъ придворныхъ, говаривалъ, что русскіе камедіанты дурно играютъ, и что какъ бы мы ни желали, чтобъ они были хороши, они все-таки останутся дурными [2]). Прибавимъ къ этому, что въ тогдашнее время занятія актера считались вообще неблагородными, а знакомство съ комедіантами — унизительнымъ для порядочнаго человѣка. Вслѣдствіе того, дружба нѣкоторыхъ писателей изъ дворянъ: А. П. Сумарокова, Н. И. Новикова, В. И. Майкова съ знаменитыми русскими актерами Ѳ. Г. Волковымъ и И. А. Дмитревскимъ оказывалась даже нѣкоторымъ протестомъ противъ господствовавшихъ въ обществѣ предразсудковъ.

Неудивительно, что при такихъ понятіяхъ русская

---

[1]) Всякая Всячина, стр. 109—110.
[2]) Семена Порошина Записки. С.-Пб. 1881, стр. 402.

публика обнаруживала крайнее неумѣнье вести себя въ театрѣ, и особенно въ такомъ, гдѣ играли русскіе актеры. Въ Вечерахъ, сатирическомъ журналѣ 1770—1771 годовъ, находимъ слѣдующее любопытное письмо одной дамы: „Господа издатели! Усерднѣйше прошу васъ дать пристойно восчувствовать нашимъ согражданамъ, въ чемъ состоитъ цѣль и установленіе театровъ, и что на таковыя позорища, какъ комедія и трагедія, ѣздятъ, чтобы слушать, а не только глядѣть или себя казать и смотрѣть другихъ, и что благоразумное воспитаніе учитъ въ собраніяхъ, гдѣ чего бы то ни было и какое-либо сообщество собралось слушать, если самъ слушать не хочешь, то другимъ не мѣшать. Мнѣ случилось быть въ театрѣ, когда русскаго „Беверлея" представляли; истинно съ крайнею прискорбностью слышала: во-первыхъ, что не умолкали говорить; многія дамы для прохлажденія медку изъ караульни посылали просить, другія кушали, наконецъ, въ театрѣ хохотали, на что, конечно, другой причины тѣмъ забавнымъ людямъ не было, какъ только названіе комедіи, въ которую, по ихъ мнѣнію, надлежало смѣяться. Молчаніе и тихость не прежде возстановились, когда въ самомъ дѣлѣ только глазами, а не слухомъ, вниманіе имѣть должно, то-есть, въ балетѣ. Размышляя о семъ, мнѣ пришла на умъ и та неутѣшная мысль, что намъ предъ чужестранными и тѣмъ извиниться не можно, что парадисъ или, въ другихъ мѣстахъ, партеръ всякаго состоянія людьми въ вольныхъ позорищахъ наполняется, потому что въ императорскій театръ, кромѣ благородныхъ, положено не впускать, почему титулованныя особы суть одни въ немъ зрители" [1]).

Особенно безцеремонно вела себя театральная публика въ Москвѣ. Картину ея поведенія оставилъ Сумароковъ въ слѣдующихъ строкахъ предисловія къ своему „Дими-

---

[1]) Вечера, ч. II, стр. 67—68.

трію Самозванцу": „Непристойно... съѣзжавшимся видѣть „Семиру", сидѣть возлѣ самаго оркестра и грызть орѣхи, и думати, что когда за входъ заплачены деньги въ позорище, можно въ партерѣ въ кулачки биться, а въ ложахъ разсказывати исторіи своей недѣли громогласно и грызть орѣхи... Многіе въ Москвѣ зрители и зрительницы не для того на позорищи ѣздятъ, дабы имъ слышать ненужныя имъ газеты; а грызеніе орѣховъ не приноситъ удовольствія ни зрителямъ разумнымъ, ни актерамъ, ни трудившемуся во удовольствіе публики автору;ево служба награжденія, а не наказанія достойна. Вы, путешествователи, бывшіе въ Парижѣ и въ Лондонѣ, скажите: грызутъ ли тамъ во время представленія драмы орѣхи, и когда представленіе въ пущемъ жарѣ своемъ, сѣкутъ ли поссорившихся между собою пьяныхъ кучеровъ ко тревогѣ всего партера, ложъ и театра?" [1])

Эти дикія черты театральныхъ нравовъ могли бы казаться невѣроятными и изобрѣтенными горячимъ воображеніемъ раздражительнаго Сумарокова, еслибы не находили себѣ подтвержденія въ нижеслѣдующемъ объявленіи отъ московскихъ актеровъ труппы антрепренеровъ Бельмонти и Чинти, которое было тогда же напечатано и раздавалось, вѣроятно, вмѣстѣ съ афишами:

„Отъ актеровъ Россійскаго театра

„ОБЪЯВЛЕНІЕ.

„Декабря 22 дня представлена будетъ Семира, на собственный зборъ актеровъ. Авторъ оной драмы покорнѣйше проситъ публику о благоволительномъ слушаніи, дабы могъ онъ давати свои драмы и впредь, ради удовольствія зрителей. Онъ бы тщетно давалъ на представленіе свои сочиненія, ежели бы онъ чаялъ то, что не

[1]) Сочиненія, ч. VI, стр. 63.

для слушанія ево драмъ, но ради единаго собѣседованія и разговоровъ въ театральный домъ собираются; ибо трудолюбно написанныя имъ сцены мѣшали бы собирающимся разговаривать. Автору кажется, что сіе ево размышленіе основательно, и требованіе справедливо: о чемъ и актеры нижайше просятъ. А въ противномъ случаѣ, ни одной трагедіи и ни одной комедіи сего автора; безъ присутствія Двора, при жизни авторовой, въ Москвѣ представлено не будетъ. А содержатели театра съ нимъ письменно обязались, чтобъ безъ ево согласія, ево сочиненій не представлять, чево они и безъ обязательства дѣлать не могутъ. Представленіе начнется по обыкновенію въ 6 часовъ по полудни"[1]).

Какъ ни мало были развиты литературные интересы въ тогдашнемъ обществѣ, тѣмъ не менѣе русская сцена скоро сдѣлалась мѣстомъ для борьбы литературныхъ самолюбій, а публика—орудіемъ ихъ нападенія и обороны. Въ первые годы царствованія Екатерины II, выступилъ на поприще драматургіи В. И. Лукинъ, человѣкъ несомнѣннаго таланта, но вмѣстѣ съ тѣмъ и огромнаго самолюбія, своими насмѣшками, въ которыхъ онъ не щадилъ даже главу тогдашней литературы Сумарокова, нажившій себѣ много враговъ въ обществѣ и между писателями. Между прочимъ, рѣшился онъ поставить на петербургской сценѣ свою комедію: „Мотъ, любовью исправленный", и 19-го января 1765 года было назначено первое ея представленіе. „Любопытство и склонность къ новизнамъ", разсказываетъ авторъ объ этомъ достопамятномъ для него днѣ, — „влекли многихъ зрителей ее видѣть, а нѣкоторая часть шла, льстясь увидѣть мое паденіе. Не слыхалъ я всѣхъ разсужденій, въ партерѣ дѣланныхъ;

---

[1]) Объявленіе это, воспроизведенное здѣсь съ буквальною точностью, напечатано на отдѣльной четверкѣ, безъ года и мѣста печати. Единственный, извѣстный намъ, экземпляръ его сохранился въ библіотекѣ Д. Ѳ. Кобеко. Мы думаемъ, что составителемъ объявленія былъ самъ Сумароковъ.

но отъ пріятелей моихъ свѣдалъ, коль оныя странны были. Большая часть противниковъ моихъ до начатія кричали, что не моего пера плоды увидятъ, а коли моего, такъ, конечно, кѣмъ-нибудь правленные". Такимъ образомъ, враги автора передъ самымъ представленіемъ его піесы открыто возбуждали публику противъ выступающаго на ея судъ таланта. „Началась", говоритъ далѣе Лукинъ,—„комедія. Первое дѣйствіе до конца прошумѣли, прокашляли, просморкали и табакъ пронюхали; два главные русскаго языка ненавистники, Пустозвяковъ и Чушехватовъ, разносили по партеру прошлогодніе вѣдомости, сказывая зрителямъ, что веселѣе ихъ читать, нежели представляемый вздоръ слушать. Второе дѣйствіе побудило зрителей ко вниманію, а въ послѣдующихъ была тишина, рѣдко случающаяся. Словомъ, въ противность желанія моихъ ненавистниковъ, комедія большій успѣхъ имѣла, нежели я уповать могъ, и еслибы она была не моя, или и моя, но кѣмъ-нибудь правленная, то конечно, этимъ бы опорочиваніемъ упала, ибо не могло бы сіе долго тайною остаться" [1]). Знакомый, такимъ образомъ, по собственному опыту съ борьбою противъ враждебнаго настроенія публики, Лукинъ, въ другой своей комедіи „Награжденное постоянство", вывелъ на сцену одного изъ такихъ искусниковъ ронять чужія піесы. Вотъ какими чертами обрисовываетъ онъ этотъ особый типъ театрала [2]):

„евграфъ. Кстати заговорили вы, сударыня, о комедіяхъ. Завтра долженъ я идти въ нее. Лишь только я съ старыми знакомцами увидѣлся, то просили меня, чтобы я пособилъ имъ испортить какую-то новосочиненную молоденькаго писца комедію, которую въ первый разъ представлять будутъ.

„клеопатра. Что, сударь?... Испортить новую піесу?

---

[1]) Сочиненія и переводы Лукина. С.-Пб. 1868, стр. 14.
[2]) Тамъ же, стр. 146—147.

Полно, можно ли эдакія дѣлать просьбы, не знавъ напередъ, хороша или дурна она будетъ?

„ПУЛЬХЕРІЯ. Чему вы дивитесь, сударыня? Я знаю человѣкъ трехъ, которые давно такъ поступаютъ и всегда въ томъ удачу имѣютъ. Они никогда не упустятъ этого сдѣлать, ежели сочинитель напередъ ихъ не задобритъ. Всѣ писцы должны, снискивая ихъ благосклонность, читать имъ свои сочиненія и униженно просить, чтобы они свое мнѣніе объ нихъ сказали, а притомъ расхвалить ихъ самолюбіе самымъ не позволеннымъ образомъ и почесть лучшими въ письменахъ знатоками; а ежели не такъ поступить, то они все на изворотъ перетолкуютъ.

„Г. СТАРАСЕЛОВА. Это очень забавно.

„КЛЕОПАТРА. Отнюдь не забавно, а несносно, и я не думаю, чтобы легко было помѣшать успѣхамъ такой комедіи, которая похвалы достойна.

„ЕВГРАФЪ. Пусть она будетъ самая лучшая въ свѣтѣ, только непремѣнно похвалы не получитъ, ежели такіе знатоки, какъ я, въ это дѣло вмѣшаются. Этому я въ чужихъ еще краяхъ научился и, привыкнувъ тамъ, и здѣсь также поступаю. Мы становимся къ оркестру въ разныхъ кучкахъ человѣкъ по пяти. Кричимъ громко, нюхаемъ табакъ и очень часто харкаемъ и сморкаемъ, переходимъ съ мѣста на мѣсто и черезъ людей перекликаемся. Въ самыхъ важныхъ и лучшихъ явленіяхъ дѣлаемъ или говоримъ какія-нибудь шутки, худыя или добрыя, того не разбирая; а ежели это не поможетъ, то засмѣемся во все горло. Половина зрителей, послѣдуя намъ, сдѣлаютъ то же, а другая за то осердится, отъ чего произойдетъ шумъ ужасный. Тутъ актеръ остановится, помѣшается, всю страсть упуститъ, и что потомъ ни станетъ представлять, все дурно покажется. Итакъ, видите ли, сударыня, какъ мы портимъ піесы?

„ПУЛЬХЕРІЯ. Вы удивительнымъ образомъ поступаете.

„ЕВГРАФЪ. Никто насъ не переможетъ.

„КЛЕОПАТРА. Конечно, никто. Я вижу, что въ этой наукѣ дошли вы до совершенства. Только хотѣла бы я вѣдать, какую вы прибыль отъ этого себѣ получаете?

„ЕВГРАФЪ. Какую прибыль! Мы этимъ забавляемся и показываемъ остроту разума.

„КЛЕОПАТРА. А ежели васъ за это вонъ выведутъ?

„ЕВГРАФЪ. По правдѣ сказать, давно бы надлежало, и къ намъ больше милости показывается, нежели мы заслуживаемъ.

„ПУЛЬХЕРІЯ. Только это очень весело. Надлежитъ и мнѣ войтить въ вашу шайку. Вы увидите, дурной ли я вамъ буду товарищъ, ежели ничего, кромѣ крику, не надобно".

Молодому Лукину, однако, удалось преодолѣть усилія враговъ уронить его первую піесу, и въ приведенной сценѣ онъ только давалъ позднюю отместку своимъ побѣжденнымъ уже противникамъ. Не такъ счастливъ былъ, на старости своихъ лѣтъ, другой, болѣе знаменитый русскій драматургъ Сумароковъ. Ему не только приходилось терпѣть невѣжественное поведеніе публики, но и прямо, въ залѣ театра, получать намѣренныя оскорбленія и отъ зрителей, и отъ актеровъ. Это случилось именно въ Москвѣ, „гдѣ", какъ говорилъ Сумароковъ,—„глупостей столько, что она требуетъ ста Мольеровъ, а онъ въ ней только одинъ". Въ 1769 году, иностранцы Бельмонти и Чинти получили пятилѣтнюю привилегію на содержаніе въ Москвѣ русскаго театра. При этомъ случаѣ Сумароковъ заключилъ съ Бельмонти условіе, чтобы безъ его согласія не исполнять его піесъ на сценѣ, такъ какъ онъ хотѣлъ, для своей славы, чтобъ его произведенія были представляемы только тогда, когда онъ убѣдится, что они хорошо разучены актерами. Изъ приведеннаго выше объявленія мы уже знаемъ, что и отъ публики Сумароковъ требовалъ вниманія и смирнаго поведенія во время представленія его піесъ, грозя въ противномъ случаѣ совсѣмъ снять

ихъ съ репертуара. Въ январѣ 1770 года упросили Сумарокова поставить на московскую сцену его трагедію „Синавъ", еще не игранную тамъ. Сумароковъ согласился и самъ сталъ проходить съ актерами ихъ роли; тѣмъ не менѣе репетиціи не клеились, и піеса не была твердо разучена ко дню, назначенному для ея исполненія: представленіе пришлось отложить. Сумароковъ хотѣлъ было жаловаться московскому главнокомандующему графу П. С. Салтыкову на небрежность актеровъ, но Салтыковъ разсердился на него самого, и потомъ, въ театрѣ, когда узналъ, что „Синавъ" отмѣненъ по соглашенію Бельмонти съ авторомъ, объявилъ послѣднему: „Я на зло тебѣ велю играть Синава послѣ завтра". При этомъ старикъ главнокомандующій до такой степени вышелъ изъ себя, что бросился изъ-за кулисъ, гдѣ находился, на сцену во время представленія. Его неожиданное появленіе здѣсь, вмѣстѣ съ одною изъ актрисъ, не мало потѣшило публику. Но какъ ни ронялъ свое достоинство начальникъ Москвы, а приказаніе его должно было быть исполнено: 31-го января наступилъ роковой для Сумарокова день. Между тѣмъ какъ захворавшій отъ волненія и огорченія драматургъ сидѣлъ дома, „Синавъ" былъ разыгранъ на сценѣ, при чемъ актеры, плохо подготовленные, исполняли свои роли дурно, а нѣкоторые искажали ихъ, какъ говоритъ преданіе, даже намѣренно, въ угоду начальству и антрепренерамъ, льстившимъ графу Салтыкову. Съ своей стороны, и публика вела себя самымъ недостойнымъ образомъ: шумъ, шиканье и свистъ раздавались во все время представленія [1]). Подъ впечатлѣніемъ этихъ оскорбленій Сумароковъ написалъ свою знаменитую элегію, выразивъ въ ней всю силу своего негодованія противъ общества, отъ

[1]) Подробности этого происшествія, на основаніи документовъ и сличенія современныхъ извѣстій, разсказаны М. Н. Лонгиновымъ въ статьѣ: „Послѣдніе годы жизни А. П. Сумарокова", напечатанной въ Русскомъ Архивѣ 1871 года.

котораго онъ въ правѣ былъ ожидать не обидъ, а уваженія и благодарности. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этого горячо прочувствованнаго стихотворенія:

Всѣ мѣры превзошла теперь моя досада;
Ступайте, фуріи, ступайте вонъ изъ ада,
Грызите жадно грудь, сосите кровь мою!
Въ сей часъ, въ который я терзаюсь, вопію,
Въ сей часъ, среди Москвы „Синава“ представляютъ
И вотъ какъ автора достойно прославляютъ:
Играйте, говорятъ, во мзду его уму,
Играйте пакостно за трудъ на зло ему!
Сбираются ругать меня враги и други,—
Сіе ли за мои, Россія, мнѣ услуги?
Отъ странъ чужихъ во мзду пмѣю не сіе:
Слезами я кроплю, Вольтеръ, письмо твое!
Лишенный музъ, лишусь, лишуся я и свѣта!
Екатерина, зри! Проснись, Елисавета!
И сердце днесь мое внемлите вмѣсто словъ!
Вы мнѣ прибѣжище, надежда и покровъ,
Отъ гроба зритъ одна, другая зритъ отъ трона,—
Отъ нихъ и съ небеси мнѣ будетъ оборона...
Я суетно на васъ, о музы, уповалъ!
За трудъ мой ты, Москва, меня увидишь мертва:
Стихи мои и я—наукъ злодѣямъ жертва [1]).

Сумароковъ однако не удовольствовался выраженіемъ своего гнѣва въ стихахъ. Онъ написалъ бранное письмо къ Бельмонти и принесъ императрицѣ жалобу на него и на самого главнокомандующаго. Екатерина укротила раздраженіе оскорбленнаго писателя письмомъ, въ которомъ искусно соединила выговоръ ему съ нѣсколькими любезными словами [2]).

---

[1]) Сочиненія, ч. IX стр. 93—94.

[2]) С. Н. Глинка. Очерки жизни и избранныя сочиненія А. П. Сумарокова, ч. I, стр. 194—105. Ср. Русск. Архивъ 1871 г., ст. 1680—1681.

II.

„Сонъ“ Ѳ. А. Эмина.

Изслѣдователи нашей сатирической литературы Екатерининскаго времени не разъ указывали на то, что одною изъ любимыхъ формъ, которую избирала тогдашняя прозаическая сатира, были разсказы о видѣнномъ во снѣ. Подобные разсказы нерѣдко встрѣчаются въ нашихъ сатирическихъ журналахъ, начиная съ Трудолюбивой Пчелы, которую издавалъ Сумароковъ въ 1759 году. Въ этой-то формѣ описанія сна изложенъ и тотъ разсказъ, которому посвящена настоящая замѣтка. Сатирическая статья эта сохранилась въ одномъ рукописномъ сборникѣ конца прошлаго вѣка, принадлежащемъ академику А. Ѳ. Бычкову. По содержанію сатиры и особенно по рѣзкости ея намековъ она, очевидно, не могла быть напечатана въ свое время. Подъ статьей стоитъ въ рукописи подпись Ф. Эми. Можно безошибочно предполагать, что въ этомъ недописанномъ словѣ слѣдуетъ видѣть фамилію того нѣсколько загадочнаго лица, авантюриста, который только въ 1761 году явился въ Россію съ плохимъ знаніемъ русскаго языка, а два года спустя уже выступилъ на литературное поприще и въ теченіе слѣдующихъ семи лѣтъ пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность какъ переводчикъ, романистъ, историкъ и журналистъ. Мы разумѣемъ издателя сатирическаго журнала Адская Почта Ѳедора Александровича Эмина. По свидѣтельству Новикова въ „Словарѣ писателей“[1]), Эминъ „былъ человѣкъ остраго и проницательнаго разума; чтеніемъ наилучшихъ древнихъ и новыхъ авторовъ, на разныхъ языкахъ, пріобрѣлъ онъ великое просвѣ-

[1]) Матеріалы къ исторіи русск. литературы П. А. Ефремова, стр. 124.

щеніе; имѣлъ съ природы критическій духъ и веселый нравъ". И о литературныхъ произведеніяхъ Эмина Новиковъ отзывался съ большимъ одобреніемъ: „Собственныя его сочиненія, а особливо „Россійская исторія", достойны похвалы; въ первыхъ книгахъ его изданія слогъ не довольно чистъ, но въ послѣдующихъ гораздо перемѣнился: а сатирическія его сочиненія имѣютъ въ себѣ весьма много остроты". Вопреки, однако, этимъ похваламъ, произведенія Эмина были скоро забыты, и вспомнили о нихъ лишь въ новѣйшее время изслѣдователи нашей старины: С. М. Соловьевъ произнесъ строгое сужденіе о его „Россійской исторіи"[1]), а А. Н. Аѳанасьевъ въ слѣдующихъ словахъ высказался о его сатирическомъ журналѣ: „Сатира Эмина отзывается общими мѣстами; слогъ отличается многословіемъ и отсутствіемъ той энергіи, какою дышетъ слогъ новиковскихъ изданій. Въ Почтѣ замѣтны слѣды явнаго подражанія иностраннымъ изданіямъ, и вообще она лишена одного изъ главныхъ достоинствъ хорошаго журнала—духа народности"[2]). Дѣйствительно, чтобы быть хорошимъ сатирикомъ, Эмину недоставало не только таланта, но и знанія русской жизни; отсутствіе знакомства съ нею характеризуетъ Адскую Почту. Немногія яркія черты его сатиры состоятъ изъ тѣхъ наблюденій, которыя онъ могъ сдѣлать въ столичномъ обществѣ; таковы въ особенности разсказы его о петиметрахъ и о вліяніи французскихъ воспитателей на русскую молодежь. „Сонъ" Эмина также принадлежитъ къ тѣмъ сатирическимъ статьямъ его, матеріалъ для которыхъ онъ собралъ въ Петербургѣ. Но если въ печатномъ журналѣ онъ старался никого не трогать „въ

---

[1]) Архивъ историко-юридич. свѣдѣній, относящихся до Россіи, т. II, кн. I, отд. III, стр. 74.

[2]) Русск. сатир. журналы 1769—1774 годовъ, стр. 17. Ср. подобный же отзывъ въ книгѣ Н. Н. Булича: Сумароковъ и современная ему критика, стр. 247.

лицо", то въ рукописной сатирѣ далъ волю своему „критическому духу" именно противъ нѣкоторыхъ лицъ, ему извѣстныхъ и антипатичныхъ. Это обстоятельство сообщаетъ его „Сну" нѣкоторое если не литературное, то историческое значеніе.

СОНЪ, ВИДѢННЫЙ ВЪ 1765 ГОДУ ГЕНВАРЯ 1-ГО.

Во снѣ видѣлъ я сухощавую старуху, сидящую на снопѣ соломы. Колесница ея была во многихъ мѣстахъ разломана, которую везли тощіе кони. Правая ея рука была привязана къ большому камню, а лѣвая поднята къ верху; крыльями своими хотѣла она вознестись на верхъ; но совы, нотопыри, мышеловы и прочія, днемъ чувства зрѣнія лишенныя, птицы препятствовали ей въ томъ намѣреніи. Тогда она направила своихъ бѣгуновъ ко мнѣ, сидящему на зеленой дубровѣ, и велѣла садиться на свою колесницу. Голосъ ея сколь былъ тихъ, однако столь суровъ и проницателенъ, что я не осмѣлился сдѣлаться ей ослушнымъ и исполнилъ ея повелѣніе. Она завезла меня на нѣкоторый островъ, котораго состоянію я теперь, проснувшись, довольно почудиться не могу. Тамъ разнаго рода животныя и скоты разумомъ одаренными тварями назывались. Тамъ разныя собранія и сообщества находятся, — и старуха моя повела меня въ ученое собраніе, котораго главный членъ былъ ужасный медвѣдь, ничего не знающій и только въ томъ упражняющійся, чтобы вытаскивать медъ изъ чужихъ ульевъ и присвоивать чужія пасѣки къ своей норѣ; онъ же слово „науки" разумѣлъ разно: то почиталъ оное за званіе города, то за званіе села. Совѣтникъ сего собранія былъ прожорливый волкъ и ненавидѣлъ тамошнихъ звѣрей, ибо онъ былъ не того лѣсу звѣрь, и потому называли его чужелѣснымъ. Онъ, почитая себя за животное весьма разум-

ное, представлялъ себя вездѣ великимъ скотомъ, да и въ самомъ дѣлѣ онъ могъ назваться разумною скотиной, потому что всѣ вещи умѣлъ только понимать, а никогда не разумѣлъ основательно. Въ ономъ собраніи былъ третій членъ, который совсѣмъ не походилъ на тамошнихъ звѣрей и имѣлъ видъ и душу человѣческую, онъ былъ весьма разуменъ и всякаго почтенія достоинъ, но всѣмъ собраніемъ ненавидимъ за то, что родился въ тамошнемъ лѣсу, а прочіе онаго собранія ученые скоты, ищучи своей паствы, зашли на оный островъ по случаю. Тогда старуха моя, устремивъ на меня свой умный взоръ, такъ говорила: „Посмотри, дитя мое, что̀ дѣлается на островѣ, находящемся подъ царствомъ первой богини. Она изобильно истощаетъ свои сокровища для распространенія наукъ, такъ, какъ дѣлали славнѣйшіе ея предки, которые изъ чужихъ лѣсовъ разныхъ звѣрей призывали, чтобъ просвѣтить общество; но тѣ проклятые звѣри стараются только о своей, а не общественной пользѣ: еще они ни одного животнаго ничему не обучили, и всѣ здѣшняго лѣсу животныя выучили то, что̀ знаютъ, въ другихъ лѣсахъ, а не въ здѣшнихъ. Этотъ славный ученаго собранія членъ, котораго нѣтъ ученѣе во всемъ нашемъ лѣсу, и который одинъ только человѣкъ между множествомъ ученыхъ животныхъ, учился въ чужихъ лѣсахъ. Въ математикѣ два искусныя животныя тоже въ чужихъ лѣсахъ получили великую пользу, а въ астрономіи упражняющійся здѣсь звѣрь, учился въ чужихъ же лѣсахъ и выучился считать — два и два сколько сдѣлаетъ; и поднявъ свое жирное горло, смотритъ на небо, а больше сего знаетъ ли онъ что-нибудь и теперь? Итакъ, не думай“, окончила старуха свою рѣчь, — „чтобы изъ чужихъ лѣсовъ прибывшіе звѣри могли нашему обществу принести пользу: они нарочно не хотятъ обучать нашихъ животныхъ, потому что сами знаютъ, опасаясь, что ежели они нѣсколькихъ нашихъ животныхъ знанію своему об-

учатъ, то и наши животныя могутъ быть учителями и въ нихъ мы со временемъ никакой нужды имѣть не будемъ".

Оное собраніе старуха моя оставивъ съ неудовольствіемъ, завезла меня въ новозаведенное собраніе, гдѣ разнымъ художествамъ разныхъ животныхъ обучали. Онаго собранія животнымъ я весьма удивлялся; изъ нихъ многія были уже весьма искусны и умѣли ставить и зажигать плошки въ праздничные дни; многія изъ нихъ учились быть комедіантами, чему я, весьма удивившись, спросилъ у своей старухи: „Что это за новый обычай я здѣсь, матушка, вижу? У насъ художникъ съ комедіантомъ весьма различныя твари: первые любятъ праздность и роскошь, другіе—трудъ и безпрестанную работу; одни уронъ обществу причиняютъ, а другіе—пользу". На чтò мнѣ такъ отвѣчала старуха: „Этого собранія главный членъ чуднаго сложенія и дѣлаетъ учрежденія по своему вкусу; правда, что онъ родился въ здѣшнихъ лѣсахъ, однако своихъ животныхъ не любитъ и весьма пристрастенъ къ чужелѣснымъ, потому что не знаетъ числа своихъ отцевъ и думаетъ, что въ рожденіи его могли имѣть большое участіе чужелѣсныя животныя, кои здѣсь очень въ модѣ. Больше его намѣреніе въ томъ состоитъ, чтобъ въ обществѣ когда-нибудь возстановить вольность, коею другихъ родовъ звѣри пользуются, и потому онъ звѣрямъ, не знающимъ своихъ отцевъ, великую исходатайствовалъ вольность, въ томъ разсужденіи, что когда оные звѣри размножатся, то мало по малу и подчиненность искоренится: ибо законнорожденные звѣри не захотятъ уступить преимущества общероднымъ и, завидуя даннымъ имъ привилегіямъ, сами объ оныхъ постараются. Но того онъ не разсуждаетъ, что вольность обществу принесетъ разореніе, и ежели всѣмъ звѣрямъ, какъ соболямъ, такъ и барсукамъ, вольно будетъ выходить за границу, то они, нашедъ въ чужихъ лѣсахъ больше корысти и награды

за труды свои, которою нашъ лѣсъ удовольствовать не въ состояніи, всѣ тамъ останутся, а здѣсь будутъ тѣ скоты, которые ни къ чему не годятся".

Оттуда мы поѣхали въ собраніе соболей, ибо тамъ было такое узаконеніе, чтобъ барсуковъ въ оное общество не принимать; однако, будучи въ ономъ собраніи въ приказномъ чину, разные хомяки наконецъ включили въ оное и своихъ щенятъ и сдѣлали ихъ соболями. Тамошняго собранія главный управитель не знаю какого рода былъ звѣрь: одинъ глазъ имѣлъ козій, а другой похожъ на волчій; лицомъ онъ походилъ на мопса, ногами на сильвана, а головою и разумомъ на обезьяну, которая все хочетъ дѣлать, хотя ничего не смыслитъ. Такимъ позорищемъ будучи приведенъ въ ужасъ, спросилъ я у своей старушки: „Ахъ, матушка, какъ можетъ быть толь гадкій звѣрь управителемъ толь прекраснаго общества?" На что̀ такъ отвѣчала старуха: „До прибытія сего звѣря оное общество весьма хорошими звѣрями было управляемо; но сей уродъ совсѣмъ оное испортилъ. Сотниковъ и своихъ намѣстниковъ онъ ненавидитъ. Правда, что первый по немъ онаго общества членъ походитъ на такую траву, которая ни пахнетъ, ни колетъ, ниже худо воняетъ, и онъ раболѣпствуетъ своему главному управителю, сколько ни долженъ раболѣпствовать изъ соболей крови рожденный, простой и безчиновный звѣрокъ. Другой его намѣстникъ очень звѣрь разумный и ни мало бѣшеному своему повелителю не пристрастенъ, за что̀ сей уродъ вездѣ его называетъ звѣремъ злобнымъ. Подъ симъ разумнымъ управителемъ есть еще одинъ, который весьма старался угождать главному своему повелителю, но наконецъ у него такъ изо рту воняло, что онъ сдѣлался больнымъ. Сей уродъ, наконецъ, намѣрился въ конецъ разорить всѣ прежніе уставы: управителей, кои прежде въ ономъ же обществѣ были учениками и по достоинству ихъ пожалованы того жъ общества членами и управителями, хотѣлъ от-

ставить, а на мѣсто ихъ набрать изъ дикихъ звѣрей, которыхъ онъ называлъ напольники, представляя, что прежніе, во время малолѣтства своего имѣя вольное обхожденіе съ молодыми соболями, будучи произведены въ чинъ, такимъ образомъ будутъ обходиться со своими подчиненными, и молодые соболи, по привычкѣ вольнаго съ ними обхожденія, не будутъ ихъ почитать такъ, какъ надлежитъ; онъ же утверждаетъ, что всѣ онаго общества управители невѣжи". Тогда я, перебивъ старухину рѣчь, вскричалъ: „Развѣ онъ самъ дуракъ, что такъ и о прочихъ думаетъ? Ему весь свѣтъ кажется невѣжею, потому что онъ самъ ничего не разумѣетъ; откуда жь произошли въ нашей землѣ славныя животныя, ежели не отъ того общества,—въ приказныхъ чинахъ, въ полководствѣ, въ министерствѣ и въ разныхъ наукахъ обращающіяся животныя не оттуда ли начала своего знанія почерпнули? Чему же молодыхъ соболей могутъ обучать тѣ дикіе напольные звѣри, изъ которыхъ многіе въ чины произведены изъ глупыхъ барсуковъ? Вы знаете, матушка, что и между нами, людьми, подобные звѣрскимъ бываютъ безпорядки, и у насъ часто изъ мужиковъ производятъ солдата, а изъ солдатовъ мужика въ офицеры; такіе, взявшися за руки съ своимъ братомъ-солдатомъ, ходятъ въ кабакъ, а оттуда вышедъ, не докушенный кусокъ копѣечнаго пирога несутъ въ рукѣ и ѣдятъ, идучи по улицѣ; сколь многихъ изъ нихъ я видѣлъ пьяныхъ, лежащихъ посреди улицы. Если бы такихъ нашего молодого дворянства сдѣлать управителями, чему бъ они ихъ научили? Конечно, не иному чему, какъ пьянству и скверной брани, къ которой они сами привыкли. Ахъ, сохрани Боже наше юношество отъ такого безумнаго управителя, какого имѣютъ молодые соболи, и я всѣмъ сердцемъ желаю, чтобъ онъ попался въ петлю".

Послѣ сего отвезла меня оная старуха въ свое жилище, въ которомъ я нашелъ множество разнаго велико-

лѣнія. Учтивство мое столько ей понравилось, что она сдѣлала меня наслѣдникомъ всего своего имѣнія. Тогда мнѣ представилось, какъ съ бѣднымъ человѣкомъ обыкновенно случается, будто я былъ очень богатъ; множество служителей меня окружали; многія прекрасныя дѣвицы сидѣли возлѣ моей постели; иныя изъ нихъ играли на разныхъ инструментахъ и пріятнымъ своимъ пѣніемъ мои услаждали чувства. На одну изъ нихъ я бросилъ платокъ и сдѣлалъ ее предметомъ моего удовольствія; сундукъ, имперіалами наполненный, будто стоялъ у моихъ ногъ; наконецъ велѣлъ себѣ подать хивинской работы златомъ тканый шлафоръ и надѣлъ на себя. Тутъ проснулся. Горница у меня была не истоплена; я, согнувшись вдвое, обкутался вмѣсто китайскаго шлафорка набойчатымъ одѣяломъ и, дрожа весь, приткнулъ рыло свое въ грудямъ моей кухарки, которая въ моемъ недостаткѣ и служанки, и жены должность отправляла. Тогда пришелъ мнѣ на умъ сундукъ, имперіалами наполненный; я бросился съ постели. Вмѣсто онаго увидѣлъ сосудъ, который стоялъ въ ногахъ моихъ для того, что я принималъ слабительное лѣкарство.

Ф. Эми.

Въ сатирѣ Эмина рѣчь идетъ о нѣкоторыхъ ученыхъ и учебныхъ учрежденіяхъ, существовавшихъ въ Петербургѣ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка. Авторъ нападаетъ главнымъ образомъ на то, что большинство дѣятелей въ этихъ учрежденіяхъ—иноземнаго происхожденія, и что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ принимаются мѣры, коими нарушается замкнутость и обособленность высшаго сословія и приближаются къ нему другіе классы общества. Такимъ образомъ, положительными мотивами сатиры Эмина являются: вопервыхъ, требованіе самостоятельной дѣятельности для коренныхъ русскихъ людей и, вовторыхъ, стремленіе охранить самостоятельныя права и интересы дво-

рянскаго сословія—идеи, которыя постоянно заявлялись въ вѣкъ Екатерины II.

Прежде всего сатирикъ останавливается на Академіи Наукъ. Какъ извѣстно, въ этомъ учрежденіи, благодаря энергичной и геніальной личности Ломоносова, борьба между русскимъ и иностраннымъ элементами получила особенно видное значеніе. Такое положеніе дѣлъ хорошо сознавалось и внѣ стѣнъ Академіи, въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ. Такъ, напримѣръ, въ запискахъ Порошина, подъ 6-мъ октября 1764 года, записаны слѣдующія разсужденія графа Н. И. Панина объ Академіи: „Говорилъ, что она оставлена безо всякаго попеченія; что нижнихъ школъ для воспитанія юношества и приготовленія онаго къ академическимъ ученіямъ у насъ нѣтъ; что оныя для распространенія наукъ необходимо потребны. И въ самомъ дѣлѣ, какая изъ того польза и у разумныхъ людей слава отечеству пріобрѣтена быть можетъ, что десять или двадцать человѣкъ иностранцевъ, созванные за великія деньги, будутъ писать на языкѣ, весьма немногимъ извѣстномъ? Еслибъ Крымскій ханъ двойную далъ цѣну и къ себѣ такихъ людей призвалъ, они бъ и туда поѣхали и тамъ писать бы стали, а со всѣмъ тѣмъ татары все бы татарами, прежними невѣжами остались. Когда бъ принято было настоящее намѣреніе, чтобъ распространить у насъ науки и художества и просвѣтить гражданъ, то бъ подлинно съ прилежаніемъ надобно о семъ подумать, да такой головѣ подумать, которая сама думать умѣетъ, а не такой, которая всюду бредетъ, куда волокутъ ее“ [1]). То же, въ свою очередь, чувствовали и жившіе въ Россіи иностранцы, даже непричастные Академіи,—только истолковывали они этотъ порядокъ вещей въ смыслѣ противоположномъ вышеприведеннымъ разсужденіямъ. „Не подлежитъ сомнѣнію“, замѣчалъ, говоря

[1]) Семена Порошина Записки. С.-Пб. 1881, ст. 37—38.

о дѣлахъ Академіи, одинъ нѣмецкій офицеръ находившійся въ Петербургѣ въ первой половинѣ 1762 года,— „что невѣжество русскаго народа возрасло бы до тѣхъ размѣровъ, какихъ оно достигало до Петра Великаго, еслибъ у него отняли его наставниковъ, то-есть, иностранцевъ... Но не смотря на все свое невѣжество, русскіе не хотятъ, чтобъ иностранцы отличались въ ихъ средѣ: они выгнали бы ихъ изъ имперіи, если бы только могли" [1]).

Нашъ сатирикъ становится, въ отношеніи къ Академіи, на точку зрѣнія національной партіи и съ этого исходнаго пункта судитъ объ академическихъ дѣятеляхъ. Изъ личнаго состава Академіи авторъ имѣетъ въ виду прежде всего ея президента, графа К. Г. Разумовскаго. Въ его изображеніи въ видѣ медвѣдя, который способенъ только вытаскивать медъ изъ чужихъ ульевъ и присвоивать себѣ чужія пасѣки, можно видѣть намекъ на его плохое управленіе Малороссіей, отъ котораго онъ былъ устраненъ съ уничтоженіемъ гетманства въ 1764 году. По управленію Академіей Разумовскій, человѣкъ вообще очень лѣнивый, обнаруживалъ большое равнодушіе. По отзыву того нѣмецкаго офицера, слова котораго приведены выше, графъ К. Г. Разумовскій въ теченіе всей своей жизни больше наплодилъ дѣтей, чѣмъ прочелъ книгъ, и лучше зналъ разныхъ петербургскихъ красавицъ, чѣмъ членовъ Академіи Наукъ [2]). Въ особенности мало занимался ею Разумовскій въ послѣдніе годы своего президентства, то-есть, по воцареніи Екатерины (1762—1766 гг.) [3]). По свидѣтельству А. Л. Шлецера, въ это время „истиннымъ правителемъ Академіи", въ качествѣ совѣтника ея кан-

---

[1]) Anecdotes russes ou lettres d'un officier allemand à un gentilhomme livonien, écrites de Petérsbourg en 1762. Recueillies par C. L. S. de La Marche. A Londres. MDCCLXV, стр. 81 и 85.

[2]) Тамъ же стр. 90.

[3]) Осьмнадцатый вѣкъ, кн. II, стр. 474; Исторія Академіи Наукъ, Пекарскаго, т. II, стр. LV—LVI.

целяріи, былъ извѣстный I. К. Таубертъ, „тонкій, ловкій придворный, не записной ученый, но все-таки человѣкъ свѣтлаго ума, со многими познаніями, особенно въ языкахъ“, при этомъ „полный честолюбія и стремленія отличиться какимъ-нибудь блистательнымъ предпріятіемъ — и... конечно, съ сильною склонностью къ деспотизму“ [1]). Это-то лицо и разумѣетъ наша сатира подъ именемъ совѣтника. Нечего прибавлять, что третій членъ собранія, о которомъ сатира отзывается восторженно, противополагая его, какъ туземнаго звѣря, чужелѣснымъ или иностраннымъ, есть М. В. Ломоносовъ. Далѣе идетъ рѣчь еще о трехъ членахъ того же собранія, которые хотя и учились „въ чужихъ лѣсахъ“, но по происхожденію туземцы. Подъ именемъ двухъ искусныхъ математиковъ сатира разумѣетъ учениковъ знаменитаго Эйлера—С. К. Котельникова, назначеннаго въ 1757 году экстраординарнымъ профессоромъ математики, и С. Я. Румовскаго, поступившаго въ 1763 году экстраординарнымъ профессоромъ астрономіи; наконецъ, въ лицѣ астронома, и притомъ плохого, сатира изображаетъ, конечно, Никиту Ивановича Попова, который съ 1751 года былъ профессоромъ астрономіи. Правда, онъ не бывалъ за границей и только по ошибкѣ могъ быть причисленъ къ заграничнымъ питомцамъ Академіи; но его научная репутація была дѣйствительно сомнительная и заподозрѣвалась даже въ свое время: будучи отправленъ въ 1761 году въ Иркутскъ для наблюденія за прохожденіемъ Венеры черезъ дискъ солнца, онъ, по свидѣтельству вышеупомянутаго нѣмецкаго офицера, сообщилъ совершенно превратныя свѣдѣнія объ этомъ явленіи [2]); впослѣдствіи, въ 1764 году, возникла даже по по-

---

[1]) Общественная и частная жизнь А. Л. Шлецера, имъ самимъ описанная. Переводъ В. Кеневича (Сборникъ II-го отдѣленія Академіи Наукъ, т. XIII), стр. 90; ср. Пекарскаго Исторія Академіи Наукъ, т. I, стр. 656.

[2]) Anecdotes russes, стр. 83—84.

воду этихъ наблюденій полемика между Поповымъ и Румовскимъ, и послѣдній въ подтвержденіе своихъ возраженій приводилъ отзывъ шведскаго астронома Варгентина о негодности свѣдѣній, сообщенныхъ первымъ[1]).

Отъ Академіи Наукъ сатирикъ обращается къ Академіи Художествъ. Возникшая еще въ 1758 году изъ художественнаго отдѣленія Академіи Наукъ, Академія Художествъ получила въ 1763—1764 годахъ новое, самостоятельное образованіе; при ней учреждено было воспитательное училище, и высшее управленіе всѣмъ заведеніемъ было поручено генералъ-интенданту по строительной части И. И. Бецкому. Идея, положенная въ основаніе новаго учебнаго заведенія, развита въ слѣдующихъ словахъ доклада, представленнаго Бецкимъ Екатеринѣ 22-го марта 1763 года: „Искусство доказало, что одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямаго гражданина, но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, если кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ, и твердо оныя въ сердце его не вкоренены; а небреженіемъ того и ежедневными дурными примѣрами привыкаетъ онъ къ мотовству, своевольству, безчестному лакомству и непослушанію. При такомъ недостаткѣ смѣло утвердить можно, что прямаго въ наукахъ и художествахъ успѣха и третьяго чина людей[2]) въ государствѣ ожидать—всуе себя и ласкать. По сему ясно, что корень всему злу и добру воспитаніе; достигнуть же послѣдняго съ успѣхомъ и съ твердымъ исполненіемъ не инако можно, какъ избрать средства къ тому прямыя и основательныя. Держась сего неоспоримаго правила, единое токмо средство остается, то есть—произвести сперва,

---

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ, стр. 683—684.

[2]) Tiérs-état, по Наказу Екатерины II.

способомъ воспитанія, такъ сказать, новую породу или новыхъ отцевъ и матерей, которые бъ дѣтямъ своимъ также прямыя и основательныя воспитанія правила въ въ сердцѣ вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти предали паки бъ своимъ дѣтямъ; и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды въ будущіе вѣки. Великое сіе намѣреніе исполнить нѣтъ совсѣмъ инаго способа, какъ завести воспитательныя училища для обоего пола дѣтей, которыхъ принимать отнюдь не старѣе, какъ по пятому и по шестому году“ [1]).

Не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что училище, основанное по этому плану, далеко не соотвѣтствовало ему въ дѣйствительности; результатъ же этотъ былъ, по видимому, въ зависимости отъ характера главнаго начальника. Бецкій былъ человѣкъ очень добрый и желавшій принести пользу, но тщеславный и, безъ сомнѣнія, стоявшій ниже своей задачи. „У него нѣтъ ни мнѣній, ни ума, ни понимапія вещей“, говоритъ о немъ одинъ наблюдательный современникъ,—„и его ограниченностью пользуются льстецы и плуты, управляющіе подвѣдомственными ему учрежденіями“ [2]). Притомъ, Бецкій, жившій долгое время въ Парижѣ, былъ страстный галломанъ, и въ подчиненныхъ ему училищахъ французскій духъ царилъ безраздѣльно. По воспитательному училищу при Академіи Художествъ главнымъ дѣятелемъ былъ французъ Ж. М. Кювильи, занимавшій тамъ должность инспектора, а прежде того бывшій красильщикомъ шелка на шпалерной мануфактурѣ. Онъ, очевидно, сумѣлъ придать красивый внѣшній строй вновь заведенной школѣ, и это не могло не подкупить Бецкаго, который самъ былъ „располагать церемоніи и глазамъ дѣлать увеселеніе весьма иску-

---

[1]) Отечественныя Записки 1855 г., т. С.-II, отд. II., стр. 66, статья Д. А. Ровинскаго: „Академія Художествъ до временъ императрицы Екатерины II“.

[2]) Catherine II et sa cour, par Sabathier de Cabres, стр. 38.

сенъ"[1]). Въ городѣ и при дворѣ много говорили о новомъ учрежденіи, но притомъ, вмѣстѣ съ похвалами, высказывались и разныя порицанія. Вотъ, напримѣръ, что̀ записано у Порошина подъ 27-мъ сентября 1765 года: „Александръ Петровичъ (Сумароковъ), разговорясь съ его превосходительствомъ Никитою Ивановичемъ (Панинымъ) о г. Кювильи, говорилъ, что онъ—такая бестія и такая невѣжа, какой другой нѣтъ въ Россіи. Какъ его превосходительство Никита Ивановичъ сказалъ ему, что Иванъ Ивановичъ Бецкій господиномъ Кювильи очень доволенъ и увѣряетъ, что онъ въ новыхъ его учрежденіяхъ весьма много ему споспѣшествуетъ, то Александръ Петровичъ говорилъ на то: „Таковы-то вить и учрежденія, ваше превосходительство! Вы, конечно, о нихъ, какъ разумный человѣкъ, по одной наружности судить не будете. Кювильи надобно метлами отсюда вонъ выгнать, а Бецкаго, подъ присмотромъ прямо разумнаго и основательнаго человѣка, опредѣлить на мѣсто Кювильи смотрѣть, чтобъ мальчики хорошо были одѣты, и комнаты у нихъ вычищены". Еще примолвилъ Александръ Петровичъ: „Есть де нѣкто г. Таубертъ; онъ смѣется Бецкому, что робятъ воспитываетъ на французскомъ языкѣ. Бецкій смѣется Тауберту, что онъ робятъ въ училищѣ, кое недавно заведено при Академіи, воспитываетъ на языкѣ нѣмецкомъ. А мнѣ кажется (продолжалъ Александръ Петровичъ) и Бецкій и Таубертъ оба дураки: должно дѣтей въ Россіи воспитывать на языкѣ россійскомъ"[2]). Этотъ строгій приговоръ учрежденію И. И. Бецкаго нашелъ себѣ оправданіе въ тѣхъ безпорядкахъ, которые вскорѣ проявились въ академической школѣ, и въ томъ обстоятельствѣ, что между питомцами этого училища оказалось впослѣдствіи много юношей съ тѣми именно порочными

---

[1]) Семена Порошина Записки, ст. 441.
[2]) Тамъ же, стр. 453—454.

наклонностями, противъ которыхъ должно было дѣйствовать ихъ систематическое воспитаніе[1]). Подобно Сумарокову, и наша сатира очень неблагосклонна къ Бецкому и его начинаніямъ. Но взглядъ Эмина на противоположность между актерами и художниками можетъ обращать на себя вниманіе только въ качествѣ характеристики старинныхъ понятій. Болѣе значенія имѣютъ намеки сатирика на пристрастіе Бецкаго ко всему французскому. Осужденіе стараній Бецкаго (который самъ былъ незаконнымъ сыномъ князя П. Ю. Трубецкаго) объ устройствѣ воспитательнаго дома для приносныхъ дѣтей, основаннаго въ Москвѣ въ 1763 году, и его попеченій о судьбѣ питомцевъ этого заведенія также принадлежитъ къ характеристическимъ чертамъ времени. Мнѣнія, высказанныя по этому поводу Эминымъ, служатъ отголоскомъ сужденій, которыя выражались тогда въ русскомъ обществѣ. Существованіе такихъ мнѣній подтверждаетъ и „Генеральный планъ Московскаго воспитательнаго дома", гдѣ (въ ч. III, гл. XIII: „Разсужденіе о званіи, къ которому питомцовъ пріуготовлять должно") именно сказано: „Трудно одолѣть застарѣвшую ненависть, упрямство, упреканія и зависть, кои причиною ихъ воспитанія и противъ питомцовъ нашихъ неминуемо возстанутъ". Извѣстно, что по основной идеѣ „Генеральнаго плана", питомцы также должны были доставлять контингентъ для третьяго чина людей и пользоваться всѣми правами этого сословія.

Наконецъ, послѣднее учрежденіе, о которомъ идетъ рѣчь въ сатирѣ Эмина, есть Шляхетный кадетскій корпусъ. Извѣстно, что въ царствованіе Елисаветы Петровны это учебное заведеніе было главнымъ разсадникомъ про-

---

[1]) См. примѣры тому въ статьѣ П. Н. Петрова: „Екатерина—образовательница своихъ подданныхъ", стр. 32 (отдѣльный оттискъ изъ № 4 Сѣвернаго Сіянія 1864 г.).

свѣщенія въ Петербургѣ, и что около него группировалась тогда почти вся образованная гвардейская молодежь, изъ среды которой вышло немало замѣчательныхъ дѣятелей Екатерининскаго царствованія. Многіе изъ нихъ были питомцами Шляхетнаго корпуса. При такомъ значеніи этого училища, въ царствованіе Петра III и въ первые годы управленія Екатерины II было обращаемо большое вниманіе на внутреннее устройство корпуса. Но сперва успѣху этихъ мѣръ препятствовала частая смѣна главноначальствующихъ лицъ, что̀ также не осталось не замѣченнымъ современниками [1]). Въ 1764 году исправляющимъ должность главнаго директора корпуса былъ генералъ-маіоръ М. М. Философовъ. Онъ попалъ на эту должность случайно, временно замѣстивъ собою князя Н. В. Репнина, который на должность главнаго директора былъ назначенъ 4-го марта 1763 года, а въ октябрѣ того же года уже отправленъ посломъ въ Польшу. Въ періодъ управленія Философова было обращено вниманіе на усиленіе корпусной дисциплины. Въ то время по штату корпуса полагалось имѣть въ каждой ротѣ по восьми унтеръ-офицеровъ изъ лучшихъ воспитанниковъ для дежурства, „исправленія внутренней ротной экономіи“, порядка въ квартирахъ и проч.; этимъ унтеръ-офицерамъ назначалось особое жалованье. Но опытъ показалъ, что кадеты, произведенные въ унтеръ-офицеры, будучи отвлекаемы отъ классовъ новыми обязанностями, не только не дѣлали дальнѣйшихъ успѣховъ въ наукахъ, но многое изъ того, что̀ знали, забывали до такой степени, что необходимо было смѣщать ихъ изъ высшихъ классовъ въ самые низшіе [2]). Безъ сомнѣнія, эти безпорядки имѣлъ въ виду графъ Н. И. Панинъ, когда однажды, за столомъ у великаго князя, говорилъ М. М. Философову,

[1]) Семена Порошина Записки, ст. 187.

[2]) Сборникъ свѣдѣній о военно-учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи. С.-Пб. 1857, т. I, гл. I, стр. 57.

„что надобно въ корпусѣ завесть постарѣе офицеровъ, дабы соблюсти тѣмъ порядокъ и удобнѣе простираться до тѣхъ намѣреній, съ коими основано военное сіе училище“[1]). И дѣйствительно, еще въ 1764 году послѣдовало распоряженіе замѣнить унтеръ-офицеровъ изъ лучшихъ кадетъ корпуса особыми унтеръ-офицерами, которыхъ дозволено было требовать изъ арміи, артиллеріи, инженернаго корпуса и другихъ командъ, поименно выбирая ихъ изъ дворянъ, не бывшихъ въ штрафахъ и извѣстныхъ начальству по хорошему поведенію и нравственности. Этимъ унтеръ-офицерамъ было предоставлено право пользоваться штатнымъ жалованьемъ и посѣщать классы, если пожелаютъ, но безъ упущенія настоящей ихъ обязанности; по прослуженіи трехъ лѣтъ въ корпусѣ, они выпускались въ армію, съ награжденіемъ такими чинами, какихъ заслужили своимъ поведеніемъ и корпус-

[1]) Семена Порошина Записки, стр. 11. Въ тѣхъ же Запискахъ, подъ 8-мъ октября 1765 года, находимъ слѣдующую любопытную замѣтку о нѣкоторыхъ изъ корпусныхъ воспитателей (ст. 469): „Пошелъ разговоръ о кадетскихъ офицерахъ, князѣ Шаховскомъ и Валуевѣ, кои во время польскаго избранія при князѣ Николаѣ Васильевичѣ Репнинѣ были. Его превосходительство Никита Ивановичъ много надѣялся надъ ихъ жеманствомъ и нѣжными пріемами. Сказалъ при томъ: „Конечно, оба они поэты, или по крайней мѣрѣ, который-нибудь изъ нихъ“. Отвѣчалъ я, что ни который ни стишка сдѣлать не умѣетъ, и что слабости такія болѣе отъ натуральнаго какого дефекту происходятъ, нежели отъ поэзіи или отъ другого какого ученія. Его Высочество сказалъ тутъ Никитѣ Ивановичу: „Это, сударь, для того онъ говоритъ, что самъ умѣетъ стихи дѣлать“. Его превосходительство изволилъ отвѣчать на то Государю Цесаревичу: „Умѣть стихи дѣлать и знать правила поэзіи похвально. Семенъ Андреевичъ упражнялся въ томъ, когда ему время было, а какъ прошли тѣ обстоятельства, то онъ, конечно, изъ поэзіи никогда профессіи себѣ не сдѣлаетъ“. Говорилъ я на то, что и прежде въ поэзіи совсѣмъ почти не упражнялся, а что Его Высочество изволитъ почитать меня въ ней знающимъ, такъ то можетъ быть для того, что я въ Москвѣ, для его увеселенія, къ рифмамъ, кои самъ Государь Цесаревичъ тогда сваривалъ, прибиралъ строчки. Зашла рѣчь о кадетскомъ же капитанѣ Арсеньѣ Андреичѣ Беклешовѣ, и я ему достойную похвалу и справедливость отдалъ“. С. А. Порошинъ, самъ питомецъ Шляхетнаго корпуса, также можетъ служить представителемъ тамошняго воспитанія.

ною службой [1]). Это-то распоряженіе, по видимому, и вызвало сатирическую выходку Эмина противъ напольныхъ звѣрей (въ старину армейскіе полки называли напольными). Корпусъ вообще находился въ то время въ переходномъ состояніи, что и отражалось въ воззрѣніяхъ на него какъ высшаго правительства, такъ и самого корпуснаго начальства: одни желали придать корпусному образованію спеціально военный характеръ, тогда какъ другіе предпочитали сохранить за этимъ учебнымъ заведеніемъ характеръ общеобразовательной дворянской школы, какою она была во времена Елисаветы; по словамъ Порошина [2]), даже маленькій цесаревичъ, безъ сомнѣнія, повторяя слова окружавшихъ его лицъ, замѣтилъ однажды: „Мнѣ кажется, у нихъ уже черезчуръ много ружьемъ учатся; некогда кадетамъ въ классахъ ничего выучить".

Изъ числа начальствовавшихъ по корпусу лицъ, на коихъ намекаетъ сатира Эмина, кромѣ Философова, можно назвать еще непосредственно слѣдовавшихъ за нимъ въ корпусной іерархіи: директора — полковника Фреймана, главнаго инспектора — профессора Эпинуса и маіора Глѣбовскаго. Фреймана, который самъ былъ нѣкогда питомцемъ корпуса [3]), Эминъ изображаетъ личностью безцвѣтною; такимъ же является онъ и въ позднѣйшей своей дѣятельности, при усмиреніи Пугачевскаго бунта. Профессоръ Эпинусъ, завѣдывавшій въ корпусѣ учебною частью, былъ нѣмецъ ученый и дѣловитый; онъ вполнѣ сознавалъ, что ученіе въ корпусѣ шло тогда плохо, но вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ, что оно и не можетъ идти лучше, потому что кадетовъ было очень много, а свѣдѣній у нихъ очень мало. Такъ свидѣтельствуетъ объ Эпи-

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ, т. XVI, № 12136.

[2]) Записки, стр. 186—187.

[3]) Сто-двадцати-пятилѣтній юбилей Перваго кадетскаго корпуса. С.-Пб. 1857, стр. 11.

нусѣ очень расположенный къ нему Шлецеръ[1]); но быть можетъ, была нѣкоторая вина и въ самомъ инспекторѣ: едва ли пользовался онъ достаточнымъ авторитетомъ въ глазахъ своего начальства да и воспитанниковъ. Помощникомъ Эпинуса былъ маіоръ Иванъ Елизарьевичъ Глѣбовскій. Эминъ выставляетъ его въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ; но мы имѣемъ о немъ и другой отзывъ, совершенно противоположный. Порошинъ, который былъ друженъ съ Глѣбовскимъ, записалъ слѣдующія слова, сказанныя о немъ А. П. Сумароковымъ графу Н. И. Панину: „Такихъ людей у насъ на Руси немного; это человѣкъ прямо дѣльный; хотя не имѣетъ въ себѣ много блистательнаго, однако, когда его хорошенько разсмотришь и узнаешь, то окажется, что онъ истинно человѣкъ почтенный" [2]). По всей вѣроятности, у Эмина, который самъ состоялъ преподавателемъ въ корпусѣ[3]), были какіе-нибудь служебные счеты съ Глѣбовскимъ, а такого обстоятельства было совершенно достаточно, чтобы Сумароковъ сталъ хвалить корпуснаго маіора: онъ былъ въ ссорѣ съ Эминымъ[4]) и, по собственному свидѣтельству послѣдняго, „вездѣ его ругалъ и ругаетъ и мало ему несправедливымъ своимъ донесеніемъ жесточайшаго не причинилъ злоключенія" [5]).

Послѣ предложенныхъ нами объясненій мы можемъ уже настаивать на высказанномъ выше замѣчаніи, что статья Эмина не лишена историческаго значенія: въ его насмѣшливыхъ сужденіяхъ, рядомъ съ злорѣчіемъ, есть несомнѣнно и нѣкоторая доля правды.

---

[1]) Сборникъ II-го отдѣленія Академіи Наукъ, т. XIII, стр. 182.

[2]) Семена Порошина Записки, стр. 508. Тамъ же, на стр. 119, упоминается о болѣзни Глѣбовскаго въ концѣ 1764 г., на которую намекаетъ Эминъ.

[3]) Русская Старина 1873 г., т. VIII, ст. 617.

[4]) Семена Порошина Записки, стр. 4.

[5]) Адская Почта на 1769 г., стр. 265.

III.

Замѣтки француза о Москвѣ въ 1774 году.

Капитанъ французскихъ войскъ Францискъ-Августъ Тесби де-Белькуръ (Fr.-A. Thesby de Belcour), служившій во время Семилѣтней войны въ Канадѣ, поступилъ въ 1769 году на службу къ польскимъ конфедератамъ, пріѣхалъ въ Польшу и въ первой же стычкѣ съ русскими былъ взятъ въ плѣнъ. Вмѣстѣ съ другими плѣнными, также французами, онъ былъ отправленъ въ Сибирь и 19-го октября 1770 года пріѣхалъ въ Тобольскъ. Здѣсь прожилъ онъ около трехъ лѣтъ, а въ октябрѣ 1773 года получилъ разрѣшеніе возвратиться въ отечество. Въ теченіе зимы 1773—1774 годовъ, въ то самое время, когда Пугачевскій бунтъ разливался по всей восточной Россіи, Белькуръ со своими товарищами ѣхалъ въ Москву, куда и прибылъ 19-го февраля 1774 года. Похожденія свои онъ описалъ въ книгѣ, имѣющей такое заглавіе: Relation ou Journal d'un François au service de la Confédération de Pologne, pris par les Russes et relégué en Sibérie (Amsterdam. MDCCLXXVI).

Много любопытнаго видѣлъ Белькуръ во время своихъ невольныхъ странствованій по Россіи; и обстоятельства времени, и его положеніе плѣннаго, препровождаемаго въ дальній конецъ государства, доставили ему случай не только подмѣтить многое, но можно сказать, и прикоснуться къ такимъ явленіямъ русской жизни, которыя обыкновенно оставались недоступными иностранцамъ, посѣщавшимъ Россію въ XVIII вѣкѣ. Если Белькуръ не отличался большимъ образованіемъ, за то обладалъ нѣкоторою наблюдательностью, а потому плоды его наблюденій оказались обильны, хотя онъ часто не былъ въ состояніи вѣрно понимать то, что̀ видѣлъ. Между про-

чимъ, книга его представляетъ интересъ и для исторіи русской литературы и внутренней жизни русскаго общества въ Екатерининское время: многія замѣтки и наблюденія Белькура, изложенныя въ очень простодушномъ разсказѣ, напоминаютъ то, что̀ сознавалось и высказывалось современными ему русскими писателями.

Белькуръ вынесъ изъ Россіи впечатлѣнія неблагопріятныя: особенно способствовала тому суровая обстановка его содержанія въ плѣну. Преимущественно жалуется онъ на разныхъ мелкихъ представителей администраціи, которые не исполняютъ распоряженій своего начальства въ ущербъ тѣмъ, кто отъ нихъ зависитъ. Но онъ убѣжденъ, что мудрая императрица и не подозрѣваетъ о подобныхъ злоупотребленіяхъ, — иначе она приняла бы противъ нихъ строжайшія мѣры. Многое, что̀ разсказываетъ Белькуръ, онъ сообщаетъ со словъ самихъ русскихъ: это, разумѣется, свидѣтельствуетъ въ пользу достовѣрности его разсказовъ, хотя, конечно, онъ могъ и переиначивать то, что̀ слышалъ.

Къ числу любопытнѣйшихъ страницъ въ запискахъ Белькура принадлежитъ его повѣствованіе о пребываніи въ Москвѣ въ то время, когда, освобожденный отъ плѣна и претерпѣвая большую нужду въ деньгахъ, онъ возвращался во Францію.

Древняя столица—въ томъ видѣ, какъ она была тогда, до пожара 1812 года,—должна была произвести на Белькура самое необыкновенное впечатлѣніе. „Нельзя лучше представить себѣ Москву“, говоритъ онъ, — „какъ въ видѣ совокупности многихъ деревень, безпорядочно размѣщенныхъ и образующихъ собою огромный лабиринтъ, въ которомъ чужестранцу нелегко опознаться. Вы видите тутъ огромныя, роскошно изукрашенныя палаты; но все строено въ самомъ странномъ вкусѣ (dans le goût le plus barroque). И эти палаты окружены дрянными, маленькими домишками, которые я безъ клеветы могу

назвать настоящими балаганами (véritables barraques). Кремль, царскій дворецъ, состоитъ изъ безпорядочныхъ, полуразрушенныхъ построекъ, какъ будто онъ только что выдержалъ осаду отъ варваровъ-разрушителей. Улицы дурно проложены и также дурно содержатся. Благоустроенныхъ общественныхъ зданій нѣтъ, ни одно даже не заслуживаетъ такого названія. Есть только одно сооруженіе замѣчательное: тріумфальныя ворота, на вершинѣ которыхъ стоитъ статуя императрицы Елисаветы (?). Они называются Красными".

Белькуръ остановился въ Нѣмецкой слободѣ, которая въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія еще сохраняла свое старинное значеніе предмѣстья, населеннаго преимущественно иностранцами. Онъ поселился у француза же негоціанта, по фамиліи Луи, очень порядочнаго человѣка: „Г. Луи", говоритъ Белькуръ,—„сдѣлалъ все возможное, чтобы доставить мнѣ знакомства полезныя въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ я находился. Множество французовъ посѣтило меня, и я могу сказать имъ въ похвалу и безъ лести, что, узнавъ о моемъ положеніи, они поспѣшили оказать мнѣ пособіе, какое только могли. На другой день по моемъ прибытіи, я съ тремя другими французами, моими спутниками, явился къ Московскому главнокомандующему князю Волконскому. Онъ принялъ насъ очень ласково, отвелъ намъ квартиру близъ своего дома, въ палатахъ, принадлежавшихъ князю Одоевскому, и приказалъ доставлять намъ все необходимое. Онъ даже объявилъ мнѣ весьма любезно, что приглашаетъ меня къ своему столу на все время моего пребыванія въ Москвѣ, и я тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ принялъ это приглашеніе, что столъ у него былъ хорошій и особенно отличался прекрасными винами всякаго рода, и что домъ вообще былъ гостепріимный".

Въ высшей степени характеристично это откровенное удивленіе бѣдняка-француза предъ широкимъ хлѣбосоль-

ствомъ русскаго вельможи. Какъ извѣстно, въ то время многіе богатые люди, особенно въ Москвѣ, держали открытый столъ для посѣтителей, чѣмъ и пользовались преимущественно пріѣзжіе. Въ относящихся къ 1770-мъ годамъ запискахъ одного русскаго офицера, капитана Васильева, который посѣщалъ Москву только наѣздами, есть также извѣстіе о гостепріимствѣ Московскаго градоначальника: „Будучи у его сіятельства, господина генералъ-аншефа и разныхъ орденовъ кавалера князь Михаила Никитича Волконскаго", разсказываетъ Васильевъ,— „получилъ отъ него въ отвѣтъ таковое слово: „Памятство ваше, дѣлая честь мнѣ, съ особливымъ моимъ уваженіемъ въ касающихся вашихъ надобностяхъ усугубить имѣю"[1]). Для противоположности со словами Белькура любопытно припомнить отзывы Д. И. Фонъ-Визина, въ его письмахъ изъ-за границы, о томъ, какъ „скаредно" принимали его даже богатые люди во Франціи и Италіи; „скаредность" эта глубоко возмущала русскаго путешественника. На Белькура гостепріимство москвичей подѣйствовало такъ сильно, что даже поколебало его неблагопріятное мнѣніе о русскомъ народномъ характерѣ, сложившееся подъ впечатлѣніемъ того угнетенія, какое онъ перенесъ въ Сибири.

Но возвратимся къ его разсказу:

„Я старался сблизиться съ находившимися въ Москвѣ французами. Меня побудило къ этому то обстоятельство, что они, посѣщая главные дома столицы, должны были знать мѣстныя обстоятельства и могли доставить мнѣ свѣдѣнія, которыя самъ по себѣ я не съумѣлъ бы пріобрѣсти. Москва—говорили они мнѣ—составляетъ городъ какъ бы независимый отъ всего государства, ибо въ ней живутъ также свободно, какъ въ какой-нибудь республикѣ; общество здѣсь прекрасное, за исключеніемъ нѣ-

---

[1]) Записки Васильева, рукопись Румянцевскаго музея въ Москвѣ, л. 40.

скольких лицъ, которыя, будучи испорчены вліяніемъ двора, отравляютъ пріятное общественное настроеніе и вносятъ въ свои поступки лесть и притворство... Пріѣзжіе принимаются здѣсь отмѣнно ласково. Я разумѣю подъ названіемъ пріѣзжихъ не только чужестранцевъ, но и русскихъ, которые не уроженцы Москвы и ближнихъ къ ней мѣстъ. Эти пріѣзжіе — по большей части люди, стекающіеся сюда издалека, чтобъ избѣжать преслѣдованій правосудія, или просто потому, что имъ некуда больше дѣться. Они продолжаютъ и здѣсь вести дурную жизнь и плутовать, что̀, въ свою очередь, дѣлаетъ недовѣрчивыми и коренныхъ москвичей, столь открыто расположенныхъ къ гостепріимству".

Любопытна эта характеристика смѣшаннаго, пестраго московскаго общества. Къ сожалѣнію, авторъ говоритъ съ чужихъ словъ и потому не всегда объясняется достаточно опредѣлительно и точно; странно, напримѣръ, читать у него, что въ Москву съѣзжались со всѣхъ концовъ Россіи преимущественно порочные люди. Но нельзя пропустить безъ замѣчанія сдѣланное Белькуромъ сравненіе Москвы съ республикою. Припомнимъ, что и одинъ русскій наблюдательный провинціалъ И. А. Второвъ, впервые посѣтившій Москву въ 1801 — 1802 годахъ и бывшій очевидцемъ коронаціи императора Александра I, выразился также: „Москву можно уподобить республикѣ по образу жизни, мнѣніямъ и свободѣ" [1]). Припомнимъ и слова Карамзина (въ его „Запискѣ о московскихъ достопамятностяхъ"): „Со времени Екатерины Великой Москва прослыла республикою. Тамъ, безъ сомнѣнія, болѣе свободы, но не въ мысляхъ, а въ жизни; болѣе разговоровъ, толковъ о дѣлахъ общественныхъ, нежели здѣсь въ

---

[1]) Русскій Вѣстникъ 1875 г., № 5, стр. 124: статья М. Ѳ. Де-Пуле „Отецъ и сынъ", въ которой приведены отрывки изъ записокъ И. А. Второва.

Петербургѣ, гдѣ умы развлекаются дворомъ, обязанностями службы, исканіемъ, личностями. Тамъ болѣе людей, которые живутъ для удовольствія: слѣдственно, нерѣдко скучаютъ и рады всякому случаю поговорить съ живостью, но весьма невинною. Здѣсь сцена, тамъ зрители; здѣсь дѣйствуютъ, тамъ судятъ, не всегда справедливо, но всегда съ любовію къ справедливости. Гласъ народа— гласъ Божій, а въ Москвѣ болѣе народа, нежели въ Петербургѣ". Князь де-Линь, спутникъ Екатерины во время ея путешествія на югъ Россіи въ 1786 году, сдѣлалъ замѣчаніе, что самыя знатныя лица въ государствѣ, наскучивъ дворомъ, переселяются изъ Петербурга въ Москву, чтобы здѣсь „свободно жить и говорить". Наблюденіе Белькура сдѣлано раньше замѣчанія де-Линя и имѣетъ смыслъ болѣе поверхностный, но его сравненіе старой барской Москвы съ республикой удачно характеризуетъ извѣстную свободу жизни въ этой излюбленной столицѣ русскаго дворянства и русскаго крѣпостнаго люда.

Продолжая свою характеристику московскаго населенія, Белькуръ замѣчаетъ, что вообще московскій народъ плутоватый, и что довѣряться ему не слѣдуетъ: у русскихъ-де нѣтъ сознанія чести, и нѣтъ даже слова для выраженія этого понятія. Любопытна и та параллель, которую Белькуръ проводитъ между русскими за границей и у себя дома: за границей русскій чувствуетъ себя на волѣ, въ Россіи же онъ задумчивъ, мраченъ, боязливъ и приниженъ до подлости предъ тѣми, въ комъ нуждается. Въ этомъ замѣчаніи есть, пожалуй, доля справедливости, но Белькуръ даетъ неправильное освѣщеніе подмѣченному имъ явленію, и притомъ совершенно не кстати становится исключительно на нравственную точку зрѣнія. Еще во времена Петра I даже иностранцы замѣчали, что знатные молодые русскіе, объѣзжая западную Европу съ полнымъ кошелемъ, чаще усвоивали себѣ за

границей дурное, чѣмъ хорошее, и что такое смѣшеніе чужихъ утонченныхъ пороковъ со своею грубостью обращалось имъ же во вредъ [1]). При Елисаветѣ много русскихъ молодыхъ богачей поѣхало во Францію подъ предлогомъ ученья; но бо̀льшая ихъ часть проводила тамъ время въ разгулѣ [2]): лучше не умѣли они воспользоваться жизнью на хваленой Белькуромъ волѣ. Къ этому-то поколѣнію и обращены были обличенія сатиры Екатерининскаго времени, обвинявшей этихъ людей за то, что они вывезли изъ-за границы не дѣльное образованіе, а лишь обрывки модныхъ идей, поклоненіе чужимъ обычаямъ и модамъ и презрѣніе ко всему родному. Возможно и то, что такіе представители псевдоевропеизма, типъ которыхъ Фонъ-Визинъ обезсмертилъ въ Бригадировомъ сынѣ Иванушкѣ, казались, какъ говоритъ Белькуръ, смущенными и приниженными у себя дома, то-есть, передъ людьми стараго закала въ родѣ Бригадира или Стародума; но разумѣется, въ этомъ случаѣ внутренняя нравственная правда была на сторонѣ старшаго поколѣнія. Вообще несомнѣнно, что изъ поѣздокъ за границу русскіе люди XVIII вѣка рѣдко выносили нравственное перевоспитаніе, и что такія путешествія были полезны только для тѣхъ немногихъ, которые проходили въ чужихъ странахъ серьезную школу. Едва ли не самое мѣткое сужденіе объ ученіи и поведеніи русскихъ людей за границей высказалъ еще при Петрѣ I посланный имъ во Францію Кононъ Зотовъ: „Не худо бы было“, писалъ онъ однажды царю,—„если бы ваше величество указалъ архіерею Рязанскому выбрать двухъ или трехъ человѣкъ лучшихъ латинистовъ изъ средней статьи людей, то-есть, не изъ породныхъ, ниже изъ подлыхъ, для того, что вездѣ породные презираютъ труды (хотя, по препорціи

[1]) Русскій Архивъ 1872 г., стр. 1076—1077: Записки брауншвейгскаго резидента Вебера.

[2]) Архивъ князя Воронцова, т. II, стр. 318 — 320, 326, 334, 339, 341—342; т. III, стр. 153, 307.

ихъ породъ и имѣнія, должны также быть и въ наукѣ отмѣнны предъ другими); а подлый не думаетъ болѣе, какъ бы чрево свое наполнить"[1]). Изъ этой-то „средней статьи людей" вышли лучшіе птенцы Петровы и тѣ дѣятели послѣдующаго времени, которые сумѣли принести дѣйствительную пользу родной странѣ (въ томъ числѣ и Ломоносовъ, не только крестьянскій сынъ, но и латинистъ Московской Спасской школы). Когда такіе люди, послѣ дѣльнаго ученія за границей, возвращались въ Россію, они нерѣдко встрѣчали къ себѣ нерасположеніе въ русскомъ обществѣ и подвергались насмѣшкамъ за „примѣченный въ нихъ европейскій обычай"[2]), но они умѣли постоять за себя, за свою науку и, ужь конечно, въ серьезномъ дѣлѣ не проявляли той боязливости и приниженности, которыя Белькуръ старался найдти во всѣхъ русскихъ, принужденныхъ жить у себя дома послѣ того, какъ они пожили на чужой волѣ.

Болѣе справедливыми кажутся замѣчанія Белькура о русскомъ воспитаніи и о русскихъ женщинахъ, между прочимъ и потому, что они напоминаютъ отзывы нашей сатирической литературы Екатерининскаго времени. Сходство это, съ одной стороны, говоритъ въ пользу наблюдательности француза-путешественника, а съ другой—свидѣтельствуетъ о мѣткости нашей сатиры:

„Нѣтъ страны, гдѣ столько тратилось бы на образованіе, какъ въ Россіи. Здѣсь видишь въ высшемъ сословіи чуть не столько же воспитателей, сколько дѣтей, и гувернеры эти получаютъ хорошее жалованье, хотя весьма часто не стоятъ его. Дворянинъ, который желаетъ быть свѣтскимъ человѣкомъ, долженъ имѣть датскую собаку, скорохода, много прислуги (дурно одѣтой) и француза-учителя. Большое число такихъ учителей не при

---

[1]) Пекарскій. Наука и литература при Петрѣ Великомъ, т. I, стр. 157.
[2]) Русскій Архивъ 1871 г., ст. 636: Записки П. П. Неплюева.

мѣстѣ очень понижаетъ размѣръ ихъ вознагражденія. Но, къ сожалѣнію, въ выборѣ этихъ людей мало обращаютъ вниманія на достоинства. Хотятъ имѣть француза и берутъ того, какой случится. За то, вслѣдствіе дурного выбора учителей и жалованья, которое не поощряетъ ихъ къ усердію, въ этомъ званіи, гораздо менѣе уважаемомъ, чѣмъ бы слѣдовало, попадаются люди съ понятіями и манерами нашихъ парикмахеровъ и лакеевъ".

Типъ француза-учителя въ старинномъ русскомъ барскомъ домѣ достаточно извѣстенъ изъ нашей литературы [1]). Но здѣсь кстати будетъ вспомнить, что еще за двадцать почти лѣтъ до описываемаго Белькуромъ времени, въ 1757 году, другой французъ, де-ла-Мессельеръ, прибывшій въ Петербургъ въ свитѣ посла маркиза Лопиталя, еще болѣе, чѣмъ нашъ капитанъ, былъ пораженъ, узнавъ и увидѣвъ, что у многихъ знатныхъ русскихъ воспитываютъ дѣтей бѣглецы изъ Франціи, банкроты, развратники и даже женщины дурного поведенія, побывавшія въ передѣлкѣ у парижской полиціи [2]). Описанныя Белькуромъ русскія дамы вышли отчасти изъ рукъ подобныхъ воспитательницъ, и это дѣлаетъ тѣмъ интереснѣе его отзывъ о нихъ: „Дамы русскія, побывавшія въ Парижѣ, по большей части усвоили себѣ дурной тонъ нашихъ французскихъ щеголихъ и привезли его съ собою въ Россію [3]). А хорошаго тона

---

[1]) Ср. Аѳанасьева Русск. сатир. журналы, стр. 183 и слѣд.

[2]) Русскій Архивъ 1874 г., кн. I, стр. 973.

[3]) Словомъ „щеголиха" мы перевели находящееся у Белькура французское petites-maitresses. Такъ это послѣднее переводилось въ сатирическихъ журналахъ 1769 — 1774 гг., между тѣмъ какъ для франта-мужчины они не нашли русскаго слова, почему употребляли „петиметръ". Въ перепискѣ Екатерины еще подъ 1764 — 1765 гг. встрѣчается упоминаніе о „распудренныхъ дворянчикахъ, которые ничего смыслятъ, окромя петиметрства" (Сборникъ Р. Истор. Общества, т. VII, стр. 404). Приводимъ изъ повѣсти Ш. Дюкло „Les confessions du comte ***" (1742 г.) описаніе французской щеголихи, которое можетъ быть сравнено съ изображеніями этого типа въ нашей сатирѣ: „Madame de Persigny était ce qu'on appelle dans le Marais une petite maîtresse; elle était née décidée, le cercle de son

онѣ не пріобрѣли и весьма далеки отъ этой цѣли, какъ въ отношеніи пріятности разговора и ума, такъ и въ отношеніи порядочности въ обращеніи и въ туалетѣ. Другія дамы, не бывавшія за границей, хотятъ подражать тѣмъ, которыя подышали воздухомъ Франціи; но имъ удается усвоить себѣ только дурное. Какъ ни стараются онѣ хорошо одѣваться, у нихъ все выходитъ нескладно. Три, четыре косынки, одѣтыя безъ вкусу, дѣлаютъ ихъ похожими на кормилицъ, нарядившихся въ дѣтскія пеленки. А тѣ, что̀ открываютъ грудь, переступаютъ предѣлы приличія, такъ что парижанинъ принялъ бы ихъ за женщинъ на содержаніи. И въ самомъ дѣлѣ онѣ имѣютъ этотъ видъ, стараются оглашать свои любовныя похожденія и содержатъ любовниковъ на жалованьи. Здѣсь открыто говорятъ, что такой-то господинъ живетъ въ связи съ такою-то дамой. Разсказываютъ даже, что многія дамы больны вслѣдствіе своего разврата. Къ тому же, онѣ любятъ вино и крѣпкіе напитки и много пьютъ ихъ, подобно своимъ мужьямъ; какъ мужчины, такъ и дамы очень жестоки со своими рабами.

---

esprit était étroit: elle était vive, parlait toujours, et ses reparties, plus heureuses que justes, n'en étaient souvent que plus brillantes. Élevée en enfant gâté, parce que dès l'enfance elle avait été jolie, les amants achevèrent ce que les parents avaient commencé. Elle se croyait nécessaire partout; il n'y avait rien que l'on pût voir, point d'endroit où l'on pût aller, que l'on n'y trouvât madame de Persigny. Un de ses désirs eût été de pouvoir, comme les jeunes gens, se montrer dans le même jour à plusieurs spectacles; mais pour s'en dédommager, elle paraissait à toutes les promenades. Les calèches de goût, les attelages brillants la promenaient sans cesse aux environs de Paris; souvent elle allait souper avec sa compagnie dans des maisons de campagne pendant l'absence de leurs maîtres et le traiteur ne lui déplaisait pas. Il n'y avait rien qu'elle ne préférât à l'ennui d'être chez elle et au chagrin de se coucher. Trop vive pour s'assujettir à une partie de jeu, elle la commençait et la quittait à moitié; mais elle aimait la table, et elle y était charmante". Ср. Аѳанасьева Русск. сатир. журналы, стр. 198 и и слѣд. При оцѣнкѣ этой характеристики необходимо однако имѣть въ виду, что Дюкло описываетъ щеголиху не отъ своего лица, а отъ лица своего героя, большого волокиты и развратника.

Послѣдніе, не рѣшаясь мстить силою, нерѣдко прибѣгают къ отравѣ".

Послѣ этихъ жесткихъ словъ Белькуръ снова оговаривается, что онъ не желаетъ порицать огуломъ весь русскій народъ, но вслѣдъ затѣмъ опять съ забавною серьезностью прибавляетъ, что, по его мнѣнію, въ Россіи все-таки менѣе честныхъ людей, чѣмъ плутовъ, и что честныхъ считаютъ здѣсь людьми необыкновенными за то, что они предпочитаютъ быть обманутыми, чѣмъ сами обманывать, а обманщики слывутъ здѣсь великими политиками. Нельзя не улыбнуться, встрѣчая эти смѣлые выводы; но откуда идетъ подобное убѣжденіе? По видимому, оно порождено тѣмъ особымъ отношеніемъ, въ которое обыкновенно становится нашъ народъ именно къ иностранцамъ, пріѣзжающимъ въ Россію для наживы. Простой русскій человѣкъ очень чутокъ ко всякой эксплуатаціи и умѣетъ стать противъ нея въ оборонительное положеніе, хотя и склоненъ вести борьбу противъ „нѣмца" только пассивную, глухую. Свое сужденіе о нравственности русскихъ и, между прочимъ, о томъ, что у насъ невозможны никакія сдѣлки на слово, Белькуръ основалъ, конечно, на отзывахъ проживавшихъ въ Москвѣ промышленниковъ-иностранцевъ, а этимъ господамъ, вѣроятно, приходилось собственнымъ опытомъ убѣждаться, что не всегда можно довѣрять русскимъ людямъ. Во всякомъ случаѣ сейчасъ приведенное утвержденіе Белькура о сдѣлкахъ вполнѣ опровергается тѣми обычаями, которые, какъ извѣстно, еще недавно господствовали въ русской торговлѣ.

Белькуръ находитъ, что въ Россіи болѣе чѣмъ гдѣлибо приказныхъ. Но ихъ жалованье, говоритъ онъ, — „очень ничтожно, и это заставляетъ ихъ жить лихоимствомъ. Купецъ, будучи принужденъ задаривать чиновныхъ людей, подымаетъ цѣну на свой товаръ, какъ для того, чтобы вернуть свои убытки, такъ и для поддержа-

нія своей торговли. Это злоупотребленіе лихоимства распространяется и на полицію: здѣсь кто дастъ больше, тотъ и правъ, а бѣднякъ всегда виноватъ. Въ мое время полиція въ Москвѣ была очень дурна, и говорили открыто, что ея начальникъ — безчестный человѣкъ".

Не думаемъ, чтобъ этотъ отзывъ о тогдашней московской полиціи былъ далекъ отъ истины; что же касается ея начальника, то тогдашній московскій оберъ-полиціймейстеръ, Н. П. Архаровъ, славился своею ловкостью и находчивостью въ розыскахъ: гуманности отъ него не требовалось, а что касается лихоимства, то онъ, какъ многіе другіе начальники стараго времени, жилъ и жить давалъ другимъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о московскихъ нравахъ и порядкахъ, Белькуръ обращается къ разсказу о своей собственной особѣ. По пріѣздѣ въ Москву, Белькуръ писалъ къ графу З. Гр. Чернышеву, который, по своему званію президента военной коллегіи, оказывалъ ему покровительство какъ военноплѣнному. Чернышевъ предложилъ ему вступить въ русскую службу. Но это не входило въ планы Белькура, и онъ рѣшился уѣхать изъ Россіи, не смотря даже на то, что французскій повѣренный въ дѣлахъ Дюранъ отказалъ ему въ денежномъ пособіи. Такъ Белькуръ объявилъ и князю Волконскому, чрезъ посредство котораго ему было сообщено предложеніе Чернышева.

Между тѣмъ, пока Белькуръ хлопоталъ о своихъ частныхъ дѣлахъ, важныя событія потрясли древнюю столицу: народное возстаніе за Волгой продолжало возрастать, и принятыя противъ него мѣры еще не успѣли оказать свое рѣшительное дѣйствіе. „Въ то время" (въ концѣ февраля и въ началѣ марта 1774 года), разсказываетъ Белькуръ, — „духъ смуты распространился и въ Москвѣ. Стали громко говорить въ пользу мнимаго Петра III. Весь городъ былъ въ волненіи. Во всѣхъ

съѣзжихъ домахъ постоянно сѣкли, но и это строгое наказаніе никого не устрашало. Во всѣхъ концахъ города громко кричали: „Да здравствуетъ Петръ III и Пугачевъ!“ Казалось, грозило всеобщее возстаніе. У графа Толстого люди натворили столько излишествъ, что онъ былъ вынужденъ отдать ихъ въ руки полиціи. Они были приговорены къ битью кнутомъ, но и подъ ударами кричали ура Петру III. Чтобъ успокоить умы и затушить огонь, грозившій всеобщимъ пожаромъ, распустили слухъ, что Пугачевъ совершенно разбитъ. На почтѣ вскрывали всѣ письма и перехватывали тѣ, которыя казались подозрительными; каждаго домохозяина заставили снова принести присягу и, не смотря на то, 6-го марта, около шести часовъ вечера, раздался во всѣхъ частяхъ города всеобщій крикъ: „Да здравствуетъ Петръ III и Пугачевъ!“ Можно себѣ вообразить, какое смущеніе онъ произвелъ. Всѣ бросились бѣжать куда попало. Но твердость князя Волконскаго успокоила умы, и этотъ великій пожаръ потухъ безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій“.

Эти извѣстія о московскихъ отзвукахъ Пугачевщины достойны полнаго вниманія. Письма князя М. Н. Волконскаго къ императрицѣ Екатеринѣ и сообщаемыя ими свѣдѣнія о состояніи Москвы въ то время, когда востокъ Россіи волновался народнымъ бунтомъ, подтверждаютъ то, что̀ говоритъ Белькуръ. Волконскій дѣйствительно обнаружилъ большую дѣятельность и большую энергію въ тогдашнее безпокойное время. Онъ очень заботился о томъ, чтобы, какъ онъ говорилъ,—„не подать въ публикѣ причины къ большему уваженію объ Оренбургскомъ дѣлѣ“. Еще въ декабрѣ 1773 года онъ писалъ Екатеринѣ, что „приказалъ оберъ-полицiймейстеру употребить надежныхъ людей для подслушиванія разговоровъ публики въ публичныхъ сборищахъ, какъ-то: въ рядахъ, баняхъ и кабакахъ, что̀ уже и исполняется, и между дворянствомъ также всякіе разговоры примѣчаются“. За-

мѣтки Белькура доказываютъ, что такія мѣры были далеко не лишними. Лѣтомъ 1774 года князь Волконскій сообщалъ уже императрицѣ болѣе успокоительныя извѣстія о состояніи умовъ въ Москвѣ. „Здѣсь, всемилостивѣйшая государыня", писалъ онъ 29-го іюля, — „все тихо, и паче чаянія моего, въ простомъ народѣ гораздо меньше вранья, какъ прежде было, что̀ могу приписать строгому смотрѣнію полиціи: какъ оберъ-полиціймейстеръ, такъ и подчиненные его офицеры, наипримѣрнѣйшимъ образомъ должность свою исполняютъ и не только безпрестанные по городу патрули дѣлаютъ, но и непримѣтнымъ образомъ о всемъ развѣдываютъ, гдѣ только собранія народныя бываютъ"[1]). Тѣмъ не менѣе, недобрые слухи и такъ-называемые „Пугачевскіе листы", то-есть, прокламаціи, продолжали проникать въ Москву, и еще въ сентябрѣ 1774 года Волконскому приходилось доводить до свѣдѣнія Екатерины объ арестѣ нѣсколькихъ человѣкъ, распространявшихъ такіе листы[2]).

Къ сожалѣнію, разсказы Белькура о Москвѣ оканчиваются на приведенныхъ выше выпискахъ. По его собственному свидѣтельству, мысль объ отъѣздѣ занимала его сильнѣе, чѣмъ Пугачевскій бунтъ. У него не было ни гроша, и безденежье тревожило его гораздо болѣе, чѣмъ успѣхи или неудачи Пугачева. На счастье Белькура нѣсколько французскихъ негоціантовъ, проживавшихъ въ Москвѣ, сложились и доставили ему и его товарищамъ средства выѣхать изъ русской столицы. Освобожденные плѣнники поспѣшили оставить ее 17-го марта стараго стиля, а 6-го апрѣля переѣхали уже русскую границу по дорогѣ въ Варшаву.

---

[1]) Осьмнадцатый вѣкъ, сборникъ, изд. П. И. Бартеневымъ, кн. I, стр. 130—131 и 137.

[2]) Русская Старина 1875 г., іюль, стр. 440—442.

IV.

В. А. Чупятовъ.

Когда не свергъ въ бояхъ, въ судахъ,
Въ совѣтахъ царскихъ супостатовъ,—
Всякъ думаетъ, что я Чупятовъ
Въ мароккскихъ лентахъ и крестахъ.

(Державинъ: „Вельможа").

„Я увѣренъ", писалъ графъ Д. И. Хвостовъ въ 1813 году,—„что стихъ на Чупятова во всѣхъ городахъ Россійской имперіи приписанъ былъ особливому лицу. Авторъ же или ни на кого не мѣтилъ, или мѣтилъ на одного"[1]). Эти слова одного изъ современниковъ и пріятелей Державина доказываютъ, что намекъ, сдѣланный въ вышеприведенныхъ стихахъ знаменитаго поэта, относящихся къ 1794 году, еще при жизни его утратилъ свою ясность. И дѣйствительно, еще самъ Державинъ, въ составленныхъ имъ въ 1808 году объясненіяхъ на свои сочиненія, счелъ нужнымъ сообщить нѣсколько извѣстій о томъ лицѣ, о которомъ упомянулъ въ стихахъ „Вельможи". Въ недавнее время, академикъ Я. К. Гротъ, въ примѣчаніяхъ къ „Вельможѣ", собралъ всѣ извѣстія о Чупятовѣ, сохраненныя въ нашей литературѣ, и изъ сопоставленія ихъ видно, что Чупятовъ былъ въ свое время героемъ какого-то анекдотическаго происшествія, надѣлавшаго тогда много шуму въ Петербургѣ. Случайно встрѣтившіяся намъ копіи съ подлинныхъ документовъ о Чупятовѣ[2]) даютъ возможность подробнѣе разъяснить

[1]) Сочиненія Державина, 1-е академ. изданіе, т. IX, стр. 246.

[2]) Въ одномъ рукописномъ сборникѣ конца XVIII в., принадлежащемъ академику А. Ѳ. Бычкову. При печатаніи выписокъ изъ этихъ документовъ мы должны были иногда исправлять описки малограмотнаго составителя сборника.

обстоятельства этого дѣла, обнаруживая нѣкоторыя неточности въ прежнихъ разсказахъ объ этомъ лицѣ, а притомъ, и это главное, раскрываютъ передъ нами нѣкоторыя характерныя черты нравовъ Екатерининскаго времени.

Василій Анисимовъ сынъ Чупятовъ былъ родомъ изъ Ржевы Володимировой, нынѣшняго города Ржева. Онъ принадлежалъ къ самому именитому купечеству своего времени. „Отецъ мой, именованнаго“, разсказываетъ онъ въ своемъ прошеніи, поданномъ въ коммерцъ-коллегію въ 1765 году,—„такъ и вся наша фамилія Чупятовыхъ, изъ многихъ лѣтъ имѣли промыслы къ Санктпетербургскому порту съ великимъ радѣніемъ безпорочно, а на оное свидѣтельство явствуетъ въ портовой таможнѣ—записныя книги, по тому жь докажетъ какъ россійское, такъ и иностранное купечество, чѣмъ присовокупили немалой капиталъ, съ котораго въ казну ея императорскаго величества и пошлинъ сколько сотъ тысячъ плачено было, съ немалою государственною славою и обогащеніемъ“. По словамъ Державина, предметомъ торга, который велъ Чупятовъ, была пенька; кромѣ того, какъ видно изъ собственныхъ показаній нашего героя, онъ торговалъ масломъ и другими товарами, отправляя ихъ въ Кенигсбергъ, Любекъ, Гамбургъ, Англію и Голландію. Товары Чупятова хранились въ биржевыхъ амбарахъ. „Прошлаго 1761 году“, повѣствуетъ онъ въ упомянутомъ прошеніи,—„по власти Божіей, по случаю пожару, всѣмъ семействомъ нашимъ Чупятовымъ лишились отъ сгорѣнія товаровъ до ста-пятидесяти тысячъ рублевъ; а по всемилостивѣйшему повелѣнію нынѣ получаемъ въ награжденіе противъ сгорѣнія, зачетомъ въ пошлину въ пять лѣтъ, половинной капиталъ, которымъ чинимъ уплату кредиторамъ нашимъ; оныя взысканія чинятъ сполна почти безъ всякой убавки, а не такъ, какъ обыкновенно чинится въ чужихъ державахъ: въ случаѣ такихъ несча-

стій бываетъ во взысканіи уменьшеніе, каковымъ безызъятнымъ взысканіемъ многіе лишаются торговыхъ промысловъ; а отъ такого несчастія послѣдовалъ нынѣ чувствительный ударъ".

Чупятовъ былъ уже тогда человѣкъ лѣтъ за триддать и женатый; но въ 1764 году онъ овдовѣлъ и вслѣдъ затѣмъ задумалъ вторично жениться. „А въ случаѣ моей бытности въ Москвѣ быть случился въ домѣ заводчика, а моего давнаго благодѣтеля, Прокофія Акинфіевича господина Демидова, который, бывъ обо мнѣ въ сожалѣніи, сказалъ, что-де „ты невѣсты нигдѣ не ищи, я-де тебѣ совѣтую взять племянницу мою, а дочь покойнаго Ѳедора Петровича Володимерова". А какъ для своихъ надобностей, такъ и прочаго, (Демидовъ) надѣялся быть въ Санктпетербургѣ, въ каковомъ случаѣ обѣщалъ и высватать; а какъ то не безызвѣстно, что въ прошлую зиму выдавалъ дочь свою замужъ, такъ и другія приключенія его удержали, а пріѣздъ имѣла сестра его, Демидова, а жена покойнаго господина Сердюкова, которая ѣздила изнарочно за ту дѣвицу сватать". Немного времени спустя, Василій Анисимовичъ нашелъ себѣ и другихъ сватовъ: „А потомъ быть лучился у меня въ гостяхъ серпуховской купецъ Ѳедоръ Васильевичъ сынъ Кишкинъ, да Иванъ Степановъ сынъ Сѣриковъ. А изъ нихъ сказанный Кишкинъ по многомъ разсужденіи сказывалъ, что-де реченный Володимеровъ (сынъ Ѳедора Петровича и братъ той дѣвушки, руки которой искалъ Чупятовъ), скупости ради, сестры своей не отдаетъ; а совѣтовалъ (Кишкинъ) обождать шурина своего, тульскаго купца Илью Иванова сына Ливенцова, а зятя его Володимерова, который тогда и ожидаемъ былъ. А какъ же пріѣхалъ, то онъ, Ливенцовъ, и съ женою своею, а сестрою Володимеровою, обнадеживали дать и безъ вѣдома онаго Володимерова (согласіе), видя его о ней братнее нерадѣніе; а потомъ въ скоромъ времени по

власти Божіей занемогли и были въ слезной болѣзни немалое время". Безуспѣшность этого посредничества не остановила Чупятова; да кстати нашлись и еще новыя лица, которыя взялись устроить его бракъ съ Володимировой. „А при тѣхъ же случаяхъ", разсказываетъ онъ,— „чинена мнѣ просьба господиномъ гофъ-маклеромъ Петромъ Барсовымъ, да Иваномъ Евдокимовымъ сыномъ Демидовымъ, въ квартирѣ казанскаго купца Ивана Петрова сына Осокина, гдѣ будучи, онъ, Демидовъ, сказывалъ, что онъ къ тому господина Володимерова находится ближній свойственникъ, и яко бы по слову той невѣсты онъ имѣетъ дозволеніе учинить и сговоръ, при которомъ случаѣ порядочнымъ образомъ и былъ окончанъ". Такимъ образомъ, желанія Чупятова, казалось, скоро должны были увѣнчаться успѣхомъ: онъ становился, по видимому, женихомъ Володимировой, хотя и не видалъ ея ни разу. Безъ сомнѣнія, къ этому времени относится письмо, написанное Чупятовымъ къ своей будущей невѣстѣ. Приводимъ это посланіе почти цѣликомъ, такъ какъ въ немъ много любопытныхъ чертъ времени, и въ особенности характерны понятія, высказываемыя Чупятовымъ объ отношеніяхъ между купеческимъ и дворянскимъ сословіями:

„Почтенная госпожа дѣвица! Въ милости Божіей вамъ всякаго благополучія всегда охотно желаю. Хотя съ вами случаевъ быть не имѣлось, а въ разсужденіи покойнаго родителя вашего, а моего милостивца, и вашихъ любезныхъ свойственниковъ и родственниковъ пріязней и совѣтовъ ихъ, беру смѣлость вашу милость спросить: не согласитесь ли со мною законнымъ бракомъ сочетаться? А о себѣ вашей милости донести болѣе не имѣю, что дѣтей, отца и матери по власти Божіей не имѣю, а жить гдѣ тобою разсуждено будетъ — соглашусь. Впрочемъ, желаю вамъ своимъ усердіемъ всякаго благополучія и на сіе пребуду во ожиданіи благосклонной отпо-

вѣди. И тако, вы немало пожаловать изволите, когда моей сей просьбы не презрите. И пребываю вамъ, моей вселюбезной и почтенной госпожѣ, доброжелательный слуга Василій Анисимовъ сынъ Чупятовъ, купецъ Ржевы Володимеровы.

„Еще о своемъ состояніи имѣю къ вашему свѣдѣнію сообщить, что отецъ мой покойной завелъ сюда торговать тому нынѣ пятьдесятъ лѣтъ, а я при немъ сталъ въѣзжать съ небольшимъ отъ 10 лѣтъ, чему и прошло болѣе 20 лѣтъ; и какъ же здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, имѣемъ небольшой промыслъ и пріятелей съ помощью Божіею довольное число; меньше время—такъ лучше, и есть больше работы, такъ больше и заботы. По кончинѣ жь родителя своего имѣлъ я немалыя поставки провіанту въ Ригу и въ Кенигсбергъ, такоже съ прошлаго 1757 года чинятся мною небольшіе отпуски пеньки, масла и другихъ товаровъ моимъ пріятелямъ въ Любекъ, въ Гамбургъ, въ Англію и въ Галандію, и нынѣ небольшую партію отпустилъ; а прошлаго 1761 года, хотя по власти Божіей и понесли отъ сгорѣнія товаровъ убытокъ, точію помощію Божіею и монаршею и кредиторскою снабжены, въ томъ числѣ и братцомъ вашимъ уступлено нынѣ съ процентовъ до 6,000 рублей, и отъ разныхъ случаевъ получилъ себѣ поправленія (совѣтуютъ и намъ Писанія: при радости не быть радостну, а при печали быть мудры; радость не вѣчна, и печаль не безконечна; не бывъ — будетъ, а бывъ — минется, а претерпѣвый до конца, той спасется). Домъ же родительской имѣю у себя гораздо не худъ, а домовъ много и тутъ, а намѣреніе мое состояло и съ братомъ учинить раздѣлъ, чего для построенъ мною новой домъ, только съ женою Богъ не допустилъ жить въ немъ, а нынѣ товарища не имѣю, а сказать съ пословицей: не надобно и кладъ, какъ съ женою ладъ. Притомъ и за симъ приношу свой любови желательской поклонъ. Василій Чупятовъ.

„А прошу хотя краткостію словъ меня письменно ко извѣстію одолжить, за чтò всегда долженъ благодарить.

„Въ Санктпетербургѣ, числа 26-го октября 1764 года.

„За показаннымъ хочу вамъ объявить: какъ слышу, что ваше намѣреніе состоитъ за дворянина идтить, а на сіе вамъ скажу, что въ прошломъ іюлѣ мѣсяцѣ, какъ случай мнѣ придалъ въ домѣ быть дядюшки вашего, Прокофія Акинѳіевича, то тѣмъ временемъ до пріѣзда моего пріѣхалъ подполковникъ, а дядюшка вашъ былъ въ городѣ, и тому офицеру велѣно отказать; а какъ же про меня донесено, то въ скорости пришелъ и меня благодарилъ, — гдѣ приказалъ кофей и чай подать, а потомъ и обѣдали, а во время того обѣда и дворянъ бранилъ, а какъ откушали, то ихъ и проводилъ; о которомъ и спросить мнѣ прилучилось, какой онъ человѣкъ, а объ немъ объявить изволилъ, сказать, что братъ Григорій Акинѳіевичъ отдалъ дочь за придворнаго, да онъ за лейбъ-компаниста: „Какъ-де дворяне стараются, чтобъ больше приданаго взять да въ карты проиграть, а женъ отсылаютъ въ деревню свиней кормить, и во всемъ-де, какъ купцовъ, такъ и дочерей, презираютъ; я-де лучше за послѣдняго купца отдамъ, нежели же за лучшаго дворянина". Да и по правиламъ святыхъ отецъ велѣно: духовнымъ у духовныхъ брать, а военнымъ у военныхъ, а купцамъ у купцовъ; да въ нынѣшній вѣкъ, какъ военные и статскіе не въ большой зависти, какъ и видѣть можно и въ Европіи изъ вѣдомостей, что въ Англіи какъ за услугу король хотѣлъ пожаловать кавалеріей, то они отказались. Ни одного графа не осталось, кто бъ не имѣлъ на себѣ долгу отъ разныхъ приключеній, а которые бывъ во всемъ постоянны, то въ разсужденіи министеровъ долженъ во всемъ учредить, штабъ имѣть, знатной домъ, сады, репжереи, мобели, уборы, гардеробъ, то-есть, платье, вещи, посуда всякая, кареты, цуги, ливреи, надобно имѣть столъ и во всемъ смотрѣніе; а егда жь не

усмотрѣно, то будетъ попорчено; ко двору пріѣздъ заставитъ по манеру во всемъ дѣлать, какое чрезъ то неописанное требовать будетъ безпокойство; а въ томъ хотя мало упущено, то бѣдствіе съ убыткомъ понести должно, оставить резиденцію и свои домы. (Если мужъ—военный, то въ случаѣ войны долженъ) ѣхать противъ непріятеля, а жена—останься дома, съ дѣтьми, имѣй печали. А штатской человѣкъ, гдѣ бъ онъ въ коллегіи присутствовалъ, то строгость законовъ — быть съ утра до третьяго часу, а часто платить штрафы, а жена все въ окно гляди. А придворной человѣкъ всякой день подверженъ опасности, и какія неописанныя бываютъ бѣды и скорби и печали. И отъ такихъ знатностей Боже помилуй всякаго помыслить, а наиболѣе которые петиметры въ карты играютъ, зайцевъ гоняютъ и во всемъ мотаютъ: надобно думать, что несчастливъ тотъ человѣкъ, кто такъ себя безъ нужды хочетъ обидѣть. Батюшку вашего государыня жаловала въ комерцію и шпагою, а онъ никогда не хаживалъ. Надобно отъ натуры подумать: какъ и дерева—гдѣ большое стоитъ, то вѣтръ часто ломитъ, а которыя пониже, то навсегда безъ бѣды пребываютъ; въ малой же рѣкѣ хотя вѣтры и бываютъ, только большихъ волнъ не бываетъ, а въ большой или въ озерѣ малый вѣтеръ необычайныя волны умножаетъ, которыми и корабли часто разбиваетъ. Въ покойствѣ и честности купеческой кого еще можно искать! Весь свѣтъ опымъ завидовать... Донесть вамъ первое, что воля: куда изволишь во всей Россіи для дѣлъ и безъ дѣлъ гулять и ко двору пріѣздъ имѣть, на куртаки, на мускарадъ и милость монаршую получить. А золото и въ грязи знать; у министровъ всякаго примутъ со отмѣнною честію, въ сады, въ Царское Село, въ Петергофъ, и что бъ вообразить было можно, то при всѣхъ случаяхъ воля компанію имѣть и въ компаніи быть; время жь есть въ церковь, и такъ — книгъ, исторій честь и покой имѣть безъ дальнаго труда; а нынѣ изъ монаршей

милости обѣщаны и шпаги; а каретъ въ привозѣ здѣсь нѣмецкихъ и французскихъ довольно: какую хочешь, такую съ помощію Божіею имѣть можете; а и домовъ довольно. А дѣвицею тебѣ, право, жить полно. Тетушка ваша Анна Акиноіевна сказывала, что вамъ уже 25 годъ; сожалѣть достойно, что вы свою жизнь столько изнуряете, еще до сего время — какая въ жизни радость замыкается, не знаете; а какъ Богъ сочетаетъ, то о прошлыхъ дняхъ много и тужить станете. А по закону велѣно жениться 15, а брать 12 лѣтъ,—такъ уже то время минуло. Надмѣрно сожалѣю о твоемъ одиначествѣ; первое: отца, матери не имѣете, а братцу дѣла о коммерціи, а о вашей помощи и думъ не дозволяютъ. А тебя пща, твоего покоя за купцомъ быть желаю; а богатства и чести будете разбирать, то и вѣкъ за мужемъ не бывать. Батюшка вашъ кто былъ и гдѣ взялъ? Господь всемощенъ: возводитъ и низводитъ. Мнѣ доходило быть до шести лѣтъ бургомистромъ, гдѣ и нынѣ не отрѣшенъ, только честь такъ наскучила, что объ ней и думать не хочется. Честной человѣкъ всегда съ помощію Божіею честь имѣетъ; въ деньгахъ же я зависти не имѣю, а желаю имѣть хорошаго человѣка, а лѣта ваши мнѣ сходственны; много думать не о чемъ: не мы первые, не мы послѣдніе; отдай себя волѣ Божіей; я и первую жену бралъ во Твери не съ малымъ достаткомъ,—изорву платокъ! — и отецъ ея былъ богатъ. Если жь вы вздумаете за такого, гдѣ есть свекоръ, свекровь, деверь, золовки, невѣстки, то и въ такомъ случаѣ всегда бываютъ свары, раздоры, и желаемое получить не можно, а когда жь подумать совсѣмъ за молодого выдтить, то сыщете помоложе, вамъ наведетъ скорбь, и въ неровности лѣтъ рѣдко и согласно бываетъ, первое—отъ глупости и разныхъ приключеній, мало любви бываетъ; а о себѣ вамъ увѣряю, что бъ вы лучшее желали, то бъ себѣ за помощію Божіею получили".

(Слѣдуетъ нѣсколько выписокъ изъ Священнаго Писанія въ подтвержденіе доводовъ письма).

Не извѣстно, дошло ли это письмо по назначенію, но несомнѣнно то, что дѣло Чупятова ни мало не подвинулось ни вслѣдствіе этого оригинальнаго посланія, ни отъ посредничества И. Е. Демидова. Вскорѣ Чупятову пришлось даже разочароваться въ искренности его содѣйствія. По словамъ Чупятова, Демидовъ „точно къ совершенію такого дѣла какъ тогда, такъ и донынѣ, старанія не имѣлъ“. Онъ только понапрасну обнадеживалъ Чупятова и тѣмъ самымъ много повредилъ ходу его торговыхъ дѣлъ. „А тѣмъ сговоромъ онъ, Демидовъ, удержалъ меня, чѣмъ я къ заготовленію товаровъ лучшее время опустилъ, но какъ на свои деньги товаровъ не покупалъ, такъ въ контракты и на векселя, по обыкновенію купеческому, не бралъ и отлучки для таковой законной нужды не имѣлъ, и закупки товаровъ большого числа не чинилъ, и во взысканіе по векселямъ и письмамъ до окончанія той оказіи не вступалъ; а которыя въ наличествѣ деньги были, то оныя отдалъ какъ на покупку товаровъ, такъ и ссудою на время разнымъ людямъ. А какъ же за непривозомъ довольнаго числа товару, того минувшаго лѣта и отпуску пеньки за море не имѣлось (какъ мною изъ давнихъ годовъ чинено было), а все оное опущеніе въ дѣйствіи коммерціи единственно послѣдовало по увѣренію реченнаго Ивана Евдокимова сына Демидова“.

Въ виду такихъ неудачъ и, можетъ быть, опасаясь банкротства, Чупятовъ разсудилъ обратиться къ содѣйствію властей. Сперва онъ, вѣроятно, частнымъ образомъ объяснялся съ вице-президентомъ коммерцъ-коллегіи Ник. Ив. Неплюевымъ и оправдывалъ свои торговыя затрудненія замедленіями въ дѣлѣ женитьбы; но между тѣмъ какъ Неплюевъ, а также другія лица, указывали ему другихъ невѣстъ, Чупятовъ „по объявленному рукобитью ставилъ тотъ сговоръ въ рѣшеніи“. Вскорѣ

дѣло дошло до всесильныхъ въ ту пору Орловыхъ и даже до самой императрицы. Графы Иванъ, Алексѣй и Ѳедоръ Орловы, а также графъ Ив. Гр. Чернышевъ, поочередно брались быть сватами Чупятова у Володимирова. Затѣмъ, „ея императорское величество указать изволила высватать его превосходительству Дмитрію Васильевичу Волкову", но когда послѣдній предложилъ Чупятову другихъ невѣстъ „благородныхъ", тотъ отказался, и Волковъ также поспѣшилъ отстраниться отъ упрямаго претендента. „Потомъ его сіятельство графъ Григорій Григорьевичъ (Орловъ) то дѣло препоручилъ его превосходительству Алексѣю Петровичу Мельгунову, которымъ потому жь (Володимировъ) черезъ посланныхъ въ домѣ не найденъ; а между тѣмъ послѣдовалъ его превосходительству отъѣздъ въ Москву. А потомъ его высокографское сіятельство то дѣло препоручить изволилъ его высокопревосходительству Льву Александровичу Нарышкину; только и его высокопревосходительство объявить мнѣ изволилъ, что-де онъ посылать изволилъ напередъ господина маіора Языкова, вторично господина полковника Закревскаго, а потомъ и самъ... быть имѣлъ, только-де въ домѣ его, Володимерова, не найдено. Изъ чего заключаю себѣ надмѣрное содержаніе, что по своему несчастію того начатаго дѣла свершеніе порядочнымъ образомъ, невѣдомо для чего, не послѣдовало. А и лишаюсь какъ торговаго промыслу, а всего нужняе—и къ заготовленію товаровъ удобное (время) наближается, а отъ такого напраснаго промедленія и впредь послѣдуетъ упущеніе".

Такимъ образомъ, всѣ усилія благодѣтелей и милостивцевъ Чупятова не могли побѣдить упорства и уклончивости Володимирова. Но при всемъ томъ, Василій Анисимовичъ не хотѣлъ еще считать свое дѣло проиграннымъ и рѣшился войдти съ формальнымъ прошеніемъ „въ коммерцъ-коллегію къ прокурорскимъ дѣламъ". Въ этомъ прошеніи онъ подробно разсказываетъ вышеизложенный

ходъ сватовства и затѣмъ заключаетъ свое ходатайство слѣдующими доводами:

„А какъ же то мнѣ довольно вѣстимо, что объявленная невѣста къ сочетанію со мной законнымъ бракомъ большое склоненіе имѣетъ, да и семейство его, господина Володимерова, состоитъ въ крайнемъ одиначествѣ, потому что ни отца, ни брата, а имѣетъ сына, который минувшаго мѣсяца рожденъ, а дочь отъ семилѣтняго возраста; а отецъ его, господинъ Володимеровъ, съ помощію Божіею и счастіемъ ея императорскаго величества къ прославленію россійскаго купечества присовокупилъ капиталъ знатной и въ торгахъ имѣетъ дѣло во всѣхъ европейскихъ государствахъ, отъ котораго какъ ему, такъ и государству, составляется со обогащеніемъ слава, а въ таковыхъ капиталахъ во всей Европѣ обычайно бываетъ на конторахъ изъ купцовъ, для теченія непрерывной коммуникаціи, человѣка по два и по три, — чѣмъ больше, тѣмъ надежнѣе продолжаютъ торги и промыслы, а дочерей своихъ обычайно и отдаютъ не за богатыхъ людей, такожъ за кассейровъ и букгалтеровъ какъ на своей и посторонней конторахъ, по усмотрѣнію надежности, имѣютъ себѣ за товарищей, чѣмъ тѣ конторы силу и дѣйствіе имѣютъ нѣсколько сотъ лѣтъ непоколебимо и непрерывно. А если жь по власти Божіей, его, господина Володимерова, не станетъ, то всеконечно сказать можно, и всѣ его дѣйствія нарушатся, да и въ коммерціи можетъ быть конечная остановка, потому какъ то онъ, Володимеровъ, обыкновенно во время ярмонки при закупкѣ товаровъ иностраннымъ людямъ дастъ по курсусу полученіемъ отъ корисподентовъ въ Амстердами и другихъ государствахъ часто временно тысячъ по пятисотъ и болѣе, а если жь такое дѣйствіе пресѣчется, то всеконечно сказать можно, приходящіе корабли учинятъ во исправности дѣйствія всекрайнюю остановку, и ожидаемые тому жь послѣдуютъ. А въ случаѣ жь и кончины

можетъ, къ поправленію его теченія, не ласкаясь какой корысти, заступить и зять его. А если жь отдать за богатаго, то, ища покою, обычайно стараются доставить чины и покупать вотчины и тѣмъ торги свои пресѣкаютъ, какъ то и нынѣ зять его, тульской купецъ Лпвенцовъ, по богатству своему въ большой промыселъ не входитъ, да и совсѣмъ, какъ есть небезызвѣстно, пресѣчь желаетъ. А когда отдать за благороднаго, то безъ сумнѣнія сказать можно, что всякой поищетъ указной части и доведетъ его до приказнаго порядка, чѣмъ можетъ лишить его торговаго промыслу. А въ разсудкѣ сказать и то можно, что изъ купца можетъ быть статской и военной, а изъ тѣхъ чиновъ уже купеческой должности понесть не можетъ. А во избѣжаніе онаго и въ сохраненіе коммерціи, дабы оная отъ силы въ силу приходить могла, а не соизволено ль разсмотрѣть и приступить, разобравъ полезныя качествы, какъ то и выше значитъ, за бывшимъ сговоромъ почитать въ рѣшеніи; только безъ сильной на то руки окончить способа не предвидится. Къ тому жь и сего молчанію предать не можно, что мысль царева — мысль Божія, повелѣніе царево—повелѣніе Божіе, и царское слово временно не бываетъ".

Коммерцъ-коллегія, разумѣется, не вошла въ разсмотрѣніе такой странной просьбы, и Чупятову оставалось только склониться предъ волею судьбы. Тутъ-то, вѣроятно, онъ, не имѣя возможности выполнить свои торговыя обязательства, тѣснимый кредиторами, и объявилъ себя „банкротомъ"—какъ увѣряли нѣкоторые—притворно. Затѣмъ, „избѣгая непріятностей на своихъ вѣрителей", разсказываетъ Державинъ,—„онъ представился помѣшаннымъ и повѣсилъ на себя разноцвѣтныхъ лентъ и медалей, присланныхъ къ нему будто бы влюбленною въ него марокскою принцессою"[1]).

---

[1]) Сочиненія Державина, 1-е акад. изданіе, т. I, стр. 627.

Молва о брачныхъ планахъ Василія Чупятова скоро распространилась по Петербургу. Въ Запискахъ Порошина подъ 19-мъ и 20-мъ апрѣля 1765 года отмѣчено, что онъ читалъ письмо Чупятова великому князю, графамъ З. Гр. Чернышеву и Н. И. Панину и отцу Платону. „Много смѣялись", прибавляетъ авторъ дневника [1]). Когда же Чупятовъ сталъ сумасбродствовать, то сдѣлался предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ въ петербургскомъ обществѣ: къ нему присылали по почтѣ ленты и грамоты будто бы на пожалованные ему ордена; иные писали къ нему и просили, чтобъ онъ оказалъ имъ свое покровительство, когда взойдетъ на марокскій престолъ, котораго состоитъ наслѣдникомъ. Чупятовъ не замѣчалъ однако глумленія и даже „утѣшался" присылками.

Въ такомъ состояніи Чупятовъ прожилъ долго. С. Н. Глинка, учившійся въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ въ концѣ 1780-хъ и въ началѣ 1790-хъ годовъ, еще видалъ его въ корпусномъ саду. „Онъ былъ", разсказываетъ Глинка,—„высокаго роста, во французскомъ кафтанѣ и съ мишурными знаками. Болѣе всего удивляла меня его скромность: онъ шелъ тихо и очень вѣжливо намъ кланялся, такъ что мы безъ улыбки платили ему взаимнымъ поклономъ" [2]).

Говорятъ, что Чупятовъ умеръ въ 1792 году и былъ похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ [3]); но теперь уже нельзя найдти его могилу.

---

[1]) Семена Порошина Записки, стр. 308 и 309.

[2]) Изъ записокъ С. Н. Глинки, Русскій Вѣстникъ 1866 г., № 2, стр. 677.

[3]) Биржевыя Вѣдомости 1873 г., № 272. О Чупятовѣ есть еще замѣтка въ Сѣверной Пчелѣ 1860 г. № 1, но эта статейка принадлежитъ лицу, котораго разсказы не отличаются достовѣрностью.

НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ

ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

Библіографическія примѣчанія на книгу: Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библіографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ А. Н. Неустроевымъ. С.-Петербургъ. 1874.

I.

Изученіе старой русской журналистики началось довольно давно; еще В. С. Сопиковъ занесъ въ свой драгоцѣнный „Опытъ россійской библіографіи“ (С.-Пб. 1813—1821) заглавія большей части нашихъ періодическихъ изданій, выходившихъ въ свѣтъ до 1812 года; затѣмъ, въ 1822 году, извѣстный библіографъ В. Г. Анастасевичъ помѣстилъ въ Новостяхъ Литературы (кн. 3-я и 4-я) „Краткое извѣстіе о всѣхъ съ 1707 по 1823 годъ выходившихъ въ Россіи повременныхъ изданіяхъ и вѣдомостяхъ“, а шесть лѣтъ спустя, Н. А. Полевой, подъ псевдонимомъ Литературнаго Сыщика, напечаталъ въ Московскомъ Телеграфѣ (ч. XVIII) „Обозрѣніе русскихъ газетъ и журналовъ, съ самаго ихъ начала до 1828 года“, нѣчто въ родѣ опыта исторіи русской журналистики, вызвавшее въ томъ же журналѣ (ч. XXIV)

обширныя дополненія со стороны С. Д. Полторацкаго. Наконецъ, въ 1828 же году, въ составленной Анастасевичемъ Смирдинской „Росписи“, появился опять списокъ русскихъ періодическихъ изданій, уже соображенный съ предшествовавшими работами и провѣренный по экземплярамъ Смирдинской библіотеки. Но и этотъ списокъ, какъ всѣ прежніе, былъ неполонъ и неточенъ; дѣло въ томъ, что Сопиковъ хоть и привелъ въ своемъ „Опытѣ“ заглавія почти всѣхъ русскихъ журналовъ, газетъ и другихъ повременныхъ сборниковъ до 1812 года, но не всегда отмѣчалъ, что то были изданія періодическія: эта ошибка, дѣлавшая указанія Сопикова неполными, въ „Росписи“ Смирдина была исправлена только отчасти [1]).

Въ такомъ неудовлетворительномъ положеніи библіографія русскихъ періодическихъ изданій оставалась однако долгое время, и вышеупомянутые списки исправлялись и дополнялись лишь по частямъ, въ особыхъ изслѣдованіяхъ и статьяхъ о томъ или другомъ журналѣ. Статьи и замѣтки объ отдѣльныхъ газетахъ и журналахъ прежняго времени начали появляться еще въ десятыхъ годахъ: то были свѣдѣнія о первоначальныхъ русскихъ вѣдомостяхъ, которыя и послѣ того долгое время служили для нашихъ библіографовъ предметомъ полемики; полемика эта прекратилась только въ 1855 году, когда Императорская Публичная Библіотека напечатала вторымъ тисненіемъ „Первыя Русскія Вѣдомости“, выходившія въ Москвѣ въ 1703 году [2]). Затѣмъ, въ теченіе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, появилось нѣсколько статей о разныхъ старыхъ журналахъ—М. Н. Макарова,

---

[1]) Примѣры такихъ неточныхъ указаній приведены въ Библіографич. Запискахъ М. Н. Лонгинова, въ Современникѣ 1856 года, № 6, § IX.

[2]) Въ предисловіи къ этому изданію указаны статьи, относящіяся къ означенной полемикѣ. Въ 1857 г. академикъ Гамель пытался было возобновить послѣднюю, но безъ достаточныхъ основаній (Наука и литература при Петрѣ Великомъ, П. Пекарскаго, II, 88).

статей, исполненныхъ всякаго рода ошибокъ и свѣдѣній болѣе чѣмъ сомнительныхъ, и наконецъ, только съ пятидесятыхъ годовъ началась основательная научная разработка исторіи русской журналистики. Благодаря трудамъ А. Н. Афанасьева, М. Н. Лонгинова, П. П. Пекарскаго и другихъ, нѣкоторые эпизоды въ исторіи нашей журналистики освѣщены съ достаточною ясностью; но и эти обстоятельные труды не могли восполнить того недостатка точныхъ общихъ свѣдѣній о всей массѣ русскихъ періодическихъ изданій, который замѣтно чувствовался въ нашей библіографіи. Пробѣлъ этотъ восполненъ лишь обширнымъ „Историческимъ Розысканіемъ" А. Н. Неустроева.

Въ книгѣ г. Неустроева русская литература пріобрѣла полное и подробное описаніе нашихъ повременныхъ изданій XVIII столѣтія. Содержаніе труда и порядокъ изложенія въ немъ слѣдующій: Послѣ введенія, въ которомъ авторъ говоритъ о планѣ своей работы и объ условіяхъ ея выполненія, а также дѣлаетъ хронологическій обзоръ развитія русской журналистики, и послѣ алфавитнаго указателя именъ редакторовъ, издателей и сотрудниковъ журналовъ, начинается самое описаніе изданій; при этомъ относительно каждаго періодическаго изданія сперва сообщаются общіе библіографическіе признаки, то-есть, его полное заглавіе, форматъ, мѣсто и время его появленія въ свѣтъ и число страницъ въ каждой его части; затѣмъ излагаются свѣдѣнія о редакторѣ изданія, исчисляются его сотрудники, приводятся цѣликомъ или въ извлеченіи программа изданія и вводная или заключительная къ нему статья (если таковыя были въ свое время публикованы въ самомъ журналѣ или въ современныхъ ему вѣдомостяхъ), и предлагаются иногда замѣтки о характерѣ и направленіи изданія; статья о каждомъ журналѣ заключается подробнымъ перечнемъ помѣщенныхъ въ немъ статей, изложеннымъ въ формѣ оглавленія

каждой части или каждаго нумера описываемаго изданія, съ обозначеніемъ страницъ каждой статьи и, по возможности, именъ авторовъ. Эта форма—полнаго воспроизведенія оглавленія каждой части или нумера журнала—выгодно отличаетъ описанія г. Неустроева отъ всѣхъ другихъ нашихъ библіографическихъ указателей къ періодическимъ изданіямъ прежняго времени.

Кромѣ названныхъ выше списковъ періодическихъ изданій и статей объ отдѣльныхъ журналахъ, библіографія наша еще съ начала сороковыхъ годовъ стала обогащаться указателями къ повременнымъ изданіямъ. Цѣль этихъ указателей была чисто практическая — привести въ извѣстность весь тотъ запасъ учено-литературнаго матеріала, который имѣется въ нашихъ журналахъ прежнихъ лѣтъ и не былъ перепечатанъ въ отдѣльныхъ книгахъ. Наиболѣе старое изъ такихъ предпріятій есть: Опытъ алфавитнаго указателя къ русскимъ періодическимъ изданіямъ, составленный Иваномъ Быстровымъ. Часть историческая. Выпускъ первый. С.-Пб. 1841. Въ этомъ указателѣ сообщены свѣдѣнія о статьяхъ по исторіи и географіи со вспомогательными науками, помѣщенныхъ въ двадцати-двухъ разныхъ изданіяхъ, изъ которыхъ наиболѣе раннее относится къ 1759, а самое позднее—къ 1831 году; статьи исчислены въ алфавитномъ порядкѣ, при чемъ въ алфавитъ внесено главное слово изъ заглавія каждой статьи; нѣкоторыя мелкія статьи внесены въ алфавитъ цѣлыми группами подъ общими названіями, которыя даны уже самимъ составителемъ; такова, напримѣръ, рубрика: древности, куда вошли разныя извѣстія объ археологическихъ находкахъ и т. п. Вся историческая часть указателя должна была состоять изъ восьми или десяти выпусковъ; во второмъ выпускѣ предполагалось исчислить статьи шестнадцати журналовъ, въ третьемъ — еще восьми, особенно многотомныхъ. У составителя еще въ 1837 году было заготовлено до 117,000

карточекъ[1]); но въ свѣтъ вышелъ только выпускъ первый. Трудъ этотъ, безъ сомнѣнія, не безполезный даже до сихъ поръ, имѣетъ однако два существенные недостатка: вопервыхъ, онъ относится лишь къ небольшому числу журналовъ, случайно взятыхъ на протяженіи 72 лѣтъ, и такимъ образомъ не исчерпываетъ всей журнальной дѣятельности за какой-либо опредѣленный, хотя бы краткій періодъ времени, и вовторыхъ, въ „Указателѣ" этомъ встрѣчаются значительные пропуски.

Вторая подобная попытка была предпринята академикомъ В. П. Всеволодовымъ: онъ издалъ въ 1857 году Азбучный указатель русской повременной словесности съ 1735 по 1857 годъ. И здѣсь въ основаніе работы положена та же система, что̀ въ „Указателѣ" Быстрова, но съ тою разницею, что Всеволодовъ отмѣчалъ статьи не по одной исторіи, а по всѣмъ отраслямъ наукъ, и притомъ сразу изъ всѣхъ періодическихъ изданій, которыя были ему извѣстны. „Указатель" этотъ также не былъ доведенъ до конца: онъ остановился на первомъ выпускѣ, оканчивающемся словомъ: Базальтовыя горы. Недостатки его тѣ же, что̀ и въ трудѣ Быстрова, но у Всеволодова они еще крупнѣе: задавшись цѣлью исчислить статьи всѣхъ журналовъ, онъ не внесъ однако въ свой трудъ весьма многихъ періодическихъ изданій, и притомъ такихъ, которыя не составляютъ библіографической рѣдкости, но весьма богаты научнымъ матеріаломъ; далѣе, въ описи тѣхъ изданій, которыя были у него подъ рукой, онъ сдѣлалъ много пропусковъ; наконецъ, указатель Всеволодова, затѣянный на широкихъ основаніяхъ, остановился, едва переступивъ первую букву алфавита, тогда какъ трудъ Быстрова, посвященный однимъ историческимъ наукамъ, все-таки далъ нѣкоторыя свѣдѣнія о содержаніи двадцати-двухъ журналовъ.

---

[1]) Такъ сообщалъ самъ Быстровъ въ своихъ „Запискахъ объ И. А. Криловѣ." (Сѣв. Пчела 1846 г., № 62).

Отдавая справедливость усердію обоихъ названныхъ тружениковъ, нельзя однако не сказать, что алфавитная система, положенная въ основу ихъ работъ, была не вполнѣ цѣлесообразна въ томъ дѣлѣ, которое они предпринимали. Можно допустить выгоды алфавитнаго порядка въ перечнѣ собственныхъ именъ, встрѣчаемыхъ въ заглавіяхъ журнальныхъ статей; но трудно признать удобства алфавитнаго расположенія названій предметныхъ, которыя попадаются въ этихъ заглавіяхъ: нерѣдко заглавіе статьи состоитъ изъ нѣсколькихъ словъ или предметныхъ названій, и потому возникаетъ вопросъ: всегда ли составитель указателя выбиралъ и вносилъ въ алфавитъ главнѣйшее изъ этихъ словъ, наиболѣе точно опредѣляющее содержаніе статьи? Притомъ въ нашихъ старыхъ журналахъ, какъ вообще въ нашей старой литературѣ, научная терминологія неточна, а въ такомъ случаѣ и пріискиваніе статей подъ неточными терминами, нерѣдко притомъ вышедшими изъ употребленія, не представляетъ удобства для современнаго читателя. Отсюда, естественно, является мысль—замѣнить въ указателѣ алфавитное расположеніе указаній на журналы распредѣленіемъ систематическимъ по разнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній. Такъ и сдѣлано въ третьемъ, извѣстномъ намъ, опытѣ привести въ извѣстность учено-литературный матеріалъ нашей старой журналистики. Мы разумѣемъ „Указатель къ русскимъ періодическимъ изданіямъ съ 1703 по 1769 годъ“, напечатанный въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1859 года, кн. 8-я (ч. XXXV). Почтенный трудъ этотъ принадлежитъ Е. К. Огородникову. Въ него вошли статьи по всѣмъ отраслямъ знаній, и притомъ изъ всѣхъ почти повременныхъ изданій того періода, къ которому указатель относится, въ томъ числѣ изъ Вѣдомостей С.-Петербургскихъ и Московскихъ. Заглавія статей приводятся цѣликомъ; изъ перечня исключены статьи по изящной словесности и по философіи;

по всѣмъ другимъ отраслямъ знанія статьи исчислены въ систематическомъ порядкѣ, быть можетъ, не вполнѣ строгомъ, но удобномъ для пользованія. Въ перечисленіи статей, къ сожалѣнію, встрѣчаются пропуски.

Таковы были тѣ немногія попытки привести въ извѣстность содержаніе нашей старой журнальной литературы, которыя предшествовали труду г. Неустроева. Всѣ онѣ имѣли исключительно практическую цѣль — служить пособіемъ при пользованіи старыми журналами. Г. Неустроевъ сообщилъ своему труду болѣе научный характеръ: онъ не только дѣлалъ указанія на старые журналы, но описалъ ихъ — если не совсѣмъ, то почти такъ, какъ описываются библіографическія рѣдкости и старопечатныя книги. Выгода этого способа состоитъ въ томъ, что его описаніе передаетъ составъ каждой книжки журнала, распредѣленіе въ ней статей, такъ сказать, физіономію ея. Каждое періодическое изданіе постепенно проходитъ передъ глазами читателя съ начала до конца, и притомъ такъ, что онъ можетъ прослѣдить по заглавіямъ статей всѣ измѣненія, которыя совершались въ содержаніи журнала и въ составѣ его сотрудниковъ: вся жизнь журналовъ, по крайней мѣрѣ внѣшняя, возстаетъ передъ читателемъ, хотя самаго журнала у него и нѣтъ подъ руками. Понятно, что этотъ способъ ознакомленія съ явленіями старой журналистики наиболѣе плодотворенъ для цѣлей историко-литературныхъ. А если принять въ разчетъ, что вмѣстѣ съ полными оглавленіями журналовъ г. Неустроевъ сообщаетъ и выдержки изъ заявленій редакторовъ объ ихъ цѣляхъ и намѣреніяхъ, то можно сказать, что трудомъ г. Неустроева кладется настоящая и прочная основа для исторіи русской періодической печати. Правда, для надобностей практическихъ, для справокъ — въ какомъ нумерѣ журнала напечатана та или другая статья, или въ какомъ изданіи есть вообще статьи по тому или другому предмету, книга г. Неустроева

неудобна; но чтобъ удовлетворить этой потребности, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, почтенный составитель „Историческаго Розысканія“ приготовилъ къ печати алфавитный систематическій указатель всѣхъ именъ и предметовъ, встрѣчающихся въ изданной имъ книгѣ; съ выходомъ въ свѣтъ такого указателя должно устраниться и то затрудненіе, на которое можно справедливо сѣтовать въ настоящее время [1]). Во всякомъ случаѣ, давъ внѣшнюю исторію и описаніе русскихъ журналовъ за все XVIII столѣтіе, г. Неустроевъ сдѣлалъ важное и полезное дѣло — открылъ возможность правильной разработки внутренней ея исторіи, которая уяснитъ существенный характеръ и направленіе періодическихъ изданій и укажетъ на взаимныя отношенія между ними и современнымъ имъ обществомъ [2]). Прибавимъ къ этому, что г. Неустроевъ велъ свою работу съ настойчивостью и энергіей истинно замѣчательными: полнаго собранія періодическихъ изданій нѣтъ ни въ одномъ нашемъ книгохранилищѣ ни общественномъ, ни частномъ; поэтому для розысканія наиболѣе рѣдкихъ изданій г. Неустроеву приходилось обращаться въ различныя библіотеки и къ различнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и иногороднымъ. Благодаря такимъ усиліямъ, въ книгѣ его имѣются только самые незначительные пробѣлы относительно двухъ-трехъ нумеровъ весьма немногихъ изданій.

---

[1]) Небольшая часть этого указателя (листы 1-й, 2-й, 4-й, 5-й и 6-й) напечатана г. Неустроевымъ въ журналѣ Древняя и Новая Россія 1880—1881 гг., тт. 18 и 19. Печатаніе дальнѣйшихъ листовъ остановилось вслѣдствіе прекращенія названнаго журнала.

[2]) Какъ необходимо тщательно библіографически изучить русскіе журналы, прежде чѣмъ обсуждать ихъ направленіе и культурное значеніе, видно изъ изслѣдованія А. Н. Незеленова: Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг. С.-Пб. 1875. Въ этомъ, впрочемъ, весьма почтенномъ, трудѣ слишкомъ мало обращено вниманія на вопросы библіографическіе, и вслѣдствіе того, многіе выводы автора не выдерживаютъ критики.

II.

Описанію журналовъ въ книгѣ г. Неустроева предшествуетъ, подъ заглавіемъ „Нѣсколько предварительныхъ словъ", довольно пространное введеніе, въ которомъ авторъ, кромѣ объясненій о цѣли своего труда и о свойствѣ другихъ подобныхъ предпріятій въ нашей библіографіи, говоритъ о происхожденіи русской періодической литературы и затѣмъ предлагаетъ хронологическій перечень русскихъ періодическихъ изданій XVIII вѣка. По нашему мнѣнію, этотъ послѣдній перечень съ удобствомъ могъ бы быть замѣненъ синхронистическою таблицей русскихъ журналовъ прошлаго столѣтія: изъ такой таблицы можно было бы ясно видѣть не только время появленія изданій, какъ это видно изъ перечня, сдѣланнаго г. Неустроевымъ, но и время ихъ прекращенія, а главное — легко было бъ усмотрѣть, какія изданія выходили въ свѣтъ одновременно. Что же касается свѣдѣній о началѣ нашей періодической литературы, то вопросъ этотъ, кажется намъ, заслуживалъ бы болѣе тщательной разработки.

Начало нашей журналистики обыкновенно возводятъ къ появленію такъ-называемыхъ курантовъ, то-есть, рукописныхъ извлеченій изъ иностранныхъ газетъ, которыя съ начала 1620-хъ годовъ стали составляться въ посольскомъ приказѣ для свѣдѣнія царя и ближайшихъ къ нему лицъ. Такое мнѣніе было высказано впервые почти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ А. Я. Булгаковымъ (въ статьѣ: „Отвѣтъ на библіографическій вопросъ", Московскій Телеграфъ 1827 г., ч. XVI) и затѣмъ неоднократно повторяемо въ разныхъ сочиненіяхъ. Г. Неустроевъ, съ своей стороны, также ограничивается почти дословнымъ повтореніемъ этого мнѣнія и къ даннымъ Булгакова не присоединяетъ ни тѣхъ свѣдѣній объ исторіи курантовъ,

которыя сообщены въ предисловіи къ перепечаткѣ „Первыхъ Русскихъ Вѣдомостей“ (С.-Пб. 1855), ни даже указанія, что единственный образецъ этой рукописной газеты Московскаго двора изданъ въ Лѣтописяхъ занятій Археографической Коммиссіи (кн. IV: Куранты 1693 года). Но взглядъ, высказанный Булгаковымъ, можетъ быть принимаемъ только съ нѣкоторымъ ограниченіемъ; если, съ одной стороны, столбцы, которые писались переводчиками посольскаго приказа и считались въ свое время государственною тайной[1]), дѣйствительно содержали въ себѣ извѣстія о текущихъ политическихъ событіяхъ въ западной Европѣ, то съ другой — имъ недоставало существеннаго элемента журналистики, —публичности. Ужь если необходимо въ старинной русской литературѣ отыскивать какое-либо подобіе періодической печати — этой непрерывной лѣтописи и оцѣнки текущихъ событій,—то быть можетъ, не безъ основанія слѣдовало бы указать на наши многочисленные рукописные сборники: извѣстно, что многіе изъ нихъ составлялись по заранѣе опредѣленному плану, что составленіе ихъ было вызываемо иногда явленіями современной жизни, и что это послѣднее обстоятельство могло содѣйствовать размноженію списковъ со сборниковъ одного состава. Даже изъ XVIII вѣка, когда уже существовали печатныя русскія газеты, къ намъ дошло не мало повѣствованій, написанныхъ съ очевидною цѣлью распространенія въ тогдашней публикѣ такихъ извѣстій, которыя, по обстоятельствамъ времени, не могли быть оглашены въ печати; таковы, напримѣръ, извѣстное письмо о смерти царевича Алексѣя Петровича, приписанное А. И. Румянцову, письма о московскомъ бунтѣ во время чумы 1771 года, о казни Салтычихи, о на-

---

[1]) Первыя Русскія Вѣдомости, стр. 8; ср. Краткое извѣстіе о русской торговлѣ, какимъ образомъ она производилась чрезъ всю Россію въ 1674 году. Сочиненіе І. Ф. Кильбургера, переводъ Д. Языкова. С.-Пб. 1820, стр. 149.

водненіи въ Петербургѣ въ 1777 году и мн. др.[1]); такія повѣствованія, которымъ обыкновенно придавалась форма открытыхъ писемъ, и которыя напоминаютъ собою nouvelles à la main, столь распространенныя во Франціи во времена Людовиковъ XIV и XV[2]), служили обильнымъ матеріаломъ для современныхъ имъ сборниковъ; точно также распространялись среди публики въ копіяхъ и включались въ рукописные сборники различные документы оффиціальнаго происхожденія (напримѣръ, во второй половинѣ XVIII вѣка—нѣкоторыя письма Екатерины II къ государственнымъ дѣятелямъ ея времени и т. п.), реляціи о военныхъ дѣйствіяхъ и даже статьи

---

[1]) Письмо Румянцова въ т. VI Исторіи царствованія Петра В., Н. Г. Устрялова, а также въ рецензіи на этотъ томъ П. П. Пекарскаго въ Современникѣ 1859 г., т. LXXXII; письма о бунтѣ 1771 года въ статьѣ Н. К. Купріянова: Матеріалы для исторіи чумы въ Москвѣ, въ Русскомъ Словѣ 1860 г., № 11, и въ Памятникахъ Новой Русской Исторіи, т. III; письмо о Салтычихѣ въ Осьмнадцатомъ Вѣкѣ, изд. П. И. Бартенева, т. III; письмо о наводненіи въ Маякѣ 1842 г., кн. IV, смѣсь.

[2]) Nouvelles à la main—рукописныя газеты, появленіе которыхъ было вызвано во Франціи стѣсненнымъ положеніемъ печати; спросъ на нихъ былъ очень значителенъ и, вслѣдствіе того, изготовленіе ихъ правильно организовано; впослѣдствіи, нѣкоторыя nouvelles à la main образовали собою любопытные историческіе сборники, какъ напримѣръ, Mémoires sécrets de Bachaumont, относящійся ко второй половинѣ XVIII вѣка (см. Les Gazettes de Hollande et la presse clandestine au XVII-e et XVIII-e Siècles par Eugène Hatin, стр. 13 и сл.; его же, Histoire de la presse en France, I, 49 и сл.). Распространенный въ XVIII вѣкѣ обычай царственныхъ особъ и знатныхъ лицъ имѣть корреспондентовъ, преимущественно изъ Парижа, которые сообщали имъ о движеніи литературы въ этомъ центрѣ тогдашней европейской умственной жизни, ведетъ свое начало отъ тѣхъ же nouvelles à la main; таковы извѣстныя письма Лагарпа къ цесаревичу Павлу Петровичу и пр. Еще въ 1739 году одинъ французскій писатель, кавалеръ де-Муи (Mouhy; см. о немъ Ch. Monselet, Les Oubliés et les Dedaignés, I, p. 185), обращался къ президенту Петербургской Академіи Наукъ барону I. А. Корфу съ предложеніемъ доставлять рукописныя nouvelles à la main и даже прислалъ образецъ ихъ; но предложеніе не было принято (см. въ архивѣ конференціи Академіи, Einkommende Briefe 1739, №№ 43 и 55). Nouvelles à la main существовали и въ Англіи подъ названіемъ News-Letters, не смотря на бо́льшую, чѣмъ во Франціи, свободу печати (см. Hatin, Histoire, I, 50).

изъ печатныхъ газетъ и журналовъ. То же было отчасти и въ XVII вѣкѣ: и изъ этого времени сохранились рукописи, наполненныя исключительно статьями историческаго содержанія о событіяхъ недавней эпохи, напримѣръ, Смутнаго времени; точно также есть особые сборники, посвященные текущимъ явленіямъ церковной жизни, и особливо вопросамъ, возбужденнымъ расколомъ. Мало того: какъ въ XVIII столѣтіи сборники пополнялись изъ печатныхъ газетъ, такъ въ XVII самые куранты хотя и держались въ тайнѣ, но все-таки успѣли дать матеріалъ для современныхъ имъ сборниковъ, какъ это и замѣчено по нѣкоторымъ рукописямъ Публичной Библіотеки [1]).

Итакъ, въ старинной русской письменности можно дѣйствительно найдти нѣкоторые самостоятельные зачатки того, что̀ принято разумѣть подъ названіемъ періодической литературы. Но это мало относится къ курантамъ; что же касается сихъ послѣднихъ, то явленіе ихъ интересно не по отношенію къ позднѣйшей журналистикѣ, а само по себѣ — какъ свидѣтельство о потребности, для русскаго правительства XVII вѣка, знать теченіе событій въ западной Европѣ. Замѣчательно, что время появленія курантовъ въ Москвѣ отстоитъ весьма недалеко отъ эпохи основанія настоящихъ періодическихъ изданій на западѣ: начало нашихъ курантовъ относятъ къ третьему десятилѣтію XVII вѣка, а первая нѣмецкая газета, Frankfurter Oberpostamts-Zeitung, появилась въ 1615 году, первое англійское періодическое изданіе, Weekly News — въ 1622, и первое французское La Gazette — въ 1631 году; начало періодической печати въ Голландіи восходитъ приблизительно къ тому же времени: англійскія Weekly News 1622 года уже пользуются голландскими источниками [2]). На основаніи документовъ посольскаго

[1]) Первыя Русскія Вѣдомости, предисловіе, стр. 8; ср. П. Строева и К. Калайдовича Описаніе рукописей гр. Толстаго, отд. II, рукоп. № 151.
[2]) Cucheval-Clairgny. Histoire de la presse en Angleterre, p. 8.

приказа Булгаковъ составилъ списокъ иностранныхъ газетъ, получавшихся въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ; въ спискѣ этомъ съ 1631 по 1701 годъ насчитывается 43 изданія [1]), и притомъ надобно думать, что списокъ еще не полонъ, такъ какъ онъ распространяется не на всѣ годы подъ рядъ; но во всякомъ случаѣ такой перечень любопытенъ въ томъ отношеніи, что онъ указываетъ на источники нашихъ курантовъ; поэтому мы считаемъ весьма неточными слѣдующія слова г. Неустроева по поводу доставки иностранныхъ журналовъ въ Москву: „Не смотря на полученіе газетъ, составленіе курантовъ въ посольскомъ приказѣ все еще продолжалось"... (стр. XVIII). Оно и не могло не продолжаться, потому что для этой именно цѣли газеты выписывались [2]). Не имѣя постоянныхъ дипломатическихъ агентовъ при европейскихъ дворахъ, мо-

---

[1]) Собственно говоря, по 1701 г. включительно Булгаковъ поименовалъ 44 изданія — цифра эта принята и г. Неустроевымъ (см. стр. XVIII),—но въ списокъ свой онъ помѣстилъ одно изданіе не періодическое, а именно: Journal du Siège de Mastric, которое мы предпочли исключить. Изъ числа 43 изданій 10 выходили въ Генеральныхъ Штатахъ, 2 — въ Краковѣ, 2 — въ Парижѣ, 1 — въ Миланѣ, 1 — въ Ригѣ, а остальныя 27 — въ разныхъ городахъ Германіи; нѣкоторыя изъ газетъ, издававшихся въ Голландіи и Германіи, печатались по французски, всѣ прочія на національныхъ языкахъ тѣхъ странъ, гдѣ выходили въ свѣтъ; стало быть, въ московскомъ посольскомъ приказѣ въ XVII вѣкѣ были переводчики, знавшіе по нѣмецки, по голландски, по французски и по италіански. Котошихинъ (О Россіи въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, изданіе 2-е, стр. 71) также свидѣтельствуетъ съ своей стороны, что переводчики посольскаго приказа знали языки польскій, нѣмецкій, шведскій, латинскій, греческій, татарскій и др. При посольствѣ, отправленномъ въ Венецію въ 1656 г., переводчикомъ былъ природный русскій, знавшій по италіански (ср. Сухомлинова О языкознаніи въ древней Россіи, въ Запискахъ Академіи Наукъ по II-му отдѣленію, т. I, стр. 18).

[2]) Изъ извѣстій Ф.-Кильбургера (Краткое извѣстіе о русской торговлѣ, стр. 150) и другого, анонимнаго, но тоже иностраннаго автора, указаннаго Пекарскимъ (Наука и литература при Петрѣ Великомъ, I, 199 и II, 105), можно, пожалуй, заключить, что содержаніе газетъ передавалось царю Алексѣю Михайловичу изустно, а не письменно; но тутъ, очевидно, скрывается неточность выраженія.

сковское правительство не могло не дорожить извѣстіями газетъ, и потому, когда въ 1665 году заведена была иностранная почта, содержателю ея, голландцу фанъ-Сведену, было вмѣнено въ обязанность доставлять въ Москву каждыя двѣ недѣли иностранныя газеты, а менѣе чѣмъ десять лѣтъ спустя присылка ихъ сдѣлалась еженедѣльною [1]). Но, получая заграничныя періодическія изданія и составляя изъ нихъ извлеченія на русскомъ языкѣ въ томъ приказѣ, который вѣдалъ иностранныя сношенія, московское правительство дѣлало изъ газетныхъ извѣстій тайну. Напротивъ того, Петръ призналъ необходимымъ давать гласность получаемымъ извѣстіямъ „для объявленія Московскаго и окрестныхъ государствъ людямъ", и потому, основанныя на этой идеѣ, заведенныя имъ печатныя вѣдомости представляютъ существенное отличіе отъ старинныхъ рукописныхъ курантовъ Московскаго царскаго двора и могутъ быть приводимы только во внѣшнюю связь съ ними.

Вообще начало русской журналистики изложено авторомъ „Историческаго Розысканія" слишкомъ кратко и не имѣетъ въ его трудѣ должнаго освѣщенія. Смыслъ относящихся сюда фактовъ значительно разъяснился бы и для автора, и для читателей, еслибъ онъ сопоставилъ ихъ какъ съ другими культурными явленіями русской жизни XVII—XVIII вѣковъ, такъ и съ нѣкоторыми начальными явленіями журналистики западно-европейской. Мы указали уже на аналогію между нашими открытыми письмами XVIII вѣка и французскими nouvelles à la main. Приведемъ теперь нѣкоторыя другія черты въ томъ же родѣ. Историкъ нѣмецкой журналистики Р. Прутцъ справедливо замѣтилъ, что правильной организаціи газетнаго дѣла въ Германіи (въ началѣ XVII вѣка) предшествовало изданіе отдѣльныхъ извѣстій, „реляцій", о томъ или другомъ

[1]) Первыя Русскія Вѣдомости, стр. 6.

событіи, занимавшемъ общественное мнѣніе: такъ было еще въ концѣ XV вѣка, и въ числѣ первыхъ подобныхъ реляцій нѣкоторыя повѣствуютъ о великомъ событіи той эпохи—объ открытіи Америки, а также о дальней Московіи, вступившей въ ту пору въ дипломатическія сношенія съ западною Европой[1]). То же видимъ мы и въ Россіи: прежде чѣмъ заведены были въ 1703 году постоянныя Вѣдомости, началось печатаніе отдѣльныхъ реляцій и юрналовъ о ходѣ Великой Сѣверной войны и затѣмъ продолжалось на ряду съ изданіемъ Вѣдомостей; подобно тому, въ Германіи печатаніе отдѣльныхъ реляцій не прекращалось, не смотря на развитіе правильной журналистики[2]). Тотъ же Прутцъ указываетъ на связь между началомъ журналистики и началомъ почтовыхъ сношеній: первая нѣмецкая газета возникла во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, на одной изъ старѣйшихъ линій почтоваго сообщенія между Нидерландами и Вѣной; однимъ изъ первыхъ журналистовъ нѣмецкихъ былъ начальникъ имперскихъ почтъ[3]). Въ Москвѣ происходило нѣчто подобное: если доставленіе иностранныхъ газетъ входило въ кругъ важнѣйшихъ обязанностей перваго содержателя иностранной почты фанъ-Сведена, то преемникъ его по этой операціи, Петръ Марселисъ, уже прямо пожелалъ принимать участіе въ составленіи русскихъ курантовъ; по крайней мѣрѣ, есть извѣстіе, что переводчики посольскаго приказа жаловались царю Алексѣю Михайловичу, что Марселисъ прежде ихъ распечатываетъ газеты и назначаетъ мѣста для перевода, тогда какъ „они-де и безъ него знаютъ что̀ годно перевесть, что̀ негодно“[4]).

---

[1]) R. Prutz. Geschichte des Deutschen Journalismus, I, стр. 98 и сл.

[2]) „Юрналъ о взятіи Потебурга“ изданъ въ свѣтъ въ 1702 г.—ранѣе начала Вѣдомостей. О дальнѣйшихъ юрналахъ и реляціяхъ Петровскаго времени см. трудъ П. П. Пекарскаго: Наука и литература при Петрѣ Великомъ, ч. II.

[3]) R. Prutz. Geschichte des D. Journalismus, I, 91—92, 206—210.

[4]) Первыя Русскія Вѣдомости, стр. 7.

Въ половинѣ XVIII вѣка, едва основался въ 1755 году Московскій университетъ, какъ въ слѣдующемъ же году началось изданіе при немъ Московскихъ Вѣдомостей, не смотря на давнее уже существованіе Вѣдомостей С.-Петербургскихъ: очевидно, изданіе особой газеты въ Москвѣ было обусловлено тою же причиною, которая руководила правительствомъ при открытіи перваго высшаго свѣтскаго училища въ древней столицѣ, то-есть, центральностью ея положенія въ имперіи[1]).

Указаніе подобныхъ аналогій было бы весьма нелишнимъ въ трудѣ г. Неустроева; черты эти представляютъ не случайное сходство, а служатъ нѣкоторою характеристикой тѣхъ культурныхъ условій, среди коихъ слагалось вообще развитіе періодической литературы и газетнаго дѣла.

III.

Главная часть книги г. Неустроева, какъ уже сказано, состоитъ собственно въ описаніи старыхъ журналовъ. Предлагая массу данныхъ по библіографіи и внѣшней исторіи нашей періодической литературы прошлаго вѣка, она и съ нашей стороны можетъ вызвать только частныя замѣчанія. Представляемъ ихъ въ томъ же порядкѣ періодическихъ изданій, въ какомъ послѣднія описаны г. Неустроевымъ.

Санктпетербургскія Вѣдомости (начали выходить въ 1728 году). Параграфъ, посвященный г. Неустроевымъ

---

[1]) Должно замѣтить, что съ перваго же года существованія Московскихъ Вѣдомостей иностранныя извѣстія не перепечатывались въ нихъ изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, а составлялись самостоятельно; но остается неизвѣстнымъ, какимъ путемъ получались въ Москвѣ иностранныя газеты — чрезъ Петербургъ, или прямо изъ-за границы чрезъ Польшу.

этой газетѣ, которая издавалась отъ Академіи Наукъ, и которую не должно смѣшивать съ прежде выходившими—то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ—Вѣдомостями, не содержитъ въ себѣ полнаго перечня статей, въ ней помѣщенныхъ: такой перечень былъ бы слишкомъ великъ для размѣровъ „Историческаго Розысканія", да и не былъ бы достаточно цѣлесообразенъ; за то въ этомъ параграфѣ предлагаются краткія свѣдѣнія о началѣ и порядкѣ выхода академическаго изданія, и между прочимъ сообщается, что первымъ редакторомъ его былъ извѣстный Г.-Фр. Миллеръ. Фамиліи позднѣйшихъ редакторовъ г. Неустроевымъ однако не названы, а равно не приведены извѣстія о судьбѣ изданія, встрѣчающіяся даже въ печатныхъ источникахъ. Такъ, изъ составленной Пекарскимъ біографіи Миллера видно, что редакторство послѣдняго продолжалось только до половины 1730 года, и что при началѣ своемъ, по свидѣтельству самого Миллера, „эти Вѣдомости были встрѣчены съ великимъ одобреніемъ въ публикѣ: тогда сообщались тамъ изъ первыхъ рукъ важныя придворныя и государственныя извѣстія, которыхъ въ слѣдующихъ годахъ сообщалось менѣе" [1]). Мы не нашли нигдѣ свѣдѣній о непосредственномъ преемникѣ Миллера; но такъ какъ одновременно съ русскими Вѣдомостями Академія издавала и нѣмецкую газету (которую редактировали въ 1727 году академики Хр. Гроссъ и Бекенштейнъ, потомъ до 1734 года адъюнктъ Крамеръ, а послѣ него до 1736 года Таубертъ), то вѣроятно, составленіе русской заключалось главнымъ образомъ въ переводѣ съ нѣмецкой. По свѣдѣніямъ Пекарскаго, этимъ занимался съ 1733 года тотъ же Таубертъ, который былъ редакторомъ и нѣмецкаго изданія; въ 1736 году онъ передалъ свои обязанности по русской газетѣ въ чьи-то другія, неизвѣстныя намъ руки, а въ сороковыхъ годахъ опять возвратился къ тому

---

[1]) Исторія Академіи Наукъ П. П. Пекарскаго, I, 311.

же дѣлу, и въ 1748 году снова сдалъ его Штелину и Ломоносову[1]). При этомъ случаѣ редакція Вѣдомостей получила нѣкоторую организацію: выборка иностранныхъ извѣстій была возложена на Штелина, переводъ ихъ порученъ тремъ академическимъ переводчикамъ и одному студенту, а „править и послѣднюю оныхъ (Вѣдомостей) ревизію отправлять и надъ всѣмъ тѣмъ, что къ тому принадлежитъ, — трудъ нести г. профессору Ломоносову". Всей этой „вѣдомостной экспедиціи" дана была инструкція, любопытная тѣмъ, что въ ней опредѣляется взглядъ правительства на академическую газету и на обязанности редакціи[2]). Всесильный академическій совѣтникъ Шумахеръ не былъ однако доволенъ тѣмъ, какъ новые редакторы издавали Вѣдомости; онъ высказывалъ это неоднократно и въ 1749 году, подущаемый Тепловымъ, сдѣлалъ даже выговоръ Ломоносову за пропускъ отчества Ив. Ив. Шувалова въ извѣстіи о пожалованіи его камеръ-юнкеромъ[3]). Вообще редакторскія обязанности тяготили Ломоносова, и въ 1751 году онъ, подъ предлогомъ множества другихъ занятій, отказался отъ участія въ газетѣ, и ее въ третій разъ принялъ въ свое завѣдываніе Таубертъ[4]). Долго ли онъ сохранилъ за собою Вѣдомости, кто былъ его преемникомъ по ихъ изданію, и вообще какова была редакція Вѣдомостей во второй половинѣ XVIII вѣка, объ этомъ не имѣется полныхъ печатныхъ свѣдѣній: знаемъ только, что съ конца 1775

---

[1]) Исторія Академіи Наукъ, стр. 546, 642 и 647; Билярскій, Матеріалы для біографіи Ломоносова, 752. Въ теченіе 1742 г. адъюнктъ Штелинъ, находившійся вмѣстѣ съ дворомъ въ Москвѣ, сообщалъ въ С.-Петербургскія Вѣдомости „почти всякую почту" извѣстія о придворныхъ торжествахъ (Исторія Академіи Наукъ, I, 543); то же повторилось и въ 1744 году (тамъ же, 546).

[2]) Тамъ же, II, 395—396.

[3]) Тамъ же, стр. 420—422; ср. Матеріалы для біографіи Ломоносова, сост. Билярскимъ, стр. 135.

[4]) Исторія Академіи Наукъ, I, 647 и II, 480.

года по декабрь 1782 „главное смотрѣніе въ изданіи Санктпетербургскихъ Вѣдомостей“ имѣлъ Ип. Ѳ. Богдановичъ, авторъ „Душеньки“ [1]), а съ 1783 года по весну 1785 года—Я. Я. Штелинъ [2]). Болѣе подробныя свѣдѣнія, безъ сомнѣнія, могутъ быть найдены въ архивѣ Академіи Наукъ.

Примѣчанія къ Санктпетербургскимъ Вѣдомостямъ описаны г. Неустроевымъ въ двухъ параграфахъ, изъ которыхъ одинъ трактуетъ о Примѣчаніяхъ 1728 года, а другой—о Примѣчаніяхъ съ 1729 года по 1742 годъ. Дѣленіе это, причина коего не совсѣмъ для насъ понятна, не вредитъ, впрочемъ, обстоятельности замѣтокъ автора объ этомъ почтенномъ изданіи, первымъ редакторомъ котораго былъ Г.-Фр. Миллеръ. Какъ на дополненіе къ нимъ, укажемъ на обзоръ Примѣчаній 1728 года, сдѣланный г. Пятковскимъ въ его любопытномъ трудѣ: „Очерки изъ исторіи русской журналистики“ [3]), и на нѣкоторыя извѣстія, помѣщенныя въ „Исторіи Академіи Наукъ“ Пекарскаго [2]); изъ этого послѣдняго сочиненія видны, между прочимъ, заботы президента барона Корфа объ улучшеніи Примѣчаній. Вскорѣ по вступленіи на президентство Корфъ выразилъ желаніе, чтобы статьи, предназначенныя для помѣщенія въ Примѣчаніяхъ, предварительно разсматривались академиками in pleno, чтобы члены академіи сами писали статьи для этого изданія, и наконецъ, чтобы въ немъ появлялось болѣе свѣдѣній о текущихъ событіяхъ русскихъ. И дѣйствительно, съ половины 1730-хъ годовъ начинается нѣкоторое постепен-

[1]) Отеч. Записки, т. LXXXVII, отд. VII, стр. 195: Автобіографія Богдановича. Для исторіи отношеній редакціи академической газеты къ академикамъ замѣтимъ еще одинъ случай, изъ 1790 г., разсказанный М. И. Сухомлиновымъ въ Исторіи Россійской Академіи, II, 75.

[2]) Исторія Академіи Наукъ, II, 553.

[3]) См. сборникъ статей А. П. Пятковскаго: Изъ исторіи нашего общественнаго и литературнаго развитія. С.-Пб. 1888.

[4]) Исторія Академіи Наукъ, I, стр. 522—523.

ное измѣненіе въ Примѣчаніяхъ въ этомъ смыслѣ: русскія статьи становятся многочисленнѣе, хотя, по обстоятельствамъ времени, состоятъ исключительно изъ придворныхъ и военныхъ извѣстій; участіе академиковъ обнаруживается замѣтнѣе вслѣдствіе появленія многихъ дѣльныхъ статей научнаго содержанія, но популярно изложенныхъ. Книга г. Неустроева не даетъ яснаго понятія объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, такъ какъ, кромѣ общаго замѣчанія объ участіи въ Примѣчаніяхъ Миллера, Гмелина, Бекенштейна и Эйлера и двухъ переводчиковъ Ададурова и Тредіаковскаго (стр. 14), не сообщаетъ никакихъ ближайшихъ указаній на фамиліи сотрудниковъ. Между тѣмъ, изъ упомянутаго сочиненія Пекарскаго г. Неустроевъ могъ бы извлечь положительныя свѣдѣнія о томъ, какія именно статьи въ Примѣчаніяхъ написаны, спеціально для этого изданія, членами академіи Эйлеромъ, Крафтомъ, Вейтбрехтомъ, Винцгеймомъ, Юнкеромъ, Штелинымъ, Геллертомъ, Гейнзіусомъ, Бремомъ и Рихманомъ, а также узнать о сотрудничествѣ въ Примѣчаніяхъ адъюнктовъ Крамера, Ломоносова и Тауберта и переводчика Волчкова [1]).

Ежемѣсячныя Сочиненія. Исторію этого журнала г. Неустроевъ излагаетъ вкратцѣ по извѣстнымъ статьямъ о немъ Вл. Милютина и Пекарскаго. Мысль возобновить изданіе популярно-ученаго журнала при Академіи г. Неустроевъ справедливо приписываетъ не одному Миллеру, а также и Ломоносову, но, къ сожалѣнію, передаетъ дѣло

[1]) Исторія Академіи Наукъ, т. I: Эйлеръ—стр. 254, Крафтъ—стр. 465, Вейтбрехтъ — стр. 472, Винцгеймъ — стр. 479, Юнкеръ — стр. 485, Крамеръ — стр. 491, Штелинъ — стр. 543 и 555, Геллертъ — стр. 568, Гейнзіусъ — стр. 580, Бремъ — стр. 586, Рихманъ — стр. 598, Таубертъ и Волчковъ—стр. 642, Ломоносовъ—т. II, стр. 319 и 325. Напротивъ того, указаній на сотрудничество Бекенштейна и Гмелина у Пекарскаго не встрѣтилось, вопреки извѣстіямъ г. Неустроева. Нѣсколько новыхъ свѣдѣній по исторіи Вѣдомостей и Примѣчаній къ нимъ находится также въ Матеріалахъ для исторіи Имп. Академіи Наукъ, т. I—IV. С.-Пб. 1885—1887.

не совсѣмъ точно: „Въ мартѣ 1754 года, по вступленіи въ должность секретаря ученой конференціи Академіи", говоритъ г. Неустроевъ, — Миллеръ заявилъ конференціи свое предложеніе объ изданіи Ежемѣсячныхъ Сочиненій, и „предложеніе это Академіей было принято (при этомъ Академіей было взято во вниманіе и письмо Ломоносова къ Шувалову о возобновленіи Примѣчаній)" (стр. 47). Изъ документальныхъ извѣстій, сообщенныхъ Пекарскимъ и Билярскимъ, видно, что обстоятельства дѣла были иныя: не въ мартѣ, а только въ маѣ 1754 года Миллеръ былъ назначенъ конференцъ-секретаремъ; предложеніе объ изданіи академическаго журнала было внесено имъ не отъ своего имени, а прямо отъ лица президента, графа К. Г. Разумовскаго; наконецъ, о письмѣ Ломоносова вовсе не было рѣчи въ конференціи, или по крайней мѣрѣ, о томъ не сохранилось никакихъ современныхъ извѣстій [1]). Тѣмъ не менѣе, мысль о возобновленіи популярнаго періодическаго изданія при Академіи была высказана Ломоносовымъ дѣйствительно ранѣе, чѣмъ кѣмъ-либо другимъ: еще въ концѣ 1753 года И. И. Шуваловъ просилъ Ломоносова пріискать для него экземпляръ старыхъ академическихъ Примѣчаній, и это обстоятельство, а особливо тѣ затрудненія, которыя встрѣтило исполненіе порученія Шувалова, дали знаменитому ученому поводъ заявить вышеупомянутую мысль въ письмѣ къ своему покровителю, отъ 3-го января 1754 года [2]). Шуваловъ находился въ то время въ Москвѣ, вмѣстѣ съ дворомъ и, быть можетъ, тогда же сообщилъ эту идею графу К. Г. Разумовскому. По возвращеніи двора въ Петербургъ весною [3]) послѣдовало назначеніе Миллера на новую должность, и въ качествѣ секретаря Академіи онъ,

[1]) Исторія Академіи Наукъ, I, 369; Пекарскій, Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ, стр. 4.

[2]) Билярскій, Матеріалы для біографіи Ломоносова, стр. 250.

[3]) Семейство Разумовскихъ, А. А. Васильчикова, т. I, стр. 182.

22-го ноября 1754 года, внесъ въ конференцію, предложеніе президента объ изданіи при Академіи ученаго журнала. Мы, впрочемъ, не сомнѣваемся, что Миллеръ, нѣкогда, въ 1728 году, положившій основаніе Примѣчаніямъ, вполнѣ сочувствовалъ этому проекту, съ жадностью ухватился за него и охотно взялся быть его исполнителемъ; а это въ свою очередь, при извѣстной враждѣ между Миллеромъ и Ломоносовымъ, не могло не отразиться на судьбѣ предпріятія, возникшаго отчасти по инпціативѣ послѣдняго: Ломоносовъ не только не принялъ никакого участія въ журналѣ Миллера, но и не разъ высказывалъ о немъ придирчиво-строгія сужденія, а въ 1758 году даже предлагалъ Академіи, на ряду съ Ежемѣсячными Сочиненіями, основать другое періодическое изданіе: Санктпетербургскія Вѣдомости о дѣлахъ ученыхъ людей[1]). Очевидно, журналъ Миллера не удовлетворялъ его требованіямъ.

При опредѣленіи авторовъ анонимныхъ статей въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ г. Неустроевъ воспользовался вышеупомянутыми статьями Пекарскаго и Милютина; но, по сдѣланной нами провѣркѣ, указанія составителя „Розысканія“ оказались не всегда точными; приводимъ къ нимъ дополненія и поправки, основанныя, какъ на тѣхъ же статьяхъ, такъ и на другихъ источникахъ:

1755 годъ. Т. I, стр. 1: Роспись великимъ князьямъ Россійскимъ — статья не Миллера, а В. Н. Татищева

---

[1]) Билярскій, Матеріалы для біографіи Ломоносова, стр. 370—371. Пекарскій хотя и неоднократно возвращался въ своихъ трудахъ къ исторіи возникновенія Ежемѣсячныхъ Сочиненій, но излагаетъ это дѣло не безъ противорѣчій: въ особой, упомянутой выше статьѣ объ этомъ журналѣ (стр. 4) онъ говоритъ, что изданіе возникло по предложенію Разумовскаго, въ біографіи Миллера полагаетъ, что предпріятіе „затѣяно было исключительно однимъ Миллеромъ“ (Исторія Академіи Наукъ, I, 370), а въ біографіи Ломоносова припоминается его письмо къ Шувалову (тамъ же, II, 560).

(Милютинъ, ст. 2-я, стр. 164); стр. 139: Въ крайностяхъ терпѣніе пользуетъ — стихи В. К. Тредіаковскаго (Журн. Мин. Народн. Просв. 1876 г., № 8, статья А. Круглаго).—Т. II, стр. 370: О человѣческомъ милосердіи, переводъ съ англійскаго за подписью Б. И. Ч., принадлежитъ барону Ивану Ивановичу Черкасову (о немъ см. статью барона Ѳ. А. Бюлера: „Два эпизода изъ царствованія Екатерины II", Русск. Вѣстникъ 1870 г., № 1, стр. 22).

1757 годъ. Т. V, стр. 3: Переписка о коммерціи,— письмо V-е писано не Рычковымъ, а Миллеромъ (Исторія Академіи Наукъ, I, 411); стр. 365: Рѣчь Сенеки — переводъ Алексѣя Теплова (Пекарскій, Редакторъ и пр., стр. 48). — Т. VI, стр. 283: Идиллія „Нисса" — А. А. Нартова, а не Тредіаковскаго (Пекарскій, Редакторъ и пр., стр. 48).

1758 годъ. Т. VII, стр. 213: О скупости богатаго и о расточеніи убогаго, переводъ съ датскаго I. Б.—вѣроятно, Ивана Борисова, котораго переводы съ того же языка есть въ Трудолюбивой Пчелѣ 1759 года, какъ и указано въ книгѣ г. Неустроева, стр. 748 [1]); стр. 410 и 483: Письмо о земледѣльствѣ въ Казанской и Оренбургской губерніяхъ—не Миллера, а П. И. Рычкова (Пекарскій, Жизнь и литер. переписка П. И. Рычкова, стр. 109).

1760 годъ. Т. XI, стр. 3 и 99: О песочномъ золотѣ

---

[1]) Ив. Ант. Борисовъ былъ морякъ, и свѣдѣнія о немъ, между прочимъ, о пребываніи его въ Даніи и Норвегіи, есть въ Общемъ морскомъ спискѣ (С.-Пб. 1885), ч. II, стр. 52 — 53. Датскому языку въ то время учили въ Морскомъ корпусѣ (Веселаго. Очеркъ исторіи морск. кад. корпуса, стр. 146). Пекарскій, въ статьѣ о русскихъ мемуарахъ XVIII в. (Современникъ 1855 г., № 4, стр. 87) приписываетъ переводъ I. Б. съ датскаго въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ Ив. Ив. Бецкому, учившемуся въ Копенгагенѣ; но имѣя въ виду печатные переводы съ того же языка, сдѣланные Ив. Борисовымъ и напечатанные съ его полною фамиліей, мы предпочитаемъ усвоять ему и тотъ переводъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь.

въ Бухаріи—статья Миллера (Исторія Академіи Наукъ, I, 413).—Томъ XIV, стр. 449: Сибирь золотое дно — статья не Миллера, а Ѳ. И. Соймонова (Милютинъ, ст. 2-я, стр. 171; Пекарскій, Редакторъ и пр., стр. 56); окончаніе этой статьи въ 1764 году.

1761 годъ. Т. XIII, стр. 535. Размышленіе о земледѣліи, Якова Фагота — переводъ Василія Лебедева (Пекарскій, Редакторъ и проч., стр. 22).

1762 годъ. Т. XV, стр. 281: О приготовленіи льна въ Лифляндіи — статья Форбекрейтерна (Исторія Академіи Наукъ, I, 409).

1763 годъ. Т. XVII, стр. 321: О производствѣ табаку въ Малой Россіи—статья Г. Н. Теплова (Русск. Старина, 1870 г., т. II, стр. 196).—Т. XVIII, стр. 483: О рыбьемъ клеѣ—статья Миллера (Пекарскій, Жизнь П. И. Рычкова, стр. 96).

1764 годъ. Т. XIX, стр. 195, 291, 387 и 483. Главы VII-я и VIII-я Сибирской исторіи Миллера переведены Голубцовымъ (Исторія Академіи Наукъ, I, стр. 406). — Т. XX, стр. 3, 99, 291 и 387: Путешествіе китайскихъ посланниковъ—статья Россохина (Милютинъ, ст. 2-я, 164). Ему же слѣдуетъ приписать переводы съ китайскаго языка въ томъ же томѣ, стр. 516.

Московскія Вѣдомости. Параграфъ, посвященный этому изданію, какъ и параграфъ о Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ, разумѣется, не содержитъ въ себѣ перечня содержанія газеты за все время ея существованія. Г. Неустроевъ правильно ограничился замѣчаніями о ходѣ и развитіи этого изданія, извлекши свои свѣдѣнія преимущественно изъ „Исторіи Московскаго Университета", написанной С. П. Шевыревымъ; но къ сожалѣнію, его извлеченіе не исчерпываетъ этого источника. Такъ, напримѣръ, именуя первыхъ редакторовъ Вѣдомостей, г. Неустроевъ не обозначаетъ точно, сколько времени каждый изъ нихъ завѣдывалъ газетой,

а четвертаго редактора, Х. А. Чеботарева, преемника Веніаминову[1]), даже и вовсе забываетъ; точно также изъ позднѣйшихъ арендаторовъ газеты, въ концѣ XVIII вѣка, не всѣ поименованы, а равно не названы и первоначальные сотрудники Вѣдомостей, перечисленные Шевыревымъ. Не отмѣченъ тотъ фактъ, что газета должна была пріостановиться съ 22-го ноября 1771 года по 1-е января 1772 по случаю чумы; изъ моментовъ расширенія газеты указанъ только тотъ, когда она перешла въ завѣдываніе Новикова въ 1779 году; но газета удвоилась въ своемъ объемѣ еще съ 1776 года, при Чеботаревѣ. Любопытно было бы также указать нѣкоторыя данныя о ея успѣхѣ: еще въ 1759 году экземпляры газеты расходились всѣ до послѣдняго; но тогда ихъ печаталось не болѣе 600, а впослѣдствіи, при Новиковѣ, число подписчиковъ дошло до 4.000[2]). Замѣтимъ также, что, говоря о Московскихъ Вѣдомостяхъ, г. Неустроевъ долженъ былъ бы перечислить и тѣ статьи, которыя были посвящены ея исторіи; таковы: „О времени появленія Московскихъ Вѣдомостей“, барона М. А. Корфа — въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1857 г., т. XCV.—„О началѣ Московскихъ Вѣдомостей“—въ Моск. Вѣдом. 1851 г., № 26, и обширная статья В. Ѳ. Корша: „Столѣтіе Московскихъ Вѣдомостей“, помѣщенная въ этой газетѣ въ 1856 г. (№№ 1, 3, 12, 37, 67, 87, 101, 149 и 155) и содержащая въ себя очеркъ этой газеты за первыя десять лѣтъ ея существованія.

Праздное время, въ пользу употребленное. О происхожденіи этого журнала, выходившаго въ Петербургѣ въ 1759 и 1760 годахъ, г. Неустроевъ говоритъ слѣдующее: „Имя издателя (или издателей)—не извѣстно, но по всей вѣроятности, Праздное Время составля-

---

[1]) Біогр. словарь профессоровъ Московскаго университета, II, 543.
[2]) Исторія Моск. Университета, 58, 86, 162, 175, 184, 200, 211, 212 и 218.

лось и выходило изъ кружка, воспитывавшагося въ стѣнахъ шляхетскаго кадетскаго корпуса“ (стр. 71). Догадка эта на столько вѣрна, что г. Неустроевъ могъ бы заявить ее какъ положительное извѣстіе. Происхожденіе Празднаго Времени изъ Сухопутнаго кадетскаго корпуса, который въ Елисаветинское время былъ однимъ изъ главнѣйшихъ центровъ просвѣщенія въ Петербургѣ, доказывается не только тѣмъ, что изданіе печаталось въ типографіи, существовавшей при этомъ учрежденіи, но и слѣдующимъ вполнѣ опредѣленнымъ современнымъ свидѣтельствомъ академика Я. Я. Штелина: „Въ.... (1759) году явился изъ типографіи кадетскаго корпуса еженедѣльный листокъ, съ разными переводами съ нѣмецкаго и французскаго языковъ небольшихъ статей, переведенныхъ кадетами, которые упражнялись въ языкахъ. Намѣреніе было не дурно; но дурно то, если всякую бездѣлицу считаютъ достойною печати“ [1]). Нельзя только согласиться съ мнѣніемъ Штелина о совершенномъ ничтожествѣ изданія: г. Неустроевъ справедливо видитъ въ статьяхъ Празднаго Времени, которыя притомъ не всѣ были переводныя, зачатки сатирическаго направленія, широко развившагося въ позднѣйшей журналистикѣ. Этимъ Праздное Время замѣтно отличается отъ Ежемѣсячныхъ Сочиненій, съ ихъ по преимуществу ученымъ характеромъ, и сближается съ Трудолюбивою Пчелою, сатирическимъ журналомъ, который въ 1759 году издавалъ Сумароковъ. Но кромѣ того, въ Праздномъ Времени печаталось не мало статей нравоучительныхъ, а также переводныхъ повѣстей и стиховъ чувствительнаго содержанія. При такомъ своемъ составѣ Праздное Время скорѣе, чѣмъ другіе современныя ему изданія, можетъ быть названо прототипомъ русскихъ литературныхъ журналовъ до конца XVIII вѣка. Между статьями журнала

---

[1]) Матеріалы для исторіи русск. литературы П. А. Ефремова, стр. 166.

встрѣчаются въ значительномъ количествѣ переводы, и притомъ не только съ французскаго и нѣмецкаго, но и съ италіанскаго, англійскаго, датскаго, а также съ греческаго и латинскаго; г. Неустроевъ склоняется къ тому, что не всѣ статьи, помѣченныя переведенными, имѣютъ такое происхожденіе; но мы не имѣемъ повода къ подобному сомнѣнію: французскій, нѣмецкій и латинскій языки входили тогда въ кругъ корпуснаго образованія какъ предметы первостепенной важности; можно думать, что и италіанскій языкъ преподавался тамъ — по крайней мѣрѣ въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ [1]); итакъ, стало быть, переводы съ этихъ языковъ могли быть—и были дѣйствительно — трудомъ воспитанниковъ корпуса; что же касается переводовъ съ другихъ вышеназванныхъ языковъ, то они, по всей вѣроятности, принадлежатъ не кадетамъ, а другимъ лицамъ, всего вѣрнѣе—корпуснымъ учителямъ. Со временемъ, когда мы будемъ имѣть обстоятельную, основанную на архивныхъ документахъ, исторію Сухопутнаго шляхетнаго корпуса, когда будутъ напечатаны списки всѣхъ его питомцевъ и наставниковъ, и мы получимъ свѣдѣнія о составѣ того интелигентнаго кружка, который ютился здѣсь въ срединѣ прошлаго вѣка,— явится возможность опредѣлить всѣхъ сотрудниковъ Празднаго Времени, многія статьи котораго анонимныя или подписаны монограммою. Впрочемъ, и теперь есть возможность сдѣлать нѣкоторыя дополненія къ отмѣткамъ г. Неустроева. Такъ, мы не сомнѣваемся, что С. А. Порошину, выпущенному въ 1758 году и оставшемуся затѣмъ на службѣ при корпусѣ, принадлежатъ въ Праздномъ Времени не только подписанный его име-

---

[1]) Въ аттестатѣ, выданномъ А. П. Сумарокову при выходѣ его изъ корпуса въ 1740 г., значилось, что онъ имѣетъ начало въ италіанскомъ языкѣ (Карабановъ, Основаніе русск. театра, стр. 97); другой воспитанникъ корпуса, А. В. Олсуфьевъ, выпущенный въ 1759 году, извѣстенъ какъ переводчикъ съ того же языка; ср. далѣе о С. А. Порошинѣ.

немъ переводъ съ италіанскаго „Мечтательной игры объ Александрѣ“, но и другихъ заимствованныхъ съ этого языка статей, которыя тамъ напечатаны безъ всякой подписи. Далѣе, не раскрытыя г. Неустроевымъ подписи въ томъ же журналѣ: П. В. и П. П., безъ сомнѣнія, обозначають Петра Степановича Валуева и Петра Ивановича Пастухова. П. С. Валуевъ выпущенъ изъ корпуса въ 1762 году, но остался на службѣ при немъ въ качествѣ корпуснаго офицера; впослѣдствіи онъ достигъ высокихъ чиновъ и извѣстенъ былъ какъ составитель описанія Московской оружейной палаты и Коломенскаго дворца [1]). Что касается П. И. Пастухова, то онъ выпущенъ изъ корпуса въ 1761 году и также оставленъ при немъ; впослѣдствіи онъ былъ сенаторомъ и членомъ коммисіи о народныхъ училищахъ, гдѣ подъ его руководствомъ составлялись учебныя руководства [2]). Кромѣ этихъ сотрудниковъ Празднаго Времени, позволяемъ себѣ еще догадку, что помѣщенные въ этомъ изданіи переводы съ датскаго принадлежатъ тому же Ивану Борисову, который печаталъ свои переводы съ этого языка въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ и въ Трудолюбивой Пчелѣ. Наконецъ, переводы съ греческаго и англійскаго въ Праздномъ Времени можно съ нѣкоторою вѣроятностью приписать Лукѣ Ивановичу Сичкареву, какъ лицу, прикосновенному къ Сухопутному корпусу: учитель въ немъ съ 1762 года, онъ извѣстенъ былъ въ свое время какъ знатокъ многихъ языковъ и трудолюбивый переводчикъ [3]).

---

[1]) См. Словарь русск. свѣтск. писателей, митрополита Евгенія, изд. Снегирева, I, стр. 166; Сто-двадцати-пяти-лѣтній юбилей перваго кадетскаго корпуса (С.-Пб. 1857), стр. 28.

[2]) Сто-двадцати-пяти-лѣтній юбилей перваго кад. корпуса, стр. 28. Вороновъ, Ѳ. И. Янковичъ де-Миріево, стр. 90 и 141.

[3]) См. Словарь свѣтск. писателей митрополита Евгенія, изд. Погодина, II, 164—166.

Переходимъ теперь къ старѣйшимъ изъ тѣхъ журналовъ, которые, подобно петербургскому Праздному Времени, издавались въ Москвѣ, при не задолго предъ тѣмъ возникшемъ университетѣ. Журналы эти любопытны тѣмъ, что здѣсь впервые выступили въ печать многіе писатели, пріобрѣвшіе впослѣдствіи извѣстность и наполняющіе собою Екатерининскій періодъ въ нашей литературѣ. Въ виду этого обстоятельства, еще слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, покойный М. Н. Лонгиновъ обратилъ вниманіе на эти изданія и посвятилъ имъ особую статью въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1857 года, № 36, подъ заглавіемъ: „Малоизвѣстные московскіе журналы 1760—1764 годовъ". Статья эта, по видимому, осталась неизвѣстною г. Неустроеву. Съ своей стороны, къ его указаніямъ мы имѣемъ прибавить слѣдующее:

Полезное Увеселеніе, 1762 года. Въ т. I, стр. 195 и 227: статья „О стихотворствѣ, безъ подписи, принадлежитъ, по свидѣтельствамъ Новикова и Дмитревскаго, С. Г. Домашневу [1]); это—одинъ изъ первыхъ опытовъ изложенія свѣдѣній по исторіи и теоріи словесности на русскомъ языкѣ.

Свободные Часы, 1763 года. Помѣщенная здѣсь, на стр. 11, 131, 195 и 259, статья „Опытъ объ историкахъ", по свидѣтельству Дмитревскаго, также принадлежитъ Домашневу [2]).

Невинное Упражненіе, 1763 года. Издателемъ его г. Неустроевъ называетъ Ип. Ѳ. Богдановича, но по собственному свидѣтельству послѣдняго, онъ только „употребленъ былъ къ соучаствованію" въ этомъ журналѣ, выходившемъ въ свѣтъ „подъ покровительствомъ княгини Е. Р. Дашковой" [3]). Во всякомъ случаѣ, еслибы г. Не-

---

[1]) Ефремовъ, Матеріалы для исторіи русск. литературы, стр. 35 и 143.

[2]) Тамъ же, стр. 143.

[3]) Автобіографія И. Ѳ. Богдановича — Отеч. Записки 1853 г., т. LXXXVII, стр. 184.

устроевъ сличилъ журналъ съ сочиненіями Богдановича, хотя бы въ смирдинскомъ изданіи, онъ могъ бы точно отмѣтить, въ параграфѣ о Невинномъ Упражненіи, какія именно піесы принадлежатъ здѣсь перу этого автора. Что касается до самой княгини Дашковой, то сотрудничество ея въ этомъ журналѣ состояло не только— какъ говоритъ г. Неустроевъ — въ сообщеніи перевода статьи Вольтера объ эпической поэзіи, но и въ помѣщеніи нѣкоторыхъ стихотвореній, но какихъ именно — не извѣстно [1]). Быть можетъ, и обширный, помѣщенный въ этомъ журналѣ, переводъ изъ Гельвеція „Объ источникахъ страстей" также принадлежитъ Дашковой, которая, какъ извѣстно, зачитывалась въ молодости этимъ писателемъ.

Труды Вольнаго Экономическаго Общества. Не останавливаясь долго на этомъ спеціальномъ хозяйственномъ изданіи, замѣтимъ однако, что изъ сличенія указаній г. Неустроева со свѣдѣніями, сообщенными Пекарскимъ въ его біографіи П. И. Рычкова, двѣ статьи послѣдняго оказались упомянутыми въ „Розысканіи" безъ имени автора: это въ томѣ IV: „О размноженіи россійскаго червеца", и въ томѣ XXV: „О приготовленіи кожъ въ пищу".

Обращаемся къ одному изъ любопытнѣйшихъ явленій въ русской журналистикѣ XVIII вѣка, къ сатирическимъ журналамъ 1769 — 1774 годовъ. О нихъ, какъ извѣстно, писано довольно много; но не смотря на всѣ усилія, библіографическая сторона вопроса не можетъ считаться вполнѣ разработанною; это обнаруживается и въ трудѣ г. Неустроева. Ниже приводимыя дополненія къ нему основаны какъ на работахъ другихъ изслѣдователей, такъ и на нашихъ собственныхъ справкахъ.

Всякая Всячина 1769—1770 годовъ. Въ этомъ из-

---

[1]) Ефремовъ, Матеріалы, стр. 31 и 142.

данія г. Неустроевъ указалъ авторовъ только трехъ статей. Но подобныя указанія могутъ быть значительно расширены. Такъ, въ извѣстныхъ трудахъ Н. Н. Булича и А. Н. Аѳанасьева приводится свѣдѣніе, что письмо о комедіяхъ В. И. Лукина, написанное отъ имени какой-то дѣвицы, принадлежитъ А. В. Храповицкому [1]); подпись А. Л. въ Барышкѣ Всякой Всячины, стр. 475—480, г. Буличъ читаетъ: Аѳанасій Лобысевичъ [2]); г. Пыпинъ, въ своей монографіи о Лукинѣ, указываетъ во Всякой Всячинѣ рядъ статей А. О. Аблесимова, а именно: стр. 65: „Видя внутреннее стараніе...“; стр. 65: Притча; стр. 184: „Предъ страстною седмицей...“; стр. 187: Епиграммы; стр. 188: „Исполняя требованіе ваше...“; стр. 320: „Я имѣю сказать...“ [3]); по изслѣдованію Пекарскаго, письмо на стр. 276 — 280 — о томъ, есть ли правосудіе въ Россіи, за подписью: Патрикій Правдомысловъ, принадлежитъ императрицѣ Екатеринѣ [4]); наконецъ, три письма къ издателю Всякой Всячины: стр. 232: „Между всѣми пороками...“; стр. 240: „Не болѣе года“, и стр. 419: „Изданныя вами...“, изъ которыхъ послѣднее подписано П. Ф. Б., и въ немъ указывается, что и два первыя писаны тѣмъ же лицомъ, принадлежатъ, по нашему мнѣнію, Петру Ѳедоровичу Богдановичу [5]), воспитывавшемуся за границей и впослѣдствіи извѣстному участіемъ въ разныхъ журналахъ и многими литературными трудами, или же П. Ф. Бергу, который въ 70-хъ годахъ сотрудничалъ въ изданіяхъ Вольнаго

---

[1]) Буличъ, Сумароковъ и соврем. ему критика, стр. 255; Аѳанасьевъ, Русск. сатир. журналы, 83—84.

[2]) Тамъ же, 216.

[3]) Сочиненія Лукина и Ельчанинова, изд. Глазунова, статья А. Н. Пыпина о Лукинѣ, стр. XXXI и XXXVI.

[4]) Пекарскій, Матеріалы для исторіи журн. дѣятельности Екатерины II, стр. 2—4.

[5]) О П. О. Богдановичѣ у Евгенія, Словарь свѣтск. писателей, изд. Снегирева, I, 113.

Экономическаго Общества и занимался переводами, между прочимъ—Фильдинга [1]).

И то, и сіо, 1769 года. Сотрудники этого изданія также мало опредѣлены г. Неустроевымъ какъ и сотрудники Всякой Всячины; кромѣ самого издателя, М. Д. Чулкова, онъ называетъ только двухъ авторовъ, печатавшихъ свои сочиненія въ этомъ изданіи—М. Попова и С. Башилова; но если бы г. Неустроевъ сличилъ И то, и сіо съ сборникомъ сочиненій Попова: „Досуги" (С.-Пб. 1772, двѣ части), онъ могъ бы означить въ точности долю участія этого автора въ изданіи Чулкова. Что же касается Башилова, то вообще фактъ его сотрудничества въ И то, и сіо подлежитъ сомнѣнію: Новиковъ и Евгеній упоминаютъ о его участіи въ Ни то, ни сіо Рубана, а не въ журналѣ Чулкова [2]). Вмѣсто того укажемъ, что въ послѣднемъ есть произведенія А. П. Сумарокова, не отмѣченныя г. Неустроевымъ, а именно: въ недѣлѣ 5-й письмо къ А. В. (Храповицкому), въ недѣлѣ 6-й: „Противорѣчіе г. Примѣчаеву" (возраженіе на одну статью Всякой Всячины), „О всегдашней равности въ продажѣ товаровъ", эпиграмма и загадки [3]). Извѣстныя стихотворенія Чулкова: „На качели", „На масляницу" и др., помѣщенныя имъ въ своемъ изданіи, упомянуты г. Неустроевымъ также безъ означенія имени ихъ автора.

Ни то, ни сіо, 1769 года. Сейчасъ мы видѣли, что современныя свидѣтельства приписываютъ Башилову участіе въ этомъ журналѣ помѣщеніемъ въ немъ нѣсколькихъ „сатирическихъ писемъ". Такихъ писемъ оказывается въ журналѣ всего два, за подписью Неспускаловъ и Старажиловъ (стр. 34 и 79); всѣ прочія сатирическія

---

[1]) Каталогъ Смирдина, № 8,508.

[2]) Ефремовъ. Матеріалы, 14; Митроп. Евгеній. Словарь, изд. Снегирева, I, 68.

[3]) Сочиненія Сумарокова, изд. 2-е, т. IX, стр. 314—318; ср. Афанасьева Русск. сатир. журналы, 8.

статьи явнымъ образомъ исходятъ отъ самого издателя, а въ такомъ случаѣ только два помянутыя письма и могутъ быть приписаны Башилову. Прибавимъ еще, что одно небольшое письмо къ издателю Ни то, ни сіо, подписанное страннымъ псевдонимомъ Алалуй Емакъ и содержащее въ себѣ предложеніе сотрудничества со стороны этого лица (стр. 72), могло бы быть приписано Ѳ. А. Эмину по сходству фамиліи послѣдняго съ псевдонимомъ; этому не противорѣчило бы и то обстоятельство, что Эминъ издавалъ въ 1769 году свой особый сатирическій журналъ Адскую Почту: послѣдній начался въ іюлѣ, а письмо Алалуя Емака писано въ апрѣлѣ.

Полезное съ пріятнымъ, журналъ, издававшійся въ 1769 году при Сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ, можетъ быть разсматриваемъ какъ продолженіе Празднаго Времени, въ пользу употребленнаго (1759—1760), о которомъ говорено выше: въ изданіи 1769 года отведено значительное мѣсто нравоученію на ряду съ сатирой. Тѣмъ не менѣе, въ журналѣ есть нѣсколько очень замѣчательныхъ сатирическихъ піесъ (какъ, напримѣръ, письмо Ѳ. Стародурова; у г. Неустроева, стр. 139 и 141, невѣрно: Стародума), но авторы ихъ, какъ и вообще составъ сотрудниковъ журнала, совершенно неизвѣстны; только г. Буличъ высказалъ предположеніе, что въ этомъ изданіи, содержавшемъ въ себѣ переводы съ англійскаго, участвовали преподаватели этого языка въ корпусѣ Лука Сичкаревъ и Михаилъ Пермскій[1]): предположеніе весьма вѣроятное, и г. Неустроевъ напрасно упустилъ его изъ виду.

Смѣсь, 1769 года. Подобно всѣмъ прежнимъ изслѣдователямъ, г. Неустроевъ не имѣлъ возможности открыть загадочное имя издателя этого замѣчательнаго журнала. Онъ не называетъ по имени и ни одного изъ его сотруд-

[1]) Сумароковъ и современная ему критика, стр. 251.

никовъ. Нѣкоторыя соображенія въ этомъ послѣднемъ отношеніи не кажутся намъ, однако, вполнѣ невозможными, и мы считаемъ нелишнимъ высказать ихъ здѣсь. На стр. 129 Смѣси находится письмо къ издателю ея съ просьбою помѣстить въ этомъ журналѣ корреспонденцію нѣкоего В. М., и эта послѣдняя начинается словами: „Господинъ издатель бѣсовскихъ переписокъ!“ Очевидно, первое, препроводительное, письмо писано Эминымъ, издателемъ Адской Почты; что же касается второго письма, за подписью В. М., содержащаго въ себѣ обличеніе злоупотребленій въ средѣ духовенства, то не принадлежитъ ли оно Василью Майкову? На стр. 131—134 Смѣси помѣщено письмо и эпиграмма за подписью Н. Н., причемъ то и другая направлены противъ извѣстнаго лирика В. П. Петрова; если мы сравнимъ сужденіе Н. Н. съ отзывомъ о Петровѣ въ „Словарѣ“ Новикова, то по сходству ихъ увидимъ, что корреспондентъ Смѣси есть не кто иной какъ авторъ „Словаря“ — Николай Новиковъ. Другое письмо, присланное къ издателю Смѣси за подписью: Вашъ Слуга ***, направлено противъ драматурга В. И. Лукина и также весьма сходно съ сужденіемъ о немъ „Словаря“; а потому несомнѣннымъ кажется, что и оно вышло изъ-подъ пера Новикова [1]). Наконецъ, помѣщенное на стр. 188—189 Смѣси письмо нѣкоего Правосуда, съ весьма рѣзкими отзывами о многихъ литераторахъ того времени, мы приписываемъ одному изъ усерднѣйшихъ дѣятелей тогдашней литературы В. Т. Золотницкому на слѣдующемъ основаніи: въ извѣстной поэмѣ Чулкова: „Плачевное паденіе стихотворцевъ“ упоминается между прочимъ нѣкій авторъ, порицающій русскихъ переводчиковъ Анакреона и Овидія,

---

[1]) Сличеніе обоихъ писемъ съ отзывами „Словаря“ Новикова сдѣлано нами въ разборѣ изданія П. А. Ефремова: „Матеріалы для исторіи русской литературы“ въ Журналѣ Министерства Нар. Просвѣщенія 1868 г., ч. CXXXV.

а самъ сочинившій книгу „Путешествіе въ другой свѣтъ"; такая книга дѣйствительно была издана Золотницкимъ (С.-Пб. 1766), а въ письмѣ, помѣщенномъ въ Смѣси, находятся выходки противъ авторовъ, которые—одинъ „изъ нѣжнаго Овидія" сдѣлалъ „несноснаго враля", а другой превратилъ Анакреона въ „глупаго Украинца".

Трутень, 1769—1770 годовъ. Журналъ этотъ не только обстоятельно изученъ въ новѣйшее время, но и переизданъ съ необходимою библіографическою точностью. Казалось бы, эти условія должны были значительно облегчить, въ отношеніи къ нему, задачу г. Неустроева; тѣмъ не менѣе въ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ послѣднимъ, встрѣчаются нѣкоторыя недомолвки. Такъ, г. Ефремовъ указалъ уже, что прекрасныя письма къ племяннику, помѣщенныя во 2-мъ и 15-мъ листахъ Трутня 1769 года, принадлежатъ М. Попову [1]). Изслѣдованія г. Пыпина дѣлаютъ несомнѣннымъ, что сказки: „Игрокъ, сдѣлавшійся писцомъ" и „Стыдъ хулителю" и эпиграмма „Воздаяніе", въ 11-мъ и 12-мъ листахъ Трутня 1769 года, писаны Аблесимовымъ [2]). Наконецъ, въ Книжномъ Вѣстникѣ 1865 года, стр. 293, было сообщено, что эпитафія Ѳ. А. Эмина написана В. Г. Рубаномъ. Всѣ эти указанія не приняты г. Неустроевымъ къ свѣдѣнію.

Вечера, 1772—1773 годовъ. Г. Неустроевъ утверждаетъ, что издателемъ этого журнала былъ В. И. Майковъ; такое мнѣніе онъ основываетъ на томъ, что сочиненія Майкова „проходятъ чрезъ все изданіе Вечеровъ", и что Майковъ былъ другомъ Н. И. Новикова, который перепечаталъ Вечера въ 1788 году. Но съ догадкой г. Неустроева трудно согласиться. Происхожденіе журнала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его заглавія, объяснено въ первой

---

[1]) Трутень, изданіе П. А. Ефремова, стр. 330 и 346; ср. тамъ же, стр. 356, предположеніе еще объ одной піесѣ Попова въ Трутнѣ.

[2]) Сочиненія Лукина и Ельчанинова, статья Пыпина, стр. XXXIII.

статьѣ Вечеровъ; изъ нея видно, что журналъ былъ предпринятъ обществомъ нѣсколькихъ достаточныхъ людей, которые предпочитали литературныя занятія пустымъ свѣтскимъ удовольствіямъ и рѣшились собираться въ извѣстные дни по вечерамъ, чтобъ общими силами сочинять прозу и стихи и періодически издавать ихъ въ свѣтъ. Что лица эти дѣйствительно собирались и сообща работали для своего журнала, — видно изъ разныхъ замѣчаній отъ лица редакціи, въ немъ разсѣянныхъ. Итакъ, журналъ былъ не предпріятіемъ одного лица, а порожденіемъ литературнаго салона. Кто же входилъ въ составъ этого салона, кто былъ его хозяиномъ, и кто гостями? Не считая сотрудниковъ случайныхъ, имена которыхъ вполнѣ или въ сокращеніи означены въ журналѣ, можно опредѣлить въ точности слѣдующихъ вкладчиковъ, помѣщавшихъ въ Вечерахъ свои статьи безъ подписи:

1) В. И. Майковъ: это видно изъ сличенія его піесъ съ изданіемъ его сочиненій; но г. Неустроевъ, описывая Вечера, отмѣтилъ не всѣ піесы, принадлежащія Майкову; имъ пропущены: въ 1772 году—стр. 17: псаломъ 136-й; въ 1773 году — стр. 86: загадка: „Я не воздухъ...“; стр. 89: ода: „Война“; стр. 135: загадка: „Я въ трехъ частяхъ земли...“; стр. 137: псаломъ 41-й; стр. 167: псаломъ 1-й (второй изъ двухъ рядомъ помѣщенныхъ переводовъ).

2) Ип. Ѳ. Богдановичъ: имъ переведены стихи изъ Вольтера: „Наперсница боговъ...“ (1772 г., стр. 177)[1]).

3) А. В. Храповицкій: этотъ сотрудникъ, участіе котораго въ Вечерахъ не оговорено г. Неустроевымъ, помѣстилъ здѣсь (1773 г., стр. 182) безъ подписи стихи: „Эпистола новому кафтану“; принадлежность ихъ Храповицкому засвидѣтельствована Н. В. Сушковымъ[2]).

---

[1]) Ср. Сочиненія Богдановича, изд. Смирдина, I, 268.

[2]) Раутъ на 1852 г., стр. 128.

4) Е. В. Хераскова, жена извѣстнаго писателя, помѣстившая въ Вечерахъ 1772 года, стр 156, подражаніе Геснеру „Потопъ" [1]).

5) М. В. Храповицкая, въ замужествѣ Сушкова: Н. В. Сушковъ, ея племянникъ, свидѣтельствуетъ, что она много занималась литературой и между прочимъ перевела идилліи г-жи Дезульеръ, Юнговы „Ночи" и монологъ Катона изъ Адиссоновой трагедіи этого имени; всѣ эти произведенія находятся въ Вечерахъ 1772—1773 годовъ, и потому можно не сомнѣваться, что они принадлежатъ именно ей, тѣмъ болѣе, что и братъ ея, извѣстный статсъ-секретарь Екатерины, также былъ, какъ мы видѣли, участникомъ этого журнала; въ описаніи г. Неустроева М. В. Храповицкая не упомянута.

Кромѣ названныхъ лицъ, въ Вечерахъ — какъ мы твердо убѣждены—принималъ дѣятельное участіе М. М. Херасковъ; на это указываютъ: 1) участіе въ Вечерахъ какъ его жены, такъ и нѣсколькихъ пріятелей и литературныхъ сподвижниковъ: Майкова, Богдановича, Храповицкаго, и 2) слова стихотворенія „Мысли", которое напечатано въ Вечерахъ 1773 года, стр. 29—32, и подписано: Ненезнакомый; въ этомъ стихотвореніи осмѣиваются дурные писатели, считающіе себя выше Ломоносова и Сумарокова, и авторъ между прочимъ говоритъ иронически:

А если хочешь ты плѣнить умы людскіе,
Старайся только въ стихъ сбирать слова такія,
Которыхъ бы никто совсѣмъ не разумѣлъ...
. . . .
Лишь только подражать Хераскову блюдися,
А Майкову во слѣдъ совсѣмъ идти стыдися...

Авторъ этихъ стиховъ, „ненезнакомый" издателямъ (не Храповицкій ли?), очевидно, хотѣлъ, подъ видомъ ироніи, сказать любезность Хераскову и Майкову, и безъ

[1]) Взглядъ на мою жизнь, И. И. Дмитріева, 79—80.

сомнѣнія, могъ это сдѣлать въ стихотвореніи, предназначенномъ для Вечеровъ, только потому, что оба эти писателя участвовали въ нихъ. Правда, въ полномъ собраніи сочиненій Хераскова не встрѣчается ни одной піесы, которая ранѣе того была бы напечатана въ этомъ журналѣ; но дѣло въ томъ, что это „полное собраніе“ составлено только изъ тѣхъ сочиненій Хераскова, которыя прежде изданы были отдѣльными книжками, и почти не содержитъ въ себѣ никакихъ его произведеній, разсѣянныхъ по журналамъ; такъ это оговорено и въ самомъ изданіи [1]). Намъ кажется даже, что Херасковъ былъ не только сотрудникомъ Вечеровъ, но и центромъ кружка, который ихъ издавалъ. Какъ въ органѣ литературнаго салона, въ этомъ изданіи прямо виденъ слѣдъ тѣхъ литературныхъ забавъ, которыя были въ модѣ въ старину; здѣсь находимъ стихотворные вопросы и отвѣты (1773 г., стр. 72), стихи на заданныя риѳмы (стр. 78), стихотворныя загадки и задачи. По поводу послѣднихъ въ журналѣ (1772 г., стр. 38) замѣчено: „Съѣхавшись въ послѣдній вечеръ, и по окончаніи нашихъ трудовъ, когда мы гораздо поустали, вздумалось намъ веселѣе его кончить, и для этого другъ другу задавали задачи, которыя и сообщаемъ такъ, какъ невинную нашу шутку“; и затѣмъ предложены четыре маленькія стихотворенія на темы: къ чему прикладывается охъ? какъ отличить дружбу отъ любви? и пр. Эти литературныя забавы напоминаютъ разсказъ И. И. Дмитріева о томъ, какъ Е. В. Хераскова любила bouts-rimés и сочиняла ихъ въ болѣзни, чуть не на канунѣ смерти [2]). Въ пользу того, что Херасковъ былъ главою Вечеровъ, свидѣтельствуетъ и то, что журналъ этотъ очень похожъ своимъ составомъ и направленіемъ на преж-

---

[1]) Творенія М. М. Хераскова, т. VII, стр. 418. О недостаткахъ изданія сочиненій Хераскова см. въ Библіогр. Запискахъ М. Н. Лонгинова, въ Современникѣ 1857 г., т. LXVI, стр. 3 и сл., и въ его статьѣ о Херасковѣ въ Русскомъ Архивѣ 1878 г., ст. 1476 и сл.

[2]) Взглядъ на мою жизнь, стр. 80.

нее изданіе Хераскова: Полезное Увеселеніе 1760—1762 годовъ. Между прочимъ сходны онѣ и въ характерѣ сатиры: сатира, какъ извѣстно, имѣла въ литературѣ Екатерининскаго времени два направленія: одно—рѣзко обличительное, и другое — умѣренное, близкое къ правоученію: Полезное Увеселеніе и, по слѣдамъ его, Вечера придерживаются послѣдняго. Тѣмъ не менѣе, не смотря на безпощадно-обличительный характеръ Новиковскаго журнала, Вечера относились дружелюбно къ Живописцу (1773 г., стр. 178 и 182): это объясняется дружескими отношеніями Хераскова и его сотрудниковъ къ Н. И. Новикову. Въ заключеніе нашихъ соображеній о происхожденіи и сотрудникахъ Вечеровъ, предложимъ одну частную замѣтку: въ первомъ году этого изданія, стр. 74—77, помѣщена статья „О россійскихъ предкахъ"; авторъ ея у г. Неустроева не означенъ вовсе; но, какъ видно изъ примѣчанія, сдѣланнаго въ журналѣ, статья была прислана къ издателямъ отъ лица, подписавшагося Всвѣтовъ: очевидно, это—Василій Свѣтовъ, переводчикъ при Академіи Наукъ [1]).

Живописецъ, 1772—1773 годовъ. Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ статей этого знаменитаго журнала, въ которой авторъ коснулся вопроса о положеніи помѣщичьихъ крестьянъ, подписана загадочными буквами П. Т., и до сихъ поръ не извѣстно въ точности, кто ея авторъ; обыкновенно предполагаютъ, что подпись эта значитъ: „Издатель Трутня"; но авторъ изслѣдованія о Новиковѣ, какъ издателѣ журналовъ, А. Н. Незеленовъ привелъ нѣсколько справедливыхъ соображеній о томъ, что подъ этими буквами должно разумѣть Ивана Петровича Тургенева, извѣстнаго масона [2]); кажется, что эта догадка

[1]) См. о немъ въ Исторіи Россійской Академіи М. И. Сухомлинова, вып. IV.

[2]) Новиковъ, издатель журналовъ, стр. 238, примѣчаніе.

должна быть принята за окончательную. Въ томъ же изданіи, 1773 года, л. 24, стихи воспитанницамъ Смольнаго монастыря принадлежатъ А. П. Сумарокову [1]), чтò не отмѣчено г. Неустроевымъ, а стихи на пріобрѣтеніе Бѣлоруссіи (1772 г., л. 26), за подписью П. П., могутъ быть приписаны Павлу Сергѣевичу Потемкину.

Старина и Новизна, 1772—1773 годовъ. Стихи на смерть проповѣдника Академіи Наукъ іеромонаха Кирилла, ч. II, стр. 207, за подписью Св., по всей вѣроятности, принадлежатъ тому же академическому переводчику Василію Свѣтову, котораго статью мы видѣли въ Вечерахъ.

Мѣшанина, 1773 года. Объ этомъ изданіи существуетъ особая статья, помѣщенная М. Н. Лонгиновымъ въ Современникѣ 1756 года, № 2; въ ней перепечатана значительная часть этого рѣдкаго, но ничтожнаго журнала; статья эта г. Неустроевымъ не упомянута.

Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія, 1774—1783 годовъ. Обработывая параграфъ, посвященный этому изданію, г. Неустроевъ, по видимому, не принималъ въ соображеніе обстоятельной статьи о немъ, помѣщенной В. Я. Стоюнинымъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1856 г., ч. LXXXIV. Кромѣ того, г. Неустроеву осталось неизвѣстнымъ, чьи статьи скрываются въ Опытѣ трудовъ (ч. II и III) подъ буквами X. Ч. и подъ псевдонимомъ Англомана; статья, подписанная X. Ч., принадлежитъ профессору Московскаго университета Харитону Андреевичу Чеботареву, а псевдонимъ Англомана — Михаилу Ивановичу Плещееву, учившемуся въ то время въ Оксфордѣ и сообщившему оттуда въ Россійское Собраніе три статьи [2]).

---

[1]) Живописецъ, изд. Ефремова, стр. 348.

[2]) Библіогр. Записки 1861 г., ст. Д. Ѳ. Кобеко о псевдонимахъ, стр. 103.

Собраніе Новостей, 1775—1776 годовъ. Г. Неустроевъ не извѣстно почему предполагаетъ, что основателями или редакторами этого журнала, который представилъ собою первый опытъ русскаго ежемѣсячника съ политическимъ содержаніемъ, были „нѣкоторые изъ академиковъ". Но въ упомянутой уже нами автобіографіи Ип. Ѳ. Богдановича есть болѣе точное извѣстіе по этому предмету: тамъ сказано, что авторъ „Душеньки" „съ сентября мѣсяца 1775 года издавалъ ежемѣсячное извѣстіе подъ титуломъ Санктпетербургскій Вѣстникъ, который продолжался 16 мѣсяцевъ" [1]) Извѣстіе это относится къ Собранію Новостей, которое дѣйствительно началось съ сентября 1775 года и продолжалось до конца 1776; названіе же Санктпетербургскаго Вѣстника дано тутъ Собранію или по ошибкѣ—такого журнала въ 1775—1776 годахъ вовсе не было,—или потому, что позднѣйшій журналъ подъ этимъ заглавіемъ (1778—1781 гг.) былъ его продолженіемъ. Въ Собраніи было между, прочимъ, помѣщено объявленіе, что лица, желающія печатать здѣсь свои труды, должны ихъ присылать въ вѣдомостную экспедицію Академіи Наукъ: это приглашеніе объясняется тѣмъ, что съ конца 1775 года Богдановичъ былъ редакторомъ Санктпетербургскихъ Вѣдомостей.

Повѣствователь Древностей Россійскихъ, 1776 года. Въ дополненіе къ извѣстію г. Неустроева объ этомъ изданіи считаемъ нелишнимъ напомнить, что оно, какъ весьма рѣдкое, составило предметъ весьма обстоятельной статьи Е. И. Якушкина, помѣщенной въ Библіографическихъ Запискахъ за 1861 г., № 3.

Утренній Свѣтъ, 1777—1780 годовъ. Какъ извѣстно, этимъ журналомъ Новиковъ началъ второй періодъ своей литературной дѣятельности, отчасти съ новыми уже сотрудниками. Впрочемъ и здѣсь мы встрѣчаемъ ту же

---

[1]) Отеч. Записки 1853 г., т. LXXXVII, стр. 183.

подпись И. Т., которая обращаетъ на себя вниманіе въ Живописцѣ: этими буквами подписана въ ч. I Утренняго Свѣта статья: „Разсужденіе Сенекино о честномъ житіи“, по удачной догадкѣ А. И. Незеленова, принадлежащая тому же И. П. Тургеневу, котораго мы видѣли въ числѣ сотрудниковъ лучшаго изъ сатирическихъ журналовъ Новикова [1]). Другимъ усерднымъ вкладчикомъ Утренняго Свѣта является М. Н. Муравьевъ: кромѣ нѣсколькихъ піесъ, достовѣрно ему принадлежащихъ и подписанныхъ его именемъ, къ числу его же произведеній должно отнести стихотвореніе въ ч. IX безъ подписи, подъ заглавіемъ: „Ученіе природы“, посвященное его другу В. В. Ханыкову: стихотвореніе это впослѣдствіи было перепечатано въ собраніи сочиненій Муравьева. Прибавимъ еще, что въ ч. II ода „Міръ“ принадлежитъ М. М. Хераскову [2]).

Санктпетербургскій Вѣстникъ, 1778—1781 годовъ. Описывая ч. IV этого изданія, г. Неустроевъ не упоминаетъ, что помѣщенный здѣсь разборъ „Россіады“ Хераскова принадлежитъ директору Казанской гимназіи Ю. П. фонъ-Канцу; свѣдѣніе о томъ сохранилъ М. А. Дмитріевъ, сообщившій также, что статья Канца произвела сильное впечатлѣніе между современными ему литераторами, изъ среды коихъ ни одинъ не брался за такой трудъ [3]). Въ той же части этого журнала, на стр. 356, помѣщена эпиграмма, написанная М. А. Дьяковою, какъ указано Я. К. Гротомъ въ изданіи сочиненій Хемницера, стр. 15.

Академическія Извѣстія, 1779—1781 годовъ. Журналъ этотъ предпринятъ былъ по иниціативѣ С. Г. Домашнева, тогдашняго директора Академіи Наукъ, и ему

[1]) Незеленовъ, Н. И. Новиковъ—издатель журналовъ, стр. 237—238.
[2]) Творенія Хераскова, т. VII, стр 22.
[3]) Мелочи изъ запаса моей памяти, изд. 2-е, стр. 32.

принадлежитъ, въ ч. I, обширное „Вступленіе“, въ которомъ сдѣланъ, между прочимъ, обзоръ важнѣйшихъ явленій современной русской литературы [1]). Изъ другихъ статей, принадлежащихъ извѣстнымъ писателямъ, которые однако не поименованы г. Неустроевымъ, отмѣтимъ двѣ слѣдующія: въ ч. II: „Та-гіо или великая наука“—переводъ Д. И. Фонъ-Визина [2]), и въ ч. III: „Примѣчанія о языкѣ россійскомъ“—В. С., вѣроятно, Василія Свѣтова.

Московское Ежемѣсячное Изданіе, 1779 года. Въ числѣ произведеній извѣстныхъ авторовъ, которыя здѣсь отмѣчены г. Неустроевымъ безъ означенія ихъ имени, укажемъ слѣдующія: въ ч. I—„Ферднна Ошибка“, сказка Я. Б. Княжнина [3]), а въ частяхъ III и IV—отрывки изъ Овидіевыхъ „Превращеній“, въ переводѣ В. И. Майкова.

Московское Ежимѣсячное Изданіе, 1782—1786 годовъ. Напомнимъ, что статьи въ ч. III этого журнала: „Почему нехорошо предузнавать судьбу свою?“ и „О пріятности грусти“, за подписью А. К., г. Незеленовъ приписываетъ Ал. М. Кутузову [4]).

Городская и Деревенская Библіотека, 1782—1786 годовъ. Въ ч. II этого Новиковскаго изданія, состоявшаго исключительно изъ переводовъ, помѣщенъ между прочимъ, без подписи трудившагося, переводъ повѣсти „Инеса де-Кастро“, сдѣланный масономъ М. И. Багрянскимъ, товарищемъ Новикова по заключенію [5]).

Вечерняя Заря, 1782 года. Г. Неустроевъ поименовываетъ только девять сотрудниковъ этого изданія; но въ декабрьской книжкѣ журнала названо еще девять

[1]) Матеріалы для исторіи русской литературы, П. А. Ефремова, стр. 196.

[2]) Сочиненія Фонъ-Визина, изд. Глазунова, стр. 672, гдѣ, впрочемъ, упоминается только другое позднѣйшее изданіе этого перевода.

[3]) Сочиненія Я. Княжнина, т. V, стр. 106.

[4]) Новиковъ—издатель журналовъ, стр. 295.

[5]) Сборникъ Русск. Истор. Общества, II, 131.

другихъ участниковъ [1]), въ томъ числѣ А. Ѳ. Лабзинъ, которому принадлежитъ въ ч. III стихотвореніе: „Французская лавка", въ 1783 году помѣщенное также въ Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова.

Утра, журналъ, издававшійся въ 1782 году П. А. Плавильщиковымъ. Здѣсь печаталъ свои раннія произведенія И. И. Дмитріевъ, но г. Неустроевъ называетъ изъ нихъ только одно—элегію на смерть доктора Вира, тогда какъ, по свидѣтельству самого Дмитріева, имъ помѣщена въ томъ же изданіи еще идиллія: „Умолкни, вѣтерокъ..." [2]). Въ томъ же журналѣ находимъ „Посланіе къ россійскимъ питомцамъ свободныхъ художествъ"; г. Неустроевъ не отмѣтилъ, что оно написано Я. Б. Княжнинымъ. Наконецъ, для опредѣленія произведеній самого издателя, помѣщенныхъ въ Утрахъ, автору „Розысканія" слѣдовало бы обратиться къ собранію его сочиненій, которое было напечатано въ 1816 году.

Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова, 1783—1784 годовъ. Особенность этого журнала, который издавала княгиня Е. Р. Дашкова при усердномъ сотрудничествѣ императрицы Екатерины, состояла между прочимъ въ томъ, что онъ—какъ было объявлено въ „Предувѣдомленіи"—долженъ былъ заключать въ себѣ „только одни подлинныя россійскія сочиненія"; и дѣйствительно, условіе это было выдержано, и притомъ вкладчиками журнала явились почти всѣ лучшіе писатели того времени; по видимому, Дашкова прилагала всевозможныя старанія къ тому, чтобы привлечь всѣ значительныя силы русской литературы къ участію въ Собесѣдникѣ: многія стихотворенія разныхъ авторовъ, уже напечатанныя въ другихъ изданіяхъ, были перепечатаны въ этомъ жур-

[1]) Незеленовъ. Новиковъ—издатель журналовъ, стр. 435; ср. Сборникъ Русск. Ист. Общества, II, 131.

[2]) Взглядъ на мою жизнь, стр. 37.

налѣ; она же дала въ немъ мѣсто нѣсколькимъ лирическимъ піесамъ Державина, которыя положили прочное основаніе его славѣ, между тѣмъ какъ произведенія, которыя онъ печаталъ до тѣхъ поръ въ другихъ журналахъ, проходили не замѣченными; наконецъ, на страницахъ же Собесѣдника было впервые высказано сочувствіе его поэтической манерѣ, отличавшей его отъ велерѣчивыхъ „одописцевъ“ прежняго времени. По всѣмъ этимъ причинамъ Собесѣдникъ составляетъ крупное явленіе въ нашей журналистикѣ XVIII вѣка и заслуживаетъ тщательнаго изученія, между прочимъ и въ библіографическомъ отношеніи. Къ удивленію нашему, описаніе его въ трудѣ г. Неустроева представляетъ значительные пробѣлы, не смотря на то, что авторъ пользовался извѣстными статьями Добролюбова и Пекарскаго; другихъ же изслѣдованій, гдѣ идетъ рѣчь о Собесѣдникѣ, — А. Н. Аѳанасьева, Я. К. Грота и М. Н. Лонгинова, онъ, по видимому, вовсе не имѣлъ подъ руками [1]). Предлагаемъ собранныя нами дополненія:

1783 годъ. Ч. I: Предувѣдомленіе—очевидно, писано Дашковою; ей же принадлежатъ: навѣрное—надпись къ портрету Екатерины (Аѳанасьевъ, стр. 193) и „Посланіе къ слову такъ“ (Добролюбовъ, ст. II, 24; ср. также въ воспоминаніяхъ С. Н. Глинки о Дашковой, Русское Слово 1861 г., № 4, стр. 8, и въ Исторіи Росс. Академіи М. И. Сухомлинова, I, 366), и вѣроятно—„Сокращеніе катихизиса честнаго человѣка“ (Добролюбовъ, II, 24); подпись М. Х. подъ тремя піесами означаетъ не

---

[1]) Н. А. Добролюбовъ: Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова въ Современникѣ 1856 г., томы LVIII и LIX; П. П. Пекарскій, Матеріалы для исторіи журнальной дѣятельности Екатерины II. С.-Пб., 1863; А. Н. Аѳанасьевъ, Литературные труды кн. Е. Р. Дашковой въ Отеч. Запискахъ 1860 г., № 3; Я. К. Гротъ, Фелица и Собесѣдникъ, въ Современникѣ 1845 г., т. XL, и Сотрудничество Екатерины II въ Собесѣдникѣ княгини| Дашковой, въ Сборникѣ Р. Ист. Общества, т. XX; М. Н. Лонгиновъ, Библіогр. Записки, § XLII, въ Современникѣ 1857 г.

Хераскова, а Михаила Васильевича Храповицкаго (Лонгиновъ, Библ. Записки, § XLII). — Ч. II: Отвѣтъ на письмо изъ Звенигорода съ разсужденіями о воспитаніи—сочиненіе Дашковой (Аѳанасьевъ, стр. 194; Добролюбовъ, II, 24; ср. Сухомлинова Исторія Росс. Академіи, I, 24—26); статья: „О системѣ міра“, по предположенію г. Сухомлинова, написана академикомъ С. В. Румовскимъ; продолженіе ея въ чч. IV и V (тамъ же, т. II, стр. 101).—Ч. III. Статьи: „Объ истинномъ благополучіи“ и „Искреннее сожалѣніе“ Добролюбовъ приписываетъ Дашковой (ст. II. 24); Вопросы и отвѣты—извѣстная полемика Фонъ-Визина и Екатерины. — Ч. III: Письмо къ сочинителю записокъ о россійской исторіи— гр. С. П. Румянцова (Русск. Архивъ 1869 года, ст. 850).—Ч. IV: „Дружеская пѣсня“, по мнѣнію Добролюбова, написана А. С. Хвостовымъ (ст. II, 60); эпиграммы (всѣ, а не одна вторая, какъ полагаетъ г. Неустроевъ) принадлежатъ И. И. Дмитріеву (Лонгиновъ, въ Русск. Архивѣ 1863 года, ст. 391); въ концѣ отдѣла „Былей и Небылицъ“, помѣщеннаго въ этой книгѣ, находится письмо одного изъ издателей—вѣроятно, Дашковой (Пекарскій, 19).—Ч. V: „Полдень“—не Хераскова, а Мих. Храповицкаго (Лонгиновъ, Б. З., § XLII); „Къ моему другу“—стихотвореніе Ип. Ѳ. Богдановича; перепечатано въ собраніи его сочиненій, т. I; примѣчаніе къ „Былямъ и Небылицамъ“ — вѣроятно, Дашковой (Добролюбовъ, II, 24).—Ч. VI: Стихи къ Дашковой — не Хераскова, а М. Храповицкаго (Лонгиновъ, Б. З., § XLII); Клеіи— О. П. Козодавлева (Добролюбовъ, II, 55).—ч. VII: „Вѣчность“—не Хераскова, а М. Храповицкаго (Лонгиновъ, Б. З., § XLII); „Къ другу“—стихи Козодавлева (Добролюбовъ, II, 55); письмо: „Съ вами таки, сударь...“ — гр. С. П. Румянцова (Пекарскій, 29; Русскій Архивъ 1860 г., ст. 850); отвѣтъ на это письмо — Екатерины (Пекарскій, 31; Добролюбовъ, I, 77). — Ч. VIII: въ

концѣ „Былей и Небылицъ": „Исповѣданіе жеманихи"— Я. Б. Княжнина, перепечатанное въ собраніи его сочиненій.—Ч. IX: Письмо: „Не удивляйтесь..."—Дашковой (Пекарскій, 33); „Вечеринка"—вѣроятно, ея же (Добролюбовъ, II, 24). — Ч. X: Письмо: „Хотя я нахожусь..." — должно быть, Дашковой (Добролюбовъ, II, 24); „Ода къ безсмертію" — А. С. Хвостова (Добролюбовъ, II, 59; Евгеній, Словарь свѣтск. писателей, изд. Погодина, II, стр. 233); стихи и эпитафія на смерть гр. Р. Ил. Воронцова, присланные изъ Владиміра, вѣроятно, принадлежатъ мѣстному стихотворцу Михаилу Прокудину-Горскому, проживавшему въ этомъ городѣ и сочинявшему стихи по случаю мѣстныхъ празднествъ[1]).

1784 годъ. Ч. XI: „Путешествующіе"—вѣроятно, Дашковой (Добролюбовъ, II, 24). — Ч. XII и XIV: „Картины моей родни"—можетъ быть, Дашковой (Добролюбовъ, II, 24).—Ч. XIII: Письмо къ Ломоносову—О. П. Козодавлева (Добролюбовъ, II, 55). — Ч. XVI: Объ упадкѣ Собесѣдника — О. П. Козодавлева (Гротъ въ Современникѣ, 137); изъ англійскаго Зрителя—вѣроятно, Дашковой (Добролюбовъ, II, 24); „Сновидѣніе"— можетъ быть, Козодавлева (Добролюбовъ, II, 55).

Въ заключеніе замѣтимъ, что митрополитъ Евгеній въ числѣ сотрудниковъ Собесѣдника называетъ академика И. И. Лепехина[2]), но что имъ здѣсь напечатано— не извѣстно: не ему ли — любознательному собирателю русскихъ провинціализмовъ и первому непремѣнному секретарю Россійской академіи — принадлежатъ въ журналѣ Дашковой филологическія замѣтки Любослова?

Покоящійся Трудолюбецъ, 1784 — 1786 годовъ. Къ числу сотрудниковъ этого журнала, кромѣ названныхъ

---

[1]) Въ Владимірскомъ сборникѣ К. Н. Тихонравова (М. 1857) помѣщенъ сочиненный Прокудинымъ-Горскимъ прологъ: „Торжествующій градъ Владиміръ".

[2]) Словарь свѣтскихъ писателей, изд. Погодина, II, 10.

г. Неустроевымъ, должно причислить М. И. Багрянскаго, по собственному его свидѣтельству[1]), и Семена Серг. Боброва, котораго подпись С. Б. или С. М. Н. Б. Б. Р. В. встрѣчается во II и IV частяхъ, а также трехъ дѣвицъ-переводчицъ—княженъ Голицыныхъ[2]); труды послѣднихъ находятся въ ч. IV этого изданія.

Избранная Библіотека для христіанскаго чтенія, 1784 года. Въ ч. III этого изданія И. В. Лопухина помѣщено, подъ заглавіемъ „Утѣшеніе грѣшныхъ", семь стихотвореній, написанныхъ М. М. Херасковымъ[3]).

Дѣтское Чтеніе, 1785—1787 годовъ. Журналъ этотъ издавался, какъ извѣстно, Н. И. Новиковымъ, а составлялся трудами А. А. Петрова и Н. М. Карамзина. Въ обстоятельномъ спискѣ произведеній послѣдняго, который составленъ М. Н. Лонгиновымъ, находимъ свѣдѣнія о цѣломъ рядѣ піесъ, принадлежащихъ ему въ ч. XVIII Дѣтскаго Чтенія[4]), между тѣмъ какъ у г. Неустроева названо только одно его стихотвореніе.

Растущій Виноградъ, журналъ 1785—1787 годовъ, издававшійся отъ Санктпетербургскаго главнаго народнаго училища. Онъ замѣчателенъ между прочимъ тѣмъ, что Екатерина избрала его органомъ для полемики противъ масонства; одна изъ статей по этому поводу, помѣщенная въ 1786 году въ № 7, подъ псевдонимомъ Правдубаева и подъ заглавіемъ: „Домовая записка о заразѣ новомодной ереси", принадлежитъ графу С. П. Румянцову[5]).

Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія, 1786—1796 годовъ. Этотъ академическій журналъ предпринятъ былъ

---

[1]) Сборникъ Р. Истор. Общества, II, 131.

[2]) См. подъ этимъ именемъ въ Словарѣ русск. писательницъ, составленномъ кн. Н. Н. Голицынымъ, изд. 4-е.

[3]) Ср. Творенія Хераскова, т. VII, стр. 26—56.

[4]) Русскій Архивъ 1864 г., ст. 852. Ср. Пономарева Матеріалы для библіографіи литературы о Н. М. Карамзинѣ. С.-Пб. 1883, стр. 2—3.

[5]) Русскій Архивъ 1869 г., ст. 852—853.

княгинею Е. Р. Дашковой чрезъ два съ небольшимъ года по прекращеніи Собесѣдника; на этотъ разъ княгиня-директоръ Академіи хотя и отвела въ журналѣ мѣсто изящной словесности, но очевидно, разчитывала болѣе на своихъ ученыхъ подчиненныхъ, чѣмъ на постороннихъ сотрудниковъ; и дѣйствительно, статьи научныя преобладаютъ въ этомъ изданіи. Соотвѣтственно такому его составу, наблюденіе за нимъ принадлежало, съ одной стороны, нѣкоторымъ изъ академиковъ, а съ другой—самой Дашковой. На ея непосредственное участіе въ редакціи журнала г. Неустроевымъ не указано, но оно несомнѣнно явствуетъ изъ помѣщенныхъ въ журналѣ письма Капниста и посланія Николева къ княгинѣ [1]). Митрополитъ Евгеній свидѣтельствуетъ о томъ, что Дашкова печатала въ Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ и свои собственныя статьи въ прозѣ [2]); сравнивая первые года этого журнала съ Собесѣдникомъ, можно сдѣлать предположеніе, что нѣкоторыя, помѣщенныя въ нихъ, „письма къ издателямъ", въ родѣ напечатанныхъ въ Собесѣдникѣ, дѣйствительно принадлежатъ перу княгини. Отмѣтимъ нѣсколько произведеній, помѣщенныхъ въ Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ, авторы которыхъ не названы г. Неустроевымъ:

1786 годъ. Ч. I: „Ты и вы, письмо къ Лизѣ"—Я. Б. Княжнина, находится въ собраніи его сочиненій.—Ч. II: „Каллисенъ, греческая повѣсть"—Д. И. Фонъ-Визина, перепечатана въ собраніи его сочиненій.—Ч. VI: Стихи къ N: „Отечество любя..."—Ип. Ѳ. Богдановича, ср. въ его сочиненіяхъ, т. I.

1787 годъ. Ч. VIII: „Ладно и плохо"—Я. Б. Княжнина; см. въ его сочиненіяхъ.—Ч. XVI: „Рѣчь въ гим-

[1]) Нов. Ежем. Сочиненія 1790 г., ч. 47: письмо В. В. Капниста съ просьбой напечатать его стихи, и 1791 г., ч. 60: посланіе Н. П. Николева.

[2]) Словарь свѣтскихъ писателей, изд. Погодина, I, 150.

назіи чужестранныхъ единовѣрцевъ"—С. В. Румовскаго (см. Сухомлинова Исторія Росс. Академіи, II, 86).

1788 годъ. Ч. XX: „Дубъ и трость" —Я. Б. Княжнина; перепечатана въ собраніи его сочиненій.

1789 годъ. Ч. XXXIV: „Ода на взятіе Очакова", сочиненіе Моисея Слѣпцова—псевдонимъ Н. П. Николева [1]).

1795—1796 годы, Чч. CX—CXVIII: „Описаніе Средней орды Киргизъ-Кайсаковъ"—сочиненіе капитана Ивана Андреева, какъ это видно изъ рукописи его, находящейся въ Географическомъ Обществѣ [2]).

Россійскій Өеатръ, 1786—1794 годовъ. Въ этомъ драматическомъ сборникѣ нѣкоторыя піесы извѣстныхъ авторовъ появились безъ подписи, и г. Неустроевъ не пополнилъ этого пробѣла, не смотря на существующія въ печати указанія о томъ, кто ихъ авторъ. Таковы: въ ч. XIII: „Обольщенный" — комедія императрицы Екатерины; въ ч. XIX: „Тонсіоковъ" — комедія княгини Дашковой; въ ч. XXI: „Отгадай—не скажу"—М. Попова; въ ч. XXVIII: „Анюта"—его же; въ ч. XXX: „Орфей"—Як. Б. Княжнина [3]), и прологъ на открытіе народнаго училища въ Тамбовѣ — Державина; въ ч. XXXIII: „Владиміръ и Ярополкъ" и „Софонизба" Як. Княжнина; въ ч. XXXVII: „Плѣнира и Зелимъ"—опера Б. К. Бланка [4]).

Бесѣды съ Богомъ, 1787—1789 годовъ. Нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о судьбѣ этого изданія, въ которомъ принималъ участіе Карамзинъ, находится въ его письмахъ къ И. И. Дмитріеву [5]).

---

[1]) Дм. Ө. Кобеко. О псевдонимахъ, въ Библ. Запискахъ 1861 года, т. III.

[2]) Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общества 1875 г. т. XI, отд. II, стр. 107 и слѣд.

[3]) См. статью М. Н. Лонгинова о Княжнинѣ въ Русск. Вѣстникѣ 1860 г., т. XXV, стр. 641.

[4]) См. статью М. Н. Макарова „Память о Я. Е. Шушеринѣ", въ Пантеонѣ 1841 г., ч. II, кн. 6, стр. 85.

[5]) Изданіе 1865 г., стр. 469—472.

Распускающійся Цвѣтокъ, 1787 года. Въ этомъ изданіи печатались литературные труды воспитанниковъ Московскаго благороднаго пансіона, но изданіе продолжалось только одинъ годъ, а въ 1789 году оно возобновилось ужь подъ другимъ заглавіемъ: Полезное Упражненіе Юношества, при чемъ было объяснено, что прежняя литературная попытка пансіонскихъ питомцевъ была сдѣлана подъ руководствомъ тамошнихъ наставниковъ В. С. Подшивалова и М. М. Снегирева. Не всѣ однако статьи Цвѣтка принадлежатъ питомцамъ пансіона: на стр. 67 — 70 находимъ басню „Лисица-Казнодѣй", написанную Д. И. Фонъ-Визиномъ; какъ ея авторъ, такъ и вышеназванные редакторы сборника у г. Неустроева не обозначены.

Утренніе Часы, 1788 — 1789 годовъ. Издателями этого журнала г. Неустроевъ называетъ И. Г. Рахманинова, А. Ѳ. Лабзина и В. С. Подшивалова; но указаніе на послѣдняго кажется намъ крайне сомнительнымъ, такъ какъ Часы издавались въ Петербургѣ, а Подшиваловъ постоянно жилъ въ Москвѣ и въ своей автобіографіи вовсе не упоминаетъ объ участіи своемъ въ этомъ изданіи[1]).

Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену, 1789—1791 годовъ. Весьма любопытныя свѣдѣнія объ этомъ первенцѣ сибирской журналистики находятся въ статьѣ А. И. Дмитріева-Мамонова: „Печать въ Тобольскомъ намѣстничествѣ въ концѣ XVIII столѣтія"[2]); ими значительно исправляются и пополняются сообщенія г. Неустроева.

Московскій Журналъ 1791 — 1792 годовъ. Какъ извѣстно, журналъ этотъ наполнялся преимущественно трудами самого издателя Н. М. Карамзина и его друга И. И. Дмитріева; но оба они по большей части не под-

---

[1]) Москвитянинъ 1842 г., кн. I, стр. 178—180.

[2]) См. Памятную книжку Тобольской губерніи на 1884 годъ.

писывали своихъ произведеній. Изъ подробнаго перечисленія сочиненій и переводовъ обоихъ писателей, составленнаго М. Н. Лонгиновымъ [1]), а также изъ писемъ Карамзина къ Дмитріеву, г. Неустроевъ могъ бы извлечь значительныя дополненія къ своимъ указаніямъ. Что касается произведеній другихъ авторовъ, то замѣтимъ, что въ части V стихи къ рѣкѣ Талажнѣ принадлежатъ не Николаю, а Ѳедору Петровичу Львову [2]), а въ ч. VII переводъ изъ Горація „Бландузскій ключъ"—С. С. Боброву [3]), и пѣсня „Вечеркомъ румяну зорю..."—Н. П. Николеву.

Дѣло отъ бездѣлья, 1792 года. Помѣщенная въ этомъ изданіи, ч. I, стр. 141—153, пѣсня „Русскіе солдаты" написана Н. П. Николевымъ [4]).

Зритель, 1792 года. Изъ писемъ Карамзина къ Дмитріеву, г. Неустроеву извѣстно, что однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ этого изданія былъ П. А. Плавильщиковъ, но авторъ „Разысканія" затрудняется указать, какія именно статьи принадлежатъ ему. Между тѣмъ почти вся IV-я часть собранія сочиненій П. А. Плавильщикова (С.-Пб. 1816) состоитъ изъ статей, помѣщенныхъ имъ въ Зрителѣ, и въ числѣ ихъ находится, между прочимъ, замѣчательное разсужденіе „О театрѣ", уже давно обратившее на себя вниманіе нашихъ критиковъ [5]).

С.-Петербургскій Меркурій, 1793 года. Г. Неустроевъ не упоминаетъ, что журналъ этотъ, предпринятый А. И. Клушинымъ и И. А. Крыловымъ какъ продолженіе Зрителя, въ половинѣ года перешелъ, за отъѣздомъ обоихъ редакторовъ, въ руки И. И. Мартынова, ко-

---

[1]) См. Русскій Архивъ 1863 и 1864 гг.

[2]) См. Часы свободы въ молодости, соч. Ѳ. Львова. С.-Пб. 1831, ч. I, стр. 207.

[3]) Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 022.

[4]) См. Творенія Николева, ч. IV, стр. 21—38.

[5]) См. статью А. Д. Галахова о сочиненіяхъ Княжнина въ Отеч. Запискахъ 1850 г., № 5, стр. 70.

торый и сохранилъ о томъ извѣстіе въ своихъ запискахъ [1]). Тому же Мартынову принадлежитъ во II-й части Меркурія два перевода изъ Вольтера—о Попѣ и о Сократѣ [2]). Г. Неустроевъ не отмѣчаетъ принадлежности этихъ переводовъ названному писателю. Равнымъ образомъ у него не отмѣчено, что въ ч. III Меркурія „Сатира" принадлежитъ князю Д. П. Горчакову [3]), а стихотворенія: „Изображеніе Анеты эскизомъ", „На мѣстѣ бесѣды при гробницѣ" и „Похищенные волоски" — П. М. Карабанову, и въ ч. IV ему же — „Въ честь дамъ, игравшихъ въ трагедіи Вольтера" и „Хоръ" на тотъ же случай [4]), а стихотвореніе „Къ камину"—В. Л. Пушкину [5]).

Библіотека ученая, економическая и пр., 1793—1794 годовъ. Подробности объ этомъ изданіи, выходившемъ въ Тобольскѣ, можно найдти въ той статьѣ Памятной книжки Тобольской губерніи, о которой упомянуто выше по поводу Иртыша, превращающагося въ Ипокрену.

Пріятное и полезное препровожденіе времени, 1794—1798 годовъ. Г. Неустроевъ утверждаетъ, что редакція этого изданія принадлежала совмѣстно П. А. Сохацкому и В. С. Подшивалову; но изъ автобіографіи послѣдняго [6]) видно, что онъ одинъ редактировалъ первыя восемь частей, то-есть, первые два года этого журнала, при чемъ „каждую изъ сихъ частей начиналъ собственнымъ возглашеніемъ", то-есть, введеніемъ; въ остальныхъ же частяхъ онъ, кажется, вовсе не участвовалъ, и тогда, вѣроятно, Сохацкій вступилъ въ обязанности редактора. Изъ упомянутыхъ „возглашеній" не всѣ приписаны г. Неустрое-

---

[1]) Памятники Новой Русской Исторіи, т. II, стр. 88.

[2]) Колбасинъ. Литературные дѣятели прежняго времени. С.-Пб. 1859, стр. 38.

[3]) Ср. Памятникъ отечественныхъ музъ на 1827 годъ. М. стр. 209.

[4]) Всѣ эти піесы перепечатаны въ Стихотвореніяхъ П. М. Карабанова. М. 1812.

[5]) Историческая Хрестоматія А. Д. Галахова, ч. II, стр. 146.

[6]) Москвитянинъ 1842 г., кн. I, стр. 179.

вымъ ихъ дѣйствительному автору. По свидѣтельству автобіографіи и современниковъ, Подшиваловъ помѣстилъ въ этомъ журналѣ свои переводы повѣстей Мейснера и „Индѣйской хижины“, Бернардена де-Сенъ-Пьера [1]). Изъ другихъ сотрудниковъ, не подписавшихъ своихъ произведеній, назовемъ И. И. Дмитріева, котораго пѣсня: „Видѣлъ славный я дворецъ...“ помѣщена въ ч. I [2]); А. С. Хвостова, которому принадлежитъ отрывокъ „Каминъ“ въ ч. VI [3]); А. Т. Болотова, которому принадлежатъ стихи „Утреннее расположеніе духа“ въ ч. III, и статья „Время созрѣванія плодовъ“ въ ч. XV [4]); наконецъ, князя И. М. Долгорукова, стихотвореніе котораго „Авось“ напечатано въ ч. XIX. Кромѣ того, должно замѣтить, что стихотвореніе „Превратность“ въ ч. XI, приписанное г. Неустроевымъ Ал. Княжнину, написано, вѣроятно, А. Котельницкимъ [5]).

С.-Петербургскій Журналъ, 1798 года. Изданіе этого журнала г. Неустроевъ приписываетъ И. П. Пнину. Такъ оно и значилось на заглавномъ листѣ журнала и въ объявленіяхъ о немъ; но изъ статьи М. И. Семевскаго о Ник. Ал. Бестужевѣ [6]) видно, что у Пнина былъ соредакторъ въ лицѣ Ал. Ѳед. Бестужева, которому и принадлежитъ обширная, продолжавшаяся почти весь годъ статья „О воспитаніи“; авторъ ея остался неизвѣстенъ составителю „Розысканія“. Равнымъ образомъ, въ трудѣ его не упомянуто, что однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ двухъ названныхъ журналистовъ былъ И. И. Мартыновъ, помѣстившій въ С.-Петербургскомъ Журналѣ рядъ переводовъ по

---

[1]) Москвитянинъ 1842 г., кн. I, стр. 179; ср. Вѣстникъ Европы 1814 г., № 13, стр. 32.

[2]) Библіогр. Записки 1861 г., ст. 104.

[3]) Р. Архивъ 1865 г., ст. 1217.

[4]) Русскіе мемуары XVIII вѣка, статья Пекарскаго въ Современникѣ 1855 г., № 8, стр. 95.

[5]) Библіогр. Записки 1861 г., ст. 116.

[6]) Заря 1869 г., № 7, стр. 7.

государственному хозяйству изъ Верри и Стюарта[1]). Кромѣ того, основываясь на вышеупомянутой біографіи Н. А. Бестужева[2]), позволяемъ себѣ приписать самому издателю журнала, Пнину, помѣщенное въ ч. III стихотвореніе: „Что есть Богъ?“ Наконецъ, напомнимъ, что характеристика этого изданія сдѣлана А. П. Пятковскимъ въ его „Очеркахъ изъ исторіи русской журналистики“, а позднѣе Н. Л. Прытковымъ въ статьѣ: „И. П. Пнинъ и его литературная дѣятельность“, въ Древней и Новой Россіи 1878 года, т. III.

Ипокрена, 1799—1801 годовъ. Г. Неустроевъ не указываетъ, что помѣщенные въ ч. IV этого московскаго журнала „Стихи на смерть Ѳ. И. Глѣбова“ написаны княземъ И. М. Долгоруковымъ.

Что-нибудь отъ бездѣлья на досугѣ, 1800 года. О первомъ, неизвѣстномъ г. Неустроеву, изданіи этого журнала въ 1798 году есть замѣтка В. И. Саитова, помѣщенная въ Древней и Новой Россіи 1878 г., т. II.

Правдолюбецъ, 1801 года. Въ числѣ произведеній, помѣщенныхъ въ этомъ характерномъ для своего времени сборникѣ, находится написанная на Державина басня: „Сильная рука владыка“, которую до новѣйшаго времени считали не изданною и нѣсколько лѣтъ тому назадъ даже напечатали какъ произведеніе самого „пѣвца Фелицы“; но Я. К. Гротъ приводитъ точныя доказательства, что она принадлежитъ Н. Ѳ. Эмину[3]), чего, впрочемъ, г. Неустроевъ не отмѣтилъ.

Свитокъ Музъ, 1802—1803 годовъ. Г. Неустроевъ выражаетъ сомнѣніе относительно показанія Сопикова, что альманахъ Свитокъ Музъ изданъ Обществомъ Любителей Наукъ и Художествъ; дѣйствительно, офиціальное

---

[1]) Записки Н. И. Мартынова, въ Памятникахъ Новой Русской Исторіи, II, 97.

[2]) Заря 1869 г., № 7, стр. 7.

[3]) Сочиненія Державина, 1-е акад. изданіе, III, стр. 578.

образованіе этого общества послѣдовало только въ 1803 году; но еще въ концѣ 1801 года существовалъ кружокъ молодыхъ людей (А. Х. Востоковъ, В. В. Попугаевъ, И. М. Борнъ и др.), которые сходились на литературныя собранія и приготовляли къ изданію сборникъ своихъ произведеній; объ этомъ свидѣтельствуетъ хранящаяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ рукописная книга протоколовъ этого собранія. Сопиковъ, стало быть, ошибся только въ названіи кружка, а не въ указаніи, кѣмъ былъ изданъ альманахъ. Кромѣ того, о Свиткѣ Музъ есть свѣдѣнія въ Періодическомъ изданіи Вольнаго Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ. Помѣщенные въ Свиткѣ стихи за подписью лк и Влк, безъ сомнѣнія, принадлежатъ А. Г. Волкову, который былъ однимъ изъ раннихъ членовъ названнаго общества.

Сатирическій Вѣстникъ, 1790—1792 годовъ. Это позднее подражаніе сатирическимъ журналамъ 1769—1774 годовъ составило предметъ особыхъ статей А. Н. Аѳанасьева и г. Л. Р—на, которыя помѣщены въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1858 г., №№ 80, 83, 84 и 119 и, по видимому, неизвѣстны автору „Розысканія“.

——•✠•——

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
17	11 снизу	(1526 — 1533 гг.)	(1526—1583 гг.)
331	7 „	всюдю	всюду
79	9 „	аплѣфѣковати	амилѣфѣковати

5660

